

Лоуренс Рис
Освенцим: Нацисты и «окончательное решение еврейского вопроса»

Преступления против человечества –

ЛОУРЕНС РИС ОСВЕНЦИМ

НАЦИСТЫ И «ОКОНЧАТЕЛЬНОЕ РЕШЕНИЕ
ЕВРЕЙСКОГО ВОПРОСА»

ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

Издательский текст

«Освенцим. Нацисты и «окончательное решение еврейского вопроса»»: КоЛибри; М.; 2014

ISBN 978-5-389-07971-7

Аннотация

Из концентрационного лагеря для польских политических заключенных Освенцим превратился в место, где произошло крупнейшее в истории массовое убийство. Разыскав свидетелей тех событий, изучив документальный материал из недавно открытых архивов, Лоуренс Рис опровергает ряд заблуждений, касающихся Освенцима и Холокоста, и дает исчерпывающую картину того, что творилось в лагерном комплексе, где было зверски уничтожено более миллиона людей. История невыносимой жестокости, история мужества, выживания и спасения, непредвзятый анализ множества факторов, сочетание которых привело к тому, что в самом сердце Европы случилась трагедия такого чудовищного масштаба.

Лоуренс Рис

Освенцим. Нацисты и «окончательное решение еврейского вопроса»

В память о более чем миллионе мужчин, женщин и детей, погибших в Освенциме

Введение

Читать эту книгу очень тяжело, но я верю, что написал ее не зря. Не только по той простой причине, что, согласно опросам общественного мнения¹, в сознании народа отсутствует единое представление об истинной истории Освенцима, но и потому, что, надеюсь, моя книга значительно отличается от предыдущих изданий на ту же тему.

Данное произведение стало своеобразным итогом пятнадцатилетней деятельности, во время которой я писал книги и снимал телепередачи о нацистах, и представляет собой попытку продемонстрировать, почему одно из ужаснейших преступлений в истории лучше всего понимается через призму одного конкретного места: Освенцима. В отличие от истории антисемитизма, у Освенцима есть четкая дата начала (первых заключенных-поляков доставили туда 14 июня 1940 года), и, в отличие от истории геноцида, у него также есть и четкая дата окончания (лагерь освободили 27 января 1945 года). Между этими двумя датами Освенцим прожил сложную и удивительную жизнь, во многом ставшую отражением хитросплетений расовой и этнической политики нацистов. Освенцим никогда не задумывался как лагерь по уничтожению евреев, а «окончательное решение еврейского вопроса» никогда не считалось единственной его задачей – хотя именно эта задача со временем стала главной. Кроме того, он постоянно физически изменялся, зачастую – в ответ на успехи или неудачи немецких военных действий на фронте. Освенцим, через свою разрушительную деятельность, стал физическим воплощением фундаментальных ценностей нацистского государства.

Изучение жизни Освенцима также предлагает нам не только возможность взглянуть на нацизм «изнутри»; оно дает нам шанс понять поведение человека в едва ли не самых экстремальных условиях за всю историю. И поняв его, мы сможем многое понять и о себе.

Эта книга появилась в результате уникального исследования – около сотни специально проведенных бесед с бывшими преступниками-нацистами и уцелевшими узниками лагеря. К тому же она опирается на сотни других интервью, которые я взял в рамках предыдущей работы над темой Третьего рейха, многие из них – с бывшими членами Национал-социалистической партии². Польза от личных встреч и бесед с уцелевшими узниками и преступниками огромна. Они дают такую возможность заглянуть за кулисы, которую редко получаешь, работая исключительно с письменными источниками. Так, хотя я интересуюсь этим историческим периодом еще со школы, совершенно определенно могу сказать, что мой глубокий интерес к Третьему рейху зародился в один конкретный момент: в 1990 году, во время беседы с бывшим членом Национал-социалистической партии. Когда я работал над сценарием и ставил фильм о докторе Йозефе Геббельсе, то разговаривал с Вильфридом фон Овеном, который, как личный референт Геббельса, очень тесно работал с печально известным министром пропаганды нацистов. После официального интервью, за чашкой чая, я спросил этого умного и обаятельного человека: «Если бы вы могли одним словом подвести итог своих впечатлений от Третьего рейха, что бы вы сказали?» Герр фон Овен на минутку задумался, формулируя ответ, а я для себя решил, что в его ответе будет содержаться ссылка на ужасные преступления режима – преступления, которые он совершенно открыто признал, – и о том вреде, который нацизм нанес человечеству. «Что ж, – наконец, произнес он, – если бы я мог одним словом подвести итог своих впечатлений от Третьего рейха, то этим словом было бы слово – рай».

«Рай?» Это абсолютно противоречило всему, что я читал до этого в книгах по истории. И это слово совершенно не увязывалось с этим элегантным, даже изысканным мужчиной, сидевшим напротив меня, который, если уж на то пошло, не выглядел и не говорил так, как, по моему мнению, должен был выглядеть и говорить бывший нацист. Но «рай»? Как такое возможно, как он вообще мог произнести такое слово? Как любой разумный человек мог воспринимать Третий рейх, со всеми его зверствами, в таком ключе? Нет, правда: как такое возможно, что в двадцатом столетии жители Германии, культурной нации в самом сердце Европы, совершали подобные преступления? Вот, какие вопросы всплывали в моем мозгу в тот день, целую вечность тому назад, и до сих пор висят там тяжелым грузом.

В моих попытках ответить на эти вопросы мне помогли два удачных стечения обстоятельств. Первое из них заключалось в том, что я стал брать интервью у бывших нацистов как раз в тот момент, когда большинству из них откровенность ничем уже не угрожала. Лет пятнадцать назад, когда они еще занимали важные посты, были столпами общества, – они бы мне не ответили. Сегодня же большинство из них, включая обаятельного герра фон Овена, умерли.

На то, чтобы получить у них разрешение записать интервью, уходили месяцы, а иногда – и годы. Нам никогда не узнать, что перевешивало, убеждая того или иного человека позволить снять его на пленку. Но во многих случаях они четко понимали: чем ближе закат жизни, тем сильнее им хочется записать – включая все неприятные моменты – свой личный опыт, полученный в судьбоносное время; кроме того, они верили, что «Би-Би-Си» не станет извращать их слова. Я бы еще добавил: по моему мнению, только «Би-Би-Си» могло согласиться предоставлять нам необходимую поддержку для осуществления задуманного. Исследовательский период в этом проекте оказался столь долгим, что пойти на расходы в таких условиях могла себе позволить только государственная телерадиокомпания.

Вторым удачным стечением обстоятельств можно считать тот факт, что мой интерес совпал по времени с падением Берлинской стены и открытием границ со странами Восточной Европы. Тогда исследователи неожиданно

получили доступ не только в архивы, но и к воспоминаниям конкретных, живых людей. Я снимал кино в Советском Союзе еще при коммунистическом режиме, в 1989 году, и в то время очень тяжело было убедить людей поговорить на тему истории их страны, не используя стандартные фразы из пропаганды. Теперь же, в 1990-х, словно прорвало плотину, и на волю хлынули долго подавляемые воспоминания и мнения. В Прибалтике мне доводилось слышать признания в том, что люди приветствовали нацистов как освободителей; в диких степях Калмыкии я из первых рук узнал об организованных Сталиным карательных депортациях целых народов; в Сибири я встречался с ветеранами, попадавшими в тюрьму дважды: один раз – по приказу Гитлера, второй – по приказу Сталина; а в деревеньке возле Минска я познакомился с женщиной, оказавшейся в самой гуще страшной в современной истории партизанской войны – немного подумав, она сказала мне, что красноармейцы-партизаны были хуже нацистов. Все это глубоко скрываемое осуждение так и умерло бы, вместе с осуждающими и осужденными, если бы не падение коммунистического режима.

И есть еще кое-что, еще более пугающее, с чем мне пришлось столкнуться во время путешествия по новым свободным странам, от Литвы до Украины и от Сербии до Беларуси: злобный антисемитизм. Я догадывался, что встречу с людьми, ненавидящими коммунистов – в новых условиях это было совершенно естественно. Но ненависть к евреям? Она казалась абсурдной, особенно потому, что в тех местах, которые я посетил, евреев практически не осталось – об этом позаботились Гитлер и нацисты. И тем не менее, старик в Прибалтике, помогавший нацистам расстреливать евреев в 1941 году, сейчас, 60 лет спустя, по-прежнему считает, что совершал благое дело. И даже кое-кто из тех, кто воевал с нацизмом, придерживался достаточно радикальных антисемитских взглядов. Я помню один вопрос, заданный мне украинским ветераном во время обеда. В молодости он храбро сражался в рядах партизан Украинской повстанческой армии, как с нацистами, так и с Советами, в результате чего подвергся гонениям. «Как вы относитесь, – спросил он меня, – к мнению о том, что существует международный заговор финансистов-евреев, действующих из Нью-Йорка и пытающихся уничтожить все нееврейские правительства?» На секунду я растерялся. Притом, что сам я не еврей, меня всегда шокирует откровенное проявление антисемитизма там, где этого никак ожидать нельзя. «Как я к этому отношусь? – наконец, произнес я. – Я считаю, что это полная ерунда». Старый партизан опрокинул рюмочку. «Правда? – уточнил он. – Вот, значит, что вы думаете. Интересно...»

Но больше всего меня шокировал тот факт, что подобные антисемитские настроения разделяет отнюдь не одно только старшее поколение. Я вспоминаю женщину у стойки регистрации «Литовских авиалиний», которая, узнав, что мы снимаем фильм о евреях, сказала: «Так значит, евреями интересуетесь? Главное, не забывайте: Маркс был евреем». Или еще один случай в Литве: военный, лет 25, показывал мне место массовых убийств евреев в 1941 году, один из фортов в Каунасе. Он сказал мне: «Знаете, вы не на ту тему кино снимаете. Дело не в том, что мы сделали с евреями. Дело в том, что евреи сделали с нами». Я ни в коем случае не хочу предположить, что абсолютно все – или даже большинство – жителей стран Восточной Европы, которые я посетил, придерживается подобных взглядов; однако меня беспокоит сам факт, что такая предубежденность высказывается так открыто.

Все это следует помнить тем, кто считает, что изложенное в моей книге не имеет никакого отношения к современной действительности. И об этом стоит поразмышлять верящим в то, что агрессивный антисемитизм был свойственен исключительно нацистам, или даже – одному только Гитлеру. Скажу прямо: миф о том, что преступление, состоявшее в истреблении евреев, было неким образом навязано немногими безумцами сопротивляющейся этому Европе, – один из самых опасных. Перед приходом нацистов к власти в Германии не было ничего «уникально истребительного» – если пользоваться громкими словами, модными в академической среде. Да и как иначе, если в 1920-х годах многие евреи Восточной Европы пытались скрыться от антисемитизма не где-нибудь, а в Германии?

Однако в самом менталитете нацистов есть нечто, по моему мнению, кардинально отличающее их от преступников, множившихся в других тоталитарных державах. Именно к такому выводу я пришел, когда закончил работу над тремя отдельными проектами о Второй мировой войне, каждый из которых вылился в отдельную книгу и документальный сериал: сначала *The Nazis: A Warning from History*, затем *War of the Century* – исследование войны между Сталиным и Гитлером, и наконец, *Horror in the East* – попытка понять японскую душу в 1930-х годах и Вторую мировую войну. Одним неожиданным последствием данного опыта стало то, что благодаря ему я (насколько могу судить) стал единственным человеком, который познакомился и побеседовал со значительным количеством преступников из всех трех основных тоталитарных держав времен Второй мировой войны: Германии, Японии и Советского Союза. И в результате такого опыта я могу утверждать следующее: нацистские преступники, с которыми я встречался, отличались от остальных.

В Советском Союзе атмосфера страха во времена правления Сталина была всеобъемлющей, в отличие от Германии времен правления Гитлера – по крайней мере, до последних дней войны. Рассказ одного бывшего советского военного летчика об открытых собраниях в 1930-х годах, на которых любого могли обвинить в том, что он «враг народа», до сих пор не дает мне покоя. Никто не был застрахован от стука в дверь среди ночи. И неважно, как сильно вы старались приспособиться, неважно, сколько лозунгов вы выкрикивали: злоба Сталина была столь велика, что никакие ваши поступки, или слова, или мысли не могли спасти вас, если луч прожектора падал на вас. Но в нацистской Германии, если только вы не входили в конкретную группу риска: евреев, коммунистов, цыган, гомосексуалистов, «тунеядцев» или, в общем, любую другую, находящуюся в оппозиции к режиму, – вы могли жить в сравнительном спокойствии, не испытывая особого страха. Несмотря на научные работы последних лет, в которых справедливо подчеркивается, как сильно зависела работа гестапо от доносов обычных граждан³, главная правда все равно остается прежней: большинство жителей Германии, с большой долей вероятности – вплоть до того момента, когда фашисты стали проигрывать войну, – чувствовали себя в такой безопасности и были так счастливы, что если бы в то время провели честные и свободные выборы, Гитлер снова одержал бы на них победу. Для сравнения: в Советском Союзе даже ближайшие, самые преданные соратники Сталина никогда не могли спать спокойно.

Последствия этого для тех, кто совершал преступления по приказу Сталина, оказались следующими: страдания, которые они причиняли другим, были настолько безосновательны, что зачастую даже исполнители не понимали причин и оснований для приказов. Например, бывший советский сотрудник НКВД, давший мне интервью, приказывал калмыкам взять с собой теплые вещи и сажал их в поезда, идущие в Сибирь, – но он до сих пор не понимает, какие конкретно цели преследовала данная политика. На вопрос о том, почему он так поступал, он всегда дает один и тот же ответ – ирония состоит в том, что согласно распространенной легенде, именно так на аналогичный вопрос отвечают нацисты: он утверждает, что «просто выполнял приказ». Он совершал преступления потому, что ему так велели, и знал: если он не выполнит приказ, его расстреляют; а еще потому, что «начальству виднее». Разумеется, это означает, что когда Сталин умер, а коммунизм рухнул, такой человек мог двигаться дальше, оставив прошлое за спиной. Данная зарисовка также демонстрирует, что Сталин был жестоким диктатором, стремившимся запугать людей, но в истории человечества он не один такой: достаточно вспомнить нашего современника Саддама Хусейна.

Я также встречался с японскими военными преступниками, совершившими ряд самых ужасных в современной истории зверств. В Китае японские солдаты разрезали животы беременным женщинам и насаживали на штыки их еще не рожденных детей; они связывали крестьян и использовали их в качестве мишеней на упражнениях в стрельбе; они замучили тысячи невинных людей, применяя такие пытки, которые своей жестокостью могут поспорить с гестаповскими; и они проводили смертельные медицинские эксперименты задолго до доктора Менгеле и Освенцима. Вот, как вели себя люди, считавшиеся «загадочными». Однако после проведенного исследования оказалось, что ничего загадочного тут нет. Они выросли в чрезвычайно милитаризованном обществе, прошли военную подготовку в очень жестких условиях, им с самого детства внушалось, что Императору (выступавшему также в роли главнокомандующего) следует поклоняться, и вообще, они жили в культуре, которая исторически преобразовала очень человеческое желание адаптироваться в некое подобие религии. Все эти особенности сошлись в одном ветеране, который рассказал мне, что когда его пригласили поучаствовать в коллективном изнасиловании китайки, он воспринял акт не столько как действие сексуального характера, сколько как знак его окончательного принятия в члены группы, многие давнишние участники которой до того издевались над ним. Как и советские тайные сотрудники НКВД, с которыми я встречался, ветераны-японцы пытались оправдать свои действия практически исключительно с помощью ссылок на внешний источник – в данном случае, на сам режим.

Нечто совершенно иное происходит в умах многих нацистских военных преступников, и его суть в сжатом виде изложена в этой книге, в интервью с Гансом Фридрихом, который признает, что в составе отряда эсэсовцев на Востоке лично расстреливал евреев. Даже сегодня, когда нацистский режим давно повержен, он ничуть не сожалеет о своих поступках. Ему проще всего было бы спрятаться за оправданиями «выполнения приказов» или «промывки мозгов пропагандой», но сила его внутренней убежденности такова, что он этого не делает. Это отвратительная, презренная позиция – но вместе с тем, и очень интригующая. И современные доказательства демонстрируют, что она не уникальна. Например, среди документов Освенцима не обнаружено ни одного, где бы говорилось о том, что эсэсовца преследовали в судебном порядке за отказ принимать участие в убийствах, в то время как нет недостатка в материалах, демонстрирующих, что настоящая проблема с дисциплиной в лагере – с точки зрения руководства СС – состояла в воровстве. Таким образом, оказывается, что рядовые члены СС согласились с нацистским руководством, что убивать евреев – правильно, но не согласились с политикой Гимmlера в отношении того, что им не было дозволено получать личную выгоду от совершения данного преступления. А наказания для эсэсовца, пойманного во время совершения кражи, могли быть весьма строгими – почти наверняка гораздо более серьезными, чем за простой отказ принимать активное участие в убийствах.

Итак, я пришел к выводу – основываясь не только на интервью, но и на последующей работе в архивах⁴ и беседах с учеными, – что люди, совершавшие преступления в рамках нацистской системы, гораздо охотнее возьмут на себя личную ответственность за свои действия, чем военные преступники, служившие режимам Сталина или Хирохито. Разумеется, это обобщение, и в каждом режиме найдутся люди, не соответствующие данному типу. И у всех этих режимов, разумеется, было много общего – не в последнюю очередь, колоссальная опора на массивную пропаганду соответствующей идеологии, насаждаемой сверху. Но как обобщение оно, на мой взгляд, достаточно обосновано, и вызывает тем большее любопытство, если учесть жесткую систему подготовки эсэсовцев и популярный стереотип, согласно которому немецких солдат сравнивают с роботами. Как мы увидим, эта тенденция – что отдельные нацисты, совершавшие преступления, чувствовали большую личную ответственность за свои действия, – способствовала созданию как Освенцима, так и, в целом, «окончательного решения еврейского вопроса».

Стоит попытаться понять, почему столь многие бывшие нацисты, с которыми я встретился за последние 15 лет, судя по всему, находят для себя внутреннее оправдание («я думал, что поступаю правильно»), а не внешнее («мне приказали поступить так»). Одно очевидное объяснение состоит в том, что нацисты основательно опирались на уже укоренившиеся убеждения. Антисемитизм существовал в Европе задолго до Адольфа Гитлера, и очень многие обвиняли евреев, пусть и безосновательно, в поражении Германии в Первой мировой войне. В целом, вся изначальная политическая программа нацистов в начале 1920-х годов была практически неотличима от программ бесчисленного количества других националистических партий правого толка. Гитлер не внес никаких новшеств в политическую мысль; однако он действительно принес новшества в принцип руководства. И в начале 1930-х годов, когда Германию накрыла депрессия, миллионы немцев, желая излечения страны от невзгод, добровольно обратили свои взоры на нацистов. На выборах 1932 года никого не заставляли под дулом пистолета голосовать за нацистов, и те получали все больше и больше власти в полном соответствии с существующим законодательством.

Еще одна явная причина того, почему система убеждений, предложенная нацистами, пустила такие глубокие корни, заключается в деятельности доктора Йозефа Геббельса⁵, пожалуй, наиболее успешного пропагандиста двадцатого столетия. В популярном мифе его часто изображают грубым полемистом, печально известным своим произведением *Der ewige Jude* («Вечный жид») – фильмом, в котором картины расстрелов евреев перемежаются

изображениями крыс. Но в действительности, большая часть его работы была куда более тонкой и куда более коварной. Это Гитлер уделял значительное внимание таким наполненным ненавистью фильмам, как «Вечный жид»; Геббельсу же такой примитивный подход совершенно не нравился, он предпочитал куда более тонкую *Jud Suss* – драму, в которой прекрасную «арийку» насилует еврей. Анализ реакции публики, проведенный Геббельсом лично (он был просто одержим подобными исследованиями), показал, что он был абсолютно прав: любители кино предпочитали ходить на такие пропагандистские фильмы, где, по его выражению, «они не замечают никаких хитростей».

Геббельс полагал: гораздо предпочтительнее усиливать уже существующие предубеждения и предрассудки аудитории, чем пытаться изменить чью-то точку зрения. В тех случаях, когда возникала необходимость внести определенные коррективы во взгляды немецкого народа, он применял подход «движения со скоростью конвоя – ни в коем случае не быстрее, чем самое медленное судно в караване»⁶, и постоянно повторял, каждый раз немного по-разному, ту идею, которую хотел вложить в головы публики. Поступая так, он редко пытался сообщить что-то зрителям; он демонстрировал образы и рассказывал занимательные истории из жизни обычных немцев, подталкивая слушателей к необходимому выводу, давая им, однако, возможность считать, что к такому выводу они пришли совершенно самостоятельно.

На протяжении 1930-х годов Гитлер, с одобрения Геббельса, не часто пытался внушить большинству немцам политические взгляды вопреки их желанию. Разумеется, его режим отличался радикализмом, но предпочитал действовать с одобрения большинства, а в отношении столь необходимой динамичности – в значительной степени полагался на инициативу снизу. В свете всего вышесказанного, логичным кажется тот факт, что когда речь зашла о преследовании евреев, начиналось оно очень и очень осторожно. Как бы ни испепеляла Гитлера ненависть к евреям, на выборах в начале 1930-х годов эту политику он активно не проталкивал. Он не скрывал своего антисемитизма, но и он сам, и нацисты в целом, сознательно акцентировали внимание на других сторонах своей политики, например – на своем желании «возместить ущерб» от Версальского договора, создать рабочие места для безработных, вернуть людям чувство национальной гордости. Сразу после того, как Гитлер стал канцлером Германии, по стране прокатилась волна еврейских погромов, в значительной степени возглавляемая нацистскими штурмовиками. Кроме того, был объявлен бойкот евреям-бизнесменам (при поддержке Геббельса, яркого антисемита), но продержался он только один день. Нацистское руководство чутко следило за общественным мнением и в своей стране, и за рубежом; в частности, они вовсе не хотели, чтобы их антисемитизм привел к изоляции страны в мире. Еще два антисемитских всплеска (первый – в 1936 году, со вступлением в силу Нюрнбергских расовых законов, согласно которым евреи лишались всех гражданских прав и свобод, и второй – в 1938 году, когда в результате *Kristallnacht* («Хрустальной ночи») сжигали синагоги, а десятки тысяч евреев бросили в тюрьму) служат вехами в преследованиях евреев нацистами. Но в целом, развитие антисемитской политики проходило постепенно, и многие евреи старались перетерпеть тяготы жизни в Германии 1930-х годов. Нацистская пропаганда, направленная против евреев, проходила со скоростью «самого медленного корабля в конвое» Геббельса (исключение тут составляют немногие фанатики вроде Юлиуса Штрейхера и его возмутительных листовок *Der Sturmer*). Кроме того, до самого начала войны в кинотеатрах не демонстрировали откровенно антисемитских фильмов: ни *Der ewige Jude*, ни *Jud Suss*.

Понимание того, что нацисты продвигали политику уничтожения евреев шаг за шагом, противоречит понятному желанию указать на конкретный момент, когда было принято судьбоносное решение, приведшее к «окончательному решению еврейского вопроса» и газовым камерам Освенцима. Но эта история не так проста. На принятие решений, в результате которых возникла такая изощренная техника убийства, предполагавшая подвоз обреченных семей по железнодорожной ветке чуть ли не в сам крематорий, ушли годы. Нацистский режим практиковал то, что один известный историк назвал «кумулятивной радикализацией»⁷, в соответствии с которой каждое решение приводило к углублению кризиса, вследствие чего принималось еще более радикальное решение. Самый очевидный пример того, как события, виток за витком, могут приводить к катастрофе, – продовольственный кризис в гетто Лодзи летом 1941 года: эта ситуация заставила одного нацистского функционера спросить, «не будет ли наиболее гуманным решением покончить со всеми евреями, не пригодными для работы, с помощью какого-нибудь эффективного устройства»⁸. Таким образом, мысль об истреблении вводится под соусом «гуманности». Разумеется, не следует забывать, что продовольственный кризис в Лодзи возник, в первую очередь, из-за вполне конкретной политики нацистских властей.

Это вовсе не означает, что вины Гитлера в совершенных преступлениях нет – потому что, несомненно, она есть, – но вина эта более зловещая, чем если бы он просто однажды собрал всех своих подчиненных и заставил выполнить приказ. Все нацисты, занимавшие руководящие посты, знали: есть одно качество в политике, которое их фюрер ценит превыше остальных – радикализм. Гитлер как-то признался: он хочет, чтобы его генералы походили на «собак, рвущихся с привязи» (и в этом отношении они, чаще всего, подводили его). Его пристрастие к радикализму, а также склонность стимулировать яростное соперничество среди руководителей партии нацистов, назначая двух человек на должности с приблизительно одинаковым кругом обязанностей, означали, что и в политической, и в административной системе Германии присутствовала колоссальная динамичность, и к тому же – серьезная внутренняя неустойчивость. Все знали, как сильно Гитлер ненавидит евреев, все слышали его речь в 1939 году в Рейхстаге, в которой он предсказывал «истребление» европейских евреев, если они «спровоцируют» мировую войну, так что все без исключения руководители партии нацистов понимали, какой именно политический курс в отношении евреев следует предлагать – чем радикальнее, тем лучше.

Во время Второй мировой войны Гитлер огромное количество времени уделял одному-единственному вопросу: как же ее выиграть? И он гораздо меньше времени тратил на «еврейский вопрос», нежели на тонкости военной стратегии. Пожалуй, его отношение к политике в отношении евреев можно сравнить с распоряжениями, которые он давал гауляйтерам (наместникам территорий) в Данциге, Западной Пруссии и Варшавской области, говоря о своем желании германизировать эти районы, и обещая не «задавать лишних вопросов» о том, каким образом они выполнили

поставленную перед ними задачу, если только они ее выполнят. Потому совсем не трудно представить себе, как Гитлер аналогичным образом заявил Гиммлеру в декабре 1941 года, что хочет, чтобы евреев «истребили», и пообещал не задавать никаких вопросов касательно способа такого истребления, если они помогут достичь желаемого результата. Разумеется, мы не можем знать наверняка, какой именно оборот принял тот разговор, поскольку во время войны Гитлер осторожничал и использовал Гиммлера в качестве буфера между собой лично и осуществлением «окончательного решения еврейского вопроса». Гитлер понимал, какие масштабные преступления замышляют нацисты, и не хотел, чтобы какой-нибудь документ связал его с этими преступлениями. Но его непосредственное участие чувствуется везде: начиная с откровенной стилистики ненависти и тесной связи между встречами с Гиммлером в ставке Гитлера в Восточной Пруссии и заканчивая радикализацией преследования и убийства евреев.

Трудно передать то возбуждение, которое испытывали нацистские лидеры, служа человеку, осмеливавшемуся мечтать в таких эпохальных масштабах. Гитлер мечтал одержать победу над Францией за считанные недели – и преуспел. Он мечтал захватить Советский Союз – и летом и осенью 1941 года практически все указывало на его скорую победу. И он мечтал истребить евреев – в определенном смысле, эта задача оказалась наиболее простой для исполнения.

Конечно, амбиции Гитлера были колоссальными – но все они были исключительно деструктивными, и самой концептуально деструктивной из всех была именно идея «окончательного решения еврейского вопроса». Очень важно помнить: в 1940 году два нациста, которые со временем станут значимыми фигурами в разработке и осуществлении «окончательного решения еврейского вопроса», независимо друг от друга признали, что массовые убийства идут вразрез с «цивилизованными» ценностями, которых придерживались даже они. Генрих Гиммлер написал, что «физическое истребление народа» совершенно «не в немецком духе», а Рейнхард Гейдрих отмечал, что «биологическое истребление идет вразрез с благородством немецкой нации, как цивилизованного народа»⁹. Но шаг за шагом, в течение ближайших полутора лет, «биологическое истребление народа» стало именно тем политическим курсом, которым они пойдут.

Последовательно анализируя, как именно Гитлер, Гиммлер, Гейдрих и другие ведущие нацисты создали как «окончательное решение еврейского вопроса», так и Освенцим, позволяет нам увидеть в действии динамичный, радикальный и чрезвычайно сложный процесс принятия решений. Преступление, разработанное верхами, не спускалось вниз; точно так же оно не было придумано низами и одобрено верхами. Конкретных нацистов никто не принуждал совершать убийства, угрожая им страшными карами. Ничего подобного: это было коллективное предприятие, которым владели тысячи людей одновременно, и именно они принимали решение не просто участвовать в его деятельности, но и проявлять инициативу, чтобы решить проблему убийства людей и избавления от трупов в масштабах, ранее неслыханных.

Мысленно следуя по пути, которым шли как нацисты, так и те, кого они преследовали, мы также приобретаем уникальную возможность посмотреть изнутри на условия человеческого существования. И то, что мы узнаем, как правило, неприятно. Хотя, пусть и очень редко, нам встретятся отдельные люди, отличавшиеся благородством, по большей части, это история деградации. Трудно не согласиться с вердиктом Эльзе Бакер, оказавшейся в Освенциме в возрасте восьми лет, что «уровень человеческой испорченности не поддается описанию». Однако, если здесь есть проблеск надежды, он состоит в могуществе семьи как поддерживающей силы. Поистине героические поступки совершались людьми, оказавшимися в лагере, – ради отца, матери, брата, сестры или ребенка.

Но, пожалуй, прежде всего, Освенцим и «окончательное решение еврейского вопроса» демонстрируют способность ситуации влиять на поведение – до такой степени, какую себе сложно представить. Это подтверждает один из самых сильных и храбрых узников лагеря смерти, которым удалось уцелеть, – Тойви Блатт. Нацисты принудили его работать в Собиборе, но позже он рискнул жизнью и бежал: «Меня спрашивали: “Что ты узнал?” – но думаю, наверняка я узнал лишь одно: на самом деле, никто себя не знает. Ты обращаешься к приветливому прохожему, спрашиваешь его, где находится нужная тебе улица, – и он проходит вместе с тобой полквартиры, чтобы ты не заблудился. Он такой вежливый, такой предупредительный. Но тот же самый человек в других обстоятельствах может оказаться гнуснейшим садистом. Никто себя не знает. В тех [других] ситуациях все мы могли быть хорошими, а могли – и плохими. Иногда, встречаясь с особенно вежливым или предупредительным человеком, я спрашиваю себя: “А как бы он повел себя в Собиборе?”»¹⁰.

Чему эти люди, которые выжили в лагерях смерти, научили меня (и, если быть честным, так же как и преступники), так это тому, что человеческое поведение очень тонкая штука, совершенно непредсказуемая и зачастую зависит от ситуации. Впрочем, разумеется, каждый отдельный человек стоит перед выбором, он волен поступить так или иначе; однако, к сожалению, для очень многих людей выбор определяется именно сложившейся ситуацией. Даже те необычные индивиды – как, например, сам Адольф Гитлер, – которые кажутся нам властителями собственной судьбы, в значительной степени были созданы именно реакцией на предыдущие ситуации. Тот Адольф Гитлер, который известен нам из истории, во многом сформировался благодаря взаимодействию между довоенным Гитлером, никчемным бродягой, и событиями Первой мировой войны – глобальным конфликтом, над которым он был не властен. Я знаком не с одним серьезным ученым, исследующим данный вопрос, и считающим, что Гитлер никогда бы не достиг такого выдающегося уровня, если бы с ним не произошла определенная трансформация во время той войны, и если бы он не испытывал сильное чувство горечи из-за поражения Германии. Поэтому мы можем пойти дальше, чем просто сказать: «Не будь Первой мировой войны, Гитлер не стал бы канцлером Германии», и вместо этого сказать: «Не будь Первой мировой войны, не было бы человека, ставшего тем Гитлером, которого мы знаем из истории». И хотя, разумеется, Гитлер сам решал, как ему себя вести (и при этом тысячи раз совершал свой личный выбор, из-за чего и заслуживает того бесчестья, которое на него, в результате, обрушилось), само его существование стало возможным лишь благодаря конкретной исторической ситуации.

Однако эта история также демонстрирует нам, что если отдельные люди меняются под воздействием ударов

судьбы в зависимости от ситуации, то группы людей, работающих вместе, могут создать лучшие культуры, которые, в свою очередь, могут помочь отдельным людям вести себя более благородно. История о том, как датчане спасали своих евреев, и о том, как они обеспечили возвращающимся евреям теплый прием в конце войны, представляет потрясающий пример последнего. Датская культура отличалась сильной и распространенной верой в незыблемость прав человека, что способствовало благородному поведению большинства жителей. Но не стоит впадать в излишний романтизм в отношении опыта Дании. На датчан тоже оказывали колоссальное влияние ситуационные факторы, которыми они не управляли: время нападения нацистов на датских евреев (в тот момент, когда немцы, со всей очевидностью, проигрывали войну); географическое расположение страны (предоставлявшее достаточно простой путь побега через узкую полосу воды в нейтральную Швецию); и отсутствие слаженных усилий СС по принуждению к депортациям. Тем не менее, разумно сделать вывод, что одна форма частичной защищенности от еще больших зверств, наподобие Освенцима, заключается в коллективной гарантии отдельных людей, что для культурных обычаев их общества подобное страдание невыносимо. Социал-дарвинистские идеалы нацизма (идеи закономерности естественного отбора и борьбы за существование, выявленные Чарльзом Дарвином в природе и распространяемые нацистами на отношения в человеческом обществе), покоящиеся на заверении каждого «арийского» немца в том, что он принадлежит к расе господ, разумеется, создавали прямо противоположный эффект.

И, тем не менее, данная тема все равно вызывает чувство глубокой печали, которое ничем не утолить. Все время работы над этим проектом для меня громче всего звучали голоса тех, у кого уже нельзя взять интервью: голоса 1,1 миллиона человек, убитых в Освенциме, и в частности, – более двухсот тысяч детей, умерших там, лишенных права вырасти и познать жизнь. В память мне врезался один образ, врезался в тот самый момент, как мне его описали. Это был образ «процессии» 11 пустых детских колясок – собственности, украденной у погибших евреев, – которую вывозили из Освенцима в сторону вокзала, по пять штук в ряд. Узник, видевший эту колонну, говорит, что она ехала мимо него в течение целого часа.

Дети, прибывшие в Освенцим в этих колясках, вместе с мамами, папами, братьями, сестрами, тетями и дядями – всеми, кто погиб там, – и есть те, которых мы должны помнить вечно, и данная книга посвящается их памяти.

*Лоуренс Рис ,
Лондон, июль 2004*

Глава 1 Непредвиденное начало

Тридцатого апреля 1940 года давние амбиции гауптштурмфюрера сс (капитана) Рудольфа Хесса наконец осуществились: в возрасте 39 лет, после шести лет службы в частях СС, он был назначен комендантом одного из первых в Новом рейхе нацистских концентрационных лагерей. В этот весенний день он прибыл для исполнения обязанностей в небольшой городок, где всего восемь месяцев назад еще была юго-западная Польша, а теперь – немецкая Верхняя Силезия. По-польски городок назывался Освенцим, по-немецки – Аушвиц.

Правда, самого лагеря, комендантом которого он был назначен, еще не существовало. Для начала Хессу предстояло возглавить его строительство на окраине города, на месте полуразвалившихся и кишевших паразитами бывших польских казарм, сгрудившихся вокруг манежа для объездки лошадей. Окрестности будущего лагеря выглядели весьма удручающе. Земли между реками Сола и Висла представляли собой плоскую, унылую равнину с сырым и нездоровым климатом.

В тот день никто (в том числе и сам Рудольф Хесс) не мог предсказать, что в течение пяти лет лагерь станет местом самого массового убийства, какое только когда-либо знал мир. А история того, как были приняты решения, приведшие к таким последствиям, является одной из самых ужасных и бесчеловечных страниц в истории всего человечества. Эта история позволяет раскрыть сущность нацистского государства и предоставляет возможность проникнуть в механизм его функционирования.

Адольф Гитлер, Генрих Гиммлер, Рейнхард Гейдрих, Герман Геринг... Это они и им подобные нацистские лидеры, рангом чуть ниже, принимали решения, по которым в Освенциме было уничтожено более миллиона человек. Но решающей предпосылкой для совершения этих чудовищных преступлений явился также образ мыслей более мелких нацистских функционеров, таких как Хесс. Ведь это именно он, будучи комендантом лагеря, превратил его территорию в место массовых убийств в невиданных до сих пор масштабах. Без Хесса Освенцим никогда бы не стал тем, чем он стал в итоге.

Во внешности Рудольфа Хесса не было ничего примечательного. Среднего роста, темноволосый, с правильными чертами лица. Не урод, но и не писанный красавец. По словам американского адвоката Уитни Харриса, который допрашивал Хесса во время Нюрнбергского процесса, тот выглядел «самым обыкновенным человеком – так, нечто вроде продавца бакалейной лавки». Несколько поляков – бывших заключенных Освенцима – подтверждают это впечатление, вспоминая Хесса как спокойного, сдержанного человека, – мимо таких каждый день проходишь на улице, не обращая никакого внимания. Одним словом, внешность Хесса не имела ничего общего с тем образом красномордого, брызжущего взбешенно слюной нацистского чудовища, какими их принято представлять. И это делает его еще страшнее.

Хесс занес свой чемодан в гостиницу, расположенную через дорогу от железнодорожного вокзала Освенцима (эта гостиница будет в дальнейшем служить для офицеров СС опорным пунктом, пока для них не подыщут более подходящего помещения на территории лагеря). Однако этим его багаж не ограничивался: вместе с чемоданом он нес с собой все, что отложилось в уме за всю его сознательную жизнь, посвященную служению делу национал-социализма. Как у большинства убежденных нацистов, его характер и взгляды сформировались под

влиянием предыдущих 25 лет немецкой истории – самых бурных за все время существования страны.

Хесс родился в 1900 году в Шварцвальде, в семье католиков. С ранних лет на его становление наложил серьезный отпечаток целый ряд факторов: властный отец¹, требовавший беспрекословного подчинения; затем служба в армии во время Первой мировой войны, где Хесс оказался одним из самых молодых унтер-офицеров; и потом, когда Германия потерпела поражение – горькое, отчаянное чувство, что его предали; затем, в начале 1920-х, служба в полувоенных отрядах фрайкора¹

, которые имели целью бороться с коммунистической угрозой, вроде бы ощущавшейся у самых границ Германии; и, наконец, активное участие в агрессивной политической деятельности крайне правых, что в 1923 году привело Хесса к тюремному заключению. Многие, очень многие нацисты прошли через те же испытания – и не последним из них был Адольф Гитлер. Сын деспотичного отца², вынашивавший лютую ненависть к тем, кто, по его мнению, привел Германию к поражению в войне, в которой он участвовал (и во время которой был, как и Хесс, награжден Железным крестом), Гитлер пытался захватить власть во время вооруженного путча – в том самом 1923 году, когда Хесс оказался замешанным в убийстве по политическим мотивам.

Гитлер, Хесс и другие ультраправые националисты стремились понять, почему Германия проиграла войну и подписала такой унижительный мирный договор. В первые послевоенные годы они думали, что нашли ответ на этот вопрос. Разве не ясно, что во всем виноваты евреи? Нацисты указывали на то, что министром иностранных дел в новом послевоенном правительстве Веймарской республики стал еврей Вальтер Ратенау. А в 1919 году они вообще пришли к твердому убеждению, что между иудаизмом и ненавистным им коммунизмом вне всякого сомнения существует прямая связь: ведь весной того года в Мюнхене, по примеру Советской России, была создана, – правда, ненадолго – Баварская Советская Республика – и большинство лидеров этой возглавляемой коммунистами республики были евреями.

Для нацистов не имело никакого значения ни то, что огромное количество патриотически настроенных немецких евреев во время войны храбро сражались, и многие из них погибли, ни то, что тысячи немецких евреев не были ни коммунистами, ни вообще левыми. Гитлер и его сторонники с легкостью нашли козла отпущения: кто виноват во всех бедах Германии – конечно же, евреи! В этом убеждении молодая партия нацистов опиралась на многовековой немецкий антисемитизм. С самого начала нацисты заявляли, что их ненависть к евреям основана не на дремучих предрассудках, а на строго научных фактах: «Мы боремся с ними [евреями], потому что их деятельность вызывает *расовый туберкулез у народов*, – гласит один из первых нацистских плакатов, вышедший в 1920 году. – Мы уверены в том, что выздоровление может наступить только после того, как эта бацилла будет уничтожена»³. Подобные псевдо-интеллектуальные нападки на евреев оказывали серьезное влияние на таких людей, как Хесс. Хотя сам он утверждал, что презирает примитивный, исповедующий насилие, почти порнографический антисемитизм, который пропагандировал другой известный нацист, Юлиус Штрайхер, в своей газете *Der Sturmer*²

. «Неистовое гонение на евреев, к которому призывала эта газета», – писал Хесс уже в тюрьме, после поражения нацизма, – сослужило плохую службу делу антисемитизма»⁴. Он считал, что его подход к этому вопросу всегда был более взвешенным, более «рациональным», и заявлял, что у него лично почти не было раздоров или ссор с какими-либо конкретными евреями; для него суть дела состояла в существовании «международного всемирного еврейского заговора», посредством которого евреи якобы тайно держали в своих руках рычаги власти, стараясь всячески помогать друг другу через любые национальные границы. Именно это, с его точки зрения, и привело к поражению Германии в Первой мировой войне. И именно это, как он считал, необходимо было вырвать с корнем: «Как нетерпимый национал-социалист я был абсолютно убежден в том, что наши идеалы постепенно будут приняты всеми и возобладают во всем мире... Еврейское верховенство, таким образом, будет уничтожено»⁵.

После освобождения из тюрьмы в 1928 году Хесс увлекся еще одной идеей, исповедуемой крайне правыми националистами. Эта идея, наравне с антисемитизмом, помогла им определить саму суть нацистского движения: это была любовь к земле. В то время как евреев ненавидели за то, что они в основном проживали в городах (их презирали, как выразился Геббельс, за их «асфальтовую культуру»), «истинные» немцы никогда не теряли тяги к природе. Не случайно сам Гиммлер изучал сельское хозяйство, а Освенцим, в его представлении, со временем должен был перевоплотиться в своего рода сельскохозяйственную научно-исследовательскую станцию.

Хесс вступил в Лигу артаманов³

, одну из сельскохозяйственных общин, процветавших в то время в Германии, встретил там женщину, которая впоследствии стала его женой, и занялся фермерством. А затем наступил момент, который изменил всю его жизнь. В июне 1934 года рейсфюрер СС⁴

Гиммлер предложил ему оставить сельское хозяйство и вступить в элитное подразделение СС⁵

(*Schutzstaffel*). Это подразделение было создано первоначально в качестве личной охраны фюрера и, среди всего прочего, ведало концентрационными лагерями⁶. Гиммлер и раньше знал Хесса, и то, что он в нем видел, ему

¹ **Фрайкоры** – полувоенные добровольческие формирования крайне правого, реваншистского толка, действовавшие в Германии в первые годы Веймарской республики. Многие бойцы этих формирований впоследствии стали активными членами нацистского движения.

² **Der Sturmer** («Штурмовик») – газета, выходившая в Нюрнберге с 1923 по 1945 годы. В отличие от другой нацистской прессы являлась бульварным изданием, обращавшимся к самым низменным инстинктам читателей. В газете печатались в основном статьи, возбуждавшие ненависть к евреям, коммунистам и другим «врагам рейха» и было очень много карикатур, порой откровенно порнографических.

³ **Лига артаманов** – молодежная националистическая сельскохозяйственная организация, существовавшая в Германии с 1923 по 1934 годы, и объединившая приверженцев антиурбанистических идей – жить «на земле», близко связанная с нацистской партией, которая, в конце концов, ее и поглотила.

⁴ нем. Reichsführer-SS: «Имперский руководитель охранных отрядов»

⁵ нем. SS, сокр. от нем. Schutzstaffel – «охранные отряды», – военизированные формирования НСДАП

правилось. Хесс был давним членом нацистской партии, еще с ноября 1922 года, номер его партийного билета – 3240.

У Хесса был выбор. Его никто не заставлял – вступать в СС никого не принуждали. Он сам выбрал свой путь. Вот как он объясняет это решение в своей автобиографии: «Имея в виду вероятность более быстрого продвижения по службе и соответствующего увеличения жалования, я был убежден, что мне необходимо предпринять этот шаг»⁷. На самом деле это только половина правды. Эти строки написаны уже после поражения нацизма, поэтому неудивительно, что Хесс умалчивает о том, что, по всей вероятности, было для него тогда решающим фактором, а именно – его душевное состояние на тот момент. В 1934 году Хесс как будто чувствовал, что стал свидетелем рождения нового и прекрасного мира – он просто был убежден, что этот новый мир будет прекрасен. Гитлер находился у власти всего год, но нацисты уже дали бой всем внутренним врагам Германии: левым политикам, «тунеядцам», антиобщественным элементам и евреям. По всей стране немцы, не входившие в вышеупомянутые «группы риска», приветствовали происходившие изменения.

Вот, к примеру, типичная для того времени реакция на те события Манфреда фон Шредера, сына банкира из Гамбурга, вступившего в нацистскую партию в 1933 году: «Все было снова в порядке, все чисто. В стране витало чувство национального освобождения, начала новой жизни... Люди говорили: “Ну да, это революция, это потрясающая, мирная революция, – и все-таки это революция”»⁸. У Хесса появился шанс стать участником этой революции – революции, о которой он молился с момента окончания Первой мировой войны. Вступление в ряды СС означало обретение определенного положения в обществе, привилегий, эмоциональный подъем и – главное! – возможности повлиять на курс новой Германии. Оставшись фермером, он так и остался бы не более чем фермером. Так стоит ли удивляться его выбору? Он принял предложение Гимmlера – и в ноябре 1934 года прибыл в Баварию, в Дахау, чтобы приступить к службе надзирателя в концентрационном лагере.

В настоящее время у многих, особенно в Великобритании и США, существует весьма туманное и путанное представление о том, каковы были функции различных лагерей в нацистском государстве. Концентрационные лагеря, такие как Дахау (созданный в марте 1933 года, всего через два месяца после того, как Адольф Гитлер стал канцлером Германии), существенно отличались от лагерей смерти – таких как Трeблинка, которые появились только к середине войны. История Освенцима, самого печально известного из них, ставшего *одновременно* и концентрационным лагерем, и лагерем смерти, только усугубляет путаницу в умах. Осознать различия между этими двумя видами очень важно, для того чтобы понять, как немцы в то время объясняли необходимость существования лагерей, подобных Дахау, на протяжении 1930-х годов. Ведь ни один из немцев, которых я снимал в своих фильмах – даже те, кто раньше были фанатичными нацистами – не признавался в том, что «приветствовал» существование лагерей смерти, но многие вполне одобряли существование концентрационных лагерей в 1930-е годы. Они только что пережили кошмар Великой депрессии и стали свидетелями того, как им казалось, что демократия не смогла предотвратить падение страны в пропасть. Призрак коммунизма все еще маячил на горизонте. Во время выборов в начале 30-х годов Германия, казалось, разделилась на крайне правых и крайне левых. За коммунистическую партию проголосовали очень многие. А другие – люди вроде Манфреда фон Шредера, который приветствовал «мирную революцию» нацистов в 1933 году, усматривали четкие исторические параллели, объяснявшие необходимость существования концентрационных лагерей: «Французским аристократам не очень приятно было томиться в Бастилии, не так ли?.. Да, тогда существовали концентрационные лагеря, но все говорили: “Так это англичане придумали их во время войны с бурами в Южной Африке”».

Первые заключенные, которые попали в Дахау в марте 1933 года, были в основном политическими оппонентами нацистов. Тогда, на заре нацистского режима, евреев поносили, унижали и избивали, но прямой угрозой считали скорее левых политиков предыдущего правительства⁹. Когда Хесс прибыл в Дахау, к месту своей службы, он был твердо убежден в том, что эти люди «настоящие враги государства и их нужно держать за решеткой»¹⁰. Последующие три с половиной года службы в Дахау сыграли определяющую роль в формировании его характера. Это произошло под влиянием тщательно продуманного режима, созданного в Дахау Теодором Эйке, первым комендантом лагеря. Режим был не просто жестоким; все было устроено так, чтобы сломить волю заключенных. Эйке возвел насилие и ненависть, которую нацисты испытывали к своим врагам, в определенную систему и порядок. Дахау печально известен физическим садизмом, царившим в лагере: порки и жестокие избиения были обычным делом. Заключенных могли убить, а смерть их списать на «убийство при попытке к бегству» – многие из тех, кто попал в Дахау, там и погибли. Но по-настоящему режим Дахау держался не столько на физическом насилии, каким бы ужасным, несомненно, оно ни было – сколько на моральном унижении.

Первым нововведением в Дахау было то, что, в отличие от обычной тюрьмы, заключенный не имел никакого представления о том, как долго он там пробудет. На протяжении почти всех 30-х годов большинство заключенных в Дахау освобождались примерно после года пребывания в лагере, но каждый индивидуальный срок мог быть дольше или короче в зависимости от прихоти власти. Узник не знал сколько ему пребывать в заключении. Не знаешь – может, тебя освободят завтра, может, через месяц – или через год. Хесс, который сам провел несколько лет в тюрьме, хорошо понимал страшную силу такой политики: «Неопределенность срока заключения была именно тем фактором, с которым многие заключенные не могли смириться, – писал он. – Именно это подтачивало и могло сломить волю даже самых стойких... Уже из-за одного этого жизнь в лагере превращалась в пытку»¹¹.

Моральным издевательствам, к которым прибегали охранники, чтобы подавить дух заключенных, не было предела... Йозеф Фельдер, член Рейхстага от Социал-демократической партии, один из первых узников Дахау, вспоминает, как однажды, когда он был особенно подавлен, надзиратель взял веревку и стал ему показывать, как надо завязывать петлю, чтобы повеситься¹². Только огромным усилием воли, мысленно повторяя себе: «У тебя есть семья!», – он удержался от страшного шага. От заключенных требовали содержать бараки и одежду в идеальном порядке. Постоянные проверки давали надзирателям СС возможность каждый раз находить повод к чему-нибудь придаться; при желании они могли наказать весь барак за выдуманное нарушение. Любого из заключенных могли

поместить в карцер и заставить несколько дней лежать на койке молча, без единого движения.

Именно в Дахау была введена система «капо», которая впоследствии была принята во всех концентрационных лагерях и сыграла очень важную роль в управлении Освенцимом. (Термин «капо», по-видимому, произошел от итальянского *capo* – «начальник».) В каждом блоке или рабочей «команде» лагерное начальство назначало на эту должность одного из заключенных – и он приобретал огромную власть над другими заключенными. Неудивительно, что этой властью часто злоупотребляли. Находясь в непосредственном контакте с другими заключенными, эти капо, даже в некоторой степени больше, чем охранники, способны были своим деспотизмом превращать жизнь в лагере в кромешный ад. Однако сами капо тоже сильно рисковали – в случае, если вызовут недовольство своих хозяев из СС. Как сказал Гиммлер: «Его (капо) задача – следить, чтобы работа была выполнена... Для этого он должен заставить своих людей работать. Как только он перестает нас устраивать, он перестает быть капо и становится обычным заключенным, а соответственно – возвращается к другим узникам. И он прекрасно знает, что в первую же ночь они забьют его до смерти»¹³.

С точки зрения нацистов жизнь в концлагере была уменьшенной копией внешнего мира. «Идея борьбы стара как сама жизнь, – сказал Гитлер в своей речи еще в 1928 году. – В этой борьбе побеждает более сильный и более способный, в то время как менее способный и более слабый – проигрывает. Борьба – мать всех свершений... Человек живет и сохраняет свое превосходство над миром животных не по принципам гуманизма, а только посредством самой жестокой борьбы»¹⁴. Этот псевдо-дарвинистский подход, в котором вся суть нацизма, был положен в основу управления концентрационными лагерями. Капо, к примеру, могли «с полным правом» издеваться над теми, кому довелось попасть им в подчинение, поскольку они доказали, что более сильны в жизненной «борьбе».

Еще в Дахау, в первую очередь и лучше всего остального, Хесс постиг сущность стратегии СС. Теодор Эйке с самого начала проповедовал лишь одну доктрину – беспощадность: «Каждый, у кого возникнет даже самое малое проявление сострадания по отношению к ним (заключенным), должен немедленно покинуть наши ряды. Мне нужны только твердые как скала, абсолютно преданные члены СС. В наших рядах нет места мягкотелым»¹⁵. Так что любая форма сострадания или жалости признавалась проявлением слабости. Если эсэсовец ощущал, что им начинают овладевать такие чувства, это было знаком: враг сумел его одурачить. Нацистская пропаганда учила, что враг может затаиться в самых неожиданных местах. К примеру, одним из самых распространенных шедевров антисемитской пропаганды, рассчитанной на детей, была книга «Ядовитый гриб». В ней предупреждалось об опасности, которую представляют собой коварные евреи: они, как грибы, могут с виду быть привлекательны, а на самом деле ядовиты. Так эсэсовцев приучали подавлять в себе любые проявления человечности, которые могли, к примеру, возникнуть, если им случалось присутствовать при жестоком избиении заключенного. Их учили, что любое, шевельнувшееся где-то в глубине души, чувство сострадания вызвано исключительно хитрыми уловками их жертв. Будучи «врагами государства», эти коварные существа, какими их представляла нацистская пропаганда, использовали любой возможный способ, чтобы достичь своих подлых целей, и прежде всего – мольбу о сострадании, обращенную к тем, кто держит их в заточении. Память о «ноже в спину» (миф о том, что евреи и коммунисты якобы устроили заговор за спиной народа с целью поражения Германии в Первой мировой войне) была еще совсем свежа и идеально подходила для создания образа затаившегося опасного врага.

Единственным непреложным законом для членов СС была непоколебимая вера в неоспоримость приказа. Если старший по званию приказал арестовать или расстрелять кого-либо, приказ должен быть выполнен – даже если для того, кто его получил, суть этого решения непостижима: все рано приказ есть приказ, и он непререкаем. Единственной защитой против «червя сомнения» в таких случаях была твердость – непоколебимая твердость. Потому она и стала культом в войсках СС. «Мы должны быть тверды как гранит, иначе дело нашего фюрера погибнет»¹⁶, – сказал Рейнхард Гейдрих, второй после Гимmlера человек в СС.

Учась подавлять в себе такие недостойные члена СС чувства, как жалость и сострадание, Хесс преисполнился чувства корпоративной солидарности, «чести мундира», которое было очень сильно в рядах СС. Именно потому, что каждый эсэсовец знал, что он будет призван совершать такие дела, на которые более «слабые» просто не способны, в СС развивался сильный *esprit de corps* (кастовый дух), где преданность товарищам по организации стала оплотом системы. Проповедуемые членами СС ценности – беспрекословная верность, твердость, защита рейха от внутренних врагов – стали своего рода религией, которую легко усваивали все члены СС. «Я был так благодарен СС за интеллектуальное руководство, которое оно осуществляло» – сказал Йоханнес Хассеброк, комендант другого концлагеря. – Мы все были благодарны. До вступления в организацию мы были настолько растеряны – мы просто не понимали, что происходит вокруг – все было так запутанно! СС предложило нам ряд простых идей, которые были нам понятны, и мы в них поверили»¹⁷.

В Дахау Хесс усвоил еще один важный урок, который очень пригодится ему потом в Освенциме. Он заметил, что заключенные легче переносят неволю, когда СС дает им возможность работать. Хесс помнил собственное пребывание в лейпцигской тюрьме – там он только благодаря работе (в тюрьме они клеили бумажные пакеты) был в состоянии встречать каждый новый день в более-менее сносном расположении духа. Теперь он видел, что в Дахау труд играет аналогичную роль и он давал заключенным возможность «дисциплинировать себя и таким образом противостоять деморализующему влиянию заключения»¹⁸. Хесс был настолько убежден в благотворном эффекте труда в концентрационном лагере, что даже перенес в Освенцим лозунг, ранее использованный в Дахау – *Arbeit macht frei* («Труд делает свободным») – и приказал выбить его на металлических воротах при входе в Освенцим.

Хесс был образцовым членом СС и успешно продвигался по служебной лестнице в Дахау, пока в апреле 1936 года не стал рапортфюрером, первым заместителем коменданта лагеря. Затем, в сентябре 1936 года, он получил звание лейтенанта, и был переведен в концентрационный лагерь Заксенхаузен, где служил начальником лагерной охраны вплоть до назначения на должность коменданта нового концлагеря в Освенциме.

Вот каким был этот человек, прибывший весной 1940 года в этот край юго-западной Польши. Конечно, он многое «получил в наследство», но в то же время его как личность сформировала история того времени и шесть лет

службы лагерным охранником. Теперь он был готов взяться за поставленную перед ним большую задачу: создать образцовый концентрационный лагерь в новой нацистской империи. Он был уверен, что знает, чего от него ожидают, и четко представлял, что и для чего он должен построить. Опыт работы в Дахау и Заксенхаузене предлагал хороший для этого пример! Однако его руководство имело на этот счет другие планы – и на протяжении последующих месяцев и лет лагерю, который Хесс должен был создать в Освенциме, предстояло развиваться совсем по-другому. В то время, как Хесс приступал к работе в Освенциме, в 400 километрах на северо-запад его шеф был занят весьма необычным делом – составлял меморандум для фюрера. Генрих Гиммлер в Берлине создавал документ с осторожным названием «Некоторые рассуждения об обращении с местным населением на Востоке». Гиммлер, один из самых ловких политиканов нацистского государства, знал, что очень часто не следует доверять свои мысли бумаге – это рискованно и неблагоразумно. Нацистская политика в том или ином вопросе на самом высшем уровне часто формулировалась устно. Гиммлер хорошо понимал, что как только его мысли попадут на бумагу, враги тут же разберут их по косточкам. Как у многих высокопоставленных нацистов, у него было много врагов, которые все время искали возможность урвать хоть часть его власти. И все же ситуация в Польше, оккупированной немцами с осени 1939 года, была такова, что было ясно: нужно сделать исключение из правила и составить для Гитлера именно письменный документ. Документ, который он, в конце концов, составил – один из самых важных в истории нацистской расовой политики: слова Гиммлера, начертанные на бумаге, во многом определили контекст, в котором должен был функционировать новый лагерь в Освенциме.

На тот момент, занимая должность рейхскомиссара по укреплению немецкой государственности, Гиммлер участвовал в самой большой и самой быстрой этнической реорганизации, какую только когда-либо видела какая-нибудь страна, но весь этот процесс шел из рук вон плохо. Вместо того чтобы навести порядок в Польше, которую нацисты презирали за ее «вечный бардак», Гиммлер и его коллеги принесли туда только насилие и хаос.

В отношении к полякам у нацистов не было разногласий. Они их презирали. Вопрос был в другом – что с ними делать. Одной из главных «проблем», которую нацистам предстояло решить, была проблема польских евреев. В отличие от Германии, где евреи составляли меньше 1 процента населения (около 300 000 человек в 1940 году) и где большинство из них были ассимилированы, в Польше было 3 миллиона евреев, большинство из которых жили общинами; их часто можно было легко узнать по бороде и по другим «признакам их веры». После того, как Польша была разделена между Германией и Советским Союзом, сразу после начала войны (по условиям секретной части германо-советского пакта о ненападении, подписанного в августе 1939 года) более двух миллионов польских евреев оказались в немецкой зоне оккупации. Какова будет их судьба?

Еще одной проблемой для нацистов, которую они сами же и создали, стал поиск жилья для сотен тысяч этнических немцев, которые в то время переселялись в Польшу. По договору между Германией и Советским Союзом, этническим немцам из стран Балтии, из Бессарабии и других регионов, незадолго до того оккупированных Сталиным, было разрешено эмигрировать в Германию – «вернуться домой, в рейх», как гласил лозунг того времени. Одержимые представлениями о расовой чистоте «немецкой крови», такие люди как Гиммлер, считали своим долгом дать возможность всем немцам вернуться на родину. Но возникала одна сложность: куда, собственно, им возвращаться? Вдобавок к этим проблемам существовала третья, самая большая проблема, которую нацистам также надо было решать. Что делать с 18 миллионами поляков, находящимися теперь под властью Германии? Они ведь не евреи, – как к ним следует относиться? Каким образом должна быть организована страна, чтобы они больше никогда не представляли никакой угрозы?

В октябре 1939 года Гитлер произнес речь, в которой содержались некоторые руководящие принципы для тех, кто занимался этой проблемой. В ней фюрер дал понять, что «главной задачей является создание нового этнического порядка, другими словами, переселение народов должно быть организовано таким образом, чтобы по окончании этого процесса была произведена более правильная демаркация границ, нежели те, что существуют сегодня»¹⁹. На практике это означало, что оккупированная немцами Польша должна была быть разделена: одной ее части предстояло стать местом проживания большинства поляков, а другую следует присоединить к Германии. И тогда въезжающих в страну этнических немцев будут селить не в «Старом Рейхе», а вот в этом «Новом Рейхе»; они действительно будут «возвращаться к себе на родину, в рейх» – но только не в тот, в который они ожидали попасть.

Оставался вопрос польских евреев. До начала войны нацистская политика по отношению к евреям, проживающим на территориях под их контролем, заключалась в постепенно усиливавшемся официальном преследовании. Множились бесчисленные запретительные правила и законы, время от времени имели место неофициальные (и тем не менее, санкционированные) вспышки насилия. Отношение Гитлера к евреям не особенно изменилось с того времени, как в середине 20-х годов в книге *Mein Kampf* он заявил, что во время Первой мировой войны Германии стоило испробовать «ядовитый газ» на «десяти-двенадцати тысячах этих иудейских губителей нации». Но хотя Гитлер явно ненавидел евреев и демонстрировал это с момента окончания Первой мировой войны, а в частных беседах высказывал желание увидеть их всех в гробу, никакого нацистского плана по их уничтожению на тот момент еще не существовало.

Люсиль Айхенгрин²⁰ выросла в еврейской семье, жившей в Гамбурге, и очень хорошо помнит условия, в которых немецкие евреи были вынуждены жить в тридцатые годы. «До 1933 года наша жизнь была прекрасна, – говорит она. – Но как только Гитлер пришел к власти, соседские дети перестали с нами разговаривать, они швыряли в нас камнями и всячески обзывали нас. Мы не могли понять, чем это заслужили. В голове все время сидел вопрос: за что, почему? Когда мы задавали его дома, ответ всегда был один: “Это пройдет. Все нормализуется”». В один прекрасный день, в середине 30-х, Айхенгринов поставили в известность, что в их доме евреям проживать запрещено. Им было предписано переселиться в так называемые «еврейские дома», частично принадлежавшие евреям. Новая квартира была почти такой же по размеру, как и предыдущая, но на протяжении последующих лет они были вынуждены переезжать во все меньшие и меньшие квартиры, пока не очутились всей семьей в однокомнатной «меблирашке». Кажется, мы все тогда смирились с этим, – говорит Люсиль. – Таков был тогда закон, таковы были

правила, и вы ничего не могли с этим поделаться».

Иллюзия, что антисемитская политика нацистов когда-нибудь «нормализуется», была разрушена в Хрустальную ночь, 9 ноября 1938 года. Нацистские штурмовики громили еврейские дома и устраивали облавы на тысячи евреев в отместку за то, что еврейский студент по имени Гершель Гриншпан убил в Париже немецкого дипломата Эрнста фон Рата. «В тот день по дороге в школу мы увидели горящие синагоги, – рассказывает Люсиль Айхенгрин, – разбитые витрины еврейских магазинов, разбросанные по улицам товары, и повсюду – смеющиеся лица немцев... Мы были так напуганы! Думали, что они вот-вот нас схватят, и просто не знаю, что с нами сделают».

К началу войны в 1939 году евреи уже не имели права на немецкое гражданство, на браки с неевреями, не имели права заниматься коммерцией и определенными профессиями; им даже не разрешалось иметь водительские права. Узаконенная дискриминация, а затем ужасающая вспышка насилия в так называемую Хрустальную ночь, когда было сожжено более 1000 синагог, убито 400 евреев и около 30 000 были заключены на многие месяцы в концлагеря, привели к тому, что множество немецких евреев эмигрировали из страны. К 1939 году территорию нового «Великого германского рейха» (Германия, Австрия и немецкие этнические земли в Чехии) покинуло около 450 000 евреев – то есть более половины, проживавших на этих территориях. Нацисты были довольны. Особенно после того, как был претворен в жизнь новаторский подход, разработанный эсэсовским «экспертом» по еврейскому вопросу Адольфом Эйхманом: в 1938 году, после аншлюса (аннексии) Австрии, он разработал систему, согласно которой у евреев отбирали почти все их средства перед тем, как позволить им покинуть страну.

Однако вначале нацисты не представляли, как перенести решение еврейского вопроса, найденное для Германии, на Польшу. В отличие от нескольких сот тысяч немецких евреев речь теперь шла о миллионах евреев, оказавшихся под властью нацистов. Большинство из них были крайне бедны, да и куда можно было заставить их эмигрировать в самый разгар войны? Осенью 1939 года Адольф Эйхман нашел выход: нужно заставить евреев эмигрировать не в другие страны, а в наименее приспособленную для жизни часть новой нацистской империи. Более того, он даже решил, что нашел идеальное место – окрестности города Ниско в Люблинском воеводстве Польши. Этот отдаленный район на самом востоке нацистских земель казался ему идеальным местом для «еврейской резервации». Таким образом, оккупированная немцами Польша будет разделена на три части: часть, заселенная немцами, часть польская и часть еврейская. Все три были аккуратно расположены на одной географической оси, тянувшейся с запада на восток. Амбициозный план Эйхмана был принят, и тысячи австрийских евреев начали принудительно переправлять в отведенный им регион. Условия были кошмарными. Никакой подготовки к прибытию тысяч людей не было проведено, в результате многие в процессе переселения умерли. Нацистов это мало волновало: такой поворот событий можно было только приветствовать. Как сказал своим подчиненным в ноябре 1939 года Ганс Франк, один из самых высокопоставленных нацистов в Польше: «Не тратьте времени на евреев. Приятно, в конце концов, иметь возможность расправиться с еврейской расой. Чем больше их умрет, тем лучше»²¹.

Однако, когда в мае 1940 года Гиммлер писал свой меморандум, он уже прекрасно понимал, что внутренняя эмиграция евреев на восток Польши с треском провалилась. В значительной мере это произошло из-за того, что нацисты пытались провести все три отдельных, разных по характеру, переселения одновременно. Въезжающих этнических немцев нужно было доставить в Польшу и найти им жилье. Это означало, что нужно было выбросить поляков из их домов и отправить куда-нибудь еще. В то же самое время евреев везли на восток и вселяли в дома, которые опять же отбирали у поляков. Неудивительно, что все это привело к безумному хаосу и неразберихе.

К весне 1940 года от плана Эйхмана по переселению евреев в Ниско отказались, а Польшу в конце концов просто разделили на две части. Появились районы, которые официально стали «немецкими» и вошли в «Новый Рейх» как новые имперские округа – рейхсгау – рейхсгау Западная Пруссия – Данциг (Гданьск); рейхсгау Вартеланд (известного также как Вартегау) на западе Польши в районе Позена (Познани) и Лодзи; и Верхняя Силезия в районе Катовиц (именно этот район включал в себя Освенцим). Кроме того, на самой большей части бывшей польской территории было создано образование под названием Генерал-губернаторство, которое включало в себя города Варшаву, Краков и Люблин и предназначалось для проживания большинства поляков.

Самой неотложной проблемой для Гиммлера стало предоставление подходящего жилья для сотен тысяч прибывающих этнических немцев – что в свою очередь повлияло на то, как, с его точки зрения, должны были обращаться с поляками и евреями. История Ирмы Айги²² и ее семьи – яркое свидетельство того, насколько жестоки были нацисты, пытаясь решить практически нерешаемую проблему, которую сами создали, и того, как трудности переселения вызывали новые трудности, которые, в конце концов, окончательно вышли из-под контроля и привели к полной катастрофе. В декабре 1939 года Ирма Айги, семнадцатилетняя этническая немка из Эстонии, очутилась вместе со всей своей семьей во временном жилище в городе Позен, который до войны был частью Польши, а теперь стал частью Германии, получившей название Вартегау. Приняв предложение о беспрепятственном проезде «в рейх», они думали, что их отправят в Германию: «Когда же нам сказали, что мы едем в Вартегау, должна вам сказать, мы были в состоянии полного шока». Как раз перед Рождеством 1939 года нацистский чиновник, отвечавший за расселение, дал ее отцу ключи от квартиры, в которой несколькими часами ранее еще жила какая-то польская семья. А через несколько дней после этого у другой польской семьи отобрали ресторан и передали его семье Ирмы, чтобы у них был свой бизнес. Семья Айги была повергнута в ужас: «Мы не имели не малейшего понятия о том, что произошло... Жить с таким чувством вины невозможно. Но с другой стороны, каждый человек обладает инстинктом самосохранения. Что мы могли сделать? Куда еще нам было идти?»

Этот отдельный случай экспроприации нужно умножить на 100 000 других подобных случаев, чтобы получить представление о том, что тогда творилось в Польше. Масштаб этой гигантской операции по переселению был огромен – на протяжении полутора лет около полумиллиона этнических немцев были расселены в новой части рейха, в то время как сотни тысяч поляков были выселены оттуда, чтобы освободить место для прибывших немцев. Многих поляков просто затолкали в товарные вагоны и отвезли на юг, в Генерал-губернаторство, где их просто выбросили из вагонов, оставив без еды и без кровли над головой. Неудивительно, что в январе 1940 года Геббельс написал в своем

дневнике: «Гиммлер сейчас занимается перемещением населения. Не всегда успешно»²³.

При всем этом оставался еще вопрос польских евреев. Придя к пониманию того, что перемещать евреев, поляков и этнических немцев одновременно абсолютно нереально, Гиммлер принял другое решение: если этническим немцам необходимо жизненное пространство, что было очевидно, то нужно забрать его у евреев и заставить их жить на гораздо меньшей площади, нежели до того. Решением этой проблемы стало создание гетто.

Гетто, ставшие такой страшной приметой нацистского преследования евреев в Польше, изначально не создавались для тех ужасных условий, которые там, в конечном счете, воцарились. Как и многое другое в истории Освенцима и нацистского «окончательного решения еврейского вопроса», те фатальные изменения, которые произошли в гетто за время их существования, поначалу не входили в планы нацистов. Еще в ноябре 1938 года, в процессе обсуждения того, как решить жилищные проблемы, вызванные выселением немецких евреев из их домов, Рейнхард Гейдрих, видный деятель СС, сказал: «Что касается вопроса создания гетто, то я хотел бы сразу четко изложить свою позицию по этому вопросу. С точки зрения полиции я считаю, что не целесообразно создавать гетто в виде полностью сегрегированного района, в котором будут проживать только евреи. Мы не сможем контролировать такие гетто, где евреи смогут создавать какие-то группировки среди своих, – они превратятся в убежища для преступников, очаги эпидемий и тому подобного»²⁴.

Однако при существующем положении дел нацисты не видели иного выхода, кроме как загнать всех польских евреев в гетто. Это было не только практической мерой, призванной освободить больше жилья (хотя в марте 1940 года Гитлер и заявил, что «решение еврейского вопроса – это вопрос жизненного пространства») ²⁵; это было решение, продиктованное животной ненавистью и страхом перед евреями – чувствами, которыми нацизм был пропитан насквозь. Нацисты считали, что в идеале евреев надо просто заставить «убраться подальше», но так как на тот момент это было невозможно, то их необходимо было изолировать от всех остальных: поскольку, как считали нацисты, евреи, особенно восточноевропейские, были носителями всяческих болезней. Сильнейшее физическое отвращение нацистов к польским евреям Эстер Френкель²⁶, еврейская девочка-подросток из Лодзи, ощутила с самого начала: «Мы привыкли к антисемитизму..., но польский антисемитизм был больше, скажем так, финансовым. Антисемитизм же нацистов был другим: “Почему вы вообще существуете? Вас вообще не должно быть! Вы должны вообще исчезнуть!”»

В феврале 1940 года, в то время как депортация поляков в Генерал-губернаторство шла полным ходом, было объявлено, что все евреи Лодзи должны «переместиться» в район города, отведенный под гетто. Вначале такие гетто планировались лишь как временная мера, место для заключения евреев перед тем, как депортировать их куда-нибудь. В апреле 1940 года Лодзинское гетто было взято под охрану и евреям было запрещено покидать его территорию без разрешения немецких властей. В том же месяце главное управление имперской безопасности объявило о прекращении депортации евреев в Генерал-губернаторство. Ганс Франк, в прошлом личный адвокат Гитлера, а теперь руководитель Генерал-губернаторства, уже на протяжении многих месяцев активно выступал за прекращение всех видов «незаконной» принудительной эмиграции, поскольку ситуация полностью вышла из-под контроля. Как несколько позже свидетельствовал доктор Фритц Арлт²⁷, глава отдела по вопросам населения в Генерал-губернаторстве: «Людей выбрасывали из поездов на рынке, на вокзале или еще где-нибудь, и никому не было до них никакого дела... Нам позвонил руководитель одного из районов: “Я не знаю, что мне делать. Снова прибыло столько-то и столько-то сотен людей. У меня нет для них ни кровя, ни еды. У меня нет вообще ничего”». Франк, недруг Гиммлера, пожаловался Герману Герингу (который интересовался Польшей, так как был ответственным за выполнение четырехлетнего экономического плана) на политику депортаций и на то, что Генерал-губернаторство превратили в «расовую свалку». В результате между Гиммлером и Франком было заключено довольно неустойчивое перемирие, при котором они «будут вместе договариваться о процедурах будущей эвакуации».

Все эти проблемы Гиммлер и попытался передать в своем меморандуме в мае 1940 года. Пытаясь найти решение в сложившейся ситуации, он намеревался усилить разделение Польши на немецкую и не немецкую части и четко определиться, как следует обращаться с поляками и евреями. Излагая свою расовую программу, Гиммлер писал, что хотел бы превратить поляков в нацию необразованных рабов, и что Генерал-губернаторство должно стать домом для «рабочего класса, лишенного каких-либо лидеров»²⁸. «Немецкое население восточных территорий не должно получать образования выше начальной школы, – писал Гиммлер. – Целью такой начальной школы будет: научить их считать максимум до 500, написать свое имя и понимать, что это Божья заповедь – повиноваться немцам, быть честными, трудолюбивыми и хорошо себя вести. Обучение чтению считаю излишним».

Вместе с этой политикой превращения поляков в безграмотных рабов начались активные попытки «разобраться, у кого благородная арийская кровь, а у кого никчемная, неарийская». Польские дети в возрасте от шести до десяти лет подвергались медицинскому осмотру – и тех, кого по результату осмотра считали расово достойными, просто забирали у родителей и отправляли на воспитание в Германию. Больше они никогда не видели своих биологических родителей. Нацистская политика кражи детей в Польше не так широко известна, как уничтожение евреев. Однако она была частью той же системы мышления. Она показывает, насколько серьезно такие люди как Гиммлер верили в то, что ценность человека определяется его расовым происхождением. То, что маленьких поляков забирали у родителей, не было для Гиммлера чем-то из ряда вон выходящим, как это может показаться в наше время – нет, это было существенной частью его извращенного мировоззрения. С его точки зрения, если бы этих детей оставили в Польше, то поляки «смогли бы обрести класс лидеров из таких вот людей, обладающих хорошей кровью».

Знаменательно, что Гиммлер писал об этих детях: «Каким бы жестоким и трагичным ни был каждый индивидуальный случай, но если отвергнуть большевистский метод физического уничтожения какого-то народа как невозможный и принципиально не-немецкий, то наш метод является самым лучшим и самым мягким». Хотя Гиммлер пишет это в прямой связи с изъятием польских детей, ясно, что, поскольку он заявляет, что «физическое

уничтожение какого-то народа» является «принципиально не-немецким», очевидно, что так он распространяет это предостережение и на другие «народы» – включая, конечно, евреев. Подтверждение такой интерпретации слов Гимmlера можно увидеть в заявлении, сделанном Гейдрихом летом 1940 года, уже непосредственно в контексте еврейского вопроса: «Биологическое уничтожение людей недостойно немецкого народа, как народа цивилизованного»²⁹.

В своем обширном меморандуме Гимmlер также объявил, какой бы он хотел видеть судьбу евреев: «Я надеюсь, что сам термин «евреи» вскоре полностью исчезнет благодаря широкомасштабной эмиграции всех евреев в Африку или какую-нибудь другую колонию». Этот возврат к утвержденной ранее политике эмиграции стал вновь возможен благодаря тому, что война принимала более широкие масштабы. Гимmlер рассчитывал на скорый разгром Франции и последующую капитуляцию Великобритании, которая естественно скоро запросила бы сепаратного мира. После окончания войны польских евреев можно было бы затолкать на пароходы и отправить в какую-нибудь бывшую французскую колонию.

Какой бы утопической сегодня ни казалась идея отправки миллионов людей в Африку, нет никакого сомнения, что тогда нацисты воспринимали ее абсолютно серьезно. Радикальные антисемиты давно уже, на протяжении многих лет, предлагали отправить всех евреев в Африку, а теперь ход войны, казалось, давал возможность нацистам претворить такое решение еврейского «вопроса» в жизнь. Через шесть недель после выхода меморандума Гимmlера сотрудник министерства иностранных дел Франц Радемахер составил документ, в котором был объявлен предполагаемый конечный пункт для евреев в Африке – остров Мадагаскар³⁰. Важно, однако, понимать, что этот план, подобно многим другим вариантам решения «еврейского вопроса», разработанным во время войны, для евреев означал бы массовую гибель и страдания. Нацистский губернатор Мадагаскара скорее всего возглавил бы процесс постепенного уничтожения евреев на протяжении одного или двух поколений. Нацистского «окончательного решения» в том виде, как мы его знаем, наверное, не произошло бы, но геноцид в том или ином виде был почти неизбежен.

Гимmlер передал свой меморандум Гитлеру, тот прочел его и нашел документ «*gut und richtig*» (хорошим и правильным). Письменного ответа на него Гитлер не дал – он никогда не накладывал письменных резолюций ни на какие документы. Но Гимmlеру было достаточно устного одобрения фюрера. Так обычно и принимались политические решения в нацистском государстве.

Рудольф Хесс и его концентрационный лагерь Освенцим, который все еще находился в зародышевом состоянии, были лишь малой частью общего плана. Освенцим располагался в той части Польши, которую надлежало «германизировать», и поэтому ближайшее будущее лагеря во многом определялось именно этим фактором. В былые времена регион под названием Верхняя Силезия несколько раз переходил то к немцам, то к полякам. Непосредственно перед началом Первой мировой войны он был частью Германии, однако по Версальскому договору Германия потеряла его. Теперь же нацисты намеревались вернуть его рейху. Но в отличие от других районов, которые должны были быть «германизированы», Верхняя Силезия была регионом индустриально развитым, и большая часть его абсолютно не подходила для заселения прибывающими этническими немцами. Это означало, что большинство местных поляков должны были остаться здесь в качестве бесплатной рабочей силы, то есть попросту рабов. Это, в свою очередь, означало, что концентрационный лагерь в этом регионе был крайне необходим, чтобы усмирять местное население. Изначально Освенцим был задуман как транзитный концентрационный лагерь – на нацистском жаргоне «карантинный», – в котором должны были содержаться заключенные перед отправлением в другие лагеря рейха. Но уже через несколько дней после создания лагеря стало ясно, что он будет функционировать самостоятельно, как место постоянного заключения.

Хесс понимал, что война все радикально изменила, включая и концентрационные лагеря. Этот новый лагерь, хотя и был создан по образцу Дахау, должен был иметь дело с гораздо более сложной проблемой, нежели лагерь «Старого Рейха». Дело в том, что лагерь в Освенциме был предназначен для содержания под стражей и запугивания поляков в то время, когда всю страну этнически переустройствали, а поляков как нацию интеллектуально и политически уничтожали. Таким образом, даже в его первом воплощении в качестве концентрационного лагеря, Освенцим имел значительно более высокий уровень смертности, нежели любой «обычный» лагерь в рейхе. Из 20 000 поляков, которые первоначально прибыли в лагерь, к началу 1942 года более половины уже погибли.

Первыми заключенными, прибывшими в Освенцим в июне 1940 года, были, однако, не поляки, а немцы – 30 уголовников, переведенных сюда из концентрационного лагеря Заксенхаузен. Им надлежало стать первыми капо – заключенными, которые будут действовать в качестве агентов контроля СС над польскими заключенными. Сам вид этих капо произвел сильнейшее впечатление на поляков, прибывших в Освенцим первым эшелонам. «Мы подумали, что это матросы, – рассказывает Роман Трояновский³¹, который попал в Освенцим девятнадцатилетним юношей летом 1940 года. – Они носили береты, как у матросов. А затем оказалось, что все они были преступниками. Настоящие уголовники». «Когда мы прибыли, эти немецкие капо набросились на нас, орали и били нас короткими дубинками, – рассказывает Вильгельм Брассе³², прибывший в Освенцим примерно в то же время. – Когда кто-нибудь из новоприбывших заключенных не так быстро, как им бы хотелось, слезал из вагона для скота, в котором он прибыл в лагерь, капо набрасывались на него и жестоко избивали, а в некоторых случаях убивали на месте. Я ужаснулся. Все мы были охвачены ужасом».

Первые польские заключенные Освенцима попали в лагерь по разным причинам: по подозрению в работе на польское подполье, или же в том, что они были членами одной из социальных групп, особенно преследуемых нацистами (как, например, священники и интеллигенция) – или просто потому, что не понравились какому-нибудь немцу. Доказательством этому может служить тот факт, что многие из первой группы польских заключенных, переведенных в лагерь 14 июня 1940 года из Тарновской тюрьмы, были студентами университета.

Самая первая задача для всех новоприбывших заключенных было проста: они должны были сами себе построить лагерь. «Мы пользовались самыми примитивными инструментами, – вспоминает Вильгельм Брассе. –

Заклученным приходилось носить камни. Это была крайне тяжелая работа. И нас били». Для завершения стройки не хватало строительных материалов, поэтому было найдено типично нацистское решение – воровство. «Я работал на разборке домов, в которых раньше жили польские семьи, – продолжает Брассе. – У нас был приказ собирать все строительные материалы, какие только можно было найти: кирпичи, доски, любую древесину. Мы были поражены: с одной стороны немцы хотели построить лагерь как можно быстрее, а с другой – у них не было необходимых стройматериалов».

В лагере довольно быстро развилась настоящая культура воровства, причем воровали не только у местного населения, но и внутри самого лагеря. «Немецкие капо посылали нас, заключенных, с приказом: “Идите и украдите цемент у другой рабочей команды. Нам наплевать на тех парней”, – рассказывает Брассе. – Именно это мы и делали. Доски и цемент крали у другой команды. На лагерном жаргоне это называлось “организовать”. Но нужно было быть очень осторожным, чтобы тебя не поймали». Эта культура «организации» всего на свете не была исключительной прерогативой заключенных. В те первые дни существования лагеря и сам Хесс тоже воровал все, что ему было нужно: «Поскольку я не мог ожидать помощи от инспекции по делам концентрационных лагерей, я вынужден был разбираться со всем сам, на месте. Мне приходилось воровать легковые автомобили и грузовики, а еще бензин для них. Я ездил за целую сотню километров в Закопане и Рабку только для того, чтобы достать несколько котлов для лагерной кухни, мне пришлось ехать аж в Судетскую область за кроватями и соломенными матрацами... Каждый раз, когда я наталкивался на склад необходимых мне материалов, я просто забирал их, не заботясь о формальностях... Я даже не знал, где можно получить сто метров колючей проволоки. Я просто ее крал, так как она мне была нужна позарез»³³.

В то время как Хесс занимался «организацией» всего, что считал необходимым для превращения Освенцима в «полезный» лагерь, за только что украденной колючей проволокой большинству польских заключенных очень скоро стало ясно, что их шансы выжить в лагере в основном зависят от одного фактора – на какого капо они будут работать. «Я быстро сообразил, что в “хорошей” рабочей команде лица у заключенных покруглее, – рассказывал Вильгельм Брассе. – Они и вели себя не так, как те, кто занимался тяжелым трудом: те выглядели изможденными, просто скелеты в лагерной форме. Сразу становилось понятно, что жизнь с этим капо лучше, так как его подчиненные выглядели лучше».

Роман Трояновский попал под команду одного из самых жестоких капо: за мелкий проступок тот однажды ударил его по лицу, а затем заставил два часа сидеть на корточках, держа в руках перед собой стул. Он чувствовал, что каторжная жизнь в этой рабочей команде его доконает. «У меня больше не было сил бегать целый день с тачкой, – говорил он. – После часа такой работы тачка просто падает из рук. Ты уже валишься на нее и калечишь себе ноги. Надо было спасти свою шкуру». Как и многие другие заключенные Освенцима до и после него, Роман Трояновский знал, что если он не найдет способа выбраться из своей команды, он погибнет.

Однажды утром во время переключки было объявлено о том, что нужны опытные плотники. Трояновский тут же сделал шаг вперед и, хотя никогда в жизни не держал в руках рубанка, заявил, что «у него семь лет опыта работы плотником». Но его план обернулся против него самого: как только он начал работать в мастерской, стало очевидно, что он не годится для этой работы. «Капо вызвал меня и отвел в свою комнату, где взял огромную палку. Когда я увидел эту палку, мне стало дурно. Он сказал, что за то, что я испортил материал, я получу двадцать пять ударов. Приказал наклониться и начал меня бить. Он делал это очень медленно, так чтобы я мог прочувствовать каждый удар. Он был здоровым парнем. У него была тяжелая рука, да и палка была тяжелой. Мне хотелось орать, но я закусил губу и не издал ни единого звука. Это меня и спасло, так как на пятнадцатом ударе он остановился. «Ты хорошо держишься, – сказал он, – поэтому я прошу тебе последние десять ударов». Из двадцати пяти ударов я получил только пятнадцать, но этих пятнадцати мне вполне хватило. Мой зад целых две недели был всех цветов радуги, от черного до желто-фиолетового, и я еще долго не мог присесть», – рассказывает он.

Вышвырнутый из столярной мастерской, Трояновский все равно старался попасть на работу в помещении. «Это имело решающее значение, – говорит он. – Чтобы выжить, надо было иметь крышу над головой». Он поговорил с другом, который знал одного относительно мягкого капо по имени Отто Кюссель. Вместе они подошли к Кюсселю, Трояновский слегка преувеличил свое знание немецкого языка – это дало ему возможность получить работу на кухне, где готовили еду для немцев. «Вот так я спас свою жизнь», – подытожил он.

В этой борьбе за выживание в лагере с самого первого момента прибытия в Освенцим сразу выделяли две группы людей, которых ожидало особенно садистское обращение. Речь идет о священниках и евреях. Хотя на том этапе существования лагеря в Освенцим посылали еще не так много евреев, поскольку политика создания гетто по всей стране была еще в полном разгаре, все же некоторые участники сопротивления, представители интеллигенции и политические заключенные, попадавшие сюда, были еврейского происхождения. Они и польские католические священники имели гораздо больше шансов, нежели другие заключенные, попасть в штрафную команду, которую возглавлял один из самых одиозных капо лагеря, Эрнст Кранкеман.

Кранкеман прибыл в Освенцим во второй партии немецких уголовников, переведенных из Заксенхаузена 29 августа 1940 года. Многие эсэсовцы его недолюбливали, но у него в СС было два могущественных покровителя: лагерфюрер Карл Фрич (первый заместитель коменданта лагеря, т. е. Хесса) и рапортфюрер Герхард Палич (заместитель коменданта лагеря). Кранкеман, невероятно толстый мужчина, имел привычку сидеть на огромном катке, который использовали для того, чтобы выравнивать плац для переключек в центре лагеря. «Когда я первый раз увидел Кранкемана, – рассказывает Ежи Белецкий³⁴, один из первых заключенных, прибывших в Освенцим, – заключенные выравнивали площадку между двумя блоками. Этот каток был невероятно тяжелым: двадцать или двадцать пять человек тянули его с огромным трудом. Кранкеман жестоко избивал их плетью, выкрикивая: “Эй вы, собаки, а ну живее!”»

Белецкий видел, как этих заключенных заставили работать, выравнивая плац, без перерыва целый день. Когда наступил вечер, один из них не выдержал и рухнул на колени, не в силах подняться. Тогда Кранкеман приказал

остальным заключенным штрафной команды направить гигантский каток на выбившегося из сил товарища. «К тому времени я уже привык видеть смерть и избиения, – рассказывает Белецкий, – но то, что я увидел тогда, заставило меня похолодеть. Я просто застыл от ужаса».

Эсэсовцы были далеко не безразличными зрителями такой жестокости – наоборот, они активно ее поощряли. Как свидетельствует Вильгельм Брассе, а также все остальные выжившие в Освенциме заключенные, именно эсэсовцы культивировали в лагере жестокость (часто они сами совершали убийства). «Те капо, которые отличались особой жестокостью, – рассказывает Брассе, – получали от СС всяческие поощрения: дополнительную порцию супа, хлеба или сигарет. Я видел это своими глазами. Эсэсовцы подстегивали их, натравливая на заключенных. Я часто слышал, как кто-нибудь из эсэсовцев говорил: “Всыпь ему хорошенько”».

Несмотря на царившую в лагере кошмарную жестокость, Освенцим, с точки зрения нацистов, все еще был тихой заводью в водовороте бесчеловечной реорганизации Польши. Первый признак того, что вскоре все изменится, появился осенью 1940 года. В сентябре начальник Главного административно-хозяйственного управления СС, Освальд Поль проинспектировал лагерь и приказал Хессу увеличить его вместимость. Поль полагал, что расположенные неподалеку карьеры песка и гравия означают, что лагерь можно интегрировать в принадлежавшую СС компанию под названием «Немецкие песчаные карьеры и каменоломни» (DESt). Экономический фактор стал очень важным для Гимmlера и СС еще в начале 1937 года, когда количество заключенных в немецких концлагерях уменьшилось до 10 000 с более чем 20 000 в 1933 году. Тогда Гимmlеру пришло в голову «гениальное» решение, как обеспечить будущее концлагерей – СС начнет заниматься предпринимательской деятельностью.

С самого начала это было несколько необычное начинание. Гимmlер не собирался организовывать типичное капиталистическое предприятие. Скорее, намеревался создать целый ряд компаний, работающих в соответствии с доктриной нацистов и в интересах государства. Концентрационные лагеря должны были поставлять для новой Германии сырье: например, огромное количество гранита, необходимого для постройки новой гигантской Рейхсканцелярии Гитлера в Берлине. Преследуя именно эту цель, после аншлюса Австрии в 1938 году СС создало новый концентрационный лагерь в Маутхаузене специально возле гранитного карьера. Нацисты считали, что это очень правильно: пусть противники режима сделают свой вклад в его строительство. Как сказал Альберт Шпеер, любимый архитектор Гитлера: «В конце концов, евреи уже делали кирпичи для фараонов»³⁵.

Энтузиазм Гимmlера в отношении промышленного производства не ограничивался поставками строительных материалов для рейха. Он благословил целый ряд других проектов. Были созданы экспериментальные предприятия по исследованию лекарственных растений и новых форм сельскохозяйственного производства (две темы, особо близкие сердцу Гимmlера); вскоре СС начало заниматься производством одежды, витаминизированных напитков и даже фарфора (статуэтки пастушек, пастушков и прочих расово подходящих персонажей). Как показали недавние исследования³⁶, эсэсовские руководители многих из этих предприятий были абсолютно, просто порой до смешного, некомпетентны – если только над такой мрачной темой можно было бы смеяться.

Не успел Поль потребовать, чтобы Освенцим начал производить песок и гравий для нацистского государства, как лагерь приобрел еще одну функцию. В ноябре 1940 года Рудольф Хесс встретился с Гимmlером, и план развития Освенцима, который он ему представил, привлек внимание босса. Обоюдный интерес к сельскому хозяйству их сблизил. Хесс вспоминал, как Гимmlер излагал свое новое видение лагеря: «Мы должны попытаться провести здесь все необходимые сельскохозяйственные эксперименты. Нужно создать мощные лаборатории и службы по растениеводству. Важно начать работы по животноводству всех видов... Болото надо осушить и начать обрабатывать...» Он продолжал разговор о планировании сельского хозяйства, углубляясь в мельчайшие детали, и остановился только тогда, когда адъютант напомнил ему, что одна очень важная персона уже очень долго ожидает встречи с ним»³⁷.

Тот ужас, в который впоследствии превратилось существование в Освенциме, давно окрасил в самые черные краски эту встречу Гимmlера и Хесса, однако эта встреча помогает понять образ мышления этих двух ключевых в истории лагеря фигур. Было бы слишком просто и в корне неправильно считать их просто «безумцами», которые руководствуются в своих действиях какими-то непостижимыми, абсолютно иррациональными чувствами. Здесь, во время этой встречи, они предстают перед нами как два энтузиаста, одержимых одной идеей; два чудака-визионера, которые в условиях войны способны обсуждать такие планы, которые даже в мирное время выглядели бы «воздушными замками». Но в действительности Гимmlер на тот момент, когда он сидел с Хессом над планами Освенцима, уже приобрел в результате нацистской агрессии богатый опыт превращения своих безумных идей в реальность. Он уже провел рукой над картой, полностью изменив жизнь сотен тысяч поляков и немцев. Ему уже приходилось принимать решения, масштабы которых сложно себе даже представить.

Крайне важно помнить, что все это время, пока Гимmlер в таком велеречивом тоне говорил о своем желании превратить Освенцим в центр сельскохозяйственных исследований, он преследовал более или менее вразумительную идею – омерзительную, но вполне логически последовательную. Во время этой встречи в ноябре 1940 года Силезия виделась ему в качестве немецкой сельскохозяйственной утопии, почти раем на земле. Исчезнут кричаще безвкусные усадьбы поляков, а на их месте появятся крепкие, хорошо управляемые немецкие фермы. И Хесс, и Гимmlер когда-то сами были фермерами; у обоих была эмоциональная, почти мистическая привязанность к возделыванию земли. Поэтому идея превратить Освенцим в некий центр сельскохозяйственной науки обоим казалась очень заманчивой.

В порыве такого внезапного воодушевления тот факт, что Освенцим был расположен и совсем неподходящем месте для создания такого предприятия, уже не имел для Гимmlера значения. Расположенный у слияния рек Сола и Висла, лагерь находился в местности, печально известной постоянными паводками и наводнениями. Однако, несмотря на это, с того самого дня и до конца существования лагеря узники Освенцима будут трудиться, претворяя видение Гимmlера в жизнь, копая каналы, осушая болота и укрепляя берега рек – и все это только потому, что рейхсфюреру СС было намного приятнее сочинять грандиозные планы, чем заниматься практическими вопросами. Это безумие принесет гибель тысячам людей, однако мысль об этом вряд ли промелькнула в голове Гимmlера в тот

момент, когда он с энтузиазмом излагал эту бредовую фантазию своему верному подчиненному Рудольфу Хессу.

К концу 1940 года Хесс уже создал основные структуры и принципы, согласно которым лагерь будет функционировать следующие четыре года: капо, контролировавшие каждый момент жизни заключенных; жесточайший режим, позволявший охранникам наказывать заключенных произвольно, по своему усмотрению – зачастую просто без каких-либо причин; царящее в лагере убеждение, что если заключенный не сумел как-то увильнуть из команды, направляемой на опасные работы, его ждет быстрая и непредвиденная смерть. Но кроме этого, в те первые месяцы существования лагеря было создано еще одно явление, которое ярче всего символизировало нацистскую лагерную культуру – это был блок 11.

Снаружи блок 11 (поначалу его называли блок 13, затем в 1941 году ему присвоили другой номер) ничем не отличался от остальных красно-кирпичных бараков, которые ровными рядами выстроились по всей территории лагеря. Но у этого здания была своя, присущая только ему, функция – и все в лагере знали об этом. «Лично я боялся даже пройти мимо блока 11, – рассказывает Юзеф Пашинский³⁸. – Очень боялся». Заключенные испытывали такой страх потому, что блок 11 был тюрьмой внутри тюрьмы – местом пыток и убийств.

Ежи Белецкий – один из немногих, кто своими глазами видел то, что происходило в блоке 11 и, оставшись в живых, смог рассказать об этом. Он попал туда, так как однажды утром проснулся настолько больным и измученным, что был не в состоянии приступить к работе. В Освенциме нельзя было получить день отдыха на восстановление сил, поэтому он попытался спрятаться в лагере в надежде, что его отсутствие не заметят. Для начала он спрятался в отхожем месте, но знал, что если пробудет там целый день, его, скорее всего, поймают. Поэтому через некоторое время он вышел оттуда и притворился, что убирает территорию. Но к несчастью его поймал охранник и в наказание отправил в блок 11.

По лестнице его отвели на чердак. «Там было чертовски жарко, – рассказывает он. – Был прекрасный августовский день. А в помещении стояло ужасное зловоние, и слышно было, как кто-то стонал: «Боже, о Боже!» Было темно – единственный свет в помещении проходил через черепицу крыши». Он посмотрел вверх и увидел человека, подвешенного к балке за руки, связанные за спиной. «Эсэсовец принес табурет и приказал: «Залезай». Я сложил руки за спиной, а он связал их цепью». После этого эсэсовец прикрепил цепь к балке и резко выбил из-под меня табурет. «Иезус Мария, я почувствовал ужасающую боль! Я застонал, но он прикрикнул: “Заткнись, собака! Ты это заслужил!”» Эсэсовец ушел, оставив узников висеть.

Боль в скрученных руках была ужасающей: «К тому же, пот лился с меня ручьями, так как в помещении было нестерпимо жарко. Я все время повторял: “Мама, мамочка...” Где-то через час плечи были вывихнуты. Тот, другой парень, висевший недалеко от меня, уже молчал. Затем пришел еще один эсэсовский охранник. Он подошел к тому парню и освободил его. Я закрыл глаза, душа, казалось, покинула меня. И тут вдруг до моего сознания дошли слова эсэсовца. Он сказал: “Осталось всего пятнадцать минут”».

Ежи Белецкий уже ничего не помнил до момента, когда вернулся тот же эсэсовец. «“Подними ноги”, – приказал он. Но я уже был не в состоянии этого сделать. Тогда он взял мою ногу и поставил на табурет, затем другую. Потом снял цепь, и я свалился с табурета на колени как мешок картошки. Он помог мне встать, потом поднял мою правую руку и сказал: “Держи так”. Но я не чувствовал своих рук. Он сказал: “Через час пройдет”. Еле волоча ноги, я спустился вместе с этим эсэсовцем. Это был милосердный охранник».

История Ежи Белецкого поражает несколькими моментами. И не в последнюю очередь его мужеством под пыткой. Но, возможно, самое удивительное – это разница между двумя эсэсовскими охранниками: один по-садистски, без предупреждения выбил из-под него табурет, а второй, «милосердный» охранник помог ему спуститься после того, как пытка закончилась. Это было важным напоминанием того, что так же, как капо могли сильно различаться характером, разными могли быть и эсэсовцы. Все заключенные, пережившие концлагерь, вспоминают, что как капо, так и эсэсовские надзиратели были неодинаковы. Самым главным для того, чтобы выжить в лагере, была способность понять характер каждого из тех, от кого ты зависел – и не только капо, но и СС.

Хотя Ежи Белецкий и вышел из блока 11 покалеченным, ему все же повезло, поскольку шансы вернуться живым после того, как ты вошел в эту дверь и поднялся вверх по этим бетонным ступенькам, были очень невелики. На допросах нацисты пытали заключенных блока 11 самыми чудовищными способами, не только подвешивая за руки, связанные за спиной, как истязали Белецкого. Заключенных били плетями, пытали водой, загоняли иглы под ногти, жгли каленым железом, обливали бензином и поджигали. Эсэсовцы в Освенциме и сами проявляли инициативу в изобретении новых способов пыток. Так, по воспоминаниям бывшего заключенного Болеслава Збожения, однажды в лагерный госпиталь принесли заключенного из блока 11: «Их любимый способ пытки, особенно зимой, состоял в том, что голову заключенного прижимали к раскаленной металлической печке-буржуйке до тех пор, пока он им не давал нужные им показания. Лицо человека после такой пытки почти полностью сгорало... У того человека (которого принесли в госпиталь из блока 11) лицо полностью сторело, и глаза были выжжены, но он не мог умереть... Он все еще был нужен сотрудникам из *Politische Abteilung* [политического отдела]... этот заключенный умер через несколько дней, так ни разу и не потеряв сознания»³⁹.

В те дни в блоке 11 властвовал унтерштурмфюрер СС (лейтенант) Макс Грабнер, один из самых одиозных эсэсовцев в Освенциме. Перед вступлением в СС Грабнер был пастухом, пас коров, а теперь в его власти было решать, кому из узников его блока жить, а кому умирать. Каждую неделю он занимался «очисткой бункера». Процесс заключался в том, что Грабнер вместе с коллегами вершил судьбу каждого заключенного блока 11. Некоторых оставляли в камерах, других приговаривали к «наказанию 1» или «наказанию 2». «Наказание 1» означало побой плетями или какую-нибудь другую пытку, «наказание 2» означало немедленную казнь. Тех, кого приговаривали к смерти, сначала отводили в умывальные комнаты на первом этаже блока 11 и приказывали раздеться. Затем их, уже голых, выводили через боковую дверь в закрытый внутренний двор. Этот двор, между блоком 11 и блоком 10, был отгорожен от остальной территории кирпичной стеной. Это было единственное место подобного назначения: здесь заключенных убивали. Их отводили к кирпичной стене – на лагерьном жаргоне «к экрану» – самой дальней от входа в

блок 11. Капо крепко держали узников за руки. Как только заключенный доходил до этой стены, эсэсовский палач приставлял к его голове мелкокалиберный пистолет (от него было меньше шума) и нажимал курок.

Но не только заключенные Освенцима страдали в блоке 11 – это было еще и место расположения полицейского дисциплинарного суда в регионе немецкого Каттовица (ранее польского Катовице). Так что поляки, арестованные гестапо в городе, могли напрямик попасть в блок 11 из внешнего мира, даже не проходя через весь ужас лагеря. Одним из судей в таких случаях был доктор Мильднер, оберштурмбанфюрер СС (подполковник) и государственный советник. Перри Брод, эсэсовец, служивший в Освенциме, описывал, как садист Мильднер любил проводить процессы: «В комнату ввели юношу шестнадцати лет. Невыносимый голод довел мальчика до того, что он украл в каком-то магазине немного еды. И из-за этого попал в «уголовники». Зачитав смертный приговор, Мильднер медленно положил бумагу на стол и впился пронизывающим взглядом в побледневшее лицо плохо одетого парнишки: «У тебя есть мать?». Парень опустил глаза и едва слышно ответил: «Да». – «Ты боишься смерти?» – спросил безжалостный палач с бычьей шеей. Казалось, страдания жертвы доставляют ему извращенное удовольствие. Юноша молчал, но его била дрожь. “Тебя сегодня расстреляют, – сказал Мильднер, пытаюсь придать голосу грозную значительность. – Тебя все равно бы когда-нибудь повесили. А так через час ты будешь мертв”»⁴⁰.

По рассказам Брода, Мильднеру доставляло особое удовольствие разговаривать с женщинами сразу после того, как он приговаривал их к смерти: «Невероятно драматическим тоном он сообщал им о том, что их сейчас расстреляют».

И все же, несмотря на все ужасы блока 11, Освенцим на этой стадии все еще хоть как-то был похож на традиционный концлагерь, такой как Дахау. Очень показателен тот факт, что, как бы это ни противоречило общепринятому мифу, в те первые месяцы существования лагеря можно было попасть в Освенцим, отсидеть там какой-то срок и выйти на свободу.

В 1941 году, перед самой Пасхой, Владислав Бартошевский⁴¹, польский политический заключенный, лежал в госпитале, в блоке 20. К нему подошли два эсэсовца. «Они сказали мне: “Проваливай!” Никто ничего не объяснил, я не знал, что вообще происходит. Я был ошарашен такими резкими переменами. Те, кто был рядом со мной, тоже не понимали, в чем дело. Я был в ужасе». И тут он вдруг узнал, что сейчас предстанет перед врачебной комиссией. По пути туда польский доктор, тоже заключенный, прошептал ему: «Если тебя спросят о здоровье, скажи, что ты здоров и чувствуешь себя хорошо: если скажешь им, что болен, тебя не выпустят». Бартошевский не мог поверить, что ему дадут покинуть лагерь. «Они что, меня освободят?» – спрашивал он польских докторов, пораженный. Ему только бросили: «Тихо!»

Теперь лишь одно препятствие было на пути к освобождению – его физическое состояние. «У меня были огромные нарывы на спине, на бедрах, голове и затылке. Те польские врачи смазали их мазью и замаскировали так, чтобы я выглядел немного лучше. Они сказали: «Не бойся, тебя не будут тщательно осматривать. Но только ты не проговорись. Здесь никто не болеет, понимаешь?» Меня отвели к немецкому доктору. Я старался на него не смотреть. Польские врачи быстро меня осмотрели и заключили: «Все в порядке». Немецкий доктор только кивнул головой».

После этого поверхностного медицинского осмотра Бартошевского отвели в лагерную канцелярию. Там ему вернули одежду, в которой он прибыл в лагерь. «Не вернули только золотой крестик, – рассказывает он. – Оставили его себе в качестве сувенира». Затем последовал фарс, который напоминал обычное освобождение из тюрьмы. Эсэсовец спросил, есть ли у заключенного какие-нибудь жалобы. «Я, конечно, соврал, – говорит Бартошевский, – и ответил “нет”. – Затем мне задают следующий вопрос: “Вы удовлетворены своим пребыванием в лагере?” Я сказал “да”. После этого я должен был подписать заявление, в котором говорилось, что у меня нет никаких жалоб, и я не буду нарушать закон. Я не совсем понимал, какой закон они имеют в виду. Я ведь поляк, что мне до их немецких указов. Наш закон представляло польское правительство в изгнании, оно находилось в Лондоне. Но, естественно, я воздержался от каких бы то ни было комментариев».

Вместе с другими тремя поляками, освобожденными в тот день, Бартошевского под конвоем отвели на железнодорожную станцию и посадили на поезд. Как только состав тронулся, он необыкновенно остро ощутил «эти первые минуты свободы». Впереди еще был долгий путь домой, к матери в Варшаву. В вагоне «люди качали головой. Некоторые женщины утирали слезы жалости. Было видно, что они сочувствуют нам. Спрашивали только: «Откуда вы едете?» Мы отвечали: «Из Освенцима». Больше вопросов не задавали – только страх в глазах». В конце концов, поздно вечером того же дня Бартошевский добрался до квартиры матери в Варшаве. «Она была потрясена. Бросилась обнимать меня. Первое, что бросилось мне в глаза – седая прядь в ее волосах. Она сильно сдала. Да кто в то время хорошо выглядел...»

Итак, несколько сотен заключенных были освобождены из Освенцима подобным образом. Никто точно не знает, почему освободили именно этих людей. Но в случае с Бартошевским, возможно, определенную роль сыграло общественное давление, поскольку Красный Крест и другие организации проводили кампанию в его защиту. То, что нацисты в то время еще обращали внимание на мнение других стран по вопросам содержания заключенных, подтверждается и судьбой ряда польских ученых, арестованных в ноябре 1939 года. Профессора Ягеллонского университета в Кракове были схвачены прямо в аудиториях, во время лекций, и заключены в разные концлагеря, включая Дахау. Они стали жертвами кампании, проводившейся нацистами против польской интеллигенции. Через четырнадцать месяцев те из них, кто выжил, были освобождены. Почти наверняка это был результат международного давления, в том числе требований Папы Римского.

Тем временем Освенцим вступил в новый, крайне важный этап своего развития, когда еще у одного немца появилась некая «идея», которая существенно повлияла на жизнь лагеря. Доктор Отто Амброс, сотрудник фирмы *I. G. Farben*, гигантского промышленного конгломерата, подыскивал подходящую площадку для размещения на Востоке завода по производству синтетического каучука. Он занялся этим потому, что ход войны оказался совсем не таким, как того ожидала нацистская верхушка. Подобно тому, как Гиммлер в мае 1940 года предполагал, что

вскоре всех евреев можно будет выслать в Африку, поскольку война, конечно же, вскоре завершится – точно так же промышленники решили, что нет смысла заниматься сложным и дорогостоящим производством синтетического каучука и топлива. Как только война закончится – скажем, не позднее осени 1940 года – огромное количество сырья можно будет получать из других стран, и не последнее место среди них будут занимать новые колонии Германии, захваченные у ее врагов.

Но наступил ноябрь, а война все не кончалась. Черчилль отказался заключать мир, а королевские ВВС отбили все немецкие атаки на остров в «Битве за Британию». Немецкое руководство столкнулось с непредвиденным. И это повторялось не раз: нацистское правительство сталкивалось с событиями, которых оно никак не ожидало. Нацистами всегда двигали невероятные амбиции и чрезмерный оптимизм. Им казалось, всего можно достичь одной только «силой воли». Но до поставленной цели они не дотягивали из-за собственных стратегических промахов или из-за того, что враг оказывался сильнее, чем им позволяло представить себе их болезненно распухшее самомнение.

В фирме *I. G. Farben* поспешили сдуть пыль с планов по расширению, которые были положены на полку в ожидании скорого окончания войны, и начали претворять их в жизнь. Хотя компания *I. G. Farben* и не была национализирована, она все же весьма лояльно относилась к нуждам и пожеланиям нацистского руководства. В соответствии с нацистским четырехлетним планом на Востоке должен был быть построен завод по производству синтетического каучука (типа «буна»). И теперь, после длительных обсуждений, компания согласилась на стройплощадку, расположенную в Силезии⁴². Технология производства синтетического каучука выглядела примерно так: уголь подвергался процессу гидрирования, в ходе которого через уголь при высокой температуре пропускали газообразный водород. Без извести, воды – и главное, без угля – завод по производству «буны» работать не мог. Поэтому обязательным условием при выборе площадки для такого завода было наличие поблизости всего необходимого сырья. К тому же *I. G. Farben* настаивала на том, что вблизи завода также должна быть удобная транспортная развязка, а в окружающей местности – жилищная инфраструктура.

После тщательного изучения карт и планов местности Отто Амброс пришел к выводу, что нашел подходящее место для нового завода по производству «буны» в трех милях к востоку от концлагеря Освенцим. Но близость к лагерю была не самым важным фактором в этом решении. *I. G. Farben* была больше заинтересована в использовании на заводе прибывающих этнических немцев, чем в рабском труде заключенных – ведь только на него едва ли можно было рассчитывать.

Реакцию Гимmlера на новость о том, что *I. G. Farben* заинтересовалась Освенцимом, иначе как шизофренической назвать нельзя. Как рейхсфюрер СС он сомневался в правильности такого решения. До этого момента им был установлен порядок, согласно которому заключенные концентрационных лагерей работали только на предприятиях, принадлежащих СС. Он отнюдь не приветствовал идею, чтобы заключенные работали на частное предприятие, а деньги, которые они зарабатывают, отправлялись в казну государства, вместо того чтобы оставаться в руках СС. Это его не устраивало – даже при условии, что СС будет зарабатывать продажей гравия фирме *I. G. Farben*. У Гимmlера были более серьезные амбиции касательно создания собственных концернов принадлежащих СС, чему вся эта история с *I. G. Farben* только помешала бы.

Однако в качестве рейхскомиссара по укреплению немецкой расы Гимmlер не мог особенно возражать против этого решения. Он знал о том, что компании *I. G. Farben* нужны этнические немцы, и был рад их предоставить. Поиск жилья для прибывающей рабочей силы не составит проблемы. Власти города Освенцим были только рады «выставить»⁴³ этих евреев и поляков, чтобы освободить место для приезжающих немцев. Окончательное решение было принято Герингом, так как он отвечал за Четырехлетний экономический план: *I. G. Farben* построит свой завод рядом с концлагерем, а Гимmlеру и СС предстоит с ними сотрудничать⁴⁴.

Этот интерес со стороны *I. G. Farben* превратил Освенцим из второстепенного лагеря в системе СС в потенциально один из важнейших ее компонентов. Как бы подчеркивая изменения в статусе лагеря, Гимmlер принял решение посетить Освенцим 1 марта 1941 года. В своих воспоминаниях, а также в ходе допросов после окончания войны Хесс представил подробный отчет об этом визите, во время которого Гимmlер дал волю своей мании величия. Если видение Гимmlером Освенцима как сельскохозяйственной научно-исследовательской станции в ноябре 1940 года было просто весьма амбициозным, то его аппетиты в марте 1941 года стали уже явно колоссальными.

Отбросив в сторону первоначальные сомнения относительно целесообразности размещения *I. G. Farben* рядом с Освенцимом, Гимmlер бодро объявил, что теперь лагерь, рассчитанный на 10 тысяч заключенных, должен быть расширен до 30 тысяч. Сопровождавший Гимmlера в этой поездке гауляйтер Верхней Силезии Фриц Брайт начал было возражать против столь быстрого расширения лагеря. Другой местный чиновник также вмешался в разговор, напомнив о том, что дренажные проблемы строительной площадки так и остались нерешенными. В ответ на это Гимmlер сказал им, что это их проблемы, и решать их должны они сами – разумеется, посоветовавшись со специалистами. Затем он подвел черту под дискуссией: «Господа, лагерь будет расширен. Мои основания для этого гораздо важнее ваших возражений»⁴⁵.

Несмотря на то, что Хесс раболепствовал перед Гимmlером, его настолько испугали сложности претворения в жизнь новых идей его хозяина, что, как только он, Гимmlер и высший чин СС и полиции на юго-востоке Эрих фон дем Бах-Зелевски остались в машине одни, он разразился потоком жалоб. У него не хватает строительных материалов, жаловался он, у него не хватает персонала, у него не хватает времени – всего не хватает! Реакция Гимmlера была легко предсказуемой: «Я не хочу ничего больше слышать о трудностях! – заявил он. – Для офицера СС трудностей не существует! Когда они возникают, его обязанность от них избавиться. Как вы это сделаете – ваша проблема, а не моя».

Интереснее всего в этом разговоре даже не ответ Гимmlера на ропот Хесса, а сам факт того, что Хесс мог позволить себе разговаривать в таком тоне с руководителем СС. В советской системе любой, кто посмел бы таким образом отвечать Сталину или Берии, рисковал бы жизнью. Как бы странно это ни выглядело на первый взгляд, но

на самом деле нацистское руководство было намного терпимее к внутренней критике своих сторонников, чем сталинская система. Это одна из причин, по которой Третий рейх оказался более динамичным из этих двух политических режимов: функционеры на нижних ступеньках иерархической лестницы имели больше свободы для применения инициативы и выражения своей точки зрения. В отличие от большинства тех, кто совершал преступления при сталинском режиме, Хесс никогда совершал никаких поступков из страха перед жестоким наказанием за невыполнение приказа. Он вступил в СС потому, что всем сердцем верил в идеалы нацизма и потому считал, что у него есть право критиковать детали претворения этих идеалов в жизнь. Он был энергичным исполнителем, который делает свою работу не потому, что ему так велели, а потому, что считает, что это правильно.

Конечно, иметь возможность критиковать руководство и чего-то добиться этой критикой – вовсе не одно и то же. И Хесс ничего не достиг своими жалобами Гиммлеру: планы рейхсфюрера относительно расширения концентрационного лагеря Освенцим должны были быть выполнены несмотря ни на что. Как впоследствии печально заметил Хесс: «Рейхсфюрера всегда больше интересовали положительные отчеты, чем отрицательные».

Вследствие решения *I. G. Farben* построить завод по производству «буны» в Освенциме Гиммлер не ограничился в своих грандиозных планах только концентрационным лагерем, но и включил в них сам город и его окрестности. На плановой встрече в Катовице 7 апреля 1941 года его представитель объявил: «Цель рейхсфюрера – создать на этом месте образцовое восточное поселение, причем особое внимание должно быть уделено поселению здесь немецких мужчин и женщин со специальными знаниями и умениями»⁴⁶. Были разработаны планы по созданию нового немецкого города Аушвиц с населением в 40 000 жителей. Эти планы также подразумевали расширение находящегося по соседству концлагеря.

Приблизительно в то же время и сам Хесс осознал потенциальную полезность налаживания взаимоотношений с *I. G. Farben*. Протокол встречи, которая состоялась 27 марта 1941 года⁴⁷ между представителями Освенцима и представителями компании, показывает, насколько он был заинтересован в том, чтобы извлечь из сложившейся ситуации выгоду для лагеря. После того как один из инженеров *I. G. Farben* спросил, сколько заключенных сможет предоставить лагерь в ближайшие годы, «штурмбаннфюрер (майор) Хесс указал на трудности с размещением достаточного количества заключенных в концентрационном лагере Освенцим, поскольку главной проблемой остается невозможность быстро возводить необходимые для этого бараки». Этому мешал недостаток строительных материалов, заявил Хесс. Это была все та же проблема, которой он досаждал Гиммлеру, и которую пытался решить сам, отправляясь в окружающие села и «воруя» там стройматериалы, в том числе так необходимую ему колючую проволоку. Теперь же Хесс получил возможность объяснить *I. G. Farben*, что в их интересах помочь «ускорить расширение лагеря», так как «только таким образом лагерь сможет предоставить необходимое для работы количество заключенных». Наконец-то Хесс нашел людей, которые с пониманием отнеслись к его проблемам: господа из *I. G. Farben* решили «заняться вопросом касательно того, как можно поспособствовать расширению лагеря».

Во время этой же встречи *I. G. Farben* согласилась платить общую сумму в 3 рейхсмарки в день за каждого неквалифицированного рабочего и 4 рейхсмарки за каждого квалифицированного рабочего. Одновременно с этим они оценили «производительность труда каждого заключенного на уровне 75 % от производительности труда обычного немецкого рабочего». Также было достигнуто соглашение касательно цены, которую *I. G. Farben* будет платить за каждый кубометр гравия, добываемого заключенными из протекающей неподалеку реки Сола. В общем, «весь процесс переговоров прошел в сердечной обстановке. Обе стороны подчеркнули свое желание помогать друг другу во всех вопросах».

Но какими бы обширными ни казались планы Гиммлера и компании *I. G. Farben* относительно Освенцима, они не шли ни в какое сравнение с далеко идущими планами, которые в то время обсуждались нацистскими стратегами в Берлине. На протяжении нескольких месяцев офицеры Верховного командования немецких вооруженных сил работали над планом вторжения в Советский Союз под кодовым названием «операция Барбаросса». Гитлер еще в июле 1940 года на встрече в его баварской резиденции Бергхоф объявил своим военачальникам, что лучший способ быстро окончить войну – это уничтожить Советский Союз. Он полагал, что единственной причиной, по которой Британия все еще продолжает войну, является надежда британского командования на то, что Сталин, в конце концов, разорвет пакт о ненападении, подписанный с нацистами в августе 1939 года. Если же немцы уничтожат Советский Союз, тогда, как полагал Гитлер, Британия будет вынуждена заключить мир с Германией и нацисты, несомненно, станут полными хозяевами Европы. Именно такое решение – и только оно – определит весь дальнейший ход войны, даже больше – весь ход истории Европы на протяжении оставшейся части двадцатого века. В результате этого вторжения погибнут 27 миллионов советских граждан – за всю историю человечества это самые большие потери, какие когда-либо понесла какая-либо страна в результате войны. Эта война также создаст условия для осуществления нацистского «окончательного решения еврейского вопроса», в ходе которого произойдет массовое уничтожение евреев. Таким образом, невозможно было правильно понять, как должен был теперь развиваться далее Освенцим, без учета тех изменений, которые происходили в Освенциме в контексте планирования операции «Барбаросса», и затем хода войны летом и осенью 1941 года. И действительно, с этого момента и до того дня, когда Гитлер совершит самоубийство, удачи и неудачи на Восточном фронте будут главной темой всех помыслов нацистского руководства.

Нацисты считали эту войну не обычной войной вроде той, что велась против «цивилизованных» западных стран, а борьбой насмерть против еврейско-большевистских «недочеловеков». Эту идею четко выразил Франц Гальдер, начальник Генерального штаба немецкой армии, в своем дневнике 17 марта 1941 года: в России «нужно использовать силу в самой жестокой ее форме», а «взращенная Сталиным интеллигенция должна быть уничтожена». Благодаря такому политическому подходу те, кто планировал вторжение, получили возможность найти решение проблемы снабжения немецкой армии продовольствием во время продвижения вглубь советской территории. Местному населению предстояло от этого жестоко пострадать... Документ от 2 мая 1941 года, подготовленный

центрального экономического агентством вермахта, заявляет, что «вся немецкая армия» должна «быть накормлена за счет России». Последствия были очевидны: «Таким образом, десятки миллионов людей без сомнения умрут от голода, если мы заберем из этой страны все, что нам необходимо»⁴⁸. Тремя неделями позже, 23 мая, это же агентство произвело на свет еще более радикальный документ, под названием «Политико-экономическое руководство для экономической организации Востока». В этом документе говорилось уже о том, что теперь целью является не только обеспечение немецкой армии, но и снабжение оккупированной нацистами Европы. В результате 30 миллионов людей в северной части Советского Союза могли бы умереть от голода»⁴⁹.

Недавние исследования показали, что такие шокирующие документы не просто представляют определенную направленность мысли, целесообразную и выгодную для нацистов в то время, но и свидетельствуют, что внутри самого нацистского движения существовало некое интеллектуальное течение, считавшее такое сокращение населения экономически обоснованным. Работая в соответствии с теорией «оптимального размера населения», нацисты, занимавшиеся экономическим планированием, могли подвергнуть рассмотрению любой регион мира и просто на основании численности населения высчитать, будет этот регион приносить прибыль или убыток. Например, немецкий экономист Гельмут Майнхолд из Института немецкого развития на Востоке подсчитал в 1941 году, что 5,83 миллионов поляков (включая стариков и детей) были «лишними» в соответствии с экономическими требованиями⁵⁰. Существование этого лишнего населения означало «реальную эрозию капитала». Люди, составлявшие это лишнее население, были *Ballastexistenzen* – «напрасной тратой места». На этом этапе такие экономисты еще не следовали своей логике до конца – они не призывали к физическому уничтожению этого балласта в Польше. Но эти «специалисты» хорошо знали о том, как Сталин решил аналогичный вопрос в Советском Союзе. В тридцатых годах в Украине политика депортации кулаков и коллективизации оставшихся крестьян привела к смерти около 9 миллионов человек.

Такой способ мышления дал интеллектуальное обоснование геноциду гражданского населения в результате немецкого вторжения в Советский Союз. Для нацистских экономистов тот факт, что «30 миллионов людей» могут умереть от голода, представлял собой не только мгновенную пользу для наступающей немецкой армии, но и выгоду для всего немецкого народа в долгосрочной перспективе. То, что нужно будет кормить меньше ртов в Советском Союзе, означало не только то, что можно будет больше продовольствия отправить на Запад жителям Мюнхена и Гамбурга, но и то, что упростится и ускорится германизация оккупированных территорий.

Гиммлер уже заметил, что большинство польских ферм были слишком малы для немецких семей, и теперь он не сомневался, что массовый голод на захваченных советских территориях облегчит создание на них крупных немецких хозяйств. Перед самым началом вторжения в СССР Гиммлер разоткровенничался с коллегами на субботней вечеринке: «Цель русской кампании – истребить 30 миллионов славянского населения»⁵¹.

Абсолютно очевидно, что перспектива войны против Советского Союза привела к возникновению в умах нацистских лидеров самых радикальных идей. В письме, адресованном Муссолини, где Гитлер ставил его в известность о своем решении напасть на Советский Союз, он признался, что теперь чувствует себя «духовно свободным», и что эта «духовная свобода» состоит в том, что он имеет возможность действовать во время этого конфликта, как он пожелает. Как написал 16 июня 1941 года в своем дневнике Геббельс, шеф нацистской пропаганды: «Фюрер сказал, что мы обязаны добыть победу любой ценой, неважно, творим мы зло или добро. Мы и так за многое в ответе...»

Уже на этой стадии, когда планы еще только составлялись, было абсолютно ясно, что евреев Советского Союза ожидают ужасные испытания. В своей речи, произнесенной в рейхстаге 30 января 1939 года, Гитлер обозначил четкую связь между будущей мировой войной и уничтожением евреев: «Сегодня я хочу вновь стать пророком: если международным финансистам и евреям – как в Европе, так и за ее пределами – удастся еще раз свергнуть народы в мировую войну, результатом станет не большевизация мира и связанная с ней победа еврейства, а полное уничтожение еврейской расы в Европе»⁵². Гитлер использовал термин «большевизация» намеренно для того, чтобы подчеркнуть якобы существующую связь между коммунизмом и иудаизмом, на которой основывалась нацистская расовая теория. С его точки зрения Советский Союз был очагом большевистско-еврейского заговора. И неважно было, что у Сталина тоже имелись явные антисемитские наклонности. Нацисты предполагали, что евреи тайно контролируют всю сталинскую империю.

Чтобы справиться с предполагаемой еврейской угрозой в Советском Союзе, были созданы четыре айнзатцгруппы (*Einsatzgruppen*). Подобные оперативные отряды службы безопасности (являвшиеся частью СС) и полиции ранее уже действовали во время аншлюса Австрии и вторжения в Польшу. Их задачей было, двигаясь за наступающими войсками, уничтожать «врагов государства». В Польше такие айнзатцгруппы, проводили террористические акции, в результате чего было убито около 15 000 поляков – в основном евреев и представителей интеллигенции. Но эта цифра – просто мелочь по сравнению с тем, что творили айнзатцгруппы в Советском Союзе.

Эти подразделения сеяли смерть, несоизмеримую по масштабам с их размерами. Айнзатцгруппа А, прикрепленная к группе армий «Север», была самой большой: в ее состав входило около 1000 человек. Оставшиеся три (В, С и D), прикрепленные к другим группам армий, имели в своем составе от 600 до 700 человек. Перед самым вторжением командиры айнзатцгрупп получили инструктаж о своих задачах у Гейдриха. Его приказы, прозвучавшие на этой встрече, позднее, 2 июля 1941 года, были упорядочены в виде директивы, в которой говорилось, что в задачи айнзатцгрупп входит истребление коммунистических деятелей, комиссаров и «евреев, находящихся на службе [большевистской] партии или государства». Навязчивая идея нацистов о существовании особой связи между иудаизмом и коммунизмом, таким образом, очень отчетливо просматривается в директиве Гейдриха.

С самых первых дней вторжения айнзатцгруппы шли за передовыми частями немецкой армии. Они быстро двигались вперед и уже 23 июня, всего через день после начала войны, Айнзатцгруппа А под командованием генерала полиции и бригаденфюрера СС доктора Вальтера Шталекера достигла литовского города Каунас. Как только айнзатцгруппа вошла в город, начались еврейские погромы. В директиве Гейдриха были следующие слова:

«Ни в коем случае не предпринимать никаких шагов, способных помешать чисткам, которые могут быть устроены антикоммунистическими и антисемитскими элементами на новоокупированных территориях. Наоборот, такие выступления должны тайно поощряться». Эта инструкция ясно дает понять, что убийство «евреев, находящихся на службе большевицкой партии и советского государства» являлось обязательным минимумом, ожидаемым от айнзатцгрупп. Впоследствии Шталекер написал в своем отчете: «Наша задача состояла в том, чтобы начать эти погромы, направить их в нужном направлении и достичь поставленных целей по ликвидации в самое короткое время»⁵³. В Каунасе литовцы, которых немцы выпустили из тюрьмы, убивали евреев дубинками прямо на улицах города под благосклонным наблюдением немцев. На эти зверства собирались посмотреть толпы. Некоторые выкрикивали, подзадоривая убийц: «Бей евреев!» Когда эта бойня закончилась, один из убийц, взобравшись на груды трупов, взял аккордеон и заиграл литовский национальный гимн. Это была, без сомнения, именно такая акция, какие, по замыслу Гейдриха, его люди должны были «тайно поощрять».

Действуя в основном вдали от крупных городов, айнзатцгруппы добросовестно выполняли свою работу: они выискивали «евреев, которые состояли на службе большевицкой партии и советского государства» и убивали их. На деле это часто означало, что всех мужчин еврейской национальности в деревне или поселке попросту расстреливали. В конце концов, в соответствии с нацистской теорией, все еврейские мужчины в Советском Союзе в той или иной степени «были на службе партии или государства».

В то время как айнзатцгруппы и связанные с ними подразделения СС занимались уничтожением советских евреев, части регулярной немецкой армии также принимали участие в военных преступлениях. В соответствии с печально известным планом «Барбаросса» и так называемым «Комиссарским приказом» бойцов партизанских отрядов в плен не брали, а расстреливали прямо на месте, и проводились карательные акции против целых сел. Советских военных политруков – комиссаров – убивали, даже если они сдавались в плен. Именно из-за этого приказа, сформулировавшего отношение нацистов к комиссарам, Освенцим оказался впервые вовлеченным в этот конфликт. По соглашению с СС немецкая армия дала возможность людям Гейдриха прочесать многочисленные лагеря военнопленных в поисках комиссаров, которые, возможно, сумели проскользнуть через первоначальные проверки еще на фронте, когда их только взяли в плен. Затем возник вопрос: куда их деть? С точки зрения нацистов, было явно не лучшим решением убить их прямо на глазах у других военнопленных. Именно поэтому в июле 1941 года несколько сотен комиссаров, выявленных в лагерях для военнопленных, отправили в Освенцим.

С самого момента прибытия в Освенцим обращение с этими заключенными отличалось от обращения с остальными. Невероятно, но факт – даже учитывая те истязания, которые уже творились в лагере: с этой группой заключенных обращались еще хуже. Ежи Белецкий услышал, как над ними издевались, еще до того как увидел их самих: «Помню ужасные вопли и стоны...» Они с другом подошли к карьере с гравием на краю лагеря, там и увидели советских военнопленных. «Они бегом возили тачки, наполненные песком и гравием, – рассказывает Белецкий. – Это была чудовищно тяжелая работа. Доски, по которым они толкали тачки, шатались во все стороны. Это была не обычная лагерная работа, а какой-то ад, который эсэсовцы специально создали для советских военнопленных». Капо избивали работающих комиссаров палками, а наблюдающие за всем этим эсэсовские охранники подбадривали тех: «Давайте, ребята! Бейте их!» Но то, что Ежи Белецкий увидел потом, его окончательно потрясло: «Там стояло четверо или пятеро эсэсовцев с винтовками. Один из них время от времени, перезарядив винтовку, высматривал цель, затем прицеливался и стрелял куда-то в карьер. Мой друг обомлел: «Что он делает, этот сукин сын?!» И мы увидели, как капо в карьере добивал палкой уже умирающего от пули человека. Мой друг служил в армии, и для него это была дикость: «Это же военнопленные. У них есть особые права!» Но этих людей убивали даже во время работы». Вот так летом 1941 года война на Восточном фронте – война без правил – дошла до Освенцима.

Конечно, убийства советских комиссаров были лишь малой долей того, что тогда творилось в Освенциме. Прежде всего, лагерь по-прежнему оставался местом содержания, подавления и запугивания польских узников. Хессу необходимо было заставить вверенное ему учреждение удовлетворять потребности нацистского государства, и он неусыпно заботился о том, чтобы не допускать побегов из лагеря. В 1940 году только два человека попытались бежать из Освенцима, но это число увеличилось до 17 в 1941 году (и продолжало увеличиваться: до 173 в 1942 году, 295 в 1943 году и 312 в 1944 году)⁵⁴. В первые годы существования лагеря подавляющее большинство заключенных были поляками, и местное население относилось к ним с симпатией. Поэтому в случае, если заключенному удавалось ускользнуть от лагерной охраны, у него были все шансы исчезнуть в человеческом водовороте, который образовался в стране из-за этнических пертурбаций. Поскольку днем многие заключенные работали за пределами лагеря, им даже не нужно было преодолевать окружающий территорию забор из колючей проволоки с пропущенным через него электрическим током. Им нужно было преодолеть только одно препятствие, внешний забор, проходивший по периметру лагеря – так называемый *Grosse Postenkette*.

Политика Хесса по предотвращению побегов была очень проста: беглецов ожидало жесточайшее возмездие. Если нацистам не удавалось поймать сбежавшего заключенного, они арестовывали его родственников. Кроме того, отбирали десять заключенных из барака, в котором жил сбежавший узник, и убивали их самым садистским способом. Роману Трояновскому довелось подвергнуться трем таким отборам в 1941 году, после того, как обнаружилось, что кто-то сбежал из их барака. «Лагерфюрер (заместитель коменданта) с другими охранниками смотрели в глаза заключенным и выбирали, – рассказывает Трояновский. – Конечно, те, кто был послабее и выглядел похуже, становились самыми вероятными жертвами. Не знаю, о чем я думал во время отбора. Я старался не смотреть ему в глаза – это было опасно. Нужно было стоять прямо, чтобы не выделяться. А когда Фрич останавливался возле кого-нибудь и указывал пальцем, всегда замирало сердце, так как было не совсем ясно, на кого именно указывал его палец». Трояновский вспоминает один такой отбор, который очень хорошо характеризует извращенный способ мышления лагерфюрера Карла Фрича: «Во время отбора Фрич обратил внимание на человека, который стоял рядом со мной и весь дрожал. Он спросил его: “Чего ты трясешься?” Через переводчика тот человек ответил: “Потому что боюсь. У меня дома маленькие дети, и я хочу их вырастить. Я не хочу умирать”. Тогда Фрич сказал: “Смотри у меня,

чтобы этого больше не было, а то отправлю тебя туда!» – и показал на трубу крематория. Бедняга не понял и, истолковав жест Фрича по-своему, вышел из строя. Переводчик ему говорит: «Лагерфюрер тебя не выбирал, стань в строй». Но Фрич его прервал: «Оставь его. Раз он вышел из строя, значит, такова уж его судьба»».

Отобранных заключенных уводили в подвал блока 11 и запирали в камере, не давая им еды. Они должны были скончаться там от голода. Это была медленная и мучительная смерть. Роман Трояновский позднее узнал, что один его знакомый дошел до того, что после недели голода съел свою обувь. А летом 1941 года произошло событие, которое может служить утешением для тех, кто верует в искупительную силу страдания. Максимилиан Кольбе, священник Римско-католической церкви из Варшавы, был вынужден участвовать в отборе после того, как один из заключенных сбежал из его барака. Человек, стоявший рядом с ним, Франтишек Гаевничек, был отобран Фричем, но он заплакал, умоляя о помиловании: у него жена и дети, он хочет жить. Услышав это, Кольбе предложил себя вместо него. Фрич согласился, и Кольбе бросили в камеру голода в числе десяти отобранных для умерщвления заключенных. Через две недели четверо из них все еще были живы, и Кольбе среди них. Их убили, сделав им смертельную инъекцию. В 1982 году уроженец Польши Папа Римский Иоанн Павел II канонизировал Кольбе. Эта история вызвала серьезные споры, не в последнюю очередь из-за того, что в журнале, который издавал Кольбе до своего ареста, часто печатались антисемитские материалы. Однако, несмотря на это, мужество Кольбе, пожертвовавшего жизнью ради жизни другого человека, остается бесспорным.

В том же месяце, июле 1941 года, целый ряд решений, принятых за тысячи километров от лагеря, привел к тому, что Освенцим превратился в еще более зловещее место. Впервые было принято решение приступить к уничтожению узников Освенцима с помощью газа – но еще не совсем тем методом, который впоследствии принесет лагерю такую дурную славу. Заключенные стали жертвой нацистской программы, именуемой «эвтаназией взрослых». Эта смертельная операция основывалась на указе фюрера, датированном октябрём 1939 года, который позволял врачам отбирать людей с хроническими психическими заболеваниями, а также инвалидов, и умерщвлять их. Поначалу для умерщвления инвалидов использовали инъекции, но затем излюбленным методом стало использование угарного газа в баллонах. Поначалу это происходило в специальных центрах, оборудованных в основном в бывших психиатрических больницах. Там были построены газовые камеры, сконструированные таким образом, что внешне напоминали душевые. За несколько месяцев до своего октябрьского указа Гитлер санкционировал отбор и убийство детей-инвалидов. Совершая все это, Гитлер следовал мрачной логике своего ультра-дарвинистского видения мира. Эти дети не имели права на жизнь, так как слабые – обуза для немецкого общества. Исповедуя теорию расовой чистоты, он беспокоился о том, что, достигнув зрелого возраста, эти дети смогут дать неполноценное потомство.

Указ, распространяющий программу эвтаназии также и на взрослых, был подписан задним числом, 1 сентября 1939 года, в день, когда началась Вторая мировая война. Так война стала катализатором радикализации нацистского мышления. Фанатичные нацисты рассматривали инвалидов как еще один балласт, бремя для страны, вступившей в войну. Доктор Пфанмюллер, один из самых зловещих авторов программы эвтаназии для взрослых, так выразил свои чувства: «Мысль о том, что самые лучшие, цвет нашей молодежи, должны гибнуть на фронте для того, чтобы эти слабоумные, безответственные, антиобщественные элементы могли спокойно существовать в своих больницах, просто невыносима для меня»⁵⁵. Зная, кто именно занимался программой эвтаназии, не удивляешься, что основными критериями отбора были не только степень тяжести заболевания, но и вероисповедание, и этническая принадлежность пациента. Так что евреев, находившихся в психиатрических больницах, посылали в газовые камеры без разбора. Такие же драконовские методы были использованы и на востоке, в результате чего все польские психиатрические больницы были очищены от пациентов. В период между октябрём 1939 года и маем 1940 года около 10 тысяч душевнобольных были убиты в Западной Пруссии и Вартегау. Многие из них – посредством новой технологии – газовой камеры на колесах. Жертв заталкивали в герметично запломбированный кузов грузового фургона, где они задохнулись от поступающего туда из баллонов угарного газа. Освободившееся таким образом жизненное пространство использовалось для того, чтобы разместить новоприбывших этнических немцев.

В начале 1941 года кампания по эвтаназии взрослых распространилась и на концентрационные лагеря, где началась акция под кодовым названием 14f13. Она достигла Освенцима 28 июля 1941 года. «Во время вечерней проверки было сказано, что все больные могут покинуть лагерь для лечения, – рассказывает бывший политический узник Освенцима Казимеж Смолень⁵⁶. – Некоторые заключенные поверили нацистам. У всех еще теплилась какая-то надежда. Но я совсем не был уверен в добрых намерениях СС». Не был в этом уверен и Вильгельм Брассе: его капо, немецкий коммунист, сообщил ему, что он думает о судьбе, ожидавшей больных: «Он рассказал нам о том, что в концентрационном лагере Заксенхаузен до него дошли слухи о том, как людей забирали из больниц, и они просто исчезали».

Около 500 больных заключенных, половина из которых были добровольцами, а другая половина была отобрана, вывели строем из лагеря к ожидавшему их поезду. «Все они были крайне измождены, – рассказывает Казимеж Смолень. – Среди них не было ни одного здорового человека. Это была колонна призраков. В конце колонны шли санитары, которые несли на носилках тех, кто уже не мог идти. Это было жуткое зрелище. Никто не кричал на них и не смеялся над ними. Уезжающие больные были даже довольны тем, что уезжают. При этом они говорили: «Расскажите моим жене и детям о том, что со мной случилось». К большой радости остающихся заключенных, двое самых печально известных в лагере капо были включены в эту партию. Одним из них был Кранкеман, которого ненавидел весь лагерь. По лагерю прошел слух, что он поссорился со своим покровителем лагерфюрером Фричем. Обоих капо почти наверняка убили тут же в вагоне еще до того, как поезд добрался до конечного пункта назначения. Как и предсказывал Гиммлер насчет того, что произойдет с каждым капо после того, как он перестанет быть капо. Все заключенные, покинувшие в тот день лагерь, погибли в газовой камере, находившейся в переоборудованной психиатрической больнице города Зонненштайн неподалеку от Данцига. Так что первые заключенные Освенцима, погибшие в газовой камере, были убиты не в лагере – для этого они были отправлены в Германию, и убили их не потому, что они были евреями, а потому, что они не могли больше работать.

Лето 1941 года стало не только поворотным пунктом в развитии Освенцима, но и решающим моментом в ходе войны против СССР и ведении нацистской политики по отношению к советским евреям. В разгар лета, в июле, казалось, что все идет по плану и вермахт успешно теснит Красную Армию по всему фронту. Уже 3 июля Франц Гальдер, начальник штаба Верховного командования сухопутных сил Германии, писал в дневнике: «Вероятно, не будет преувеличением сказать, что русская кампания выиграна всего за две недели». Геббельс эхом повторял те же мысли: 8 июля он записал в своем дневнике: «Никто уже не сомневается, что мы победим в России». К середине июля танковые части вермахта уже продвинулись вглубь на расстояние более пятисот километров от советско-германской границы. А к концу июля офицер советской разведки по приказу Берии, который занимал в советском правительстве такую же должность, как Гиммлер в немецком, обратился к болгарскому послу в Москве с просьбой стать посредником в мирных переговорах с Германией⁵⁷.

Однако на фронте ситуация была более сложной. Политика массового голода, которая была в основе немецкой стратегии вторжения, привела к тому, что, к примеру, в Вильнюсе уже в начале июля запасов продовольствия оставалось только на две недели. Геринг очень четко изложил суть нацистской политики в этом вопросе, когда сказал, что право на пропитание имеют только те люди, которые «выполняют важные для Германии задания»⁵⁸. Оставался нерешенным и вопрос касательно того, что делать с оставшимися членами семей евреев, расстрелянных айнзатцгруппами. Эти женщины и дети, потеряв кормильцев, были обречены на быструю смерть от голода: они явно были не в состоянии «выполнять важные для Германии задания».

Между тем продовольственный кризис назревал не только на Восточном фронте, но и в Польше, в Лодзинском гетто. В июле Рольф-Хайнц Гепнер из СС писал Адольфу Эйхману, который на тот момент был начальником отдела, занимавшейся еврейским вопросом в Главном управлении имперской безопасности: «Существует опасность того, что этой зимой мы больше не сможем прокормить всех евреев. Имеет смысл честно взвесить все «за и против» и подумать, а не было бы более гуманным решением просто прикончить всех тех евреев, которые не способны работать, посредством какого-либо быстродействующего приспособления. В любом случае это более милосердно, нежели дать им всем умереть от голода». Важно то, что Гепнер пишет о потенциальной необходимости убить тех евреев, которые «не могут работать» – а не всех. Все чаще и чаще, начиная с весны 1941 года, нацисты начали делать различия между евреями, которые были полезны Германии, и теми, которые не были. Это разделение впоследствии проявится при печально известных «отборах» в Освенциме.

В конце июля Гиммлер издал приказ, призванный решить судьбу тех евреев, которых нацисты считали «бесполезными едоками». Это касалось в первую очередь территории Восточного фронта. Он усилил айнзатцгруппы подразделениями эсэсовской кавалерии и полицейскими батальонами. В конце концов, около 40 000 человек были вовлечены в проведение массовых убийств, что было в десять раз больше, нежели первоначально запланированный личный состав айнзатцгрупп. Такое существенное разрастание имело особую причину: политика геноцида на востоке была расширена и теперь включала в себя также уничтожение еврейских женщин и детей. Этот приказ поступал командирам айнзатцгрупп в разное время на протяжении последующих нескольких недель. Часто Гиммлер лично отдавал этот приказ во время своих инспекционных поездок по местам массовых убийств. Но уже к середине августа все командиры этих подразделений смерти знали о расширении своих обязанностей.

Этот момент стал поворотным в процессе массового уничтожения людей. Теперь, после того как было принято решение расстреливать всех еврейских женщин и детей, нацистское преследование евреев вошло в концептуально иную фазу. До этого момента почти все антисемитские меры, предпринимаемые нацистами во время войны, имели черты потенциального геноцида. Еврейские женщины и дети уже умирали в гетто или во время неудавшегося переселения в Ниско. Но в этот раз все было совсем по-другому. Теперь было решено собирать женщин и детей в одном месте, заставляя их раздеваться, голыми выстраивать вдоль специально вырытых ям и расстреливать. В природе просто не могло существовать такого предлога, чтобы сделать из крохотного ребенка прямую угрозу немецкой военной машине. Но с этого момента немецкие солдаты будут видеть в этих детях такую угрозу и будут нажимать на спусковой крючок.

Такое изменение политики было вызвано в этот критический момент множеством факторов. Одним из них стал, конечно, тот факт, что еврейские женщины и дети на захваченной территории Советского Союза представляли теперь для нацистов «проблему», которую те сами и создали, расстреливая еврейских мужчин и насаждая искусственный голод на востоке. Но этот фактор не был единственным в принятии решения расширить кампанию массовых убийств на востоке. В июле Гитлер объявил о том, что он хотел бы создать на востоке немецкий «Райский сад». Естественно, подразумевалось, что для евреев в этом новом нацистском раю места быть не может. И конечно не было случайностью то, что в июле, после нескольких тайных встреч один на один с Гитлером, Гиммлер отдал приказ расширить массовые убийства, начав уничтожение женщин и детей. Этого бы не произошло, если бы того не пожелал фюрер. Притом, что подразделения карателей уже расстреливали всех еврейских мужчин, с точки зрения нацистской идеологии это было следующим логическим шагом – послать подкрепления отрядам карателей для того, чтобы полностью «зачистить» этот новый «Райский сад».

Ганс Фридрих⁵⁹ был солдатом одного из пехотных подразделений СС, которое летом 1941 года было послано на восток в качестве подкрепления для айнзатцгрупп. Его бригада СС действовала в основном на территории Украины. По его словам, они не встречали никакого сопротивления со стороны евреев, которых убивали. «Евреи были в состоянии полного шока, они были так напуганы, что окаменели от страха – делай с ними, что хочешь. Они смирились со своей судьбой». Эсэсовцы и их украинские пособники выгоняли евреев из жилья и выстраивали на краю «глубокой и широкой траншеи. Они должны были стоять таким образом, чтобы от выстрела упасть в эту траншею. Это повторялось снова и снова. Затем кто-то спускался, чтобы тщательно проверить, не осталось ли кого в живых, так как почти никогда не удавалось смертельно ранить каждого с первого выстрела. И если кто-то был еще жив и лежал в траншее раненный, его добивали выстрелом из пистолета».

Фридрих признает, что принимал участие в этих убийствах⁶⁰. Он заявляет, что ни о чем не думал, видя всего в

нескольких метрах перед собой тех, кого должен был убить. «Единственное, о чем я думал тогда, было: “Целься лучше, чтобы не промахнуться”. Вот и все мысли. Когда стоишь там с винтовкой наизготовку, готовый выстрелить... есть только одна важная вещь – это твердая рука, чтобы не промахнуться. Больше ничего». Совесть никогда не мучила его воспоминаниями о совершенных им убийствах, ему никогда не снились кошмары о том, что он сделал, он никогда не просыпался посреди ночи, чтобы задать себе вопрос, что же он натворил.

Документы подтверждают, что Фридрих служил в 1-й пехотной бригаде СС, которая вступила на территорию Украины 23 июля 1941 года. Хотя Фридрих, то ли из-за того, что прошло так много лет, то ли из боязни «засветиться», не называет те места, где проходили эти массовые убийства, архивные документы указывают на то, что его бригада принимала участие в нескольких таких операциях в разных местах. Одна такая акция прошла 4 августа 1941 года в Западной Украине. Более 10 тысяч евреев из близлежащих деревень были изгнаны из своих домов и согнаны в город Острог. «Ранним утром (4 августа) в город въехали грузовики, – рассказывает Василий Вальдман⁶¹, который тогда был 12-летним подростком из местной еврейской семьи. – Люди в них были вооружены, с ними были собаки». Окружив город, эсэсовцы погнали тысячи евреев из города по направлению к маленькой деревушке неподалеку от Острога, где находился песчаный карьер. «Все понимали, что нас расстреляют, – рассказывает Василий Вальдман, – но это было просто для эсэсовцев невозможно – сразу расстрелять такое огромное количество людей. Мы добрались до места около десяти часов утра. Всем приказали сесть. Было очень жарко. Не было ни еды, ни воды, люди мочились тут же, на землю. Время тянулось мучительно. Кто-то сказал, что лучше бы его уже расстреляли, чем сидеть тут на этой ужасной жаре. Кто-то упал в обморок. Кто-то умер от страха».

Алексей Мулевич⁶², крестьянин из ближней деревни, не еврей, видел то, что произошло затем. Он взобрался на крышу хлева поблизости и увидел, как евреев небольшими группами по 50–100 человек уводили с поля и заставляли раздеваться догола. «Их ставили на краю огромной траншеи, – рассказывает он, – и офицеры приказывали солдатам, чтобы каждый выбрал себе еврея, в которого будет стрелять... Евреи плакали и кричали, они понимали, что это конец, смерть... Затем раздались выстрелы, и люди рухнули на землю как подкошенные. Офицер отобрал среди живых несколько крепких евреев, чтобы сбросить тела в траншею».

Расстрелы продолжались весь день. Несколько тысяч евреев – мужчины, женщины и дети – были убиты в тот день, но жертв оказалось слишком много; СС просто не смогли уничтожить всех за один день. Поэтому с наступлением сумерек оставшихся в живых евреев, включая Василия Вальдмана и его семью, погнали обратно в Острог. В этой и последующей акциях Василий Вальдман потерял отца, дедушку, бабушку, двух братьев и двух дядей, но ему вместе с матерью удалось бежать из гетто. Три года их прятали у себя местные крестьяне, пока Красная Армия не освободила Украину. «Не знаю как в других деревнях, – рассказывает Вальдман, – но люди в нашей деревне очень помогали евреям». Через несколько дней Алексей Мулевич пошел на поле, где проходили расстрелы, и увидел страшную картину: «Песок под ногами шевелился. Я думаю, там были раненые, которые еще могли двигаться. Мне было так жаль их. Я хотел бы им как-то помочь, но понимал, что даже если вытащу кого-то из этой ямы, то как я смогу его излечить?»

«У нас дома были собаки, – рассказывает Василий Вальдман, – но мы никогда не проявляли к ним такой жестокости, как фашисты к нам... Я все время думал: “Что может сделать людей такими жестокими?”» У Ганса Фридриха был один ответ на этот вопрос: ненависть!: «Если честно, у меня не было никакой жалости по отношению к евреям. Они принесли мне и моим родителям так много вреда, что я был просто не в состоянии этого забыть». В результате Фридрих «не испытывал никакой жалости» ни к кому из тех, кого он убивал. «Моя ненависть к евреям слишком велика». Он признался, что во время войны считал, что убийства евреев оправданы – это справедливая «месть», он и по сегодняшний день продолжает так думать.

Для того чтобы понять, почему Фридрих с такой готовностью принимал участие в массовых убийствах и почему даже сегодня он продолжает оправдывать свои действия во время войны, необходимо обратиться к его прошлому. Он родился в 1921 году в той части Румынии, где проживали в основном этнические немцы. Он рос – и учился ненавидеть евреев, с которыми сталкивался он и его семья. Его отец был фермером, а евреи, жившие в их местности, были в основном торговцами и перекупщиками: покупали сельскохозяйственную продукцию у крестьян, а затем продавали ее на рынке. Родители говорили Фридриху, что евреи извлекают из этих своих сделок огромные барыши, и что они часто обжуливали его семью. «Я бы хотел посмотреть на вас, – говорит Фридрих, – если бы вы прошли через то, через что пришлось пройти нам... если бы вы были фермером, и хотели продать... ну скажем, свиней – и не могли этого сделать. Вы могли продавать скот только через еврейских посредников. Поставьте себя на наше место. Вы просто больше не были хозяином собственной жизни».

В 30-х годах, будучи уже подростком, он вместе с друзьями рисовал плакаты с лозунгами «Не покупайте у евреев» и «Евреи – это наша беда», а затем вывешивал их у входа в еврейский магазин. Он «гордился» этим: ведь он «предупреждал» других о еврейской «опасности»! Он читал всю нацистскую пропаганду, особенно яростную антисемитскую газету *Der Sturmer*, и обнаружил, что все идеи нацистов совпадают с его формирующимся мировоззрением.

В 1940 году он вступил в ряды СС, так как «Германский рейх был в состоянии войны» и он хотел «принять в ней участие». Он верил в то, что «между евреями и большевизмом существует связь, и тому есть достаточно доказательств». Когда летом 1941 года, будучи уже членом СС, он шел со своей частью по Украине, ему казалось, что они вошли не в «цивилизованную» страну, «наподобие Франции», а в нечто в лучшем случае «получивилизованное» и находящееся «далеко позади Европы». Получив приказ убивать евреев, он делал это охотно, считая, что мстит тем еврейским торговцам, которые, со слов его отца, обманывали их семью. Тот факт, что это были совсем другие евреи – жители другой страны – не имел для него никакого значения. Как он выразился, «все они евреи».

Абсолютно не раскаиваясь в своем участии в уничтожении евреев, Ганс Фридрих и сегодня не испытывает никаких сожалений о прошлом. Хотя он не говорит этого прямо, он всем своим видом показывает, насколько он

гордится тем, что делали он и его товарищи в годы войны. С его точки зрения обоснование его поступков абсолютно ясно и понятно: евреи нанесли ему и его семье вред, да и вообще без них мир был бы гораздо лучше. В один из моментов откровенности Адольф Эйхман как-то заметил, что от одного сознания, что он участвовал в убийстве миллионов евреев, он испытывает такое удовлетворение, что готов «со смехом прыгнуть в собственную могилу». То же самое можно сказать и о Гансе Фридрихе.

Однако нельзя с полной уверенностью утверждать, что именно летом 1941 года, когда ширилась кампания массовых убийств евреев на Восточном фронте, было принято нацистское «окончательное решение еврейского вопроса», определившее и судьбы миллионов других евреев, проживающих в Германии, Польше и странах Западной Европы. Один документ все же указывает на связь между двумя этими явлениями. 31 июля Гейдрих получил подпись Геринга на документе, в котором было написано следующее: «В дополнение к поставленной вам 24 января 1939 года задаче по решению еврейского вопроса посредством их эмиграции и эвакуации самым подходящим для этого способом я приказываю вам представить на рассмотрение всесторонний план организационных и материально-подготовительных мер для приведения в жизнь планируемого окончательного решения еврейского вопроса». Дата на этом документе очень важна: Геринг дает Гейдриху общее разрешение на «окончательное решение» для всех евреев, находящихся на территориях под немецким контролем, именно в тот момент, когда отряды убийц должны приступить к массовым расстрелам еврейских женщин и детей на Востоке.

Однако недавняя находка в Российском государственном военном архиве бросает тень сомнения на особое значение документа, подписанного Герингом 31 июля 1941 года. Найденный в архиве документ содержит запись, сделанную Гейдрихом 26 марта 1941 года: «Что касается еврейского вопроса, я вкратце доложил рейхсмаршалу Герингу о существующем положении и представил ему на рассмотрение свой новый план, который он одобрил с одним только замечанием, касающимся юрисдикции Розенберга», и приказал снова его представить в переработанном виде⁶³. «Новый план» Гейдриха, по всей вероятности, соответствовал изменению антисемитской политики нацистов в связи с надвигающимся немецким вторжением в Советский Союз. Идея отправки евреев в Африку была отвергнута в начале 1941 года, и Гитлер приказал Гейдриху приступить к разработке плана по отправке евреев куда-нибудь на территорию, находящуюся под контролем Германии. Поскольку предполагалось, что война с Советским Союзом продлится всего несколько недель и завершится до начала русской зимы, логично предположить, что и Гитлер и Гейдрих планировали оттеснить евреев осенью того года как можно дальше на восток и таким образом решить нацистами же созданную еврейскую проблему на подконтрольных им территориях. На бескрайних просторах русского севера евреям предстояло подвергнуться тяжким страданиям.

Как видно из документа, подписанного Герингом 31 июля 1941 года, Гейдриху еще в начале 1939 года было поручено «решить еврейский вопрос посредством эмиграции и эвакуации». И дискуссии внутри нацистского государства касаясь его полномочий и пространства для маневра в рамках решения этого вопроса не прекращались с того самого момента. Альфред Розенберг (упоминаемый в документе от 26 марта), официально назначенный Гитлером 17 июля 1941 года на должность рейхсминистра оккупированных восточных территорий, являл собой потенциальную угрозу влиянию и власти самого Гейдриха на востоке. Так что этот документ от 31 июля 1941 года, скорее всего, и был создан для того, чтобы помочь Гейдриху прояснить его статус на оккупированных восточных территориях.

Недавно найденные документы не подтверждают ранее распространенное мнение о том, что Гитлер весной или летом 1941 года принял окончательное решение отдать приказ об уничтожении всех евреев Европы, важной частью которого и был документ от 31 июля 1941 года. Более вероятный сценарий событий состоит в том, что, поскольку все видные деятели нацистского режима сконцентрировали внимание на войне с Советским Союзом, решение уничтожать женщин и детей на Востоке виделось им всего лишь практичным способом решения особо острой конкретной проблемы.

Однако это особое «решение» в свою очередь приведет к появлению дополнительных трудностей, в результате чего появятся новые методы массовых убийств, уже не только евреев, в еще большем масштабе. Крайне важным моментом в процессе эволюции нацистского геноцида стало событие, произошедшее 15 августа 1941 года, когда Генрих Гиммлер приехал в Минск и своими глазами увидел собственные команды смерти в действии. Одним из тех, кто вместе с Гиммлером присутствовал при расстрелах, был Вальтер Френц⁶⁴, офицер люфтваффе, который служил кинооператором в штабе Гитлера. Френц был потрясен увиденным, как и некоторые члены расстрельной команды. «Я шел вдоль места, где только что расстреливали людей, – рассказывает Френц, – и ко мне подошел командир вспомогательной полиции, так как на мне была форма люфтваффе. “Лейтенант, – умолял он, – я больше не могу этого вынести. Пожалуйста, помогите мне выбраться отсюда”. Я сказал: “Ну, у меня нет никакой власти над полицией. Я офицер люфтваффе, что я могу сделать?” – “Это невыносимо, – повторял тот. – Это невозможно, это просто ужас!..”»

Этот офицер был не единственным, кто испытал психологический шок после расстрелов в Минске. Обергруппенфюрер СС (генерал-лейтенант) фон дем Бах-Зелевски, который также присутствовал при проведении массовых расстрелов в Минске, сказал Гиммлеру следующее: «Здесь расстреляли всего сотню людей... Посмотрите на глаза наших солдат из расстрельной команды: они потрясены до глубины души! Эти солдаты уже конченные люди до конца своих дней. Каких последователей нашей идеи мы готовим здесь? Или психопатов, или озверевших дикарей!»⁶⁵ Впоследствии Бах-Зелевски сам стал мучиться расстройствами психики: его преследовали «видения» убийств, в которых он принимал участие.

В результате всех этих протестов, а также собственных впечатлений во время поездки на Восточный фронт, Гиммлер отдал приказ разработать такой способ уничтожения людей, который бы не вызывал таких психологических проблем у его солдат и офицеров. Выполняя его приказ, уже через несколько недель унтерштурмфюрер СС (лейтенант), доктор Альберт Видман из Технического института криминологии отправился на Восточный фронт для того, чтобы встретиться с начальником Айнзатцгруппы В Артуром Небе в его штаб-квартире в Минске. Ранее

Видман занимался разработкой технологии удушения газом, с помощью которой в рейхе уничтожали душевнобольных. Теперь он намеревался использовать свой опыт на востоке.

Невероятно, но первым методом, который Видман испробовал, пытаясь «улучшить» технологию убийств в Советском Союзе, стала попытка взрывать заключенных. Несколько душевнобольных затолкали в блиндаж и заложили туда динамит. Вильгельм Яшке, капитан, служивший в айнзатцкоманде 8, был тому свидетелем: «Это было ужасное зрелище. Взрыв оказался недостаточно мощным. Несколько выживших, но раненых душевнобольных выползли из блиндажа, плача и стелая...»⁶⁶ Блиндаж полностью завалило. Части человеческих тел валялись повсюду и даже висели на ветвях. На следующий день мы собрали все останки, разбросанные по земле и висевшие на деревьях, и бросили их в блиндаж. Однако те куски человеческой плоти, что были слишком высоко, мы так и не смогли снять, и они так и остались там висеть»⁶⁷.

Проведя этот кошмарный эксперимент, Видман осознал, что взрывы – явно не тот путь, который желает видеть Гиммлер. Он приступил к поискам другого метода. В программе эвтаназии, проводимой в рейхе, успешно использовался угарный газ в баллонах как средство уничтожения людей, но транспортировать огромное количество баллонов этого газа за тысячи километров на восток представлялось ему крайне непрактичным. Видман и его коллеги задумались о том, как можно по-другому использовать угарный газ для уничтожения людей. За несколько недель до этого Видман и его босс доктор Вальтер Хесс, сидя в вагоне берлинского метро, болтали о несчастном случае, происшедшем с Артуром Небе. Возвращаясь пьяным с вечеринки, Небе заехал в гараж – и заснул в машине, не выключив двигатель. В результате он чуть не умер от отравления угарным газом из выхлопной трубы.

Это происшествие натолкнуло Видмана на мысль провести эксперимент с выхлопными газами. Что он и проделал в Могилеве, к востоку от Минска: присоединив шланг с одной стороны к выхлопной трубе автомобиля, он провел этот шланг в кирпичный подвал городской психиатрической больницы. Группу пациентов заперли в этом подвале и завели мотор автомобиля, к которому вел этот шланг. Вначале эксперимент у нацистов, с их точки зрения, не удался: в помещение попало недостаточно газа для того, чтобы погибли все жертвы. Но затем ситуацию «исправили», заменив легковую машину грузовиком. На этот раз эксперимент, с нацистской точки зрения, оказался успешным. Видман изобрел дешевый и эффективный способ уничтожения людей, который бы уменьшил психологическое воздействие совершаемого преступления на убийц.

Таким образом, осенью 1941 года Видман инициировал радикальные изменения в процессе геноцида на востоке. Но как и когда было принято решение о том, что Освенцим станет неотъемлемой частью массового уничтожения евреев? До сих пор в этом нет ясности. Во многом этот процесс усложняют показания Хесса. В них он не только пытался представить себя жертвой требований Гиммлера и некомпетентности своих подчиненных, но и все время путался в датах. В своих показаниях Хесс заявляет следующее: «Летом 1941 года Гиммлер вызвал меня и сказал: “Фюрер приказал приступить к окончательному решению еврейского вопроса, и мы должны выполнить поставленную нам задачу. Для этой цели я выбрал Освенцим, поскольку там существует удобная транспортная развязка, и это место довольно изолированно от остального мира”»⁶⁸.

Хесс действительно был на приеме у Гиммлера в июне 1941 года: показывал рейхсфюреру СС, как продвигается план построения Освенцима в свете договоренностей с *I. G. Farben* о расширении. Но крайне маловероятно, что ему на той же встрече сообщили о том, что Освенцим станет частью «окончательного решения». Во-первых, не существует каких-либо доказательств того, что «окончательное решение», подразумевающее уничтожение евреев в лагерях смерти, вообще планировалось в тот момент. Встреча с Гиммлером состоялась еще до того, как начались первые расстрелы айнзатцгруппами мужчин-евреев на востоке, а затем, в конце июля, началась кампания массовых убийств. Во-вторых, Хесс противоречит сам себе, добавляя, что «на тот момент в Генерал-губернаторстве уже существовало три других лагеря смерти: Белжец, Трешлинка и Собибор». Но на самом деле ни один из этих лагерей еще не существовал летом 1941 года, все они появились уже в 1942 году, причем отнюдь не в начале его.

Некоторые ученые все же полагают, что, несмотря на все противоречия в своих показаниях, Хесс вероятно все же во время встречи с Гиммлером в июне 1941 года получил приказ: создать в Освенциме некие возможности для массового уничтожения людей. Но те данные, которые существуют на сегодня касаются создания оборудования для уничтожения людей в лагере летом и ранней осенью 1941 года едва ли подтверждают, что эта проблема обсуждалась на встрече с Гиммлером в июне. Самое правдоподобное объяснение несоответствий в показаниях Хесса – возможность того, что он просто перепутал даты. Беседа с Гиммлером вроде той, что описана в его показаниях, скорее всего, действительно имела место, но не в 1941 году, а годом позднее.

Все это ни в коем случае не означает, что летом 1941 года в Освенциме не происходили массовые убийства. Проведя чистку всех больных заключенных в рамках программы 14 f13, а также расстреляв в каменоломнях всех советских комиссаров, власти Освенцима столкнулись с той же проблемой, что и айнзатцгруппы на Восточном фронте: необходимостью найти более эффективный способ уничтожать людей. Решение, похоже, было найдено в конце августа или начале сентября, в тот момент, когда Хесса не было в лагере. Карл Фрич, заместитель коменданта лагеря, решил найти новое применение для пестицида, используемого для борьбы с насекомыми в болотистой местности вокруг лагеря – это была соль цианистоводородной кислоты (цианид). Этот пестицид продавался в банках, и назывался он «Циклон Б». Фрич в Освенциме совершил тот же «полет мысли», что и Видман на Восточном фронте. Если «Циклон Б» можно использовать для уничтожения вшей, то почему его нельзя использовать для уничтожения человеческих «паразитов»? А поскольку блок 11 уже был местом казней внутри лагеря, и его подвал был герметично изолирован, то он естественно стал самым подходящим местом для того, чтобы провести эксперимент.

Освенцим в то время был не тем местом, где подобную акцию можно было провести тайно. Расстояние между бараками составляло всего несколько метров, а слухи легко распространялись. Поэтому об эксперименте Фрича всем было известно с самого начала. «Я видел, как туда возили на тачках землю, чтобы изолировать окна, – рассказывает Вильгельм Брасе. – Затем в один прекрасный день я увидел, как начали выносить тяжелобольных на носилках из

госпиталя и относить их в блок 11». Кроме больных довольно предсказуемо в блок 11 отправили и тех, кто относился к другой категории заключенных, выбранных руководством Освенцима для убийства – советских комиссаров. «Советских военнопленных согнали в подвал, – рассказывает Август Ковальчик. – Но оказалось, что газ не сработал как надо, и многие из них на следующий день были еще живы. Тогда концентрацию газа усилили, добавив еще кристаллов пестицида».

Когда Хесс вернулся, Фрич доложил ему о проведенном эксперименте. Хесс лично присутствовал при следующем отравлении заключенных газом. «Надев противогаз, я наблюдал за тем, как они умирали. Как только в переполненную камеру подавали «Циклон Б», смерть наступала почти мгновенно. Короткий вскрик задыхающихся – и все кончено». Правда, доказательства свидетельствуют, что смерть заключенных в блоке 11 была далеко не «мгновенной». Однако для нацистов в любом случае использование газа «Циклон Б» в Освенциме существенно упрощало процесс уничтожения людей. Убийцам больше не нужно было смотреть в глаза своим умирающим жертвам. Хесс писал тогда, что он очень «рад» тому, что нашли такой способ убийства, который избавит его от нужды устраивать «кровавую бойню». Но он ошибался. Настоящая кровавая бойня только начиналась.

Глава 2 Приказы и личная инициатива

Седьмого апреля 1946 в рамках нюрнбергского процесса американский психолог доктор Густав Гилберт проводил допрос Рудольфа Хесса. «Вам никогда не приходило в голову, – спросил Гилберт Хесса, – отказаться выполнять приказы Гимmlера, касаемые так называемого “окончательного решения”»?1 – «Нет, – ответил Хесс, – учитывая всю ту подготовку, которую мы получили, сама мысль отказаться выполнять приказ никогда не приходила нам в голову, вне зависимости от содержания приказа... Я думаю, вы просто не понимаете, в каком мире мы жили. Естественно, я обязан был подчиняться приказам».

Таким образом, Хесс недвусмысленно ставит себя в один ряд с той массой немецких солдат, которые после поражения в войне хотели, чтобы весь мир думал, что они были просто роботами, слепо выполнявшими любые приказы, независимо от своих личных чувств и взглядов. Но на деле Хесс далеко не был безотказным автоматом. На протяжении последних шести месяцев 1941 года и первых шести месяцев 1942 года он продемонстрировал недюжинную изобретательность. Не просто выполнял приказы, но и проявлял собственную инициативу, чтобы увеличить «производительность» процесса уничтожения заключенных в Освенциме. В тот решающий период так думал и действовал не только Хесс: многие другие нацисты также сыграли свою зловещую роль. Этот фактор стал необычайно важным в развитии процесса уничтожения: ему очень способствовали различные инициативы, проявленные функционерами, начиная с самого низа нацистской иерархической лестницы. Когда война закончилась, Хесс и сотни других нацистов пытались убедить весь мир в том, что только один человек принимал все решения – Адольф Гитлер. Но «окончательное решение еврейского вопроса» было коллективным делом очень многих людей. И лучше всего это иллюстрирует пример того, как принималось решение о депортации немецких евреев осенью 1941 года.

Война против Советского Союза, которая началась в июне того года, привела к самому радикальному решению созданной самими же нацистами «еврейской проблемы»: начались расстрелы еврейских мужчин, женщин и детей на территории Советского Союза. Но евреи Западной Европы и Германского рейха жили еще относительно спокойно, и та бойня, что происходила на востоке, их пока не затрагивала. Нацисты предполагали всех этих евреев «отправить на восток», как только окончится война, что по оптимистическим оценкам Гитлера, Гимmlера и Гейдриха должно было произойти где-то осенью 1941 года. Что должно было произойти со всеми этими евреями после отправки на восток «после окончания войны», не совсем было ясно, поскольку тогда еще не существовало лагерей смерти, готовых их принять. Скорее всего, их послали бы в трудовые лагеря, расположенные в самых отдаленных районах оккупированного нацистами Советского Союза. Там все равно продолжался бы геноцид еврейского народа, просто он длился бы гораздо дольше, нежели убийства в газовых камерах концентрационных лагерей в Польше.

Но в августе сразу несколько видных партийных деятелей стали проявлять нетерпение, требуя ускорить осуществление этого плана. Они знали, что на Востоке с советскими евреями уже «разбирались», причем самым жестоким способом, который только можно себе представить. Почему бы, стали поступать предложения, не выслать немецких евреев в этот эпицентр массовых убийств, причем немедленно? Йозеф Геббельс, нацистский министр пропаганды и гауляйтер Берлина, был одним из тех, кто летом 1941 года активнее всех ратовал за депортацию всех евреев Берлина на Восток. На совещании, которое состоялось 15 августа, статс-секретарь Геббельса Леопольд Гуттерер указал на тот факт, что из 70 тысяч евреев, проживавших в Берлине, только 19 тысяч где-нибудь работали (естественно такая ситуация сложилась потому, что нацисты ввели целый ряд законов, ограничивающих права немецких евреев на работу). Всех, кто не работает, заявил Гуттерер, «необходимо отправить в Россию... а еще лучше просто уничтожить»2. Когда 19 августа Геббельс встретился с Гитлером, он сделал аналогичное предложение фюреру: немедленно депортировать евреев Берлина.

Все помыслы Геббельса занимали безумные нацистские бредни о роли, которую евреи якобы сыграли в Первой мировой войне. В то время как немецкие солдаты проливали свою кровь на фронте, защищая родину, евреи, по мнению нацистов, зарабатывали на войне в безопасности больших городов (на самом-то деле, конечно, немецкие евреи гибли на фронте «пропорционально» своей доле в населении Германии). Но теперь, летом 1941 года, Геббельс окончательно вбил себе в голову, что все это было правдой, и теперь, когда вермахт изо всех сил борется с врагами рейха на востоке, евреи спокойно живут в Берлине.

А что еще им оставалось делать? Ведь им было запрещено служить в германских вооруженных силах! Как это повторялось уже не в первый раз, нацисты сами создали такие обстоятельства, которые затем лучше всего подходили для оправдания их предрассудков. Но, несмотря на увещания Геббельса, Гитлер пока не соглашался разрешить

депортировать берлинских евреев. Он сказал, что на данный момент главный приоритет государства – ведение войны, а еврейский вопрос может и подождать. Однако Гитлер пошел навстречу Геббельсу в одной из его просьб. Нацисты ввели еще одну антисемитскую меру, которая еще больше ужесточила преследование евреев. Гитлер дал согласие на то, чтобы все евреи Германии отныне носили желтые звезды Давида. В гетто польских городов евреи должны были носить такие знаки отличия с самых первых месяцев нацистской оккупации, но немецкие евреи до сих пор такому унижению не подвергались.

В то лето и начало осени Геббельс был не единственным высокопоставленным нацистским функционером, убеждавшим Гитлера дать разрешение на депортацию немецких евреев. Сразу же после авианалета британских ВВС на Гамбург 15 сентября 1941 года гауляйтер Гамбурга Карл Кауфман решил написать Гитлеру письмо с просьбой разрешить депортацию евреев города для того, чтобы предоставить их жилье чистокровным немцам, чьи дома были разрушены в результате бомбардировки города. К этому моменту Гитлер получил письма с предложением выслать евреев на восток от целого ряда различных нацистских функционеров, включая предложение Альфреда Розенберга депортировать всех евреев Центральной Европы в отместку за недавнюю депортацию Сталиным немцев Поволжья в Сибирь. И теперь, всего через несколько недель после заявления, что евреев рейха нельзя депортировать, Гитлер неожиданно передумал. В сентябре он решил все-таки начать изгнание евреев на восток.

Однако в этой перемене решения не стоит усматривать некую нерешительность Гитлера, поддавшегося настоятельным требованиям своих подчиненных. Последние события на фронте повлияли на фюрера не меньше, нежели обращения его подчиненных. Гитлер всегда говорил, что евреев можно депортировать после окончания войны – и вот в сентябре 1941 года ему очевидно уже казалось, что до «депортации евреев после окончания войны» осталось буквально всего несколько недель. Киев должен был вот-вот пасть. Ничто, казалось, не могло остановить немецкого наступления на Москву, поэтому Гитлер был все еще уверен в том, что Советский Союз будет разгромлен до наступления зимы.

Открытым, конечно, оставался вопрос: куда же выслать евреев? У Гимmlера был один ответ: почему бы евреям рейха не присоединиться к польским евреям в их гетто? 18 сентября Гимmlер написал письмо Артуру Грейзеру, нацистскому гауляйтеру Вартелианда в Польше, с просьбой подготовить гетто Лодзи к прибытию 60 тысяч евреев из Старого Рейха. Однако Гимmlер знал, что в лучшем случае это могло стать только краткосрочным решением, поскольку, как довольно быстро ему указали местные нацистские функционеры, гетто Лодзи уже тогда было переполнено.

Семнадцатилетняя Люсиль Айхенгрин³ была среди первых немецких евреев, депортированных из страны после того, как Гитлер принял решение изменить свою политику по отношению к евреям рейха. В октябре 1941 года, когда ее мать получила заказное письмо, в котором содержался приказ их семье приготовиться покинуть Гамбург в течение 24 часов, никто, включая даже тех нацистов, которые хотели избавиться от них, не мог себе представить, насколько долгим и мучительным окажется их путь в Освенцим. Семья Айхенгринов уже перенесла много страданий. Отец Люсиль был гражданином Польши, и поэтому в самом начале войны был арестован и отправлен в Дахау. Через восемнадцать месяцев после его ареста, в феврале 1941 года, семья, наконец, получила новости об отце: «К нам в дом пришло гестапо. При полном параде, в начищенных до блеска сапогах, фуражках и кожаных куртках – их типичной для того времени форме, – рассказывает Люсиль Айхенгрин. – Они бросили на кухонный стол коробку от сигар и сказали: “Это пепел Бенямина Ландау [отца Люсиль]”. Было ли это правдой – или то была просто горстка пепла из крематория Дахау – мы уже никогда не узнаем. Мы были просто убиты известием о смерти отца. Особенно моя мать и младшая сестра: на них лица не было». И вот теперь, восемь месяцев спустя после того, как они узнали о смерти главы семьи от рук нацистов, Люсиль, ее сестра и мать в последний раз вышли из своего дома и пешком отправились на вокзал. На всем пути они не встретили на улицах города ни одного сочувственного взгляда. «Они [немцы] стояли на улице с каменным выражением лиц, – рассказывает Люсиль. – Они либо ругались в наш адрес, либо отворачивались. Меня это не обижало – скорее приводило в ужас».

Уве Шторйоханну⁴ было на тот момент шестнадцать лет, и он был одним из тех немцев, жителей Гамбурга, которые стояли на улицах и наблюдали, как мимо них шли евреи. «Где-то около 20 процентов людей громко радовались, – рассказывает он, – говорили: “Слава богу, эти ненужные нахлебники наконец-то исчезнут”, “Они ведь просто паразиты!” Они радостно хлопали в ладоши каждый раз, когда мимо шли евреи. Но основная масса людей просто спешила пройти мимо, в гробовой тишине, стараясь не замечать происходящего. Именно эта основная масса после окончания войны и будет утверждать: “Я ничего не знал об этом. Мы ничего такого не видели”». У одного из друзей Уве Шторйоханна в роду были евреи, и ему пришлось попрощаться с любимой тетей и бабушкой. Это была душераздирающая сцена. Сам друг был евреем только на четверть, поэтому ему разрешили остаться, но его тетя и бабушка были чистокровными еврейками, и должны были покинуть город. После всего увиденного только одна мысль крутилась в голове Уве Шторйоханна: «Мною овладело только одно чувство: слава Богу, что я не еврей. Слава Богу, что я не принадлежу к этому народу. Я, конечно, мог бы родиться евреем, потому что родителей не выбирают – и тогда я был бы среди тех, кого сейчас депортируют. И мне бы пришлось носить эту желтую звезду. Я до сих пор не могу забыть это ощущение... Тут же, – продолжает он, – возникла мысль: “Но что же будет с этими людьми?” И я, конечно, был в курсе после всего того, что слышал, что ничего хорошего с ними не произойдет. Их всех вышлют туда, в тот ужасный мир».

Вопрос о том, что же «простые» немцы знали о дальнейшей судьбе евреев, вызывает множество споров и по сегодняшний день. Но вот это признание Уве Шторйоханна о том, что он знал, что немецких евреев отправляли в «ужасный» мир, пожалуй, более всего похоже на то, что творилось в умах большинства немцев в тот момент. Они знали, что евреи уже никогда не вернуться. На улицах города власти устроили ярмарки по распродаже оставшегося еврейского имущества. Многие «простые немцы» знали о том, что с евреями на востоке происходят «ужасные вещи». Нацистский отчет, подготовленный СД (службы разведки СС, которую возглавлял Рейнхард Гейдрих) о положении дел во Франконию, на юге Германии, датированный декабром 1942 годом, наглядно демонстрирует тот факт, что

нацисты сами были озабочены тем эффектом, который производила на немецкое население информация о массовых убийствах, происходящих на востоке: «Одной из самых серьезных причин для беспокойства среди тех, кто близок к церкви, и среди сельского населения в данный момент являются новости из России, в которых говорится о массовых расстрелах и уничтожении евреев. Эти новости очень часто вызывают тревогу и озабоченность у данных слоев населения. Среди сельского населения ширится мнение, что мы можем и не выиграть войну и, что если в этом случае евреи вернутся в Германию, то они нам жестоко отомстят»⁵.

Несмотря на такой уровень информированности о происходящем среди немецкого населения, очень мало кто протестовал против депортации немецких евреев. И уж точно не было никаких протестов против того, что происходило в Гамбурге в октябре 1941 года, когда весь этот процесс только начинался. Итак, три женщины из семьи Айхенгрин, пройдя пешком по улицам Гамбурга, добрались до вокзала и сели на поезд третьего класса с деревянными сиденьями. Только когда поезд тронулся, Люсиль осознала, «что поезд не имеет конечной станции назначения. Это была поездка в никуда, и мы не имели абсолютно никакого представления о том, что нас ждет».

В конце концов, они попали в Освенцим, где в тот момент нацистское руководство претворяло в жизнь план масштабного расширения всего лагерного комплекса. В трех километрах от уже существующего лагеря, на клочке болотистой земли, который поляки называли Бжезинка, а немцы Биркенау, нацисты намеревались построить новый лагерь. Хотя, в конечном счете, именно Освенцим-Биркенау станет местом массового убийства евреев, тогда он строился для других целей. Биркенау строили не для евреев, а для военнопленных.

Самая распространенная версия того, как происходило строительство Биркенау, принятая в современной истории, выглядит следующим образом: когда в марте 1941 году Гиммлер прибыл в лагерь с инспекцией, он приказал Хессу построить новый гигантский концентрационный лагерь для военнопленных, который смог бы вместить 100 тысяч человек. Эта версия базируется исключительно на показаниях Хесса, которые, как уже указывалось, иногда могли быть ненадежными. Если приказ о строительстве лагеря для военнопленных действительно поступил от Гиммлера в марте 1941 года, то остается загадкой: почему же строительство началось только в октябре того года? В результате недавних исследований в русских архивах, появились новые данные, которые помогают раскрыть эту тайну. Документ из строительного управления Освенцима, датированный 12 сентября 1941 года и озаглавленный «Пояснительная записка о предварительном плане строительства и расширения концентрационного лагеря Освенцим»⁶ содержит детальное описание текущего положения дел и будущего расширения Освенцима I, главного лагеря, до размера, позволяющего вместить 30 тысяч заключенных. Но ни в этом документе, ни в каких-либо приложениях к нему нет ни единого слова о планах по строительству нового лагеря для военнопленных в Биркенау. Поэтому логично предположить, что по состоянию на 12 сентября еще не существовало никаких конкретных планов относительно строительства Биркенау.

Еще один недавно появившийся источник архивных документов указывает на то, что еще в середине сентября решение о строительстве нового лагеря не было принято. В 90-х годах⁷ в российских архивах нашли недостающие части настольного дневника-календаря Гиммлера, что сильно облегчило детальное изучение всех его передвижений и телефонных разговоров в этот решающий период. В дневнике указано, что 15 сентября Гиммлер обсуждал проблему военнопленных с Рейнхардом Гейдрихом и Освальдом Полем, начальником Главного административно-хозяйственного управления СС. На следующий день состоялась телефонная беседа с Полем, которая, как говорит запись в дневнике Гиммлера, касалась «100 тысяч русских», которых «должна была принять» система концентрационных лагерей. 25 сентября Управление по делам военнопленных Верховного командования вермахта отдало приказ: «передать 100 000 военнопленных рейхсфюреру СС». 26 сентября Ганс Каммлер, начальник Главного строительного управления СС, отдал приказ приступить к строительству нового лагеря для военнопленных в Освенциме.

Все эти новые свидетельства, таким образом, указывают на то, что окончательное решение о начале строительства Биркенау было принято в сентябре 1941 года, а не в марте. Конечно, существует вероятность того, что Гиммлер вначале увидел и осознал возможности площадки, впоследствии использованной для строительства Биркенау, во время своего посещения Освенцима весной того года. Возможно, он даже упомянул в беседе с Хессом тот факт, что в один прекрасный день эта площадка может оказаться подходящей для расширения лагеря. В июле 1941 года эсэсовцы очистили дома в маленькой деревне Биркенау, а жителей куда-то перевезли. Это говорило о том, что руководство Освенцима оценило потенциал места (хотя очищали и другие прилегающие территории для создания «зоны интересов Освенцима»). Но с появлением новых сведений можно смело утверждать, что вплоть до сентября никаких конкретных решений относительно Биркенау принято не было.

Задача проектирования и строительства нового лагеря досталась гауптштурмфюреру (капитану) СС Карлу Бишофу, недавно назначенному начальником строительства Освенцима, и архитектору, роттенфюреру (капралу) СС Фрицу Эртлу. При изучении их проектов обнаруживается, что жилые помещения изначально проектировались слишком тесными, чтобы там можно было поддерживать человеческие условия.

Первоначально планировалось, что в одном барачном блоке будет жить 550 заключенных: это означало, что на одного узника полагалась только треть площади, положенной на заключенного в концентрационных лагерях Старого Рейха, например, в Дахау. Но по проектам видно, что даже такой уровень плотности показался проектировщикам недостаточно высоким: в рукописных изменениях число 550 было вычеркнуто, его исправили на 744. Теперь, учитывая эту поправку, предполагалось, что заключенный в Биркенау будет занимать четверть общей площади, положенной узнику немецкого концлагеря. Такая бессердечность для СС была нормой: они знали, что это будет военный лагерь для специальных узников – не для британских или французских военнопленных, а для врагов, которых они полноценными людьми не считали: захваченных в плен советских солдат.

За первые семь месяцев войны с Советским Союзом немцы взяли в плен 3 миллиона солдат Красной Армии. Всего в ходе войны они захватили 5,7 миллионов, из них около 3,3 миллионов погибли в плену. После войны предпринимались попытки объяснить такие ужасные потери тем, что немцы не планировали взять в плен такое

количество солдат за такое короткое время, поэтому и не создали соответствующих планов по их содержанию. Но на самом деле все совсем не так. Как следует из протоколов совещаний по экономическому планированию, изученных нами в первой главе, в Советском Союзе предполагался массовый голод как следствие того, что немецкая армия во время войны будет кормиться «за счет» советского населения. И планы по расширению лагеря Освенцим-Биркенау укладываются в схему: советских военнопленных нужно поместить в такую среду, где большинство из них неминуемо умрет.

По примеру Освенцима 1, узники своими силами должны были строить Биркенау. Для этого осенью 1941 года в Освенцим были отправлены 10 тысяч советских военнопленных. Польский заключенный Казимеж Смолень⁸ был свидетелем их прибытия. «Уже шел снег, что для октября редкость; их (советских военнопленных) выгрузили из вагонов в трех километрах от лагеря. Им приказали снять одежду и окунуться в чаны с дезинфицирующим раствором, и в Освенцим (в главный лагерь) они шли уже голыми. Они были совершенно истощены. Советские заключенные стали первыми в главном лагере, кому вытатуировали на теле лагерные номера. Это было еще одно «усовершенствование», придуманное в Освенциме – единственном лагере в нацистском государстве, где идентифицировали узников таким образом. Очевидно, это вводилось из-за высокой смертности среди заключенных: немцам легче было различать трупы по татуировкам, чем по жетонам, повязанным на шею – ведь веревки могли развязаться. Первоначально татуировки наносили не на руки, а выкалывали на груди длинными иглами, затем в рану заливали чернила. По свидетельству Казимежа Смоленя, многие советские заключенные просто не могли выдержать такую жестокую процедуру: «Они еле ходили, и, когда им выбивали клеймо, падали. Только опираясь на стены, они кое-как держались на ногах».

Из 10 тысяч советских заключенных, которые начинали строительство Биркенау той осенью, только несколько сотен дожили до следующей весны. Одним из выживших несмотря ни на что был солдат Красной Армии Павел Стенькин⁹. Он попал в плен к немцам менее чем через два часа после начала войны 22 июня 1941 года. Сначала он был помещен в огромный военный лагерь за линией немецкого фронта, где его и других советских военнопленных держали в загоне как скот, и кормили только жидкой баландой. Его товарищи начали умирать от голода, но он, по его словам, выжил потому, что привык к недоеданию: он был «голодным с детства», так как рос в советском колхозе в 30-е годы. Стенькин прибыл в Освенцим одним из первых эшелонов в октябре 1941 года, и его сразу послали на строительство бараков на новом участке. «Средняя продолжительность жизни советских военнопленных в Биркенау составляла две недели, – рассказывал он. – Если находилось что-то съедобное, нужно было срочно это проглотить. Сырая это картошка или нет – не имело значения. Грязная, не грязная – то же самое, мыть ее было негде. Когда утром наступало время подъема, те, кто был жив, вставали, а рядом лежали два-три трупа. Вечером идешь спать, ты жив, а утром ты уже мертв. Смерть, смерть, одна смерть. Смерть ночью, смерть утром, смерть в обед. Смерть все время».

Так как советские военнопленные в лагере регистрировались, и у них были номера, руководство Освенцима столкнулось с проблемой – какими причинами объяснять в *Totenbuch* («Книге смерти») тысячи и тысячи смертей. Решение нашлось: стали придумывать разные болезни, от которых могли умереть советские военнопленные; например, 600 человек записали умершими от «сердечных приступов»¹⁰. (Эту проблему им предстоит решить позже, когда начнут прибывать евреи, с помощью простой уловки – просто не регистрировать большинство тех, кого отбирали для немедленной смерти.)

«Их считали людьми низшего сорта, – говорит Казимеж Смолень, который работал вместе с советскими заключенными в Биркенау. – Их больше били эсэсовцы, ставили на более тяжелую работу. Их просто истребляли. Они умирали как мухи». Условия содержания советских военнопленных были настолько ужасны, что среди них случались случаи каннибализма, свидетелем которых был Рудольф Хесс: «Я сам наткнулся на русского, лежавшего между грудями кирпича, из его разодранного тела была вынута печень. Они могли убить друг друга за еду»¹¹. Хесс приводит много документальных примеров подобных кошмаров в своих мемуарах, но нигде не указывает причину, по которой советские военнопленные были доведены до такого состояния. Тот факт, что по его собственной вине и вине его коллег по СС всего за полгода умерло чуть больше 9 тысяч из 10 тысяч советских военнопленных, кажется, ускользнуло от его внимания. И понятно, почему Хесс не чувствует своей вины: по его логике, советские военнопленные вели себя именно так, как и предсказывала нацистская пропаганда: «как животные». В очередной раз нацисты воплотили в жизнь ими же созданное пророчество.

Надрываясь в Биркенау, больной и голодный, видя, как умирают его товарищи, Павел Стенькин мечтал об одном. Он знал, что его ожидает смерть, но «умереть свободным – вот что было моей мечтой; пусть меня застрелят, но как свободного человека». Поэтому он и горстка его товарищей планировали совершить побег, полностью осознавая, что их шансы на успех невелики. Вряд ли можно было придумать более простой план. Однажды весной 1942 года их послали собрать трупы других военнопленных, которые просто валялись за периметром лагеря. Только выйдя за ворота лагеря, с криком «Ура-а-а!» они рассыпались в разные стороны. На мгновение часовые на сторожевых вышках пришли в замешательство, поэтому и не открыли огонь по русским, пока те не скрылись в ближайшем лесу. С невероятным трудом спустя несколько месяцев Павел Стенькин добрался, наконец, до своих... Но, как вы увидите в 6 главе, его мучения на этом не закончились.

В октябре 1941 года, в дополнение к проекту нового лагеря для военнопленных в Биркенау (Бжезинка), архитекторы Освенцима разработали также новый крематорий, чтобы заменить тот, что уже имелся в главном лагере. Недавнее исследование¹² показывает, что дополнения в схемах вентиляционной системы, которая выводила отработанный воздух и нагнетала свежий, а также углубление вентиляционных каналов означали: новый крематорий спроектирован так, чтобы при необходимости он мог стать и газовой камерой. Другие специалисты оспаривают это мнение, подчеркивая, что в схемах не показана возможность доставлять газ «Циклон Б» в здание. Но даже если проектировщики СС думали, что новый крематорий будет выполнять те же функции, что и старый, в котором несколько недель назад проводилась небольшая серия экспериментов с газом «Циклон Б», похожих на те, что

проводились в блоке 11, это все же не означает, что уже тогда в Освенциме готовились к новым массовым уничтожениям.

В октябре, когда эсэсовские архитекторы работали над своими проектами, а советские заключенные начали строительство Биркенау, Люсиль Айхенгрин и другие гамбургские евреи прибыли в центральную Польшу, в Лодзь – первую остановку на своем долгом пути в Освенцим. То, что они увидели в первый же день в гетто, потрясло их. «Мы увидели сточные воды, текущие по канавам, – говорит Люсиль. – Старые, полуразрушенные дома, район, похожий на трущобы – хотя никто из нас прежде не видел трущоб, но наверняка они выглядели именно так. Люди в гетто выглядели изможденными, еле живыми. Они не обращали на нас никакого внимания. Мы не знали, что это было за место. Да и какой смысл был в том, чтобы это узнать?»

К тому времени, когда Люсиль прибыла в Лодзь, гетто было отрезано от внешнего мира уже 18 месяцев. Болезни и голод уничтожали население. За время существования гетто за его забором умерли более 20 процентов его обитателей. Условия были невыносимыми. 164 тысячи евреев согнали на территорию в 1,5 квадратных мили¹³.

Сначала нацисты заключили лодзинских евреев в гетто, никак не давая им заработать на еду. Артур Грейзер, имперский наместник Позена, хотел, чтобы под угрозой голодной смерти евреи были вынуждены отдавать все свои ценные вещи. Чтобы выжить в таких обстоятельствах, требовалась изобретательность. Якоб Зильберштейн¹⁴, один из первых лодзинских евреев, заключенных в гетто, торговал с поляками, жившими сразу за проволочным ограждением гетто. Он заключил сделку с человеком, который согласился перебрасывать ему котомку с хлебом через проволоку. Якоб съедал половину хлеба, продавал остальное, и отдавал заработанные деньги через ограждение обратно поляку, который, таким образом, получил порядочную прибыль: «Он помогал нам два месяца... И за это был пойман и поплатился жизнью. Но два месяца уже немалый срок». Другие евреи меняли на еду бриллиантовые кольца и другие украшения. В результате поляки и этнические немцы по другую сторону проволоки неплохо разбогатели. «Если тебе за 100 марок достается что-то, что стоит 5000 марок, глупо этим не воспользоваться, – говорит Эгон Зейлке¹⁵, этнический немец из Лодзи, признавшийся, что получил огромную прибыль от сделок с узниками гетто. – Они [евреи] не могли съесть кольцо, но могли получить за него кусок хлеба и прожить еще день или два. Необязательно быть дельцом – такова жизнь».

К августу 1940 года нацистам стало ясно, что у евреев, попавших в ловушку гетто, больше не осталось «запасов», и они начали умирать. Типично нацистское мышление недальновидно: местное немецкое руководство не было готово к такому неизбежному кризису. И вот настало время принимать решение. Позволить евреям умереть или разрешить им работать? Немецкий глава администрации гетто Ганс Бибов был склонен дать евреям работу, а его заместитель Александр Пальфингер считал – вопреки очевидным фактам, – что у евреев все еще могут быть припрятаны деньги, поэтому их нужно продолжать морить голодом. Если же у них больше нет возможности платить за пищу, тогда, резюмировал он, «быстрое вымирание евреев не волнует нас, чтобы не сказать – желательно нам»¹⁶.

Аргументы Бибова оказались убедительнее, и в гетто открыли около сотни мастерских, большинство из которых производило текстиль. У кого появилась работа, тому доставалось больше еды, чем тем, кому ее не дали: обычная для нацистских администраторов практика деления на тех, кого немцы считают «полезными», и тех, кого можно считать «бесполезными едоками». Нацисты предоставили Еврейскому совету Лодзинского гетто (орган получил название *Ältestenrat* – Совет старейшин) под председательством Мордехая Хаима Румковского некоторую свободу действий на местах. *Ältestenrat* организовал предприятия, раздачу еды, полицию гетто и множество других служб. Со временем Совет старейшин утратил популярность среди населения гетто. «Они получали особый паек, – говорит Якоб Зильберштейн. – У них были специальные магазины, где им доставалась очень неплохая еда. Достаточно, чтобы жить комфортно. Я был очень зол, что избранных снабжают [подобным образом], а других просто игнорируют».

Таким было место, куда Люсиль Айхенгрин, ее сестра и мать прибыли в октябре 1941 года – теснота, болезни. Большинство его обитателей страдали от голода, а небольшая горстка жила гораздо лучше остальных. Вновь прибывающим немецким евреям места уже не было, и они были вынуждены селиться там, где придется. «Нам приходилось спать прямо на полу в каком-то классе, – рассказывает Люсиль. – Ни коек, ни соломы, ничего. Раз в день нам давали похлебку и маленький кусочек хлеба». Яков Зильберштейн вспоминает прибытие немецких евреев: «Они были страшно подавлены. Думаю, потому что обычно они [немецкие евреи] смотрели на польских евреев свысока: мы были людьми «более низкого сорта», чем они. И вдруг они с ужасом осознали, что оказались на том же уровне, что и мы, а может, и ниже, ведь они не могли жить в тех условиях, в которых жили мы».

Немецкие евреи начали продавать свои вещи польским, чтобы приобрести еду или более сносные условия проживания. Люсиль Айхенгрин повезло: ее семья была польского происхождения – им было легче заниматься меновой торговлей. «Моя мама обменяла шелковую блузку на хлеб и масло. Торговля пошла у нее хорошо, потому что она знала язык. Несколькими неделями позже я выменяла у какой-то молодой женщины хлеб на кожаный кошелек. Жалко было смотреть и на продавцов, и на покупателей. Покупатели были одеты в лохмотья».

Мы по сравнению с ними выглядели даже зажиточно: одеты в западную одежду и не настолько изголодавшиеся, как местные обитатели. Например, местные могли зайти в помещение школы и предложить: «У меня есть свободная комната, если хотите спать ночью в кровати, дайте кусочек хлеба или немного немецких денег, и вы уйдете из школы на ночь». Предлагались любые виды сделок».

Немецкие евреи быстро поняли: чтобы получить шанс выжить, нужно найти работу в гетто. Но это было трудно, и не только из-за трений между немецкими и польскими евреями. «Самые первые прибывшие (немецкие евреи) очень критично высказывались о происходящем в гетто, – рассказывает Люсиль. – Они постоянно твердили: “Это не официально... это неправильно... мы научим их”. Но нельзя же прийти в чужой дом и наводить там свой порядок». Однако самой большой проблемой немецких евреев было отсутствие «связей» внутри гетто. «По существу там была коррупционная система, – говорит Люсиль. – Ты помогаешь мне, я помогаю тебе. Посторонние не могли попасть в нее. Когда я впервые попыталась устроить свою сестру на фабрику, это оказалось практически

невозможно, потому что директор фабрики спросил: «А что я буду иметь взамен?» В гетто за все надо было платить тем или иным способом. И плата была высока. Но людей такими сделала жизнь в гетто. Я очень сомневаюсь, что они были такими же и до войны. Мне было всего семнадцать. И я была просто потрясена».

Прибытие немецких евреев вызвало недовольство среди местного населения гетто, но и нацистское руководство Вартегау их присутствие тоже раздражало. Протесты начались, как только Гиммлер предложил депортировать 60 тысяч евреев из «Старого Рейха» в Лодзь. В результате число депортированных сократили до 20 тысяч евреев и 5 тысяч цыган. Но и с таким количеством людей гауляйтеру Артуру Грейзеру справиться было трудно. Вместе с Вильгельмом Коппе, начальником полиции и СС округа, он нашел решение проблемы перенаселенности в гетто. Учитывая то, что с лета 1941 года на востоке типичным ответом на такие кризисы стал геноцид, неудивительно, что вопрос касался только выбора методов уничтожения людей. Они обратились в службы гауптштурмфюрера СС (капитана) Герберта Ланге, который командовал отрядом особого назначения, причастным к уничтожению инвалидов в Восточной Пруссии и прилегающих территориях. В некоторых случаях для убийства он и его команда использовали газваген¹

или «душегубку» – герметично закрытый фургон, куда закачивался угарный газ. Такие мобильные газовые камеры рассматривались местными нацистами как наиболее подходящий ответ на неожиданное перенаселение Лодзинского гетто.

По словам водителя Ланге Вальтера Бурмайстера, в самом конце осени Ланге нашел подходящее место для своих газвагенов на территории Вартегау. «Первым делом, – говорил Ланге своему водителю, – главное тут – совершенная секретность. У меня есть приказ сформировать в Хелмно специальную команду. Другие сотрудники из Позена и из полиции Лицманштадта (так немцы называли Лодзь) к нам присоединятся. Нам предстоит трудная, но важная работа»¹⁷. В маленькой деревне Хелмно (немецкое название Кульмхоф), в 70-ти километрах на северо-запад от Лодзи, Ланге и его команда подготовили замок (*Schloss*) – для «трудной, но важной работы» – массовых убийств. Не Освенцим, а Хелмно станет первым нацистским лагерем смерти, где будут убивать евреев, отобраанных в Лодзинском гетто.

Но в конце 1941 года Хелмно был не единственным строящимся лагерем смерти. 1 ноября начались работы по созданию лагеря смерти в рабочем концентрационном лагере Белжец в Люблинском воеводстве на востоке Польши. Большая часть персонала, включая первого коменданта лагеря гауптштурмфюрера СС (капитана) Кристиана Вирта, была набрана из участников программы эвтаназии взрослых. Находящийся в центральной части Генерал-губернаторства Белжец, так же как и Хелмно, был, по всей видимости, создан, как место для убийств «беспольных» евреев из прилегающих территорий. Но, в отличие от Хелмно, это был первый лагерь, в котором с самого начала планировалось держать стационарные газовые камеры, подсоединенные к машинам, вырабатывающим угарный газ. По существу, это было логическое завершение экспериментов по массовому умерщвлению людей угарным газом, проводимых Видманом на востоке в сентябре 1941 года.

Тем временем депортация евреев из «Старого Рейха» продолжалась. В период с октября 1941 года по февраль 1942 года 58 тысяч евреев были высланы на восток в разные места, включая и Лодзинское гетто. Везде, куда их отправляли, местным нацистским властям приходилось импровизировать в поисках решения, что с ними делать, иногда действуя по указкам из Берлина, иногда – по собственной инициативе. Около семи тысяч евреев из Гамбурга были отправлены в Минск, где они нашли приют в той части гетто, которая недавно была очищена для них путем расстрела живших там ранее двенадцати тысяч советских евреев. Евреев из Мюнхена, Берлина, Франкфурта и других немецких городов отправили в Литву, в Каунас, где пять тысяч из них были расстреляны Айнзатц-группой 3. Они были первыми немецкими евреями, убитыми сразу же после перемещения на восток. Другой эшелон из Берлина прибыл в Латвию, в Ригу, 30 ноября, и всех, находившихся в нем, убили сразу по прибытии. Но эта акция была проведена против желания Гиммлера. Он предварительно позвонил Гейдриху с сообщением: «Еврейский транспорт из Берлина. Никакой ликвидации». Фридрих Еккельн, обергруппенфюрер СС и генерал полиции, отдавший приказ о казни, получил впоследствии выговор от Гиммлера.

Как показывают эти события, в течение осени 1941 года в политике, касающейся судьбы евреев рейха, не было последовательности: Гиммлер был против расстрелов в Риге, но не возражал против них в Каунасе. Тем не менее, несмотря на эту путаницу, существует множество доказательств того, что решение отправлять евреев из рейха на восток стало неким «водоразделом». В октябре в одной послеобеденной беседе Гитлер заметил: «Пусть только скажут, что мы не можем топить их [евреев] в болотах! А о наших людях кто-нибудь думает? Хорошо, если страх, что мы истребляем евреев, побежит впереди нас»¹⁸. Естественно, осенью среди нацистского руководства шли споры о том, отправлять ли всех евреев, проживавших на контролируемой Германией территории, на восток. Рейнхард Гейдрих оправдывал поджог парижской синагоги, говоря, что одобряет эту акцию «только в том смысле, что евреи в ответе за то, что в Европе разразилась Первая мировая – и теперь они, наконец, должны исчезнуть из Европы»¹⁹. Тогда же, в ноябре 1941 года, Гитлер в дискуссиях с Главным муфтием Иерусалима, который бежал в Берлин, говорил, что хотел бы, чтобы все евреи, даже те, кто не проживал на оккупированной Германией территории, «были уничтожены»²⁰.

Приняв решение депортировать евреев рейха, Гитлер запустил цепь событий, которые, в конце концов, привели их к уничтожению. На территории Советского Союза немецкие команды смерти уже расстреливали еврейских мужчин, женщин и детей. И высылая евреев рейха именно туда, мог ли Гитлер думать, что им уготована иная участь? Граница между убийством местных евреев для того, чтобы предоставить место для прибывающих евреев из рейха, и убийством прибывших была с самого начала очень условной – как продемонстрировали акции Еккельна в Риге. Эти

¹ Газваген (нем. Gaswagen), газовый автомобиль, «душегубка» – термин, используемый после окончания Второй мировой войны в научной и популярной литературе для обозначения мобильных газовых камер, применявшихся нацистской Германией в период Второй мировой войны для массового уничтожения людей путем отравления угарным или выхлопным газом

отличия стали еще более расплывчатыми для нацистского руководства Генерал-губернаторства, когда в ходе войны немцами была оккупирована Галиция и в августе 1941 включена в его состав. Айнзатцгруппы несколько недель расстреливали галицийских евреев, и местному руководству было сложно придерживаться позиции, что евреев в одной части Генерал-губернаторства можно убивать, а в другой нельзя.

И все же это еще не означало, что Гитлер и другие нацистские лидеры осенью 1941 года приняли твердое решение уничтожить всех евреев, находившихся на немецкой территории. Во-первых, у них просто еще не было возможностей совершить такое масштабное преступление. В ноябре 1941 года единственными орудиями массовых убийств были газвагены в Хелмно в стадии дооборудования и строящаяся небольшая стационарная газовая камера в Белжеце. Примерно в это же время одной немецкой фирме дали заказ на строительство в Белоруссии, в Могилеве, большого крематория на 32 печи. Некоторые рассматривают его как доказательство намерения построить другой центр для массового уничтожения людей далеко на востоке, которое так никогда и не осуществилось. Но все эти инициативы можно объяснить желанием местных властей иметь возможность либо убивать местных евреев, чтобы освободить место для прибывающих из рейха евреев, либо уничтожать всех находящихся на их территории евреев, неспособных к работе – тех, кого они считали «бесполезными». Следует отметить, что осенью 1941 года в Освенциме не разрабатывались планы по увеличению масштаба убийств в лагере. Конечно, новый крематорий был спроектирован, но только для того, чтобы заменить старый крематорий в основном лагере.

Событие, которому суждено было изменить это положение дел и которое фатально повлияло на судьбу еврейского народа, произошло в другом полушарии. 7 декабря 1941 года японцы совершили нападение на Перл-Харбор. 11 декабря Германия, как союзница Японии, объявила Соединенным Штатам войну. Для Гитлера эти события стали «подтверждением» того, что международное еврейство спровоцировало мировой конфликт, и сразу после объявления войны он обратился к немецкому народу по радио и недвусмысленно заявил, что «евреи» манипулируют президентом Рузвельтом, так же, как и другим его смертельным врагом, Иосифом Сталиным.

На следующий день в своей речи перед нацистскими руководителями, гауляйтерами¹ и рейхсляйтерами²

, Гитлер зашел еще дальше. На этот раз он связал начало «мировой войны» со своим пророчеством, озвученным в рейхстаге 30 января 1939 года. Тогда он грозил, что «если евреи ввергнут мир в войну», то результатом этой войны будет «истребление евреев в Европе». 13 декабря министр пропаганды Йозеф Геббельс написал в своем дневнике: «Что касается евреев, фюрер решил от них избавиться. Он предрек евреям, что если они еще раз спровоцируют мировую войну, то будут просто уничтожены. Это не было пустой фразой. Мировая война началась, и истребление евреев должно стать необходимым следствием. На этот вопрос нужно смотреть без сентиментальности».

На той же неделе очень многие говорили об «истреблении», еще одно тому подтверждение – речь Ганса Франка, главы Генерал-губернаторства, перед высшими нацистскими руководителями в Кракове 16 декабря: «Как старый национал-социалист, я должен заявить, что если еврейский клан переживет войну в Европе, в то время как мы проливаем кровь наших лучших людей, защищая Европу, то в таком случае эта война будет иметь только частичный успех. Поэтому в отношении евреев я буду действовать так, чтобы они исчезли... Мы должны уничтожать евреев везде, где обнаружим их»²¹. Франк, один из тех, кто присутствовал на совещании у Гитлера 12 декабря, также добавил, что «в Берлине» ему сказали: такие люди, как он, должны «ликвидировать евреев... своими руками».

В 1990-е годы был найден настольный календарь Гимmlера. В нем тоже есть ссылки на решение Гитлера в этот наиболее решающий период. 18 декабря, после свидания с Гитлером один на один, Гимmlер записал: «Еврейский вопрос – уничтожить (*auszurotten*), как партизан»²². Ссылка на «партизан» – это иносказание, которое позволяло выдавать убийства евреев как «необходимые действия по обеспечению безопасности на востоке».

Хотя никаких документов, непосредственно связывавших Гитлера с приказом продолжать выполнение программы «Окончательное решение», найдено так и не было, все эти свидетельства, несомненно, доказывают, что он одобрял и санкционировал ужесточение анти-еврейских акций в декабре 1941 года. Похоже, даже без такого катализатора, как вступление Соединенных Штатов в войну, депортация евреев из рейха на восток по прямому приказу Гитлера, в конечном счете, все равно привела бы к их смерти. Гнев и разочарование, которые обуревали Гитлера, когда 5 декабря Красная Армия начала контрнаступление под Москвой, подтолкнули его к тому, чтобы обрушить свою злобу на евреев. Но то, что случилось в Перл-Харбор, внесло в мысли Гитлера окончательную убийственную ясность. Все отговорки нацистского руководства, что евреев просто депортируют и будут содержать в лагерях на востоке, были отброшены. Так или иначе, но теперь их необходимо полностью «уничтожить».

Следующий день после событий в Перл-Харбор обозначил другой этап в практическом осуществлении «Окончательного решения еврейского вопроса». 8 декабря в Хелмно прибыли первые эшелоны евреев, которых уничтожат с помощью газа. Евреев из Коло, Домбе, Клодава и других местечек и деревень на прилегающих территориях привезли в лагерь на грузовиках (позже евреев будут доставлять поездами на ближайшую станцию Поверче). Их согнали в большой дом (*Schloss* – «замок») в центре деревни и заставили раздеться для «дезинфекции». Затем их затолкали в подвал, прогнали по коридору и бросили на деревянные полки в закрытом темном помещении. Они оказались заперты в кузове фургона.

Первоначально газовые фургоны (газвагены) были такими же, как те, что использовались в акциях эвтаназии стариков в предыдущие годы: работали они на угарном газе из баллонов, убивая людей, запертых в герметично закрытом кузове. Но проработали они всего несколько недель, и в Хелмно прибыли новые «душегубки», в которых

¹ Гауляйтер (нем. Gauleiter) – высший партийный функционер национал-социалистической немецкой рабочей партии, возглавлявший областную организацию НСДАП. В условиях сращивания партийного и государственного аппарата большинство гауляйтеров были назначены одновременно имперскими наместниками земель.

² Рейхсляйтер (нем. Reichsleiter; Имперский руководитель) – высший партийный функционер, руководивший одной из главных сфер деятельности НСДАП.

для убийства использовались их собственные выхлопные газы. Так как людей травили газами в деревне на заднем дворе «замка» в стационарных фургонах, скрывать убийства было уже невозможно.

Зофья Шалек²³, одиннадцатилетняя девочка, которая работала и играла неподалеку от места преступления, рассказывает о первых прибывших: «Они [евреи] были страшно избиты... Была зима, а они в деревянных башмаках. Тут их раздели. Образовалась огромная куча одежды... Людей голыми загоняли в грузовики. Какой стоял крик! Как ужасно они кричали – это просто невозможно было вынести. Однажды привезли детей. Моя мама слышала, как эти дети рыдали, как они звали: “Мамочка, спаси меня!”»

После отравления евреев в «замке» фургоны ехали в «лесной лагерь» в Жуховском лесу, в каких-то четырех километрах оттуда. «Увидев, что он едет, я сказала: “Ад едет!” – говорит Зофья Шалек. – Я пасла коров у дороги – как я могла не видеть, что они проезжают мимо?» Уже в лесу фургоны разгружала группа могильщиков, которых отбирали из числа привезенных евреев. Их же заставляли закапывать тела. Каждый вечер эту группу привозили обратно в «замок» и запирали на ночь. Каждые несколько недель их тоже убивали и набирали других евреев из новоприбывших для той же работы.

В лесу творился какой-то кошмар. Зофья сама узнала об этом от одного из немцев из *Waldkommando* (лесного отряда), который следил за тем, как избавляются от трупов: «Он был определен на постой в нашем доме. Очень часто он звал меня и приказывал чистить его ботинки. “Воняют?” – обычно спрашивал он. И я всегда отвечала: “Да”. Потому что вонь была сильная. Трупы закапывали в ямы, но, когда стало жарко, они быстро начали разлагаться».

Курт Мебиус, один из надзирателей в Хелмно, позже был осужден за военные преступления. Его свидетельства во время допроса в Аахенской тюрьме в ноябре 1961 года позволяют заглянуть в настроения нацистских преступников, принимавших участие в убийствах: «Капитан Ланге сказал нам, что приказы об уничтожении евреев поступили от Гитлера и Гимmlера. И как полицейские, мы были приучены относиться к любому приказу руководства, как к законному и правильному... В то время я верил, что евреи виновны, а не невинны. Пропаганда без конца вдалбливала в наши головы, что все евреи преступники и недолюди, и что это из-за них Германия пришла в упадок после Первой мировой войны»²⁴.

Главным образом Хелмно организовали для того, чтобы умерщвлять евреев, которых больше не считали «полезными», из Лодзинского гетто и 16 января 1942 года из города был отправлен первый эшелон в новый центр массового уничтожения. Люсиль Айхенгрин, которая уже три месяца жила в Лодзинском гетто, характеризует настроение, царившее в гетто, так: «Мы не хотели ехать. Понимали, что знакомое ужасное место лучше, чем незнакомое ужасное». Теперь, когда добавились напряжение и подавленность от «отбора» для депортации, жизнь в гетто, и без того тяжелая, стала еще хуже.

Хелмно, первый центр по уничтожению евреев, созданный в нацистском государстве, стало некоей вехой на пути к «окончательное решение еврейского вопроса». Но организовать его так быстро получилось только потому, что большое старое здание спешно переоборудовали в базу для массовых убийств с использованием уже существующей технологии отравления газом в «душегубках». С точки зрения нацистских палачей именно из-за этого центр был, по сути, малоэффективен. Трудно было сохранять секретность, невозможно было своевременно избавляться от трупов. Все это «ошибки» учитывались в ходе строительства нового лагеря смерти в Белжеце, которое к тому моменту уже заканчивалось.

Тем временем 20 января, через четыре дня после прибытия первого эшелона с евреями из Лодзинского гетто в Хелмно, на вилле СС на берегу Ванзее, озера в предместье Берлина, проводилось совещание представителей министерств и ветвей власти нацистской Германии. Это позорное сборище получило печальную славу как самое важное событие в истории нацистского «окончательное решение еврейского вопроса», геноцида еврейского населения Европы. Совещание созвал Рейнхард Гейдрих, который пригласил высших руководителей разных государственных институтов принять участие в дискуссии по еврейскому вопросу. К каждому приглашению прилагалась копия постановления, полученного Гейдрихом от Геринга 31 июля 1941 года, – рассмотреть проблемы по «окончательному решению еврейского вопроса» (хотя, как уже говорилось в первой главе, едва ли выражение «окончательное решение еврейского вопроса» имело в июле 1941 года тот же смысл, который оно приобрело в январе 1942 года). Кстати, само заседание назначалось на 12 часов, но гости приглашались с утра: в приглашениях упоминалось, что будут «напитки и закуски». Встреча проходила по адресу: ул. Ам Гроссен Ванзее (*Am Großen Wannsee*), дом 56–58, в особняке «Марлир», который когда-то использовал Интерпол – международная организация, основной задачей которой является объединение усилий национальных правоохранительных органов в области борьбы с общеуголовной преступностью. Следует напомнить, что люди, собравшиеся за круглым столом на Ванзейской конференции, были должностными лицами одной из самых больших стран Европы, исправно получавшими жалование от государства, а не какими-то уличными террористами, хотя их преступления оказались страшнее, чем деятельность всех «обыкновенных» уголовных преступников в мировой истории. Не менее важно учесть еще один факт, поскольку сегодня некоторые все еще твердят о необразованных «уголовниках из низов»: семеро из пятнадцати сидевших за столом имели степень доктора, полученную в немецких университетах.

Первоначально приглашения были разосланы в ноябре 1941 года, и конференция назначалась на 9 декабря, но вследствие бомбардировки Перл-Харбора была отложена. Поэтому одним из вопросов истории, на который никогда не получить ответа, является: а каким было бы содержание Ванзейской конференции, если бы события на Тихом океане не отсрочили ее? Конечно, целью нацистов по-прежнему был бы геноцид, направленный на «окончательное решение» «еврейской проблемы», но, возможно, дискуссия направилась бы на возможное послевоенное решение или на реальные попытки учредить рабочие лагеря для евреев, депортированных из Европы на Восток. Теперь мы можем только строить предположения... Несомненно, лишь одно: вступили бы Соединенные Штаты в войну или нет, а Ванзейская конференция в любом случае была важной встречей для Генриха Гимmlера и Рейнхарда Гейдриха. На протяжении осени 1941 года нацистскому руководству из разных источников поступало множество инициатив по осуществлению геноцида евреев. Для Гимmlера и Гейдриха Ванзейское совещание было необходимо, кроме всего

прочего, для того чтобы скоординировать свои действия и доказать, что СС – бесспорно, единственная организация, управляющая всем процессом депортации.

Темы, обсуждавшиеся на Ванзейской конференции, известны главным образом потому, что одна копия ее протокола, который составил оберштумбанфюрер СС (подполковник) Адольф Эйхман, «еврейский эксперт» Гейдриха, уцелела в огне войны. Записи Эйхмана на этой встрече имеют огромную историческую важность, так как это один из немногих документов, проливающих свет непосредственно на процесс разработки четкого плана реализации «окончательного решения еврейского вопроса».

В начале встречи Гейдрих сослался на административные полномочия, предоставленные ему Герингом, которые позволяют ему председательствовать. Затем он объявил об официальном изменении в нацистской политике, о чем, без сомнения, все делегаты уже знали. Вместо «эмиграции» евреев в страны, не находящиеся под властью Германии, теперь будет «выселение евреев... на восток», на территорию, оккупированную нацистами. Вниманию присутствующих была представлена статистическая оценка еврейского населения в каждой из европейских стран, всего 11 миллионов евреев, включая несколько миллионов в таких странах, как Ирландия и Англия, которые еще не под контролем нацистов, но со временем станут объектом такого «выселения». По прибытии на Восток эти евреи будут разделяться по полу, и те, кто окажутся годными и здоровыми, будут работать на строительстве дорог (Гейдрих почти наверняка имел в виду такие проекты как *Durchgangsstrasse IV*, шоссейную и железную дороги, соединяющие рейх и Восточный фронт, которые в то время уже строились). Те евреи, которых не отберут для такой работы, будут, как подразумевалось, немедленно уничтожены, остальные же пока получают отсрочку, так как ожидается, что большую их часть убьет тяжелый физический труд. Гейдрих продолжал выражать особое беспокойство о некоторых евреях – тех, кто может выжить после попытки свести их в могилу непосильным трудом: те евреи, которые останутся живы в результате естественного отбора, были наиболее опасны для нацистов. С ними, говорил Гейдрих, нужно «поступать соответствующе». Никто из делегатов не сомневался в том, какой смысл вложил в эти слова Гейдрих.

Существенно то, что на конференции не было никаких разногласий по поводу самой необходимости геноцида евреев. Однако жаркие дебаты разгорелись вокруг точного юридического определения «евреев»: кто точно станет объектом депортации, а кто нет? Оживленный обмен мнениями вызвал вопрос о том, что делать с теми, один из родителей которых еврей, а другой – ариец. Поступило предложение, что таких людей нужно стерилизовать или предлагать им выбор между операцией и депортацией. В качестве альтернативы предлагалось отправить их в специальное гетто в Терезиенштадте (то есть, чешском городе Терезин), где их поселят вместе со стариками и теми известными евреями, чья депортация прямо на восток вызвала бы беспокойство среди простого немецкого населения.

Дискуссия затем перешла к более насущной «проблеме» евреев Генерал-губернаторства и оккупированного Советского Союза. На последней территории евреев расстреливали, в то время как на территории Генерал-губернаторства уже строился лагерь смерти в Белжеце. Но на этих территориях миллионы людей все еще были живы, поэтому Эйхман записал в протоколе, что в этом контексте было предложено «множество возможных решений»: невинная фраза, которая маскирует дискуссию о конкретных методах уничтожения.

Протоколы Ванзейской конференции умышленно непрозрачны. Чтобы добиться такого эффекта наброски протокола Эйхмана были проработаны Гейдрихом и Генрихом Мюллером, руководителем гестапо, несколько раз. Так как они предназначались для более широкого распространения, необходимо было написать их в завуалированных выражениях. Те, кто понимал содержание, точно могли представить, что имеется в виду, тогда как отсутствие грубой терминологии не шокирует непосвященных, если те увидят документ. Тем не менее, эти протоколы остаются самым явственным свидетельством того, как нацисты планировали «окончательное решение еврейского вопроса» и самым убедительным свидетельством того, что государство можно считать непосредственным соучастником во вскоре последовавших массовых убийствах.

Но значит ли это, что Ванзейская конференция заслуживает закрепившейся за ней в массовом сознании репутации самого важного совещания в истории нацистского преступления? Конечно, нет. В массовом сознании существует ошибочное представление, что именно на этой встрече нацисты приняли решение взять курс на «окончательное решение еврейского вопроса». Это не так. Конечно, конференция сыграла свою роль, но она была лишь одной из целого ряда подобных встреч и просто дает нам представление о том, как именно расширялся процесс массового уничтожения евреев, решение по которому было принято ранее. Важнее беседы на вилле были совещания, которые проводил Гитлер в декабре 1941 года. Если бы настоящие протоколы встреч фюрера с Гиммлером того времени были доступны, мы бы воочию увидели те мрачные закоулки человеческого разума, которые породили в нашем мире все эти страдания.

Дискуссии на озере Ванзее не оказали мгновенного влияния на жизнь Освенцима. Планы по строительству Биркенау не подверглись внезапным изменениям, не было решения построить еще несколько газовых камер. В январе в работе лагеря ничего заметно не изменилось. Однако с ранней осени 1941 года поменялось место проведения экспериментов с газом «Циклон Б». Они перестали проводиться в блоке 11 и теперь проходили в крематории лагеря, всего в нескольких десятках метрах от кабинета Хесса и главного административного блока СС. Это для властей лагеря решало одну проблему – тела из блока 11 больше не нужно было везти к крематорию через весь лагерь на *Rollwagen* (ручных тележках). Но создало другую: теперь людей убивали не в укромном подвале тюремного блока, а в более открытом месте, в морге, рядом с печами крематория.

В начале 1942 года Ежи Белецкий стал свидетелем прибытия советских военнопленных, которых собирались умертвить газом в этом новом месте: «Ночью (когда он находился в своем бараке) я услышал какое-то движение снаружи. Я спросил: “Ребята, что происходит? Давайте посмотрим?”. Мы подошли к окну и услышали крики и стоны, и увидели группу людей, совершенно голых, бегущих по направлению к крематорию. Рядом бежали эсэсовцы с автоматами. Нам все это было видно в свете прожекторов над проволочным ограждением. Падал снег, было морозно, наверное, минус пятнадцать или двадцать. Все стонали и орали от холода. Это были невообразимые вопли.

Такого я еще не слышал. Вот так, голые, они и вошли в газовую камеру. Это было адское, чудовищное зрелище».

Но не только советских военнопленных и тех заключенных лагеря, кто не мог больше работать, отправляли на такую чудовищную смерть. Небольшое количество евреев, которые более не способны были к тяжелому ручному труду, из Верхней Силезии, территории, на которой находился лагерь, было отправлено в его крематорий. Не существует лагерных записей, указывающих на точные даты, когда происходили эти убийства, но свидетели говорят, что, вероятно, несколько таких казней состоялись осенью 1941 года. Ганс Старк, член СС, который работал в Освенциме, свидетельствовал: «Во время другой казни в газовой камере, той же осенью 1941 года, Грабнер [Максимилиан Грабнер, шеф гестапо в Освенциме] велел мне всыпать «Циклон Б» только в одно отверстие, потому что санитар был только один. Во время казни вещество должно было засыпаться в оба отверстия камеры одновременно... Так как вещество «Циклон Б» было в гранулах, то когда гранулы засыпали в отверстие, они посыпались на людей. Те начали ужасно кричать, потому что теперь уже понимали, что с ними происходит. Я не смотрел в отверстие, потому что оно должно быть закрытым, пока там находится газ. Через несколько минут газовую камеру открыли. Повсюду беспорядочно лежали мертвые тела. Это была страшное зрелище»²⁵.

Отравление газом «беспольных» евреев из окружающих Освенцим территорий продолжалось после Ванзейской конференции еще несколько недель. Юзеф Пачиньский²⁶, заключенный Освенцима, работавший в административном здании СС рядом с крематорием, стал свидетелем прибытия группы евреев-мужчин, которых прислали в лагерь для ликвидации. Он залез на чердак эсэсовского здания, отодвинул кусок черепицы на крыше и отчетливо увидел сцену, разыгравшуюся прямо за крематорием. «Они (эсэсовцы) были очень вежливы с этими несчастными, – говорит Пачиньский. – «Пожалуйста, снимите одежду и аккуратно сложите ваши вещи». И эти люди разделись, а затем их заставили зайти внутрь (в крематорий), и двери за ними закрылись. Потом эсэсовец залез на плоскую крышу здания. Он надел противогаз, открыл люк (в крыше), засыпал туда порошок и закрыл люк. Когда он это сделал, изнутри, несмотря на толстые стены, послышались дикие крики». Проведя в лагере на тот момент уже почти два года, Пачиньский больше не испытывал особо сильных эмоций, когда смотрел на людей, которым предстояло умереть: «Становишься безразличным. Сегодня ты идешь на смерть, завтра – я. Человек ко всему привыкает».

Ключевым в этой новой манере казни стало то, что евреев успокаивали и обнадеживали. Лагерные власти осознали, что заключенных, прибывших извне, не стоит загонять палками и побоями в газовую камеру. Теперь процедура должна была убедить вновь прибывших, что поход во временную газовую камеру в крематории – это на самом деле обычная часть процедуры поступления в лагерь: их не собираются убивать, а только в душе «проводят дезинфекцию». Для нацистов это был серьезный успех, ведь он разрешал кучу трудностей, с которыми столкнулись первые команды палачей. Оказалось, что обманом, а не грубой силой, не только легче загнать людей в газовые камеры, но это еще и меньший психологический стресс для самих убийц. Заодно это было и решением другой практической проблемы, с которой нацисты столкнулись, забирая вещи своих жертв. Многие первые умерщвления с помощью газа проводились так, что заключенные умирали в одежде, и ее после смерти было трудно с них снять. А теперь те, кто должен погибнуть, раздеваются добровольно; они даже аккуратно сворачивают вещи и связывают шнурками свои ботинки.

Пери Брод²⁷, эсэсовец из Освенцима, детально описывает, какой обходительной стала атмосфера, окружающая казни. Он подробно рассказывал, как Максимилиан Грабнер стоял на крыше крематория и говорил евреям, собравшимся внизу: «Сейчас вы пойдете мыться и дезинфицироваться. Вы же не хотите каких-нибудь эпидемий в лагере? Потом вас приведут в бараки и дадут немного супа. Вы будете работать в соответствии с вашей профессиональной квалификацией. Теперь разденьтесь и положите одежду перед собой на землю»²⁸. Затем эсэсовцы обычно с добродушными «шутками и разговорами о пустяках» заводят новопривывших в крематорий. По словам Брода, один из эсэсовцев крикнул через дверь сразу, как только ее завинтили: «Не сгорите, пока принимаете душ!»²⁹.

Несмотря на преимущества, достигнутые благодаря этой зловещей двуличности, Хесс и его коллеги вскоре осознали, что использование лагерного крематория в качестве места для массового убийства создало для них трудности. Самой большой проблемой, с которой они столкнулись, были громкие крики. «Чтобы заглушить крик, использовали рев двигателей, – вспоминает Юзеф Пачиньский. – Два мотоцикла ревели так, что никто за ними ничего не слышал бы. Люди вопили, но потом крики становились все слабее и слабее. Палачи использовали эти мотоциклы, чтобы скрыть пронзительные крики казненных, но потерпели неудачу. Они попытались, но это не сработало». Страшные крики внутри газовой камеры никогда нельзя было полностью заглушить ревом моторов. Сам же крематорий находился так близко от других зданий лагеря, что было просто невозможно скрыть массовые убийства от других заключенных. Поэтому весной 1942 года Хесс и другие старшие эсэсовцы пытались придумать другие способы массовых убийств. И, как они уже неоднократно делали, далеко не всегда только «следуя приказам». Они в который раз проявили инициативу.

Освенцим стал превращаться в уникальное учреждение в нацистском государстве. С одной стороны, некоторых заключенных все еще принимали в лагерь, присваивали им порядковый номер и заставляли работать. С другой стороны, теперь существовала целая категория людей, которых убивали через часы, а иногда и минуты, после прибытия. Ни один другой нацистский лагерь не функционировал подобным образом. Были такие лагеря смерти как Хелмно, и такие концентрационные лагеря, как Дахау; но не было похожих на Освенцим³⁰.

Развитие подобного двойного назначения означало, что многие заключенные Освенцима теперь жили и работали, иногда годами, в учреждении, в котором при этом убивали других, чье знакомство с лагерем продолжалось считанные мгновения. Для евреев из прилегающих областей, признанных негодными к работе, Освенцим был местом постоянных казней; для поляков, которые уцелели в лагере с самого начала, Освенцим стал своего рода «домом». Юзеф Пачиньский, который был свидетелем убийств в лагерном крематории, провел на тот момент в Освенциме уже двадцать месяцев. Немногие из тех, кто прибыл сюда летом 1940 года, смогли бы уцелеть так долго, если бы им не

удалось найти работу в помещении, «под крышей». Пачиньский не был исключением. Он ухитрился получить работу в парикмахерской, стриг эсэсовцев. Это было относительно привилегированное положение – настолько, что он был одним из немногих узников, непосредственно контактирующих с самим комендантом: «Унтер-офицер привел меня в особняк Хесса, возле ворот стояла его жена. Я был перепуган до смерти. Поднялся в ванную комнату, там стоял стул. Вошел Хесс, сел. Я был весь внимание. Во рту у него была сигара, он читал газету. Я сделал ему такую точно прическу, какую, как я видел, ему делали раньше. Стрижка эта, конечно, произведением искусства не была. Хесс не сказал мне ни слова, и я тоже не открыл рта. Я боялся, а он презирал заключенных. В руке у меня было лезвие, я мог перерезать ему горло – да, это могло случиться. Но я же мыслящее существо. И вы сами понимаете, что было бы дальше. Всю мою семью уничтожили бы, и половину лагеря заодно. А на его место пришел бы кто-то другой».

То, что убийство имело бы катастрофические последствия для его семьи, Юзефу Пачиньскому было хорошо известно, как и то, что, чтобы выжить, было необходимо «организовать» – находить способ раздобывать тайком продукты, одежду и другие предметы обихода. В бараке Пачиньский спал рядом с другом, Станиславом (Сташеком) Дюбелем, который работал в доме Хесса садовником. «И вот как-то лежу я рядом со Сташеком и говорю: “Не можем ли мы взять немного помидоров из его [Хесса] огорода?” И он мне отвечает: “Это можно”». Огород Хесса примыкал к крематорию, и в заборе была расшатанная планка. «Просто заберись внутрь через нее, – сказал Сташек Пачиньскому, – и у тебя будут лук и помидоры».

В заранее назначенный день Пачиньский, отодвинув расшатанную планку, проник в огород Хесса и нашел там ожидавшее его ведра с луком и помидорами, как и обещал Сташек. «Я взял их и уже собрался уходить, и тут появилось жена Хесса с другой женщиной. Я попятился назад и спрятался, прикинув к земле. Когда я уже решил, что они ушли, я поднялся, но они все еще стояли на дорожке и разговаривали. Я поклонился и прошел мимо них, неся в руках помидоры и лук. Я был весь мокрый от пота. Думал: “Все кончено. Меня поймали на воровстве помидоров, и теперь мне конец”. Тем вечером я ждал, что за мной придут и заберут в 11 блок, но никто за мной не пришел. Сташек вернулся вечером с работы и сказал: “Не переживай. Жена Хесса все мне рассказала, и я признался ей, что я отдал все это тебе”».

Приключение Юзефа Пачиньского и его друга во владениях Хесса очень показательно, и не только потому, что демонстрирует, как складываются отношения между немцами и привилегированными заключенными-поляками. Когда Сташек, друг Пачиньского, объяснял жене Хесса, что он сам разрешил взять ведра с помидорами и луком, он, по сути, взял на себя вину за воровство.

В конце концов, если таким садовникам, как он, разрешалось таскать овощи, зачем вообще нужно было планировать тайную вылазку в огород? Но Сташек знал, что жена Хесса, скорее всего, простит его, потому что между ними установились своеобразные рабочие отношения. Конечно, это были отношения, как определяли их нацисты, между «высшими арийцами» и «низшими славянами». Тем не менее, это были хоть какие-то отношения. После сообщения Сташека жена Хесса не потребовала наказать безымянного заключенного, которого она поймала на воровстве – а она легко могла бы это сделать – чтобы не наказали того, с кем она какое-то время имела дело.

Такие случаи в лагере повторялись нередко. Заключенные рассказывают, почему лучшим способом попытаться обеспечить выживание (после получения работы «под крышей») было стать полезным определенному немцу. Если немец в чем-то от тебя зависел, он за тобой присматривал – помогал избежать наказаний, а в некоторых случаях и смерти. Нечасто встречалась такая привязанность, и все же это было возможно. В основном все объяснялось неудобствами и новыми хлопотами – нужно было подобрать замену из числа заключенных, а потом обучать этого нового человека.

Поиск контакта с могущественным человеком как способ выжить был характерной особенностью не только Освенцима; это было повседневной особенностью жизни в гетто. Только здесь человеком, обладавшим властью над жизнью и смертью, мог быть как еврей, так и немец. По мере того, как проходили месяцы пребывания в Лодзинском гетто, Люсиль видела, что ее состояние, состояние ее матери и сестры постоянно ухудшаются. «Еды было недостаточно, чтобы выжить, – говорит она. – Не было ни молока, ни мяса, ни фруктов – не было ничего». Единственным путем исправить свое положение была попытка найти работу, так как под этим подразумевалась «дополнительная миска супа в обед». Поэтому она устало тащила по улицам гетто от фабрики к фабрике в поисках работы.

К маю 1942 года Люсиль все еще не удавалось найти работу, и их семью занесли в список на депортацию. «Там [в списке] были все безработные, и около девяноста процентов из них были новоприбывшими». Люсиль знала: у нее есть одно преимущество, которого у других немецких евреев из списка нет. У ее семьи, через происхождение отца, были связи с Польшей. «Я ходила с нашими польскими паспортами от ведомства к ведомству, пытаюсь получить открепление из списка – и, наконец, добилась цели. Не знаю как, но добилась. И мы остались». Люсиль была уверена в том, что ее семью спасли именно польские корни. «Они хотели, чтобы все немецкие евреи выехали на том транспорте из гетто, – говорит она. – И я смогла доказать, что хотя мы прибыли из Германии, наши корни не оттуда. Это ничего не решало, потому что мы были евреями. Разницы, казалось, не должно было быть, но она была». Всего между январем и маем 1942 года из Лодзинского гетто было депортировано и убито в Хелмно 55 тысяч евреев. Приказ о депортации отдавали нацисты, но делали это с помощью циничной меры, которая разделила обитателей гетто: еврейское руководство гетто заставили принимать участие в решении, кого именно будут отправлять.

Напряженная обстановка в гетто глубоко повлияла на маму Люсиль, которая «потеряла последнюю искру жизни. Она больше ничего не могла делать. Распухла от голода, это происходит от скопления воды в организме. Не могла даже ходить. Она умерла 13 июля 1942 года. В гетто была маленькая черная повозка, которую тащила серая лошадка, и эта повозка каждое утро объезжала гетто и подбирала мертвых. Подобрали и мою маму. Прошло больше недели, что противоречит еврейским обычаям, у нас хоронят на следующий день. Так что мы с сестрой отыскивали свободное место, выкопали могилу и перенесли туда тело. Гробов не было; только две доски и лента, которой мы их связали. Мы нашли их в большом доме по соседству с кладбищем, где не было ничего, кроме мертвых тел, которые

не были захоронены. И мы похоронили маму, и поставили маленький деревянный знак, который, конечно, очень скоро исчез. Я пыталась отыскать это место пятьдесят лет спустя, но его уже нельзя было найти».

Люсиль и ее младшая сестра остались теперь в гетто совсем одни. Сиротам теперь нужно было справляться со всеми трудностями самим. «Мы уже ничего не чувствовали, – говорит она. – Не молились, не кричали – просто онемели, никаких чувств не осталось. Мы вернулись в ту комнату, в ту меблированную конуру с другими жильцами, и моя сестра вообще перестала разговаривать. С тех пор она только молчала. Прежде она была живой, высокой и очень хорошенькой девочкой. Но не теперь. Теперь она была полностью раздавлена. Мама взяла с меня обещание позаботиться о ней – а я ничего не могла сделать. Пыталась – но не смогла».

Два месяца спустя в гетто приехали немцы, чтобы самим производить отбор, выискивая непригодных к работе: стариков, больных и детей. Мордехай Румковский, руководитель гетто, обратился к матерям с просьбой о сотрудничестве: они должны были отдать своих детей немцам. «“Отдайте ваших детей, чтобы остальные могли жить”, – сказал он. – Мне было семнадцать, когда я услышала эту речь, – говорит Люсиль. – У меня в голове не укладывалось, как можно требовать у родителей отказаться от их детей. Я до сих пор не могу постичь этого. Люди выкрикивали: “Да как ты можешь просить нас о таком? Разве кто-нибудь на такое способен?” Но он сказал: “Если вы не сделаете этого, будет хуже”».

Люсиль делала все, что могла, пыталась уберечь свою младшую сестру: наносила ей какой-то макияж, старалась, чтобы та выглядела полнее и здоровее. У Люсиль теплилась надежда; она думала, что сестру можно спасти, потому что ей было 12 лет, а предельным возрастом для отбора было 11. Но, когда прибыли немцы, они все же забрали ее. «Они схватили мою сестру. Совершенно неожиданно. Я пыталась залезть в грузовик вместе с ней. Но меня автоматом ударили по рукам, и грузовик уехал». Когда Люсиль в отчаянии смотрела, как увозят ее сестру, она не представляла, что ее везут прямо на смерть. «Нам никогда не приходило в голову обсуждать, что они будут делать со слишком юными или очень старыми людьми, которые не способны работать. Мы просто неспособны были думать об этом. Только надеялись, что они останутся в живых».

Совершенно одинокая и несчастная, Люсиль заставляла себя ходить по гетто в поисках работы. Показательно, что, в конце концов, она нашла свою первую работу через одну из своих немногочисленных «связей» – парня, немецкого еврея из Гамбурга. Он убедил Румковского в том, что гетто нуждается в «усовершенствованиях», вроде парков и открытых площадок, и Люсиль работала с ним над этим проектом. Через несколько месяцев Румковский закрыл отдел, но Люсиль приобрела полезные связи. Ее новая знакомая из Вены работала в одном из административных отделов в том же здании, и через нее Люсиль сумела получить другую работу: заполнять заявки на уголь на следующую зиму для отсылки немцам. Жизнь в гетто преподавала Люсиль жестокий урок: «Совершенно никому нельзя было доверять, ведь если ты что-то сказал тем, кто работает рядом с тобой, это тут же могут использовать в своих целях. Приходилось быть очень осторожными... Вокруг было полно предательства, и понятно, почему – речь шла о жизни или смерти».

Однажды Румковский пришел в отдел выбрать рабочих для новой фабрики в гетто. Люсиль всегда «пугалась», встречая его, потому что этот 66-летний мужчина, который выглядел, как чей-нибудь дедушка, имел плохую репутацию. «До меня доходили разные слухи. Я знала, что у него отвратительный характер. Если он на кого-то злился, мог поколотить тростью. Он был абсолютным диктатором – в пределах, дозволенных ему немцами. Думаю, его боялись многие». Она пряталась в коридоре и старалась не попадаться ему на глаза, но ее имя было в списке и, в конце концов, ее вызвали к Румковскому. «Он сидел на стуле. У него были седые волосы и темные очки. В правой руке он держал трость, и от этого на мгновение показался мне королем на троне. Он спросил меня, откуда я, на каких языках говорю, кто был мой отец, остался ли у меня кто-то из родственников. Я ответила на вопросы, и он бросил на прощание: “О, я с тобой скоро свяжусь”. Я не обратила внимания на эти слова».

После визита Румковского начальник Люсиль перевел ее в статистический отдел. «Не знаю, почему меня переместили. Может, чтобы спрятать меня, потому что это был очень тихий, секретный отдел». Но потом поступил телефонный звонок от секретаря Румковского – он хотел видеть Люсиль. Когда она явилась в главное административное здание, она обнаружила, что там уже собралось множество других женщин ее возраста. Румковский всем им дал работу в столовой, которую он открывал для «заслуженных рабочих». Некоторым молодым женщинам предстояло стать официантками в этой столовой, а некоторым, в том числе Люсиль, работать в конторе по соседству. «Он сказал, что возьмет меня, и я буду вычислять, сколько порций можно приготовить из 50 килограмм свеклы» В качестве награды за работу в новой столовой Люсиль получала дополнительную еду каждый день. «Это значило очень много, – говорит она. – Как сказали бы сегодня, это была крупная сделка». Когда она переходила работать в столовую, прежний начальник на прощание предупредил ее насчет Румковского: «Я думаю, он назвал его на польском “свиньей”». Ее начальник был прав. Почти в каждом созданном нацистами гетто еврейский руководитель вел себя достойно, но не в Лодзе. Румковский был известен тем, что вносил в список на депортацию людей, от которых сам хотел избавиться, и исподтишка мстил за обиды, о чем Люсиль в скором времени предстояло узнать.

Начав работать в столовой, Люсиль вскоре поняла, что это один из излюбленных проектов Румковского. Почти каждый вечер он наносил визит, что приводило ее в ужас. «Слышно было, как он подъезжает в повозке, запряженной лошадьми. Он заходил в столовую, оглядывал официанток – и, если передник был завязан неправильно, мог поколотить несчастную девушку тростью. Он смотрел на еду, но не пробовал ее – это было выше его достоинства. А потом шел в контору, и в коридоре раздавалась его неровная, слегка прихрамывающая походка. Однажды я была одна в конторе, он придвинул стул и начал разговор. Говорил он, а я слушала. Он начал ко мне приставать. Взял мою руку, положил на свой член и приказал: «Заставь-ка его заработать». Я продолжала отодвигаться, а он придвигался ближе – это было отвратительно – я была совершенно обескуражена. Он хотел, чтобы я переехала в отдельную квартиру, доступ в которую был бы только у него. Я начала плакать – я не хотела переезжать. У меня в голове не укладывалось, как можно было на это согласиться... Но секс в гетто был очень дорогим товаром – он продавался,

как продавалось все остальное». Люсиль определенно стала невольным «участником» такой торговли, но она знала, что если не позволит Румковскому обесчестить ее, тогда «ее жизнь будет поставлена на карту». «Если бы я убежала, он бы выслал меня. Это понятно».

«Румковский пользовался молодыми женщинами, – подтверждает Якоб Зильберштейн, который видел, как руководитель гетто вел себя при виде молоденькой девушки, которая ему нравилась. – Мы все были в столовой, когда он просто зашел, схватил ее и увел. Я видел это. Это не чьи-то слова, я сам видел это». Зильберштейн тоже уверен в том, что жизнь женщины, скорее всего, была бы «в опасности», если бы она не уступила его желаниям. «Лично мне он не нравился, – добавляет он. – Я таких типов терпеть не могу».

Через несколько недель столовую закрыли, и Люсиль послали на кожевенную фабрику шить ремни для немецкой армии. Она больше никогда не видела Румковского. Все, что осталось, – это унижение, через которое ей пришлось пройти: «Я была оскорблена, чувствовала отвращение и злость». В 1944 году оба они, Люсиль и Румковский, оказались в числе тех евреев из Лодзи, которых отправили в Освенцим, когда гетто окончательно закрыли. Румковский и его семья умерли в газовых камерах в Биркенау. Люсиль, как молодую женщину, отобрали не для немедленной смерти, а для работы, и ее освободили в мае 1945 года, когда нацисты были разгромлены.

Почти через три года после того, как ее впервые депортировали из Германии, Люсиль Айхенгрин оказалась в Освенциме. Но первые евреи из-за пределов Польши были отправлены сюда еще весной 1942 года, и история о том, как они оказались в поезде, который направлялся в лагерь, – одна из самых потрясающих и шокирующих в истории нацистского «окончательного решения еврейского вопроса». Прибыли они из Словакии, страны, чья северная граница находилась менее чем в 80 километрах от Освенцима. У Словакии нелегкая история. Как независимое государство она на тот момент просуществовала только три года. Создана Словакия была в марте 1939 года после того, как нацисты аннексировали соседние чешские земли, Богемию и Моравию. До 1939 года Словакия была частью Чехословакии, а до 1918 года входила в состав Австро-Венгрии. Президентом Словакии стал Йозеф Тисо, католический священник, лидер крайне националистической партии под названием Глинкова Словацкая Народная Партия. Тисо вступил в союзнические отношения с нацистами и подписал договор между Германией и Словакией, согласно которому Германия взяла на себя «охрану независимости и целостности Словакии», взяв под свой контроль внешнюю политику страны. Словацкое правительство с энтузиазмом приняло антисемитские меры против 90 тысяч словацких евреев. Быстро вводились законы о конфискации предприятий у евреев, подстрекалась эмиграция евреев, их исключали из общественной жизни и заставляли носить желтые звезды. Все эти меры скоро и беспощадно ударили по словацкой еврейской общине.

«Я поняла, что стала изгоем, – говорит Ева Вотавова³¹, которая была тогда 14-летней школьницей. – Я больше не была «благопристойным человеком». Меня выгнали из средней школы. Евреям запрещали владеть определенными вещами; нам не разрешалось иметь собственности. До того, как это случилось, я жила в деревне, где все дети росли вместе и были равны. Поразительной особенностью гонений на словацких евреев была та скорость, с которой недавние друзья становились врагами. Это было не постепенное превращение. А словно кто-то резко клацнул переключателем. «Молодые немецкие парни (этнические немцы, жившие в Словакии) стали вести себя как нацисты, – говорит Отто Прессбургер³², словацкий еврей, которому в 1939 году было 15 лет. – До этого мы с ними дружили. Не было никакой разницы между нами – еврейской и христианской молодежью. Детьми мы всегда играли вместе. И тут установили знаки «Евреям и собакам вход воспрещен». Нам нельзя было даже по тротуарам ходить. Это было ужасно. Мне не разрешалось посещать школу, я не мог сходить в кино или на футбольный матч. Оставалось сидеть дома с родителями, уже без друзей». Для Отто Прессбургера было очевидно, что основной причиной изменения отношения к евреям была алчность. «На стенах висели плакаты, взятые из немецких газет, на которых евреев изображали с огромными носами и мешками, набитыми деньгами. А глинковский гвардеец¹ бьет их по задкам, и деньги разлетаются. Город был весь обвешан такими плакатами».

Словацкие глинковские гвардейцы были ударными силами в антиеврейских акциях, действуя как нацистские штурмовые отряды. Как и их нацистские коллеги, они были яркими антисемитами. «Словаки были счастливы отобрать лавки [еврейские] и разбогатеть, – говорит Михал Кабач³³, один из глинковских гвардейцев. – У них [евреев] были лавки, и они занимались там всяким жульничеством и обманом. Они никогда не работали, только хотели легкой жизни. Это было у них в крови. Такая политика была во всем мире: евреи не желали работать. Даже Гитлер боялся их возрастающего влияния в Европе, поэтому убивал их. Это тоже все политика». Это поразительно, но всем антисемитским предубеждениям присуща нелогичность. Михал Кабач, как и Ганс Фридрих из первой главы, не видит противоречия в том, что одновременно обвиняет евреев и в лени, и в прилежности – и завидует, что они создали успешные коммерческие предприятия, и в то же время заявляет, что они никогда не работали. В позиции Кабача и Фридриха есть нечто общее: они утверждают, что евреи не занимались «реальной» работой, такой как земледелие, а шли в торговлю. А ведь, как известно, именно на этой области деятельности евреям пришлось сконцентрироваться по той простой причине, что во многих европейских странах им веками запрещалось владеть землей.

Теперь для нацистов Освенцим неожиданно стал тем местом, куда они решили отправить словацких евреев. Гиммлер понял, что больше не стоит посылать советских военнопленных в Освенцим. Неудачи немцев под Москвой сделали очевидным тот факт, что война на востоке не закончится так быстро, как ожидалось. Пленные солдаты Красной Армии стали слишком ценным ресурсом с точки зрения рабского труда, чтобы разбрасываться им на лагеря типа Освенцима. Геринг вскоре официально подтвердил, что все годные к труду советские военнопленные должны работать на военных заводах. В результате Биркенау больше не использовался в своей первоначальной цели. И кто мог занять место, предназначавшееся для советских военнопленных? Гиммлер, большой специалист по части

¹ «Глинковская гвардия» («Hlinkova garda»), – массовое военное формирование партии Глинкова Словацкая Народная Партия, первые отряды которой созданы в 1938 году. Создавались как штурмовые отряды, нацеленные на захват власти.

быстрой смены политики, тотчас нашел ответ: евреи.

И евреи были как раз теми людьми, которых словацкое руководство теперь хотело депортировать. До осени 1941 года нацисты требовали у словаков посылать людей на принудительные работы в рейх. Теперь, в феврале 1942 года, словаки предлагали направлять целые семьи – в общей сложности 20 тысяч евреев. У Тисо и других членов словацкого правительства было не больше желания держать в стране женщин и детей после того, как их кормильцы были высланы, чем у нацистов на Восточном фронте. Словацкому руководству было бы намного удобнее, если бы уехали все евреи. Но что облегчало жизнь словакам, то усложняло ее нацистам. Из-за недостатка необходимых мощностей для массового уничтожения у них в то время не было желания принимать неработоспособных евреев. Для решения этого вопроса в феврале 1942 года в столице Словакии Братиславе состоялась встреча между премьер-министром страны Войтехом Тукой, управляющим делами кабинета министров доктором Изидором Косо и представителем Эйхмана в Словакии, штурмбаннфюрером СС Дитером Вислицени. Оба, Вислицени и Тука, после войны дали показания о содержании этих переговоров, и, сравнивая их свидетельства, можно ясно представить, о чем шла речь³⁴. Словаки выдвигали такую точку зрения: отделять кормильцев от семей «не по-христиански», так как после переселения еврейских рабочих в рейх «некому будет присматривать» за их семьями. Согласно воспоминаниям Вислицени, речь шла вовсе не о «христианской заботе»: словаков в первую очередь беспокоили «финансовые соображения»; ведь нацисты получают рабочую силу, а семьи новых работников останутся на попечении словацкого правительства. В конечном итоге словаки предложили следующее решение: они могут как-то компенсировать «расходы» немцев, если те вместе с кормильцами заберут и их родных.

Вопрос решился в Берлине. Словацкое правительство согласилось платить немцам по 500 рейхсмарок за каждого депортированного еврея при условии, что те никогда не вернуться в Словакию, и что немцы не будут претендовать на имущество и прочие активы, которые останутся от них. Вот так словаки, чей глава государства был католическим священником, заплатили немцам, чтобы избавиться от своих евреев.

Принудительная депортация евреев началась в марте 1942 года. Для большинства из них путь начался с заключения в перевалочном лагере в Словакии. Сильвия Весела³⁵ – одна из тех, кого весной того года содержали во временном лагере в городе Попрад. «Некоторые словацкие солдаты вели себя очень глупо, – вспоминает она. – Например, нарочно испражнялись на пол, а мы должны были убирать нечистоты руками. Они обзывали нас «еврейскими шлохами» и били ногами. Вели себя просто отвратительно. Еще и повторяли нам: «Мы научим вас, евреев, работать». Но все мы были бедными женщинами, привычными к работе... Это так унижительно, когда тебя не считают человеком! Не знаю, способны ли вы понять это. Неожиданно обнаруживаешь, что ты в этой жизни – ничто. С нами обращались, как с животными».

Глинковские гвардейцы, служившие в перевалочных лагерях, неплохо поживились. «Когда евреи попадали в лагерь, – говорит Михал Кабач, – мы отбирали у них вещи и одежду. Заместитель начальника всегда звал нас выбрать то, что мы хотим. Каждый из нас брал, что мог. Я взял пару ботинок. Перемотал их шнурками и унес домой. Недурно жилось гвардейцам!» И не только словаки грабили евреев перед их высылкой. «Однажды пришел мрачный офицер СС и начал орать, – рассказывает Сильвия. – Мы не понимали, за что он кричит на нас. Потом увидели большие корзины, три штуки, в которые мы должны были сложить все имеющееся золото, серебро, деньги и другие ценности. А у меня ничего не было. Только часы, подарок тети. Я положила их в корзину».

Перевалочный лагерь был местом, где процветал не только грабеж, но и бесконечная жестокость. «Наши гвардейцы избивали их [евреев], – говорит Михал Кабач. – Существовало особое подразделение для наказания виновных. Их швыряли в специальную комнату и били палками по ногам. Естественно, глинковские гвардейцы сами произвольно решали, кто «виновен», а кто нет».

Пребывание в лагере могло длиться от нескольких дней до нескольких недель, но, в конце концов, жертв отвозили на ближайшую железнодорожную станцию и высылали из страны. Сильвия Весела навсегда запомнила путь на станцию и свои последние впечатления о Словакии: «В нас плевали и кричали вслед: “Эй, еврейские шлохи, так вам и надо! Наконец-то поработаете!” Они швыряли в нас камнями и всячески издевались. Было, правда, несколько человек, которые молча стояли и наблюдали, как нас унижают. Некоторые из них плакали. Однако большинство, и старые и молодые, глумились над нами. Не хотела бы я, чтобы кто-то испытал такое на себе. Кошмарное чувство».

Словацких евреев на железнодорожную станцию конвоировали глинковские гвардейцы. «Мне приказали загрузить евреек в поезд и следить за ними, – говорит Михал Кабач. – Я твердил про себя: “Вы не хотели работать, еврейские свиньи!”» Через несколько месяцев члены глинковской гвардии, в том числе Кабач, узнали, что эти люди были посланы на смерть – и такая новость не вызвала у них никакого сочувствия: «Я вроде и сожалел, но с другой стороны, не чувствовал к ним большого сострадания: считал, что они обворовывали словаков. Мы особо не переживали. Думали: и хорошо, что их увезли отсюда. Теперь они уже не смогут продолжать нас обманывать. Они больше не будут богатеть за счет рабочего класса».

Кабач не особенно часто сталкивался со словацкими евреями перед тем, как сознательно послать их на смерть. В его деревне не было евреев, и он признает, что лично у него никаких «проблем» с ними не было. Он с энтузиазмом воспринял антисемитизм не из-за собственного жизненного опыта, а потому, что был пылким националистом, гордым за Словакию, за то, что теперь она стала независимым государством. Просто словацкие лидеры ему говорили, что «евреи обманывали и грабили словаков». История Кабача – наглядный пример того, как быстро может пустить корни предубеждение, если преподнести его как часть набора ценностей, большинство из которых сразу привлекают. Михал Кабач принял яростный антисемитизм, чтобы продемонстрировать, какой он идейный патриот и словацкий националист. Из всего процесса он извлек еще и финансовую выгоду: теперь он грабил евреев, обряжая свои преступления в маску «справедливой мести». Сильвия Весела из личного опыта знает, как быстро поменялась в Словакии господствующая мораль: «Я думала об этом столько раз. Человек – существо очень гибкое. Можно делать с ним что угодно. Когда затрагиваются такие вещи как деньги и жизнь, редко можно встретить человека,

который бы желал пожертвовать чем-то своим ради тебя. Это больно, так больно, когда твоя же одноклассница кидается на тебя с кулаками, выкрикивая: «Так тебе и надо!» С тех пор от людей я ничего хорошего не ожидаю».

Тем временем в Освенциме продолжались попытки усовершенствовать оборудование для массовых убийств. 27 февраля 1942 года Рудольф Хесс, эсэсовский архитектор Карл Бишофф и глава Центрального строительного управления СС Ганс Каммлер³⁶ провели совещание, на котором решили переместить крематорий, который проектировался для Освенцима I, в новый лагерь Биркенау. Планировалось разместить новый крематорий на дальнем участке возле небольшого сельского дома. Этот дом следовало быстро превратить во временное помещение для убийств, заложив окна и двери кирпичом, разрушив все внутри, чтобы образовались два изолированных пространства, которые можно использовать как газовые камеры. В каждую газовую камеру вели отдельные новые входы, а люк располагался высоко в кирпичной стене, чтобы оттуда можно было сыпать кристаллы «Циклона Б» внутрь. Этот дом, известный как «Красный домик» или «Бункер 1», впервые использовался для массовых убийств в конце марта 1942 года, когда в Освенцим прислали эшелон с местными евреями, которые считались непригодными к принудительной работе. За один раз в «Красном домике» можно было уничтожить около 800 человек, загнав их в газовые камеры.

Теперь в распоряжении Хесса появилось сооружение для массового уничтожения людей, лишенное конструктивных недостатков крематория в Освенциме I. Неважно, как громко кричали умирающие от газа в «Красном домике», нормальная работа лагеря не нарушалась. Но Хесс знал: пройдет немало месяцев (на деле, прошло больше года), прежде чем рядом будет построен крематорий для ликвидации тел убитых во временных газовых камерах. Таким образом, решив одну проблему (как совершать убийства в относительной секретности), он создал другую (как избавиться от улики).

Те, кто был доставлен из Словакии в марте 1942 года, не подвергались никакому отбору, их всех приняли в лагерь. Но это не помешало эсэсовцам и капо немедленно начать терроризировать новых заключенных, таких как Отто Прессбургер, который прибыл одним из первых эшелонов: «От станции нас заставили бежать [в Освенцим I] группами по пять человек. Они [эсэсовцы] кричали: *“Schnell laufen! Laufen, laufen, laufen!”* (“Быстрее, бегом! Бегом, бегом, марш!”) И мы пытались. Тех, кто уже не мог бежать, убивали на месте. Было件нятно, что мы для них хуже собак. А ведь говорили, что мы едем работать, а не в концлагерь».

На следующее утро, после ночи без еды и воды, Отто Прессбургера, его отца и еще около одной тысячи мужчин из словацкого эшелона заставили бежать из основного лагеря к строительной площадке, в которую сейчас превратилась Бжезинка (Биркенау). Отто Прессбургер приблизительно насчитал 70–80 убитых по дороге. Биркенау, тонувший в грязи и нечистотах, был страшным местом. Как вспоминал эсэсовец Пери Брод: «Условия в Биркенау были значительно хуже, чем в Освенциме [основном лагере]. Ноги на каждом шагу вязли в липком болоте. Не было воды, чтобы помыться»³⁷. Заключенные были вынуждены жить в условиях полной деградации, покрываясь грязью и собственными нечистотами.

Попав в Биркенау, Отто Прессбургер сразу же получил суровый урок того, как устроена жестокая лагерная жизнь. Увидев, что совсем молодой паренек-поляк украл у его отца ремень, он поймал вора и стукнул его кулаком. Другой заключенный тут же сообщил ему, что Отто, кажется, совершил роковую ошибку. Этот парень был «дружком» – на лагерном жаргоне это обозначало прислужника капо (с которым те часто состояли в гомосексуальных отношениях). «Нам пришлось поскорее спрятаться в бараке, – говорит Прессбургер. – Капо блока вошел в барак и приказал нам лечь на пол лицом к проходу. Затем зашел его «дружок» и начал искать провинившегося. Он не узнал меня. Мы все выглядели как близнецы. Лысые [всем заключенным брили головы по прибытии в лагерь] и в одинаковой одежде. Мне повезло, иначе меня бы убили».

В тот свой первый день в Биркенау Отто Прессбургер стал свидетелем еще одного ужасного события, которое еще нагляднее продемонстрировало, в какую безнадежную ситуацию он попал: «Нас повели на строительство дороги под конвоем капо и эсэсовцев. Среди нас был один еврей из моего города, высокий и крепкий парень из богатой семьи. Капо увидел его золотые зубы и потребовал отдать их ему. Парень ответил, что не сделает этого, но капо настаивал. Тот еще раз отказал. Капо разъярился и заорал, что мы обязаны выполнять все его приказы. Он схватил лопату и начал бить несчастного по голове. Бил, пока тот не упал. Капо перевернул жертву, поставил лопату на горло и наступил на нее. Сломав непокорному шею, той же лопатой выбил ему зубы. Другой еврей, стоявший неподалеку, спросил капо, как он может такое творить. Тот подошел к нему и прошипел, что сейчас он ему покажет, как. И убил его таким же образом. После этого он приказал нам никогда не задавать вопросов и не вмешиваться в чужие дела. Тем вечером нам пришлось нести назад в бараки двенадцать трупов. Он убил этих людей просто забавы ради. Все это произошло в первый же день работы».

Нечеловеческая жестокость капо была отличительной чертой Освенцима с самого начала, так что кошмарный опыт этих новичков не был из ряда вон выходящим случаем для лагеря. Но культура (если такое слово вообще можно использовать применительно к Освенциму!) этого места, тем не менее, в результате прибытия словаков претерпела некоторые изменения в двух основных вопросах.

Первое изменение: теперь в лагерь принимали женщин; до этого момента Освенцим был исключительно мужским учреждением. Однако прибытие женщин не имело ни малейшего «цивилизующего» эффекта на тех, кто руководил лагерем, даже наоборот, как свидетельствует Сильвия Весела. Она прибыла в Освенцим вскоре после Отто Прессбургера, в доставившем ее транспорте было несколько сотен женщин и один мужчина – еврейский доктор, которому словацкое руководство разрешило сопровождать женщин. «Когда мы прибыли в Освенцим, нас пинками выгнали на платформу, – говорит Сильвия Весела, – и эсэсовский офицер начал орать на нашего доктора: почему это он единственный мужчина в партии прибывших. Тот ответил на превосходном немецком: «Я доктор, и я назначен сюда решением еврейского совета. Моя роль – сопровождать эшелон, и мне сказали, что потом я смогу вернуться назад в Словакию». Тогда эсэсовский офицер вытащил пистолет и застрелил его. Просто застрелил, на моих глазах. Только за то, что тот был единственным мужчиной среди множества женщин. Это стало для меня первым

потрясением».

Затем женщин из Словакии отвели в Освенцим I, главный лагерь. «Мы увидели высокие бараки и ворота, – говорит Сильвия Весела. – На воротах было написано: *Arbeit macht frei* – “Труд делает свободным”. Поэтому мы решили, что нас привезли сюда работать». В главном лагере было освобождено и подготовлено несколько блоков для женщин, им приказали снять одежду и на нее сложить все еще не сданные ценности. «Несмотря на то, что немцы так нас ненавидели, они без колебаний брали нашу одежду, туфли и украшения. Объясните мне это! – недоумевала Сильвия. – Меня всегда мучил этот вопрос: почему же они тогда не чувствовали отвращения к нашим вещам?!»

Женщины сидели голые, с бритыми головами, и тут в комнату вошел эсэсовский офицер и приказал пятерым из них идти в кабинет доктора. «Он хотел осмотреть еврейских женщин, – говорит Сильвия, – и убедиться, действительно ли они девственницы. Еще он хотел узнать, чистые ли еврейские женщины. Осмотр удивил их, но в неприятном для них смысле. Они не могли поверить, что мы были такие чистые. Мало того, более 90 процентов из нас были девственницами. Ведь мы были религиозны. И ни одна незамужняя девушка просто не позволила бы мужчине притронуться к себе до свадьбы. Но во время осмотра доктора дефлорировали всех с помощью пальцев. Это сделали, чтобы еще раз унижить. Моя подруга из религиозной семьи сказала: “Я хотела сохранить свою невинность для будущего мужа, а потеряла ее таким образом!”»

Какими бы ужасными ни были впечатления Отто Прессбургера и Сильвии Веселы от первых часов пребывания в лагере, они не подозревали, что дальше им предстоит увидеть то, что представляло квинтэссенцию порядков в Освенциме. Самая позорная процедура, связанная с Освенцимом, начиналась только сейчас – первоначальный отбор. Это было второе из двух важных изменений в лагере, произошедшее в результате прибытия словацких евреев. Периодически сортировку некоторых приходящих эшелонов проводили и раньше, еще в конце апреля, но систематического отбора как такового не существовало до 4 июля 1942 года, когда прибыл первый транспорт из Словакии. Эсэсовцы сразу разделили прибывших на тех, кто способен к работе и будет принят в лагерь, и тех, кто непригоден к работе и кого сразу убьют в газовых камерах. Только теперь, спустя два года после того как в лагерь поступили первые заключенные, начальство Освенцима начало процесс сортировки новых заключенных, ставший приметой беспредельности бесчеловечного террора, творившегося в этом месте.

Ева Вотавова прибыла в одном из первых эшелонов, подлежащих сортировке, вместе с отцом и матерью. Эта партия депортированных из Словакии была смешанной и состояла из стариков, детей и таких, как Ева, молодых и здоровых: «Мы прибыли на станцию, нас построили рядами по пять человек. И тут началась мучительная сцена. Молодых отделяли от стариков и детей. Отца отогнали от нас с матерью. С того момента я больше ничего о нем не слышала. Таким я и увидела его в последний раз: перепуганным, несчастным, отчаявшимся».

К этому времени, через несколько недель после переделки «Красного домика» в место для убийств, был перестроен и другой дом в нескольких сотнях метров от него, известный как «Белый домик» или Бункер-2, с пропускной способностью в 1200 человек. Внутри Бункера-2 четыре узкие комнаты были переоборудованы в газовые камеры. Это позволило сделать вентиляцию лучше, чем в Бункере-1 («Красном домике»), а значит, быстрее проветривать помещение от газа после казни. Вот еще один пример постоянных небольших инициатив, исходивших от руководителей Освенцима в попытках «усовершенствовать» процесс убийства. Отто Прессбургер видел, как новоприбывшие из Словакии, отобранные умереть, ожидали казни возле этого дома: «Они сидели на земле. Кажется, ели то, что успели захватить из дома. Вокруг стояли эсэсовцы с собаками. Конечно, несчастные не знали, что с ними случится. А мы не хотели говорить им. Им было бы еще хуже. Мы думали: те, кто привел их сюда, – не люди, а какие-то дикие звери из джунглей». По словам Отто Прессбургера, в тот период газовые казни проводились по ночам: «Они никогда не делали этого днем: [поскольку] возможно, люди кричали или пытались выбраться оттуда. На следующее утро мы видели только тела, сваленные в кучу, рядом с ямами».

Прессбургера заставили работать в зондер-команде, которая занималась захоронением тел после умерщвления газом в обоих домиках. «Убить людей газом очень просто. Достаточно запечатать окна и двери, чтобы газ не выходил из помещения. Двери закрывали, и через пару минут все были мертвы. Они [эсэсовцы] бросали их [тела] в ямы. Там я и работал. Мы хоронили их на следующее утро. Клали немного порошковой извести и присыпали трупы землей. Совсем немного, еле прикрывая тела так, чтобы их не было видно». Это был неподходящий метод избавляться от трупов: когда наступило жаркое лето, трупы, брошенные в ямы, начали разлагаться. Работа Прессбургера, от которой и так мучили кошмары, стала еще хуже: «Мертвые тела шевелились, как живые. Разлагаясь, они набухали, и вылезали на поверхность из плохо засыпанных ям. Кровь и нечистоты были повсюду, и нам приходилось вытаскивать их голыми руками. Это больше уже не было похоже на трупы. Это была гниющая масса. Нам приходилось копать в этой массе, и иногда мы вытаскивали голову, иногда руку или ногу. Вонь была невыносимой. У меня не было выбора, я должен был выполнять эту работу, если хотел жить. Иначе меня бы прикончили. Я хотел жить. Но я спрашивал себя, а стоит ли такая жизнь того, чтобы за нее держаться?». Когда тела выкопали, эсэсовцы приказали заключенным бросить их в огромные ямы, в которых развели огонь. Таким образом, руководство Освенцима наскоро устроило временный крематорий, ожидая завершения строительства рядом обычного. «С помощью дров и бензина мы развели большой костер, – говорит Отто Прессбургер. – Швыряли их [тела] прямо в огонь. Мы работали всегда по двое: один держал тело за ноги, другой за руки, и бросали их в костер. Вонь была ужасная. Нам никогда не давали за это больше еды, чем положено. Эсэсовцы непрерывно пили водку или коньяк, или что-то вроде того из бутылок. Они тоже не могли этого вынести».

Прессбургер через силу продолжал выполнять эту отвратительную работу – выкапывать и сжигать трупы. Кроме того, его постигло личное горе – смерть отца. Заключенных терзали голод и жажда, и однажды его отец напился из лужи. Результат – инфекция и смерть. «Доктор, лечивший меня еще в детстве, тоже был в Освенциме, – говорит Прессбургер. – Он предупреждал меня: никогда не пить этой воды [из луж]. Иначе умрешь в течение 24 часов. У тех, кто пил такую воду, набухали ноги, на них появлялись сочащиеся раны». Но его отец не смог сдержаться, пил такую воду – и вскоре умер. После первоначального шока и боли утраты Прессбургер понял, что

сможет выжить, только если заблокирует в памяти все, что с ним творится, даже смерть своего отца. «Чем дольше я хотел прожить, – говорит он, – тем скорее должен был все забыть».

Выработать железный самоконтроль, страдая от голода и жажды, Прессбургеру неожиданно помогли воспоминания детства: «Когда я был маленьким, родители давали мне денег, чтобы я по дороге в школу покупал себе бутерброд. Но я никогда этого не делал. Вместо него я покупал лакричную конфету. Поэтому весь день я ничего не ел, кроме этой конфетки, пока не возвращался в обед домой». Это означало, что в Биркенау, где люди вокруг него «сходили с ума от голода», ему тоже удастся справиться с чувством голода: «Я ведь и раньше много не ел. Даже сейчас я ем очень немного».

Отто Прессбургер не был одинок в своей вере в то, что воспоминания о прежних лишениях стало решающим фактором в выживании в лагере. Якоб Зильберштейн похожим образом описывает ситуацию в Лодзинском гетто. Многим немецким евреям трудно было вынести жизнь в гетто из-за того, что до этого они были в привилегированном положении, а он сам и его семья и до того жили в бедности, так что им особенно нечего было терять. Сильвия Весела наблюдала то же самое среди женщин из Словакии – богатых и из среднего класса. Даже в транзитном лагере в Словакии, еще до прибытия в Освенцим, благополучным было намного труднее приспособиться к тяжелым условиям, чем таким, как она, неимущим. И Павел Стенькин признавался, что ему, советскому военнопленному в Освенциме, суровое воспитание дало преимущество. Ребенком он никогда не чувствовал сытости – и особой заботы – и теперь этот опыт оказался для него полезным.

Эта форма «естественного отбора» в лагерях и гетто объясняет обеспокоенность Рейнхарда Гейдриха, высказанную им на Ванзейской конференции. Нацисты слишком верили в идею Дарвина о выживании достойнейших, чтобы позволить выжить евреям, сумевшим пройти через все ужасы принудительного труда. Нацистская расовая теория учила, что теперь они изолировали ту самую группу людей, которой им следует бояться больше всего. Эта фанатичное упорство, готовность стоять на смерть за свои извращенные убеждения, принципиально отличает нацистское «окончательное решение еврейского вопроса» от других видов геноцида. К примеру, от сталинской убийственной политики по отношению к национальным меньшинствам в Советском Союзе. Сталин мог подвергать гонениям целые нации, но советская система все же не стремилась уничтожить их полностью. Однако для осуществления цели нацистов нужно было тем или иным способом убрать с немецкой территории каждого отдельно взятого еврея. Когда после войны Отто Прессбургер вернулся в Биркенау, чтобы посетить места захоронений, он вспомнил тысячи людей, депортированных вместе с ним из Словакии в Освенцим, которые уже никогда не смогут никуда поехать. «Это ужасно. Я помню, как стоял [здесь] рядом с отцом. Большинство людей, работавших тут, были из моего города. Я всех их знал. Каждый день их становилось все меньше и меньше. Должно быть, они все еще покоятся где-то здесь. За три года из всех нас в живых осталось только четверо».

Весной и ранним летом тысячи евреев, в основном из Верхней Силезии и Словакии, отправились навстречу смерти в «Красный домик» и «Белый домик». По пути в газовые камеры офицеры СС вроде Герхарда Палича болтали с жертвами, расспрашивали, кто они по профессии, чем занимаются. Рудольф Хесс в своих мемуарах особо подчеркивал, как этот способ помогал успешно проводить весь процесс массовых убийств подобного масштаба в атмосфере полного спокойствия. Но могло случиться так, писал Хесс, что какой-то человек в колонне, приближаясь к газовым камерам, начинал говорить об удушении газом или смерти, и «сразу начиналась паника», что затрудняло убийство. По прибытии последующих партий евреев за теми, кто казался нацистам в этом смысле подозрительным, стали внимательно наблюдать. При первом признаке какой-либо попытки нарушить безмятежную атмосферу нацисты выводили таких людей из колонны, осторожно отводили в сторону, чтобы не видели остальные, и расстреливали из мелкокалиберных пистолетов, стрелявших достаточно тихо, чтобы стоящие рядом не услышали шума.

Невозможно представить себе страдания матерей, которые подозревали, что их ждет, когда шли на смерть с детьми, как выразился Хесс, словно «обремененные плодами фруктовые деревья в саду»³⁸. Хесс записал, как однажды женщина прошептала ему: «Как у вас рука поднимается убивать невинных деток? У вас совсем нет сердца?» В другой раз он видел, как женщина пыталась выбросить своих детей из газовой камеры, когда закрывали двери, крича: «Пощадите хотя бы моих бедных малышей!» Хесса в некоторой степени эти душераздирающие зрелища приводили в смятение. Но не настолько, как он писал в своих мемуарах, что воспоминание о них нельзя было развеять стремительным галопом на лошади, или несколькими рюмками.

Концентрация массовых убийств в отдаленной части Биркенау означала, что повседневная жизнь в главном лагере Освенцима больше не нарушалась бойней. И в то время как жизнь заключенных там оставалась такой же тяжелой, как всегда, для офицеров СС лагерь стал местом, где после службы можно с комфортом расслабиться. Это наблюдал Тадеуш Рыбацкий³⁹, арестованный гестапо по подозрению в участии в польском сопротивлении.

После нескольких месяцев в разных рабочих командах Рыбацкий наконец получил одно из самых желанных мест в главном лагере Освенцима – работу официанта в эсэсовской столовой. После прибытия женщин-надзирательниц, которые также были членами СС (весной 1942 года, параллельно с пополнением лагеря женщинами из Словакии), Тадеуш стал свидетелем нескольких буйных вечеринок. «Это была какая-то бандитская оргия, – говорит он, вспоминая одну особенно бурную ночь. – Все пели, пили, похлопывали друг друга по спине, спиртное лилось рекой. Я разносил бокалы с вином, и, когда подал одной эсэсовке вина, она потянула меня за руку: “Дорогой...” – и все уставились на меня. Ситуация для меня была очень опасной, я чуть не уронил бокалы, но, к счастью, какой-то эсэсовец закричал на нее: “Закрой рот, шлюха!” – и она ушла». Позже вечером он заметил, как другая эсэсовка подает недвусмысленные знаки ему и другим официантам. «Толстая пьяная тетка брела, покачиваясь, видимо, в туалет, и увидев нас, стоявших неподалеку, начала подавать нам жесты, намекающие на сексуальные отношения. Мы с каменными лицами шептались друг другу: “Что ей надо, этой сукке?”».

Контраст между праздной жизнью эсэсовцев и невыносимым существованием заключенных не давал ему покоя: «Заключенные умирали от голода. Пребывание в лагере было медленным умиранием от голода, побоев и

тяжелого труда. А у них [эсэсовцев] было все. На их оргиях присутствовала выпивка на любой вкус, даже французский коньяк, недостатка ни в чем не было. Все это выглядело так отвратительно – словно пир у дьявола. Вы не представляете себе, насколько это была чудовищная картина».

Тем не менее, Рыбацкий понимал, как ему повезло, что он попал официантом в столовую. Не только потому, что работал «под крышей», хотя это тоже было существенно, так как позволяло пережить зиму. Но еще и потому, что это выводило его на прямой контакт с единственной важной ценностью в лагере – пищей. Он и другие заключенные, работавшие официантами, воровали любую еду, какую только могли, и прятали ее на чердаке. Но это таило в себе риск. Однажды, когда несколько эсэсовцев стояли возле буфета рядом со столовой, Тадеуш и другие официанты услышали громкий шум. Они повернулись к столовой – и, по словам Тадеуша, у них «волосы встали дыбом». «Вдруг видим: с потолка свисают чьи-то ноги и нижняя часть туловища». Все сразу поняли, что стряслось. Один из официантов, пряча украденную еду на чердаке, не удержался и рухнул вниз: «Следовало очень осторожно ступать по балкам, иначе можно было провалиться». Ситуация грозила смертью им всем. Но, к счастью, стоявшие неподалеку эсэсовцы так громко хохотали и были такими пьяными, что не повернулись и не заглянули в помещение. Провалившийся вниз заключенный сумел подтянуться и влезть назад, а обломки тут же подмели. Но в потолке оставалась дыра. На следующее утро, придя на работу, официанты подкупили одного из эсэсовских охранников маслом и колбасой, чтобы вопрос о повреждении в потолке не поднимался. Через два дня дырку заделали.

Случись это не в Освенциме, воспоминание Тадеуша о том, как его друг провалился с чердака и беспомощно болтал ногами, звучало бы почти комично. А то, как он и его друзья избежали наказания, подкупив младшего чина СС, напоминает манипуляции немецких охранников в лагерях для военнопленных из армий союзников – любимый сюжет голливудских продюсеров, придававших романтический флер лагерному быту на Западе. Но это случилось в Освенциме, где ничего подобного не могло быть. Напротив, это еще одно красноречивое свидетельство того, как в начале лета 1942 года Освенцим превращался в два отдельных лагеря. Не только в географическом смысле: Биркенау возник буквально из грязи всего в четырех километрах от основного лагеря, но еще и в философском, и в психологическом. В одном лагере заключенные, такие как Тадеуш Рыбацкий, делали все, чтобы выжить, стараясь получить лучшую работу и «организуя» дополнительную еду. В другом, мужчин, женщин и детей убивали через считанные часы после прибытия в лагерь.

С точки зрения Хесса, тем летом ему следовало сосредоточить всю свою энергию и внимание главным образом на втором лагере и процессе уничтожения заключенных в нем. Газовые камеры в двух перестроенных домиках и сжигание тел на открытом воздухе все еще были только временным решением кровавой задачи нацистов. Процесс истребления людей в Освенциме оставался неэффективным и импровизированным. Как центр массовых убийств Освенцим все еще оставался несовершенным, а его пропускная способность была весьма ограничена. Хотя Хесс и его коллеги, вопреки их послевоенным показаниям, уже выдвигали свои собственные инициативы, предлагая временные методы, с помощью которых можно было уничтожать огромное количество людей. Но они уже видели перед собой главную свою задачу – ту, что навеки покроет их имена позором: создание фабрики смерти.

Глава 3 Фабрики смерти

В начале 1942 года в нацистской империи функционировал только один специализированный лагерь смерти – Хелмно. И все же нацисты уже тогда начали разворачивать вакханалию уничтожения. В менее радикальных общественных системах люди сначала все детально планируют и только потом действуют. Нацисты же принялись депортировать евреев, прежде чем все изобретенные ими системы уничтожения были опробованы или полностью установлены. Поэтому геноцид проводился беспорядочно и бессистемно. И сама история того, как они приступили к осуществлению своей кровавой задачи и в процессе ее выполнения превратили 1942 год в год самых массовых убийств при «окончательном решении еврейского вопроса», дает представление о менталитете этих убийц.

Освенцим не должен был играть главную роль в массовых убийствах 1942 года, но в тот год лагерь впервые начал оказывать влияние на события в Западной Европе. Всего несколько дней прошло после окончания переговоров словацкого руководства с немцами о высылке местных евреев в Освенцим, как еще одна европейская страна отправила свой первый транспорт в лагерь. И обстоятельства, которые привели к этому, были даже еще более сложными и шокирующими, чем события в Словакии, не в последнюю очередь потому, что поезд, отправившийся в путь 23 марта, прибыл из завоеванной немцами страны, которой была позволена существенная свобода во внутреннем управлении. Речь идет о Франции.

После быстрого поражения в июне 1940 года Франция была разделена на две зоны: оккупированную и не оккупированную. Маршал Петен, герой Первой мировой войны, стал главой государства, и его правительство обосновалось в маленьком городке Виши, в зоне, свободной от оккупации. В первые годы войны он был популярной фигурой в стране (намного более популярной, чем это признавали многие французы уже после войны). Маршал стал выразителем стремления народа восстановить честь и достоинство Франции. Что же касается немцев, то у них были явно разноречивые цели: они хотели контролировать Францию, однако при этом минимально присутствовать в стране; менее 1500 немецких офицеров и чиновников базировалось на всей территории, оккупированной и не оккупированной. Немецкое правление в немалой степени зависело от сотрудничества с французскими бюрократами и их административной системой.

На протяжении первого года оккупации между французами и немцами конфликтов практически не случалось. Немецкий военный комендант, генерал Отто фон Штюльпнагель, руководил из отеля *Majestic* в Париже скорее как римский наместник, управляющий полуавтономными провинциями империи, чем как нацист, пытающийся превратить население подвластной ему территории в нацию рабов. Тем не менее, евреи во Франции оставались уязвимыми. В 1940 году их было около 350 тысяч, и почти половина из них не имела французских паспортов.

Многие приехали из Восточной Европы в 1920-е годы, другие же сравнительно недавно бежали сюда в бесплодных попытках спастись от нацизма. Именно эти иностранные евреи первыми приняли на себя всю тяжесть гонений. В октябре 1940 года новое французское правительство объявило в новом «Декрете о евреях» о том, что всем евреям запрещено работать в определенных областях, а иностранных евреев, находящихся в не оккупированной зоне, начали отправлять в лагеря для интернированных.

В начале оккупации Франции нацисты организовали травлю евреев по отработанной схеме. Во-первых, всех евреев надлежало выявить и зарегистрировать. В соответствии со следующим приказом необходимо было зарегистрировать собственность евреев для последующей конфискации, а всех евреев депортировать из оккупированной зоны. Правительство Виши смиренно сотрудничало с оккупантами на всем протяжении этого процесса. Но относительное спокойствие оккупационного режима было нарушено летом 1941 года событиями, которые происходили в тысячах километрах на восток – вторжением на территорию Советского Союза. 21 августа в Париже стреляли в двух немцев – один был убит, второй тяжело ранен. Оперативно установили, что за этим актом стоят французские коммунисты. Другое убийство 3 сентября окончательно убедило немцев в том, что их доселе беззаботная жизнь во Франции окончилась.

Немецкие власти отреагировали на убийства заключением в тюрьмы коммунистов и ответными расстрелами – троих заложников расстреляли немедленно после сентябрьского инцидента. Но этот ответный шаг Гитлер, в это время находившийся в своей ставке в лесах Восточной Пруссии и руководивший оттуда той кровавой бойней, в которую превратилась война на востоке, посчитал недостаточным. Фельдмаршал Вильгельм Кейтель послал сообщение в Париж о недовольстве Гитлера: «Ответные действия, предпринятые против трех заложников, слишком мягкие! Фюрер считает, что один немецкий солдат стоит гораздо больше трех французских коммунистов. Фюрер полагает, что на такие случаи необходимо отвечать более жесткими мерами. На следующий террористический акт ответом должен быть немедленный расстрел 100 французов за каждого немца [убитого]. Без такого сурового возмездия порядок невозможен»¹.

Гитлер хотел, чтобы его представитель во Франции вел себя так же решительно и беспощадно, как действовал его главнокомандующий в Украине в декабре 1941 года, когда столкнулся с такой же угрозой: «Борьба против партизан будет иметь успех только в том случае, если население поймет, что партизаны и им сочувствующие рано или поздно будут уничтожены, – писал тот. – Особый страх внушает смерть через повешение»². Сам Гитлер позже отмечал: «Только там, где борьба против партизан началась и продолжилась с безжалостной жестокостью, она увенчалась успехом»³.

Немецкие власти в Париже оказались в затруднении. Если они начнут осуществлять политику, рекомендованную Гитлером, то рискуют потерять доверие французского населения – и это подтвердилось, когда 98 заложников были казнены после того, как в октябре в Нанте стреляли в немецкого офицера. Для генерала фон Штюльпнагеля было очевидно, что такие «польские методы»⁴ во Франции просто не сработают. Но он был реалистом, и понимал, что Гитлер не изменит своего мнения по этому вопросу, и поэтому не позволит немецким властям во Франции решать эту проблему по своему усмотрению. Фюрер так решил. Требовались «драконовские меры». Немецкие власти во Франции избрали типичный для высших чинов нацистского государства способ решения проблемы: попытались действовать в обход догматических установок Гитлера, изобретая иные формы «сурового возмездия», которые бы нанесли намного меньше вреда отношениям с французами. Вскоре были предложены две альтернативы: штрафы для определенных слоев населения и депортация. А так как воображаемая «связь» между коммунистами и евреями была запечатлена в уме каждого нациста, не было ничего более естественного для немецких властей во Франции, чем идея штрафовать и депортировать евреев в отместку за то, что коммунисты убивали нацистов. Ответные расстрелы мирного населения будут продолжаться, но в гораздо меньших масштабах и только как небольшая часть общей политики «драконовских мер».

Несмотря на частичное решение этой проблемы, Штюльпнагель все же чувствовал, что должен еще раз обратиться с протестом к вышестоящему начальству, и в 1942 году, ничего не добившись, принял решение, что он не может больше «ни примирить свою совесть с массовыми расстрелами, ни отвечать за них перед судом истории»⁵. Неудивительно, что вскоре после этого обращения Штюльпнагель покинул свой пост. Но принцип, введенный им, остался. Депортация евреев и коммунистов станет частью системы ответных мер за любое сопротивление, оказанное французами. Первый такой транспорт ушел из Франции в Освенцим в марте 1942 года. Немецкие армейские офицеры, не желавшие отчитываться «перед судом истории» за репрессивные расстрелы, тем не менее, превратили жизнь этих людей в ад. Голод, плохое обращение и болезни подкосили их. Из 1112 человек, севших на поезд в Компьене, 1008 умерли в течение пяти месяцев⁶. Только 20 из них, как полагают, пережили войну. Таким образом, 98 процентов из этого первого эшелона погибли в Освенциме.

К этому времени депортация французских евреев в качестве ответной репрессивной меры стала первым шагом к исполнению более масштабной мечты – нацистского «окончательного решения» их «еврейской проблемы» во Франции. Долгосрочная стратегия по этому поводу была выработана еще в январе 1942 года в Ванзее. Ответственность же за оперативную реализацию этой политики во Франции была возложена на гауптштурмфюрера СС (капитана) Теодора Даннекера, который обязан был докладывать Адольфу Эйхману, а тот, в свою очередь, отчитывался перед Рейнхардом Гейдрихом.

6 мая Гейдрих лично посетил Париж. В узком кругу он сообщил, что «так же, как и русским евреям в Киеве, смертельный приговор объявлен всем евреям Европы. Даже французским евреям, которых мы уже в эти недели начнем депортировать»⁷.

Нацисты столкнулись с одной серьезной помехой на пути к достижению желанной цели, «свободной от евреев Франции», – это были сами французские власти. В этой стране у немцев попросту не было столько человеческих ресурсов, чтобы установить, собрать и депортировать французских евреев без активного участия местной администрации и полиции. Особенно после того, как нацисты потребовали депортировать из Франции больше

евреев, чем из любой другой страны Западной Европы. 11 июля 1942 года на совещании (под председательством Адольфа Эйхмана) в Берлине был оглашен план, согласно которому следовало депортировать в Освенцим около 10 тысяч бельгийских евреев, 15 тысяч немецких и 100 тысяч французских евреев. Возрастом от 16 до 40 лет. Из этого числа «неспособных к работе» допускалось не более 10 процентов. Что точно стояло за этими цифрами и рамками, нам никогда не выяснить, но похоже, что решение пока еще не принимать большое количество детей и стариков отражает понимание того, что возможность массового уничтожения в Освенциме все еще была ограничена. Теодор Даннекер, горя желанием угодить, пообещал доставить в лагерь каждого французского еврея указанного возраста. Вскоре после совещания в Берлине Даннекер составил план отправки на восток в течение трех месяцев 40 тысяч евреев.

Конечно, одно дело сформулировать такой претенциозный план, и совершенно другое – иметь возможность выполнить его в стране, которая все еще в значительной степени управлялась собственной администрацией. 2 июля на встрече между шефом полиции режима Виши Рене Буске и нацистскими чиновниками немцы на своей шкуре ощутили разницу между теорией и практикой. Буске сообщил позицию Виши: из оккупированной зоны могут быть депортированы только иностранные евреи, а в не оккупированной зоне французская полиция не будет принимать участия ни в каких облавах. Буске заявил: «Мы ничего не имеем против самих арестов. Однако нежелательно, чтобы в Париже этим занималась французская полиция. Таково личное желание маршала [Петена]»⁸. Гельмут Кнохен, начальник СД и полиции безопасности во Франции, знавший, что без сотрудничества с французами депортация будет невозможна, немедленно запротестовал, напоминая Буске, что Гитлер не поймет позицию французов по столь важному для него вопросу. После такой завуалированной угрозы Буске изменил решение. Французская полиция будет производить аресты в обеих, оккупированной и не оккупированной, зонах – но только арестовывать будут иностранных, не местных, евреев. Французские власти сделали четкое политическое заявление: они будут содействовать в передаче иностранцев немцам, чтобы защитить своих собственных граждан.

Двумя днями позже на встрече между французским премьер-министром Пьером Лавалем и Даннекером Лаваль предложил (по словам Даннекера), что «во время эвакуации еврейских семей из не оккупированной зоны, детей младше шестнадцати тоже [можно] высылать. Что же касается еврейских детей в оккупированной зоне, то этот вопрос его не интересует»⁹. Историки оценили это предложение Лавала как заслуживающее «вечного позора»¹⁰ и заявили, что этот случай должен быть «навсегда вписан в историю Франции»¹¹. Невозможно не согласиться с ними, особенно учитывая уготованные этим детям ужасные страдания; и немало из них причинят им сами французы на своей земле в результате предложения, сделанного их же политиком.

Аресты иностранных евреев французской полицией начались в Париже ночью 16 июля 1942 года. Той ночью Аннет Мюллер, ее младший брат Мишель, две старшие сестры и их мама были у себя дома, в квартире, расположенной в десятом округе французской столицы. До отца, уроженца Польши, дошли какие-то слухи о том, что что-то затевается, поэтому он ушел из дома и спрятался. Все остальные остались дома. Им не верилось, что опасности могут подвергаться целые семьи. Аннет¹², которой тогда было девять лет, ясно помнит, что случилось той ночью: «Нас разбудили грубые удары в дверь. Вошли полицейские. Мама умоляла их не трогать нас. Но инспектор полиции оттолкнул ее: “Поторапливайтесь! Быстрее! Не задерживайте нас!” Я была поражена. Это стало моим кошмаром на долгие годы: из-за этого случая с мамой, которую я боготворила. Я не понимала, почему она так унижается перед ними».

Мама Аннет поспешно завернула в простыню какую-то одежду и сухой паек. Через несколько минут их уже выводили по лестнице на улицу. Аннет обнаружила, что забыла свой гребень. Полицейский разрешил ей вернуться за ним: «Туда и обратно!» Девочка вернулась домой и увидела, что полиция там еще орудует: «Все было перевернуто вверх дном. Я [еще] хотела взять свою куклу... но они вырвали ее у меня из рук и грубо швырнули на незастеленную кровать. И тогда я поняла: нас не ждет ничего хорошего».

Очутившись на улице в потасовке между полицейскими и евреями, мать Аннеты шепнула двум старшим сыновьям, 10 и 11 лет, чтобы они быстрее убежали, и они скрылись в толпе. (Оба они выжили в войну, их укрывали французские семьи.) Полицейские затолкали всех в автобусы и доставили в сборный пункт на «Велодром д'Ивер», закрытый велотрек в пятнадцатом округе. Все семьи, арестованные в ходе ночных облав на протяжении двух суток, 12 884 человек, включая 4115 детей, были доставлены сюда. Мишель Мюллер¹³, которому в то время было всего семь лет, вспоминает «обрывки» самых сильных впечатлений: «Свет горел днем и ночью, там были огромные прожектора, и было очень жарко. Полицейских мы почти не видели. Была пара источников воды и туалеты, наверное, два. Что мне запомнилось – это запахи. Через два дня появился ужасный запах. Там было много знакомых детей, мы играли. Скользили по полу велотрека, он был деревянный».

От этого зловония Аннет Мюллер стало дурно, и ее отвели в центр велотрека, где можно было полежать: «Я увидела парализованного мужчину, нашего знакомого с соседней улицы Авенир. Когда мы приходили к нему в гости, его ноги всегда были укутаны одеялом, а его дети сидели с ним, уважительно обращаясь к отцу. Я очень ярко запомнила этого человека. Сейчас он лежал на земле, совсем голый – я в первый раз видела обнаженного мужчину – и кричал. Его глаза были полуоткрыты, а тело было белым и голым. Это была ужасающая зрелище».

После нескольких дней, проведенных на велодроме, семьи перевезли на поезде в сельскую местность, и Мюллеры оказались в Бон-ла-Роланде. «Это очаровательная деревушка, – говорит Мишель Мюллер. – Там было очень красиво – и жарко. Помню широкую аллею, обсаженную деревьями. Когда мы шли по деревне, жители смотрели на нас с любопытством». Мюллеры оказались среди последних прибывших в наскоро организованный лагерь, и спать им было не на чем, поэтому они устроились, как смогли, на полу на соломе. Даже это не беспокоило Мишеля: «Вначале я не волновался. Ведь с нами рядом мама, это меня успокаивало. И я играл с друзьями». Только об одном он тревожился: «Мы хорошо учились, так что переживали: а вернемся ли мы вовремя в школу?».

Несмотря на условия в лагере, большим утешения для Аннет и Мишеля оставалось то, что они были с матерью. «Дома она так волновалась, – говорит Аннет, – что с ней и поговорить толком было нелегко. А в лагере она сначала

проводила с нами все время. Она играла с нами, мы обнимали ее. Другие женщины радовались, глядя, как она нас тискает». Но одно воспоминание о первых днях в лагере, связанное с матерью, продолжает преследовать Аннет: «В первую ночь в бараке, видимо, шел дождь, и как раз там, где лежала мама, капала вода, так что мы с братом спорили, кто ляжет с мамой: никому не хотелось спать мокрым. Она сказала тогда что-то вроде: «Страх намочнуть у вас сильнее желания поспать рядом с мамой». И когда нас разлучили, это так мучило меня. То, как я не воспользовалась случаем побыть с ней той ночью». Вскоре мать сумела подкупить жандарма (в лагере только изредка видели представителей французских властей) и отправить письмо мужу. Именно это впоследствии спасло жизни двоих ее младших детей.

Через несколько дней женщинам приказали сдать ценности. Но некоторые предпочли избавиться от ценных вещей так, чтобы они не достались их мучителям. «В уборной была щель, – говорит Мишель Мюллер, – с планкой над нею, там все было видно. Меня это пугало и смущало: все гигиенические потребности отправлять на виду. И вот некоторые [женщины] бросили свои драгоценности в отхожее место». Позже Мишель видел, как несколько местных, нанятых обыскивать в лагере еврейских женщин, шарили палками в уборной, что-то там искали. «Меня это очень удивило», – признался он.

Мюллеры и тысячи других семей страдали в лагерях, таких как Бон-ля-Роланд и Питивьер, но впереди их ожидала еще более страшная участь. Поначалу немцы требовали у французов депортировать только взрослых, способных работать, а детей присоединяли только в последнюю очередь, для количества. Тогда в Берлине все еще не были официально урегулированы все планы относительно депортации целых семей. Но, несмотря на то, что французские власти уже определенно знали, что это отсрочка всего на несколько недель перед окончательным официальным распоряжением, они все же согласились разделить детей и родителей, и взрослых отправить первыми. Жан Леге, высокопоставленный чиновник в полиции режима Виши, писал префекту Орлеана: «Дети не поедут в том же конвое, что и взрослые. До их отъезда к родителям о них позаботятся»¹⁴. Леге продемонстрировал свою осведомленность о том, что сами дети тоже вскоре уедут, своим заявлением, что «детские поезда начнут уходить во второй половине августа»¹⁵. Так что французские власти не попытались хоть как-то смягчить нечеловеческие страдания изгнанников, предложив немцам хотя бы отсрочить депортацию на несколько недель, чтобы семьи могли уехать вместе.

Лаваль заявлял, что его предложение депортировать и детей вызвано «гуманным» стремлением не разлучать семьи. Это утверждение, такое же лицемерное, как и объяснения словацких руководителей идеи депортировать целые семьи «христианскими» соображениями, было вопиющей ложью. Что может быть менее «гуманным», чем намеченная Леге политика, в результате которой детей оторвут от родителей в лагерях Бон-ля-Роланд и Питивьер? Как писал историк Серж Кларсфельд: «Леге закрывает глаза на реальный смысл депортаций, которые он сам сделал еще более жестокими. В своем светлом кабинете на улице Монсо он занимался тем, что заполнял документы для депортационных поездов, которые формировались по распоряжению гестапо»¹⁶.

В начале августа в Бон-ля-Роланде ходили слухи, что взрослых могут забрать. «Помню, она [мама] зашила деньги в подплечники моего костюмчика, – говорит Мишель Мюллер. – Это был праздничный костюмчик, с курточкой и шортами. Они были похожи на шорты для гольфа, и я очень ими гордился. Мама зашила деньги и попросила меня быть осторожным. На следующий день была облава». Французская полиция нагрянула в лагерь, узников согнали вместе. Когда объявили, что дети должны быть отделены от родителей, началась паника. «Дети цеплялись за своих мам, – вспоминает Мишель. – Это было ужасно. Детишки повисли на матерях, крича и плача, жандармы были потрясены». Аннет поясняет: «Полицейские яростно избивали женщин, оттесняя их от детей. Мальши цеплялись за материнскую одежду. Они [жандармы] обливали людей водой. Рвали на женщинах платья. Стоял ужасный крик и плач. И вдруг шум стих и внезапно настала полная тишина». На женщин и детей было нацелено оружие: угроза была явной и всем понятной. «Напротив стояли женщины, – говорит Аннет. – Я как сейчас вижу их. А мы, дети, держались друг за друга. Мама стояла в первом ряду и подавала нам знаки глазами. Мы смотрели на нее, и мне казалось, что она улыбалась нам, как будто хотела сказать, что еще вернется. Мишель плакал. Это был последний раз, когда я видела маму».

Без родителей условия содержания детей в лагере резко ухудшились. Лишенные материнской заботы, они вскоре покрылись грязью, их одежда пришла в негодность. Из-за плохого питания (только жидкая похлебка и бобы) многие страдали диареей. Но тяжелее всего было переносить душевную потерю. «Труднее всего было по вечерам, – вспоминает Мишель Мюллер. – По вечерам мама обычно рассказывала нам истории, а когда ее увезли, нам пришлось делать это без нее». Аннет добавляет: «После ее отъезда я несколько дней не хотела выходить из барака, так мне было грустно. Я рыдала и не могла остановиться. Я лежала на соломе и твердила себе: это моя вина в том, что она уехала, потому что я плохо к ней относилась. Вспоминала все, в чем могла себя упрекнуть. Мишель заставил меня выйти наружу: у меня была дизентерия. Брат помогал мне помыться и давал поесть. Понемногу он стал водить меня по лагерю, мы рвали траву и пытались ее жевать».

Семилетний Мишель взял на себя роль защитника сестры. Но дети столкнулись с огромными трудностями. Аннет была слаба и не могла стоять в очереди за супом, а попытка питаться травой – Мишелю казалось, что трава по вкусу должна напоминать салат – не удалась. Однако хуже всего было то, что в свои семь он был младше и меньше многих других мальчиков, которые в обеденное время дрались за еду. «Хорошо помню борьбу в момент, когда раздавали суп, драки с другими детьми. Я был очень маленький, и не мог протиснуться сквозь толпу, чтобы взять себе супа. Иногда я возвращался назад с пустой миской. А больше ничего не было. Моя сестра постоянно болела. Мы бродили, заглядывая в пустые бидоны, из которых разливали суп: пытались найти там хоть какие-нибудь остатки. Мы много говорили о еде. Пересказывали друг другу целые меню из того, что с удовольствием съели бы. Дома мы не отличались хорошим аппетитом, но теперь мы всерьез голодали». Мишель понял, что должен что-то сделать, если они хотят выжить, так как с каждым днем и он, и его сестра становились все слабее. Поэтому, увидев вывеску изолятора, он решил действовать: «Там говорилось, что дети младше пяти лет могут питаться в изоляторе. Так как я

умел читать и писать – потом я всегда твердил своим детям, что нужно учиться читать и писать, так как это может очень пригодиться – я притворился, будто мне всего пять лет, и это сработало. Теперь я мог поест сам и накормить сестру [Мишель мог вынести немного еды]».

Что особенно омрачает этот эпизод и без того жестокой истории – не только отлучение детей от родителей, но и то, как обращались с ними французские власти, под чью «опеку» те попали. Детей бросили на произвол судьбы, их отвратительно кормили, они испытывали физические и душевные мучения. В тот период жизни, когда маленький человек наиболее уязвим, их унизили и растоптали. Несмотря на голод, несмотря на грязь, именно от повседневного унижения Мишель Мюллер страдал в Бон-ля-Роланде больше всего: «Так как никакой гигиены в помине не было, у всех завелись вши, и нам обрили головы. Тогда у меня были густые вьющиеся волосы, мама так гордилась моими кудрями. Обривая меня, жандарм держал мою голову между ног и приговаривал: «О, сейчас мы сделаем из тебя последнего из могикан». И он выбрил мне полосу посередине головы. С обеих сторон остались пряди, а между ними появилась плешь. Мне стало так стыдно, что я украл берет и прикрывал им голову». Мишеля так изуродовали, что это стало потрясением даже для его девятилетней сестры. «Помню, как мама любила расчесывать его волосы. У него была прекрасная светлая шевелюра. Она говорила: какой красивый малыш! Теперь, когда ему выбрили волосы посередине, он стал выглядеть противно. Понимаю, почему люди сторонились евреев: если даже мой родной маленький братик, когда я увидела его в таком виде, с грязным лицом и вот так обезображенной головой, показался мне гадким». Несколько дней спустя жандармы, наконец, довели дело до конца и сбрили мальчику оставшиеся волосы. Их позабавила такая шутка, а Мишель получил глубокую душевную травму, которую не забыл и сегодня.

Тем временем в середине августа 1942 года упомянутые распоряжения, наконец, были отданы, что позволило французам депортировать детей и обеспечить обещанное немцам количество высланных евреев. Планировалось переместить детей из Бон-ля-Роланда и Питивьера на временное содержание и сбор в лагере Дранси в северо-восточном пригороде Парижа. Оттуда, наконец, детей должны были отправить в Освенцим под конвоем взрослых. Так они отправятся на смерть с чужими людьми.

15 августа колонна несчастных детей проделала обратный путь по тенистым улицам очаровательной деревни Бон-ла-Роланд к железнодорожной станции. Они разительно отличались от тех относительно здоровых мальчиков и девочек, которые вошли в лагерь с мамами всего чуть больше двух недель назад. «Помню, как люди в деревне смотрели на нас, – говорит Аннет Мюллер. – С тем же отвращением, которое я и сама испытывала. От нас явно разило. Мы были обриты наголо и покрыты коростой. Я ловила взгляды, полные гадливости: так вы иногда в метро смотрите на грязного бездомного, храпящего на скамейке. Казалось, мы больше не люди». Тем не менее, по пути на станцию дети пели песенки, потому что, как говорит Аннета, «мы были уверены, что скоро встретимся с нашими родителями». Но их путь лежал не домой, а в Дранси – пункт, через который более 65 тысяч человек, в конечном счете, было отправлено в лагерь смерти на восток, более 60 тысяч из них – в Освенцим.

Одетт Далтрофф-Батикль 17, заключенная в Дранси в августе 1942 года, вместе с двумя друзьями добровольно вызвалась заботиться о детях из Бон-ля-Роланда и Питивьера: «Прибывшие были в ужасном состоянии. Завшивленные, страшно грязные, и у всех дизентерия. Мы пытались их вымыть, но вытирать их было нечем. Потом мы постарались накормить их – эти дети не ели несколько дней, и им было тяжело проглотить хоть что-нибудь. Кроме того, мы пытались составить полный список их имен и фамилий, но многие не знали своих фамилий, и просто бормотали что-то вроде: «Я младший братик Пьера». Мы упорно продолжали попытки выяснить их имена; у старших, конечно, узнали, но у маленьких это было абсолютно невозможно. Их матери привязали им деревянные таблички с именами, но большинство малышей сняли эти деревяшки и играли ими друг с другом».

Одетт и другие помощники пытались хоть чем-то помочь, и чувствовали, что у них нет другого выбора, кроме как постараться утешить детей, хотя бы заведомой ложью: «Мы обманывали их. Уверяли: “Скоро снова увидите своих родителей”. Но они, конечно, не верили нам – странно, но дети подозревали, что должно случиться. Многие умоляли меня и моих подруг: “Мадам, усыновите меня... усыновите”: они хотели остаться в лагере, даже несмотря на то, как там было скверно. Дальше они идти никуда не хотели. Там был маленький мальчик, очень хорошенький малыш, три годика с половиной. Он и сейчас стоит у меня перед глазами и, не переставая, повторяет: “Мамочка, я буду бояться, мамочка. Я буду бояться”. Это было все, что он твердил. Удивительно, но он знал, что будет еще страшнее. Дети были совершенно подавлены. Они согласны были даже на ужас лагеря, только бы остаться. Дети все понимали намного лучше, чем мы».

Одетт заметила, что у ребят все еще остались «некоторые вещицы, очень важные для них» – фотографии родителей или маленькие украшения. «У одной девочки были сережки, и она спрашивала: “Как думаете, они разрешат оставить эти золотые штучки?”» Но за день до отправки детей привели других еврейских женщин из лагеря, чтобы они отыскивали у них ценности. «Этим женщинам платили поденно, и мы знали, что почти половину найденного они положат в свои карманы. Я видела, что они были весьма неласковы с детьми. Они словно ничего не чувствовали, судя по тому, как они с ними обращались, что для меня было странно».

В лагере Дранси, помещавшемся в недостроенном дешевом жилищном комплексе, Мишель и Аннет Мюллеры, по их словам, «прошли через кошмар». Аннета была поражена не только условиями жизни – они с братом спали на цементном полу среди экскрементов – но и тем фактом, что кроме нескольких взрослых, пытающихся что-то сделать для детей, никому больше не было до них дела. «Никто не заботился о нас. Мы были предоставлены сами себе. Не помню, чтобы взрослые смотрели за нами». Перед самой отправкой транспорта в Освенцим они услышали свои имена: их вызывали из списка. Детей вывели из Дранси мимо столбов с проволочным ограждением к полицейской машине. «Мы думали, нас собираются освободить, – говорит Аннет. – Были уверены, что возвращаемся к своей семье на улицу Авенир. Мы с Мишелем строили планы, как бы удивить родителей: спрячемся под столом, а потом выскочим оттуда: вот они обрадуются! И тут я обернулась и увидела, что офицеры полиции прослезились: они-то очень хорошо знали, что нас увозят не домой».

Аннет и Мишеля отправили в другой перевалочный пункт для иностранных евреев, недалеко от Дранси, в

помещении бывшего приюта на улице Ламарк на Монмартре. Они еще не знали, что это был первый шаг к свободе. Их отец получил письмо, написанное женой в Бон-ля-Роланде. В результате он заплатил сначала влиятельному французскому еврею, и через него французским властям. Это означало, что Аннет и Мишель, несмотря на их возраст, были определены в «скорняки» и перемещены из Дранси. Как только они прибыли в центр временного содержания, отец договорился, чтобы детей забрали представители католического сиротского приюта, в котором они и скрывались во время войны.

Большинству детей, отправленных в Дранси летом 1942 года, повезло меньше. С 17 августа и до конца месяца из этого лагеря в Освенцим было отправлено семь поездов с детьми, разлученными с родителями в Бон-ля-Роланде и Питивьере. «Утром перед отъездом мы одели детей получше, насколько это было возможно, – говорит Одетта Далтрофф-Батикль. – Большинство из них не в силах были нести даже свои маленькие чемоданчики. Их вещи перепутались, мы уже и не знали, где чьи.

Они не хотели спускаться по лестнице к автобусу, пришлось отвести их. После того, как были отправлены уже тысячи и тысячи детей, я вспомнила, что в изоляторе осталось примерно восемьдесят малышей. Мы думали, что сможем спасти хотя бы их – не вышло. Однажды нам сказали, что даже эти восемьдесят детей будут отправлены. На утро отправки, когда мы пытались их вывести, дети плакали и брыкались, они не хотели спускаться вниз. Жандармы поднялись в изолятор – и с большим трудом смогли справиться с малышами. Кажется, один или двое жандармов были немного расстроены этой душераздирающей сценой».

Джо Нисенман 18, которому тогда было 18 лет, отправили из Дранси в Освенцим 26 августа. В поезде было 700 взрослых и 400 детей, включая его десятилетнюю сестру, «очень милую белокурую девочку». В его вагоне было человек девяносто, около тридцати из них были детьми, которых высылали без родителей. Джо вспоминает, как «стойчески» дети переносили жизнь в товарном вагоне в течение долгой поездки в Освенцим. «Мы прибыли через два или три дня – точно не помню – на станцию перед Освенцимом. Требовалось несколько мужчин с хорошим здоровьем: рядом был рабочий лагерь. Поэтому поезд остановили и сняли 250 человек». Джо был одним из отобранных взрослых: «Они палками выгнали нас из вагона. Никому не позволили остаться. Я оставил там сестру... Но, несмотря ни на что, мы и представить не могли, что случится дальше... По-моему, они даже не плакали... Помню этих малышей, они были такими славными – а их всех взяли и уничтожили. Такое зверство!». И спустя шестьдесят лет Джо Нисенман каждый день вспоминает страшную участь его сестры и остальных детей из Дранси: «За моим домом детский сад, и я постоянно вижу мам, ожидающих своих детишек с шоколадными круассанчиками. А у тех детей не было матерей. И шоколадных круассанов у них не было...»

Среди множества эпизодов в истории уничтожения евреев нацистами история убийства еврейских детей, высланных из Франции, поражает сильнее всего. Самое дикое, конечно, – шокирующая сцена разлучения детей с родителями. Но потрясает не только то, как детей вырывали из материнских рук, как тогда в Бон-ля-Роланде. Едва ли не страшнее то, что некоторым родителям (как тем матерям, которые велели своим сыновьям бежать во время начала облавы) приходилось идти против материнского инстинкта и отказываться от своих собственных детей, чтобы те могли спастись. Какая это непредставимая, опустошительная душевная травма – когда ты вынужден творить такое!

Даже Хесс вспоминал, как в Освенциме семьи стремились любой ценой остаться вместе. И хотя мужчин отделяли от женщин, мужей от жен, нацисты вскоре поняли, что силой разлучать матерей с детьми – это почти идет в разрез их собственным интересам. Даже несмотря на то, что нацисты теряли ценную рабочую силу, посылая молодых здоровых женщин в газовые камеры вместе с детьми, они понимали, что отрывать мальчиков и девочек от мам против их воли приводило к таким ужасающим сценам, которые крайне усложняли эффективное руководство процессом убийств. Более того, те отрицательные эмоции, что испытывали сами немцы при таком разделении, по силе можно было сравнить с переживаниями расстрельных команд, которые убивали женщин и детей в упор – той самой травмой, которую призвано было смягчить создание газовых камер.

После опыта с детскими эшелонами летом 1942 года французские власти пришли к такому же выводу. Вид маленьких детей, лишенных матерей и присмотра, настолько всех смущал, что после отправления из Дранси 31 августа поезда с детьми без родителей был отдан приказ, чтобы такое больше не повторялось. С тех пор в процессе депортаций из Франции детей больше не отбирали у матерей: теперь в Освенцим отправляли всех вместе. Однако важно сделать правильные выводы. Это вовсе не означает, что у французских властей неожиданно проснулась жалость: скорее, они поняли, примерно как Хесс в Освенциме, что им, если они не будут отделять матерей от детей, будет легче преследовать свои собственные цели.

Есть еще одна причина, по которой эта история особенно мучительна, как острая кость в горле: соучастие французских властей на каждой стадии преступления. Нацисты с самого начала понимали, что выслать евреев без сотрудничества с французами невозможно. И решение французов выдать «иностранцев» евреев прежде «своих» поражает своим цинизмом даже спустя годы (хотя это решение, как мы увидим в следующих главах, повторили и другие страны). В целом, около 80 тысяч евреев погибло в результате депортации из Франции во время войны, что составляет 20–25 процентов всего еврейского населения страны на то время. Такая статистика означает, что примерно четверо из пяти французских евреев выжили в войну: на нее иногда ссылаются апологеты тогдашних порядков как на «здоровую» тенденцию, показывающую, что французские власти вели себя перед лицом нацистской оккупации с относительным достоинством.

Однако эта цифра говорит совершенно о противоположном: ведь откажись Франция от сотрудничества в выдаче «чужих» евреев, почти определенно ничего подобного вообще не случилось бы. Даже после оккупации всей территории страны в ноябре 1942 года нацисты не проводили резких ответных мер, когда французские власти делали что-либо с неохотой, и немецкие планы депортации впоследствии не были реализованы.

Вслед за парижской облавой в июле 1942 года и вывозом детей последовали протесты со стороны иерархов церкви, которые осудили действия французских политических руководителей. Архиепископ Тулузы 23 августа написал в знак протеста пасторское послание к духовенству своей епархии, для чтения во всех церквях епархии, а

архиепископ Лиона при встрече 1 сентября с Лавалем заявил тому, что поддерживает и акции протеста, и укрывание католиками еврейских детей. Но все это было сделано слишком поздно, чтобы могло повлиять на судьбы тех, кого взяли во время облавы в Париже тем летом. Мама Мишеля и Аннет Мюллер, разлученная со своими детьми в Бон-ля-Роланде, умерла в Освенциме. И хотя ее смерти добились нацисты, но отправили ее в тот скорбный путь все же французы. «Больше всего меня поразило, – говорит Мишель, – то, что все это было абсолютно беспричинно. Людей арестовывали просто потому, что они родились евреями. И ведь это французы творили то, что до сих пор выше моего понимания. Шестьдесят лет прошло, и мне это по-прежнему кажется невероятным».

Все до единого ребенка из более чем четырех тысяч депортированных без родителей из Франции летом 1942 года, умерли в Освенциме. «Когда два моих брата бежали [от первой облавы], – говорит Аннета, – с ними был один из школьных друзей, чья мама тоже толкнула его на побег. И этот мальчик, оказавшись на улице, не захотел оставаться один. Он захотел к маме. Поэтому он попросил офицера полиции [чтобы ему позволили] вернуться к ней, и его отправили в газовую камеру. А ведь у этих детей все еще было впереди. Их переполняла радость – радости жизни. Но поскольку они были евреями, их приговорили к такому. А сколько у этих детей было способностей, талантов, достоинств?..»

Есть свидетели расставания детей французских евреев с родителями, их страданий в разных лагерях временного содержания, даже их «стойческого» поведения в поезде, но с того момента, как они входят в ворота Освенцима, нет никаких свидетельств – полная тишина. Представить сцены этого отбора (а особенно вообразить: каково это – принимать участие в подобном процессе в роли преступника!) почти невозможно. Единственный путь проникнуть во тьму – найти заслуживающего доверия свидетеля, который принадлежал к СС и служил в Освенциме. Удивительно, после нескольких месяцев поиска мы получили возможность взять интервью у такого человека, Оскара Гренинга.

В 1942 году Гренинга, которому тогда был 21 год, направили в Освенцим. Он приехал через несколько недель после детей из Франции, и почти сразу стал свидетелем прибытия транспорта на так называемый «пандус», платформу, где выгружали евреев. «Я стоял на пандусе, – говорит он, – и моей задачей было вместе с группой сопровождать багаж из приходящего транспорта». Он наблюдал, как доктора СС сначала отделили мужчин от женщин и детей, затем отобрали тех, кто был годен к работе, и тех, кто должен сразу же быть убит газом. «Слабых посадили в грузовики, – говорит Гренинг. – Это были машины Красного Креста – так пытались показать, что людям нечего бояться». На том первом транспорте в сентябре 1942 года, прибытие которого наблюдал Гренинг, по его мнению, примерно 80–90 процентов были отобраны для немедленного уничтожения. «Этот процесс [сортировки] происходил в относительно спокойной обстановке, – говорит он, – но когда он закончился, место напоминало опустевшую ярмарочную площадь. Повсюду валялся хлам. И рядом с ним – больные, не способные идти, какой-то ребенок, который потерял мать, или которого спрятали во время обыска поезда. Каждого из этих людей просто убили выстрелом в голову. То, что с ними сделали, вызвало у меня непонимание и возмущение, я не мог поверить своим глазам. Ребенка просто схватили за ногу и бросили в грузовик... когда он запищал, как слабый цыпленок, его ударили о борт грузовика. Я не представлял себе, что ээсовец способен раздробить ребенку голову... или застрелить, а потом побросать трупы в грузовик, как мешки с зерном».

Гренинга, по его рассказам, так переполняли «непонимание и возмущение», что он пошел к вышестоящему офицеру и пожаловался ему: «Это невозможно, я больше не могу оставаться здесь. Если так необходимо уничтожить евреев, то, по крайней мере, это должно делаться в определенных рамках. Я высказал ему это и попросил: «Я хочу уехать отсюда». Офицер спокойно выслушал жалобы Гренинга, напомнил ему о верности данной им присяге СС, и приказал «забыть» желание покинуть Освенцим. Но подал и некоторую надежду. Он сказал Гренингу, что такие «эксцессы», которые тот видел ночью – это «исключение», и что сам он согласен, что члены СС не должны принимать участие в таких «садистских» экзекуциях. Документы подтверждают, что Гренинг впоследствии подавал рапорт с просьбой об отправке на фронт, в которой ему было отказано.

Что существенно: Гренинг не жалуется своему боссу на сам факт убийства евреев как таковой, а только на практику его осуществления. При виде людей, стоящих напротив него, которым, как он знал, через несколько часов придется умереть в газовых камерах, им владели, как он говорит, «двойственные» чувства. «А как себя чувствуешь, – говорит он, – когда ты в России, перед тобой пулемет, на тебя бежит батальон русских, и ты должен жать на гашетку и убить как можно больше? Я специально привожу эту аналогию, потому что в голове все время сидела мысль, что евреи – такие же враги, только внутренние. Пропаганда так на нас влияла, что мы были уверены: уничтожая их, мы, по существу, делали то же самое, что и на войне. И тут уже чувства симпатии или антипатии не играют роли». Когда мы потребовали объяснить причину, по которой можно было убивать детей, Гренинг ответил: «На тот момент сами дети не были врагами. Вражеской была кровь в их жилах. Опасным было то, что они повзрослеют и станут евреями, которые будут представлять угрозу. Поэтому детей тоже следовало устранить».

Ключ к пониманию того, как мог Оскар Гренинг увидеть «врагов» в беспомощных женщинах и детях, уже стоявших на краю гибели, можно найти в его жизни до Освенцима. Он родился в 1921 году в Нижней Саксонии, в семье квалифицированного текстильного рабочего. Его отец был консервативным традиционалистом, он «гордился тем, чего достигла Германия». Одним из первых воспоминаний Гренинга было то, как он рассматривает фотографию деда, который служил в элитном полку герцогства Брауншвейг: «Его фигура поражала мое детское воображение. Он сидел верхом на коне и играл на трубе. Дух захватывало». После поражения Германии в Первой мировой войне отец Гренинга присоединился к правому крылу *Stahlhelm* («Стального шлема»), одной из многочисленных ультранационалистических организаций, которые пышным цветом расцвели после объявления унижительного Версальского мира. Гнев Гренинга-старшего по поводу того, как поступили с Германией, усилился, когда его личные жизненные обстоятельства значительно ухудшились: денег не хватало, текстильное дело в 1929 году прогорело. В начале 1930-х годов молодой Оскар вступил в «Шарнхорст», молодежный филиал «Стального шлема»: «Я носил серую военную кепку, рубашку и брюки. Мы выглядели довольно странно, но гордились этим. И еще мы носили черное, белое и красное, цвета бывшего флага императора Вильгельма».

Когда в 1933 году нацисты пришли к власти, не было ничего более естественного для 11-летнего Оскара Гренинга, чем перейти из «Шарнхорста» в гитлерюгенд. Он перенял ценности родителей и считал, что нацисты «были именно теми, кто хотел лучшей судьбы для Германии, и кто что-то делал для этого». Как член гитлерюгенда он принимал участие в сожжении книг, написанных «евреями и другими вырожденцами». И верил в то, что этим помогал избавить Германию от неприемлемой, чуждой культуры. В то же время ему виделось, что национал-социализм наглядно показал свою эффективность на экономическом фронте: «За шесть месяцев [с момента прихода нацистов к власти] 5 миллионов безработных исчезли с улиц, теперь каждый имел работу. Потом [в 1936 году] Гитлер ввел войска в Рейнскую область [де милитаризованную по условиям Версальского договора] и никто не пытался остановить его. Мы были страшно счастливы по этому поводу, и мой отец откупорил бутылку вина».

Между тем юный Оскар пошел в школу, и хотя сам признавал, что бывал «довольно ленив и несколько глуповат», он в итоге хорошо закончил последний класс, и в 17 лет начал стажировку в качестве банковского клерка. Вскоре после того, как он приступил к работе в банке, объявили войну; восемь из двадцати клерков были немедленно призваны в армию, и их места заняли молодые женщины. Это означало, что оставшиеся стажеры, в том числе Гренинг, могли «получить работу, которой в других обстоятельствах они бы не достигли. Например, теперь я должен был принимать наличные». Но, несмотря на такое неожиданное карьерное продвижение, от новостей о быстрой победе Германии в Польше и Франции стажеров переполняли «эйфория» и желание «быть частью этого» и «послужить».

Оскар Гренинг хотел вступить в «элитное» подразделение немецкой армии, так же как его дед. Мечта этого молодого человека могла исполниться только в одном подразделении: «Ваффен-СС» формировались из отрядов СА [нацистских штурмовых отрядов], когда требовалось создать подразделение, на которое можно полностью положиться. На партийных митингах они замыкали шествие, все в черных униформах [СС] и все не ниже 190 сантиметров. Зрелище было впечатляющее». Поэтому, не говоря ни слова отцу, Оскар отправился в отель, где набирали в «Ваффен-СС», и вступил в это формирование. «Когда я пришел домой, отец сказал: “Я надеялся, что, так как ты носишь очки, тебя не примут”. И добавил: “Мне жаль, но ты сам увидишь, что из этого ничего хорошего не получится”».

Поначалу членство в элитных войсках дало возможность Оскару Гренингу получить место бухгалтера в администрации СС. Должность его не слишком разочаровала: «Я же канцелярский работник. Мне подходило такое дело, которое сочетало и солдатскую жизнь, и административную работу». Он проработал бухгалтером год, до сентября 1942 года, когда пришел приказ, что годные к строевой службе, здоровые члены СС, работающие в центрах выдачи зарплат, должны быть переведены на более востребованную службу, с тем чтобы резервировать административную работу для возвращающихся с фронта раненых ветеранов: «Итак, в предвкушении того, что теперь мы вступим в боевое подразделение, около 22 человек явились с багажом и сели в поезд до Берлина. Было очень странно, потому что обычно приказы отправляли на место военных сборов, но тут этого не произошло».

Гренинг и его товарищи явились в один из экономических отделов СС, расположенный «в прекрасном здании» в столице. Затем их направили в конференц-зал, где к ним обратились несколько офицеров СС высокого ранга: «Мы выслушали лекцию о том, что обязаны слушаться приказов, что нам доверили задачу, выполнять которую будет нелегко. Нам напомнили, что мы давали клятву верности под девизом «Моя преданность – это моя честь», и что мы должны доказать эту преданность, выполняя поставленную перед нами задачу, детали которой узнаем позже. Затем низший по званию эсэсовец сказал, что мы обязаны соблюдать полное молчание об этом деле. Это совершенно секретно, поэтому ни родственникам, ни друзьям, ни товарищам или кому угодно, кто не состоит в подразделении, ничего об этом говорить нельзя. Поэтому нам пришлось каждому отдельно выйти вперед и подписаться под своими обязательствами».

Тут же, во внутреннем дворе здания, компанию прибывших разбили на меньшие группы, им выдали индивидуальные назначения, развезли на разные вокзалы Берлина и посадили на поезда. «Мы ехали на юг, – говорит Оскар Гренинг, – в направлении города Катовице. И командир нашей группы, у которого были бумаги, приказал нам явиться к коменданту концентрационного лагеря Освенцим. Об Освенциме раньше я никогда не слышал».

Они прибыли поздно вечером и были направлены военной полицией в основной лагерь, где явились в центральное административное здание и были размещены на «временных» койках в казармах СС. Местные эсэсовцы встретили их дружелюбно и приветливо. «В казармах нас спросили: “Вы уже что-нибудь поели?” Мы не ели, так что нас накормили». Гренинга удивило то, что к основному пайку СС, состоявшему из хлеба и колбасы, здесь предоставлялась дополнительная еда: консервы из сардин и банки маринованной сельди. Кроме того, у новых друзей оказались ром и водка, они выставили выпивку на стол со словами: «Наливайте сами». «Что мы и сделали с большим удовольствием. На вопрос: “Что это за место?” нам ответили, что мы все узнаем сами, что это концентрационный лагерь особого типа. Неожиданно дверь открылась, кто-то крикнул: “Транспорт!” Двое или трое вскочили и выбежали».

Выспавшись, Гренинг и другие новоприбывшие еще раз явились в центральное административное здание СС. Несколько старших офицеров СС опросили их о жизни до войны: «Мы должны были рассказать, что мы делали, кем работали, какое у нас образование. Я сказал, что был банковским служащим и хотел бы работать в администрации. Один из офицеров сказал: “О, мне такой нужен”. Он отвел меня в помещение, где хранились деньги заключенных. Мне сказали, что, когда узники получали номер, их средства регистрировались здесь, а выходя, они забирали деньги обратно».

До сих пор Гренингу казалось, что это «нормальный» концентрационный лагерь, разве что с улучшенными пайками для эсэсовцев. Но начав выполнять свою задачу по регистрации денег заключенных, он впервые узнал о дополнительной, «необычной» функции Освенцима: «Люди [работавшие в бараках], дали нам понять, что эти деньги не возвращались заключенным. С евреями, доставленными в лагерь, обходились иначе. Деньги отбирали у них без

возврата». Гренинг спросил: «Это имеет отношение к «транспорту», который прибыл ночью?» И его коллега ответил: «А ты что, не знаешь? Вот так здесь все и происходит. Евреи прибывают эшелонами, и если они не годятся для работы, от них избавляются». Гренинг настойчиво пытался выяснить, что же на самом деле означает «избавиться», и когда ему разъяснили, он был поражен: «Такое вообще невозможно представить. Я смог это полностью уяснить только когда караулил вещи во время сортировки. Если вы спросите меня, что я испытал, то это было такое потрясение, которое в первый момент не можешь даже взять в толк. Но вы не должны забывать, что не только с 1933 года [времени прихода Гитлера к власти], но и до того времени пропаганда, которую я еще мальчиком впитал из газет, радио, всей своей среды, учила нас, что евреи были причиной Первой мировой, и к тому же «нанесли предательский удар в спину» в конце войны. И что они же были виновниками нищеты, в которой оказалась Германия. Мы были убеждены в том, что против нас существует мировой заговор еврейства. Вот эта идея и была реализована в Освенциме: необходимо исправить то, что случилось в Первую мировую войну – а именно то, что евреи ввергли нас в нищету. Враги внутри Германии должны быть уничтожены – истреблены все поголовно, если так надо. И между этими двумя битвами – открытой, на линии фронта, и здесь, в тылу – нет абсолютно никакой разницы: мы уничтожали именно врагов».

Странное впечатление от встречи с Оскаром Гренингом сегодня и от его слов, в которых он пытается объяснить то время в Освенциме. Ему за восемьдесят, и сейчас он рассуждает так, словно то был другой Оскар Гренинг – тот, кто служил в Освенциме 60 лет назад. И в том, что касается того, «другого» Гренинга, он теперь может позволить себе горькую правду. Он защищается от ответственности за участие в процессе массового уничтожения людей, постоянно ссылаясь на власть пропаганды и влияние ультранационалистической атмосферы в семье. Только после войны он столкнулся с другим мировоззрением, поставившим под сомнение нацистскую теорию «мирового еврейского заговора» и роли евреев в Первой мировой войне. И тут возник уже «новый» Оскар Гренинг, готовый смотреть на вещи, как полезный гражданин современной демократической Германии.

Нельзя сказать, что Гренинга оправдывают слова «действовал согласно приказам». Он не производит впечатления бездумного автомата, который будет следовать любым командам. Когда его спросили, согласился бы он убивать «арийских» детей, он абсолютно отверг это предположение. Его поведение опровергает представление некоторых историков о том, что СС довели дрессировками до настолько звероподобного состояния, что они убивали любого, на кого им укажут. Нет, Гренинг действовал не на таком примитивном уровне. Да, он утверждает, что был под мощным воздействием пропаганды тех лет, но, тем не менее, во время войны он сделал свой собственный выбор, и не один раз. Он продолжал служить в Освенциме не только потому, что ему приказали, а потому, что, взвесив предоставленные ему доводы, решил, что программа массового истребления правильна. После войны он оспаривал точность предъявленных против него свидетельских показаний, но не утверждал, что действовал так, как действовал, потому что был чем-то вроде робота. Всю жизнь он был уверен, что поступал «правильно»; просто то, что было «правильным» тогда, стало «неправильным» сегодня.

Такой механизм психологической адаптации не стоит воспринимать с излишним цинизмом. Конечно, Гренинг мог выбрать другой путь. Он мог отвергнуть людоедские ценности окружающего его общества и сопротивляться. Он мог дезертировать из Освенцима (хотя нет ни одного свидетельства того, что кто-либо из эсэсовцев отказался служить в лагере по моральным причинам). Но так поступить мог бы лишь редкий человек. А что самое существенное, почти пугающее, в Оскаре Гренинге – то, что он абсолютно обычный, ничем не примечательный человек. Отсидев несколько лет в тюрьме, как военный преступник, он получил должность управляющего по кадрам на стекольной фабрике, где и проработал до пенсии. Единственным ненормальным отклонением в жизни Гренинга, предельно нормальной во всех остальных отношениях, было время, которое он провел на службе в Освенциме.

Изучение историко-социологического среза СС в Освенциме, основанное на статистических документах, показывает, что «отряд СС в лагере не был исключительным ни по структуре рода занятий до службы, ни по уровню образования. Служебный персонал лагеря был очень похож на то общество, из среды которого вышел»²⁰. Оскар Гренинг замечательно иллюстрирует этот вывод. Он типичен и в том, что был рядовым эсэсовцем: самым высоким званием, полученным им, был чин роттенфюрера (капрала). Около 70 процентов эсэсовцев в Освенциме попадали в эту категорию; 26 % были унтер-офицерами (выше роттенфюрера); и только 4 % всего личного состава составляли офицеры. В Освенциме I и связанных с ним лагерях одновременно служило около трех тысяч членов СС²¹. Администрация лагеря подразделялась на пять главных отделов: отдел главного управления (кадровый, юридический и другие, имеющие подобные функции); медицинская часть (доктора и дантисты); политический отдел (гестапо и крипо – криминальная полиция); экономический (занимавшийся подсчетом имущества убитых заключенных и последующим распоряжением им) и лагерное управление (ответственное за безопасность внутри лагеря). Последний отдел был намного крупнее остальных: около 75 процентов эсэсовцев, служивших в Освенциме, следили за безопасностью. Оскар Гренинг выделялся только тем, что у него была сравнительно «непыльная» работа в экономическом управлении.

К лету 1942 года в Освенцим прибывали эшелоны с евреями уже из разных стран Европы: Словакии, Франции, Бельгии и Голландии. Политика высылки евреев с Запада в перевалочные гетто (такие как Лодзинское), где происходил отбор, перед тем, как «негодных к работе» убивали, действовавшая с конца 1941 года, была отменена. С тех пор как Освенцим усовершенствовал сортировку узников, весь процесс уничтожения был хорошо налажен. Разъедающее лагерное влияние теперь достигло даже территории Великобритании – курортного острова Гернси в составе Нормандских островов. Тем людям (а их все еще немало), кто частично определяет «британскость» по сопротивлению Соединенного Королевства Гитлеру, и кто уверен, что ни один человек в Англии, Шотландии или Уэльсе не сотрудничал бы с нацистами, окажись те на островах, данная история покажется совершенно возмутительной.

Британия была не в состоянии защитить Нормандские острова, маленький архипелаг неподалеку от северо-западного побережья Франции, с крупнейшими и главными островами – Гернси и Джерси. Находящиеся под

юрисдикцией британской монархии, как коронные земли, но не входящие в состав Великобритании, острова были без борьбы оккупированы немцами в июне-июле 1940 года. Так же, как и во Франции, немцы предпочитали осуществлять оккупацию, насколько это было возможно, через существующие местные административные структуры: это была иная оккупация, нежели та, что практиковалась в Польше или в Советском Союзе. Тем не менее, нацисты в целом были так же нетерпимы к присутствию евреев на Нормандских островах, как и в Минске или Варшаве. В октябре 1941 года в газете *Jersey Evening Post* было опубликовано сообщение, призывающее евреев зарегистрироваться у Клиффорда Оранжа, начальника по делам иммигрантов в Джерси. В том же самом месяце похожее объявление появилось в *Guernsey Evening Post*: всем евреям требовалось явиться в полицию и отметить.

Зная о неотвратимом приходе немцев, большинство еврейского населения островов уже бежало на территорию Великобритании. Остались очень немногие, беспомощные или не желавшие уезжать. Всего на Джерси зарегистрировались двенадцать евреев, а на Гернси четыре. Регистрационный процесс, как и везде в нацистском государстве, был началом преследования, возведенного в систему. Еврейские предприятия сначала должны были выставить в витрине вывеску «еврейское предприятие», а затем их превращали в «арийское», принудительно продавая его не-евреям. Власти Нормандских островов содействовали этому процессу, а точнее, проводили его. Читаем типичное горькое письмо от одного еврея Джерси, Натана Дэвидсона, к генеральному прокурору Джерси, датированное 23 января 1941 года: «В соответствии с вашими инструкциями, извещаю вас, что я окончательно свернул свое дело... жалюзи на витрине опущены, табличка “закрывается” выставлена»²². В июне 1941 года Клиффорд Оранж мог сообщить бейлифу (главе правительства острова), а через него и немецким властям, что «на острове нет зарегистрированных евреев, продолжающих вести свои дела»²³.

Последующие приказы ограничивали часы, когда евреи на Нормандских островах могли ходить в магазин, и установили для них комендантский час. Единственный дискриминационный приказ, который власти Джерси отказались выполнять, был тот, что предписывал евреям носить желтую звезду. Только в этом единственном случае бейлиф и генеральный прокурор обратились к немецким властям и попросили пересмотреть предписание.

Однако, несмотря на их протесты, доктор Каспер, немецкий комендант, все же потребовал, чтобы на остров были посланы специальные звезды с отпечатанным посередине английским словом *Jew* («еврей») вместо немецкого *Jude*. Звезды так и не прибыли. Но и это не дало возможности евреям, соблюдавшим комендантский час на Нормандских островах, зарабатывать на жизнь. Натан Дэвидсон, закрыв свой магазин, просто сломался под тяжестью гонений. В феврале 1943 года его поместили в Джерсийскую клинику для душевнобольных, а в следующем году он умер. Другой еврей из Джерси, Виктор Эмманюэль, покончил с собой.

А вот на соседнем острове Гернси началась настоящая физическая депортация евреев. Три женщины (Августа Шпитц, Марианна Грюнфельд и Тереза Штайнер) были вывезены с острова в апреле 1942 года. Все трое были иностранками – Шпитц и Штайнер из Австрии, Грюнфельд из Польши. Так что им всем очень хорошо известна была нацистская ненависть к евреям. Терезе Штайнер пришлось уехать из родной Австрии, где все сильнее накалялись антисемитские страсти. Со временем она устроилась няней в английскую семью, переехавшую на Нормандские острова в 1939 году. Весной 1940 года они вернулись в Британию, но власти Нормандских островов воспрепятствовали отъезду Терезы, и по последовавшим директивам Британского министерства внутренних дел она была интернирована как «чужестранка». Вот так она и оказалась в руках тех самых людей, от которых хотела спастись в Соединенном Королевстве. Терезе удалось найти работу сиделки в больнице Гернси, где ее хорошо запомнила Барбара Ньюман²⁴: «Она была довольно симпатичная, и у нее были прекрасные вьющиеся волосы и еврейский нос – единственное ее отличие. Она очень быстро говорила, конечно, с акцентом. Тереза была несколько категорична в некоторых вещах, что иногда создавало трудности. Но мы были добрыми друзьями». Барбара Ньюман точно знала об отношении Терезы к нацистам: «Мне казалось, что если бы она могла, она бы плюнула им прямо в лицо. Вот как она к ним относилась».

Весной 1942 года немецкие власти приказали властям Гернси доставить трех иностранных евреек для депортации. Сержант полиции Эрнст Плевин передал приказание Терезе Штайнер паковать вещи и доложил об этом немцам. «Да, я помню, как Тереза пришла в отдел, где я передал ей указания, полученные полицией Гернси от немецких военных властей. Тереза разрыдалась и воскликнула, что я ее больше никогда не увижу»²⁵.

Барбара Ньюман сопровождала Терезу, когда та в последний раз шла по Гернси до Сент-Питер-Порта во вторник 21 апреля 1942 года: «У меня до сих пор стоит перед глазами эта картина. По-моему, мы положили ее чемодан на седло велосипеда. И катили его, ну знаете, как это делается. Мы стояли и прощались, я смотрела, как она идет через ворота в заграждении, машет рукой, скрывается из виду... От нас ничего не зависело. Бессмысленно было терзаться, потому что в противном случае это невозможно было бы вынести. Нужно было просто принимать приказы и привыкать к ним. И я думала про себя: “А как все собираются жить, когда закончится война? Тогда никто не будет указывать нам, что делать”». То, что Тереза отправилась с острова Гернси на смерть, было для Барбары Ньюман непредставимо: «Все это было за гранью нашего понимания. Такого в Англии быть не могло».

Августа Шпитц, Марианна Грюнфельд и Тереза Штайнер были переданы немцам в Сент-Питер-Порте, их посадили на корабль, который доставил их на французскую землю. Во Франции они сразу зарегистрировались как евреи, и Тереза нашла временную работу сиделки. В июле все они были депортированы из Франции как иностранные евреи. А 20 июля их отправили в Освенцим, куда они прибыли через три дня. Неизвестно, выжил ли кто-то из них после первоначальной сортировки. Что известно точно: ни одна из этих женщин не пережила войну. Тереза была права: жители Гернси больше никогда ее не увидели.

Оставшиеся на Нормандских островах евреи были высланы в следующем году, в феврале 1943 года. Но им была уготована совершенно иная судьба. Их депортация (вместе с другими жителями Нормандских островов, отобранных по самым разным обвинениям, как «масонов», «бывших военнослужащих» и «заподозренных коммунистов»²⁶) была назначена в отместку за совершенный пятью месяцами ранее рейд британских десантников на Сарк, один из самых маленьких обитаемых Нормандских островов. Только один из депортированных с Нормандских островов евреев был

отобран немцами для «специального обращения» – Джон Макс Финкельштейн, родом из Румынии, впоследствии отправленный в концентрационный лагерь Бухенвальд, а затем в гетто Терезиенштадт. Он в войне выжил.

Другие депортированные, включая евреев, были высланы в лагеря для интернированных во Франции и Германии, где условия содержания, хотя и крайне неприятные, были все же несравнимы с мучениями заключенных Бухенвальда или Освенцима. Примечательно, что евреев (за исключением Джона Макса Финкельштейна) не отделили от других жителей островов. Можно только предполагать, почему нацисты отнеслись к ним таким образом – в выполнении «окончательного решения еврейского вопроса» постоянно случались какие-нибудь отклонения. В этом случае, возможно, важно то, что их депортировали вместе с теми, кого немцы считали менее «опасными». А также то, что они были родом из страны, которую немцы считали «цивилизованной», и, наверное, все еще не хотели открыто отвращать (по-видимому, потому же летом 1943 года евреев, транспортированных из Дании, отправили в Терезиенштадт, а не в Освенцим).

Конечно, оказывая помощь немцам в депортации евреев, власти Нормандских островов не могли знать наверняка об их дальнейшей судьбе. Но они отдавали себе отчет в том, что нацисты отбирают евреев для преследования и наверняка их жертвы ждет еще худшая участь, чем все уже испытанные ими до этого страдания. Тем не менее, власти не сделали ничего, чтобы предотвратить депортацию. Наоборот, полиция и служащие исполнительно сотрудничали с немцами. Правда, власти на Джерси протестовали против выполнения приказа о желтых звездах (хотя на Гернси не было даже этого). Но также очень существенно, как указывает Фредерик Коэн в своем исследовании об обращении с евреями на Нормандских островах во время оккупации, что руководство предприняло гораздо больше усилий, чтобы защитить масонов, проживающих на этих островах²⁷. В рапорте британской разведки от августа 1945 года сообщается: «Когда немцы предложили ввести в действие свои антисемитские меры, со стороны официальных лиц Гернси не последовало никакого протеста, они поспешили оказать немцам всяческую помощь. Когда же им предложили предпринять шаги против масонов, которых было много на острове, бейлиф, напротив, протестовал и делал все возможное, чтобы их защитить»²⁸.

Мы не можем знать наверняка, что случилось бы, если бы власти Гернси серьезно воспротивились депортации Августы Шпитц, Марианны Грюнфельд и Терезы Штайнер. Возможно, это не имело бы практического значения – хотя это, по крайней мере, осталось бы до наших дней достойным гордости эпизодом в истории Гернси – но есть вероятность, что одно лишь сказанное вовремя слово могло спасти жизни трех женщин, которые искали убежища в Соединенном Королевстве. Этого факта самого по себе достаточно, чтобы описанный случай стал несмысленным пятном на прошлом острова.

В том же месяце, когда трое депортированных с острова Гернси прибыли в Освенцим, Генрих Гиммлер нанес еще один визит в этот лагерь. 17 июля 1942 года рейхсфюрер СС въехал в лагерные ворота вновь, спустя 15 месяцев после своей первой инспекции. Казимеж Смольский²⁹, один из польских политических узников, помнил Гиммлера еще по предыдущему приезду: «Он совершенно не выглядел как военный. Носил очки в золотой оправе. Был слегка толстоват, с животиком. Он выглядел – прошу прощения, я никого не хочу обидеть – как провинциальный школьный учитель».

Во время этого визита «обычный на вид человек в очках и с животиком» осмотрел преобразованный лагерь с новым строящимся комплексом в Биркенау. Он просмотрел планы будущего развития лагеря, объехал территорию «зоны интересов» Освенцима в 65 квадратных километров (территория, находившаяся под прямым административным контролем лагеря). Затем понаблюдал за сортировкой группы новоприбывших узников и последующим уничтожением их в газовых камерах в «Белом домике». После лицезрения убийств Гиммлер посетил прием, устроенный в его честь, в доме гауляйтера Брахта в близлежащем городе Катовице. На следующий день он вернулся и совершил обход женского лагеря в Биркенау. Здесь он стал свидетелем порки одной из заключенных – это наказание устроил он сам. Гиммлер остался настолько доволен тем, что увидел в Освенциме, что немедленно повысил Рудольфа Хесса, присвоив ему звание оберштурмбаннфюрера СС (подполковника).

Это был звездный час в карьере Хесса. Визит рейхсфюрера был для него большим успехом. Но оставалась, по крайней мере, одна проблема: его начальство в СС было обеспокоено количеством побегов из Освенцима. Они не были редкостью: первый задокументированный побег состоялся уже 6 июля 1940 года. Но обстоятельства одного чрезвычайно смелого побега из Освенцима, который случился за несколько недель до приезда Гиммлера, заставило объявить предупреждения всем эсэсовским начальникам концентрационных лагерей летом 1942 года.

Планом руководил Казимеж (Казик) Пиховский³⁰, польский политический заключенный, проведенный в лагере 18 месяцев. Он очень хорошо осознавал, какой это риск: «Здесь и раньше случались попытки побегов. Но большинство из них провалилось, потому что, когда на переключке обнаруживался отсутствующий, они [эсэсовцы и капо] отправлялись на поиски со специально обученными собаками. Беглых узников, спрятавшихся под какими-нибудь досками или между мешков с цементом, находили. А обнаружив такого заключенного, ему на спину вешали табличку с надписью «Ура! Ура! Я снова с вами!», и он должен был ходить по территории лагеря и бить в большой барабан, а затем подойти к виселице. Он шел очень медленно, словно пытался хоть немного продлить свою жизнь». Другой заботой, тревожившей потенциального беглеца, были ужасные последствия для оставшихся узников, если обнаруживалось, что из их блока кто-то бежал. Как в случае со священником Максимилианом Кольбе, когда из блока убежавшего были отобраны для казни десять заключенных. «Это парализовало волю некоторых узников, – говорит Пиховский, – но другие не желали думать о том, что может случиться. Они хотели любой ценой выбраться из этого ада».

Прежде чем перед Пиховским встала эта дилемма – как бежать из лагеря, и при этом предотвратить репрессии в отношении оставшихся, – ему необходимо было решить более насущную проблему: просто выжить. Поначалу он работал на улице, в снегу, в одном из худших отрядов: «Работа была тяжелой, а питание скудным. Я начал превращаться в “мусульманина”³¹ – так эсэсовцы называли заключенных, потерявших связь с реальностью. Я чувствовал себя беспомощным». Потом ему повезло. Его отобрали для другого рабочего отряда: «Я присоединился к

ним, и, когда мы выходили через ворота, спросил идущего рядом друга: “Куда мы идем?” Мой коллега ответил: “Не знаешь? Да ты везунчик! Мы же работаем на складе. Это очень тяжелая работа, но, по крайней мере, не на улице, не на морозе. У тебя есть крыша над головой”. Я решил, что попал прямо в рай». Пиховский обнаружил, что работа внутри склада, в «раю», имела еще одну выгоду: «Товарищи научили меня: когда загружаешь вагон мукой, нужно повредить мешок так, чтобы мука посыпалась наружу. Тут охранник велит нам выбросить просыпавшееся. Но мы ничего не выбрасывали. Смешивали муку с водой и лепили клецки». После такой перемены в жизни, Пиховский почувствовал, что он «может выжить».

Однажды, вскоре после того, как он начал работать на складе, у него состоялся разговор с одним украинским заключенным, Евгением (Генеком) Бендерой, работавшим механиком рядом, в эсэсовском гараже. «Он [Бендера] выходил на работу с нами и возвращался с нами, и однажды признался мне: ему сообщили, что он в списке на уничтожение – такие отборы проходили очень часто. Он спросил: «Казик, что мне делать? Я в списке смертников!» Я ответил: “Ничего не могу сделать”». Но он упорно продолжал: «Казик, а почему бы нам не убежать отсюда?» Я был поражен: как отсюда убежишь? Он говорит: «На машине. Я могу достать машину в любое время». И я начал обдумывать, как это осуществить. Сказал Генеку, что нам потребуется для побега форма – эсэсовская форма».

На этом этапе план побега застопорился. Как достать эсэсовскую форму? И опять им по счастливой случайности повезло. Как-то капо приказал Пиховскому отправиться на второй этаж склада, в котором они работали, и принести несколько пустых ящиков. Проходя по коридору, он увидел на одной из дверей табличку на немецком: «Форма». Он попытался открыть дверь, но было заперто. Вскоре после этого капо опять послал его за чем-то наверх, и на этот раз он заметил, что дверь приоткрыта. «Единственное, о чем я мог думать, – говорит Пиховский, – это зайти и посмотреть, что будет. Я открыл дверь, а за ней эсэсовец что-то клал на полку. Он повалил меня и начал пинать ногами. Я упал на пол. “Ах ты свинья! – рычал он. – Собака, ты не имеешь никакого права находиться здесь! Доложишь в главный отдел, ты, польская свинья”. Я выполз в коридор».

Пиховский знал: если он доложит, что входил в запретную комнату, это означает перевод в отряд штрафников и почти верную смерть. Поэтому он ничего не сделал в надежде на лучшее, и лучшее действительно произошло. Он избежал наказания, так как эсэсовец, которого он побеспокоил, забыл довести до конца этот инцидент – еще один счастливый случай в череде удачного стечения обстоятельств. Он рискнул и выиграл, так как смог мельком заметить, что же хранилось в этой комнате: форма, гранаты, амуниция, каски – фактически, все, что им с товарищем было нужно.

Лучшим днем для попытки побега была суббота, так как в выходные на этом участке территории лагеря не было эсэсовцев. И Пиховский придумал способ, как попасть на склад: нужно было снять один из болтов на крышке люка, который использовался для того, чтобы сыпать уголь в подвал. Из угольного хранилища можно было пройти в остальные помещения здания. Лежа на своей койке, Пиховский обдумывал план взлома – и вдруг одна мысль поразила его, словно молнией. Он осознал, что «за одного убежавшего будут убиты десятеро». «Я не мог заснуть всю ночь: эта мысль не давала мне покоя, – говорит он, – и тут в какой-то миг на меня снизошло. Существовал только один способ [предотвратить это]: фиктивная рабочая команда». План Пиховского был таков: четверо заключенных покинут основной лагерь, изобразив «транспортную» команду, которая будет толкать тележку. Затем внутренняя охрана официально выпустит их за ограждение, хотя они все еще будут в пределах внешней территории, где работало много узников. Если они впоследствии исчезнут, возможно, что ответственность понесет исключительно капо из их блока, так как это он принимал решение выпустить команду.

То был смелый план, но им требовалось найти еще двух заключенных, готовых рискнуть, так как для команды нужны были четыре человека. Бендера быстро завербовал одного из священников, живущих в их блоке, Йозефа Лемпарта, однако затем они столкнулись с трудностями. Пиховский подступился к одному из близких друзей, но тот сказал, что будет принимать участие, только если, в свою очередь, возьмет кого-то еще. Это было невозможно, так как в отряде могло быть только четверо. Другой друг, к которому обратился Пиховский, сказал: «Наверное, это шанс, но минимальный», – и отказался. Наконец, парень из Варшавы, бывший бойскаут по имени Станислав Ястер, согласился пойти с ними, даже, несмотря на то, что чувствовал, что предприятие «крайне рискованное».

Ястер сразу же указал на очень непредсказуемую деталь, от которой зависел весь побег: позволят ли им охранники, стоящие у внешнего ограждения лагеря, проехать через пост, не спрашивая документов? Если они исполнят свои обязанности как следует и остановят машину, все провалится. При таких обстоятельствах, согласились беглецы, чем стрелять в эсэсовцев, лучше направить пистолеты на самих себя. Они боялись, что, если хоть один эсэсовец погибнет во время их побега, репрессии против остальных в лагере будут ужасными: наверное, пять сотен или тысяча узников из-за них простятся с жизнью.

И вот настала суббота, 20 июня 1942 года: дата, на которую был назначен побег. Утром двое из команды надели нарукавные повязки, изображая капо, а потом все четверо стали толкать тележку, груженную хламом, через ворота с надписью «Труд освобождает» Освенцима I, по направлению к лагерному периметру. «У ворот, – рассказывает Пиховский, – я доложил охраннику на немецком: «Заключенный девятьсот восемьдесят и еще трое с тележкой идут на склад». Он [эсэсовский надзиратель] сделал запись в своей книге и разрешил нам идти». Как только прошли ворота, Евгений Бендера направился в пустующий гараж, чтобы приготовить машину, а остальные трое проникли на склад через люк угольного хранилища. Они увидели, что дверь на территорию склада с одеждой крепко задвинута на тяжелый стальной засов, но Станислав, «сильный парень», схватил кирку и ударом открыл дверь. Внутри они торопливо подобрали форму для себя и для Бендеры. Кроме того, взяли четыре автомата и восемь гранат.

Одевшись в эсэсовскую форму, они уже собирались покинуть склад, как вдруг услышали голоса двух немцев, доносившихся из коридора. «Я не знал, что делать, – говорит Пиховский. – Что, если они войдут? Но потом случилось чудо, если только чудеса существуют. Эти двое поговорили – и не зашли. Просто удалились».

Через окно склада они подали Бендере знак подогнать автомобиль к входу. Он вышел из машины и стал по стойке смирно напротив своих троих друзей, переодетых в эсэсовцев. «Через каждые 60 или 70 метров стояла

смотровая вышка, – говорит Пиховский, – и охрана смотрела на нас, но нам было все равно, потому что мы были уверены в себе. Генек снял шапку, что-то мне сказал, и я отправил его на склад, где он переоделся в эсэсовца».

Теперь уже все четверо готовы были приступить к самой опасной фазе побега: «Поехали. И сразу же после первого поворота увидели двух эсэсовцев. Генек сказал: «Будьте осторожны!» Мы проехали мимо них, они поприветствовали нас: «Хайль Гитлер!», и мы сделали то же самое. Проехали триста или четыреста метров и увидели еще одного эсэсовца, чинившего велосипед. Он бросил нам: «Хайль Гитлер!», и мы повторили. Теперь мы были на пути к главным воротам, и вопрос был в том, разрешат ли нам проехать без документов – но мы верили, что это возможно. Ворота были закрыты, справа стоял эсэсовец с автоматом, а слева стол и стул, на котором сидел еще один эсэсовец. Осталось проехать 80 метров, и Генек переключился на вторую скорость, потом 50 метров, а ворота все еще закрыты. Они видели машину и всех нас в эсэсовской форме, а шлагбаум был еще на месте. Оставалось 20 метров. Я посмотрел на Генека и увидел пот на его лице. Метров, наверное, за 15 я подумал: «Пришло время застрелиться, как мы и решили». В этот момент меня толкнул в бок священник – я знал, они рассчитывают на меня. Поэтому я закричал эсэсовцам: «Ну, сколько нам еще здесь ждать!» Для убедительности осыпал их ругательствами. После чего эсэсовец на вышке что-то сказал, ворота открыли, и мы проехали через них. Это была свобода».

Ликующие, они мчали по проселочной дороге, и через несколько минут были уже за несколько километров от Освенцима. С помощью друзей, живших неподалеку, они сменили одежду, сняв эсэсовскую форму, бросили машину и смешались с обычным польским населением. Первая часть их плана – их собственный успешный побег – была выполнена.

В самом Освенциме вторая часть их плана тоже удалась. Хитрость Казимежа Пиховского с фальшивым трудовым отрядом спасла от репрессий всех заключенных, оставшихся в его блоке, кроме одного. Это был капо, отправленный в наказание на голодную смерть в камеру 11 блока.

Но простое физическое освобождение из Освенцима не обязательно означает конец страданий для тех, кто там побывал. И трое беглецов – приятелей Пиховского – столкнулись с трудностями уже после побега. Станислав Ястер узнал ужасную весть: его родителей в отместку отправили в Освенцим, где они погибли. Его самого убили в Варшаве во время оккупации³². Для Йозефа, священника, пребывание в Освенциме стало таким потрясением, что, по словам Пиховского, «он бродил, словно в трансе». После войны он погиб под колесами автобуса. Евгений Бендера, первым предложивший побег, обнаружив себя в списке смертников, когда вернулся домой, узнал, что жена бросила его. Он запил с горя и умер. Из четверых беглецов только Казимеж Пиховский дожил до наших дней, но и он тоже признается, что до сих пор испытывает психологическое потрясение от перенесенных страданий. Во снах его преследуют эсэсовцы с собаками, и он просыпается «совершенно мокрый от пота, и разбитый».

И все же, несмотря на несчастья, с которыми столкнулись все четверо после рискованного побега из Освенцима, ни один из них никогда не сомневался в том, что они приняли правильное решение: рискнуть всем ради свободы. И если бы они знали, что было у Гимmlера на уме, когда он совершал тур по лагерю в июле 1942 года, они были бы вдвойне в этом уверены. Убийства в Польше ширились. 19 июля Гимmlер объявил: «Настоящим сообщая, что переселение всего еврейского населения Генерал-губернаторства будет проводиться и завершится 31 декабря». В этом контексте под словом «переселение» подразумевается «убийство». Таким образом, Гимmlер назначил конечную дату уничтожения нескольких миллионов польских евреев.

Однако слова Гимmlера были не столько приказом на будущее, сколько окончательным утверждением плана по уничтожению евреев. Потому что они стали конечным результатом того процесса становления решения, который начался еще до вторжения в Советский Союз, последним звеном в цепи причинно-следственных связей, которые можно отследить только в ретроспективе. Каждое из решений, предшествовавших его заявлению – решение загнать в гетто польских евреев, потом приказы о проведении массовых расстрелов в ямах на востоке и последующие эксперименты по массовому умерщвлению газом, решение депортировать немецких евреев и затем идея убивать «нетрудоспособных» евреев в гетто, чтобы освободить место для новоприбывших – все эти и другие действия стоят за внешне относительно безобидной, но по сути смертоносной директивой Гимmlера от 19 июля 1942 года. Концепция теперь полностью сформирована, хотя главное решение было принято еще несколько месяцев назад. Нацисты собирались уничтожить евреев. Все, что осталось, – это практические детали реализации поставленной задачи. А уж это эсэсовцы, по их собственному мнению, умели.

В течение 1942 года нацисты должны были значительно ускорить процесс уничтожения, стремясь воплотить в жизнь свое «окончательное решение еврейского вопроса». Возможности для массового уничтожения в Освенциме все еще ограничивались пропускной способностью газовых камер «Красного домика» и «Белого домика» (регулярные умерщвления в крематории основного лагеря прекратились вследствие сложностей, описанных во второй главе). Поэтому Освенцим, несмотря на свою последующую известность, тогда, в 1942 году, играл еще только второстепенную роль в уничтожении польских евреев.

Гимmlер видел реальную возможность реализации его приказа об уничтожении польских евреев к концу 1942 года не потому, что отводил Освенциму основную роль: он знал, что большинство убийств будет происходить в трех новых лагерях, уже созданных в польских лесах. Эти три места, в отличие от Освенцима, не столь известны: Белжец, Собибор и Трешлинка. То, что сегодня названия этих лагерей не ставятся в один ряд с Освенцимом – просто злая ирония. Сами нацисты постарались стереть их названия из истории, и приложили максимум усилий, чтобы уничтожить все следы их существования после того, как они выполнили свое страшное предназначение. Задолго до окончания войны нацисты разрушили эти лагеря, а землю в тех местах оставили зарастать лесом, или снова распахали под крестьянские поля. Однако они не предприняли никаких попыток физически ликвидировать Освенцим, даже в последние дни существования лагеря. Он зародился на основе довоенной модели нацистской системы в качестве концентрационного лагеря, и никто не пытался спрятать следы таких лагерей от населения. Да, такие лагеря как Дахау строились на окраине существующих населенных пунктов, и это было даже полезно с точки зрения пропаганды – как демонстрация того, что всех, кого сочтут недовольными, отправят в лагерь

«перевоспитывать». Только когда в Освенциме стали массово убивать людей, когда шизофреническая сущность его функции, о которой уже говорилось, начала проявляться – тогда нацисты дошли до того, что начали взрывать газовые камеры перед уходом, но оставили остальной огромный комплекс практически нетронутым.

Но в Белжеце, Собиборе и Трешлинке в 1942 году возникло что-то совершенно иное. В нацистском государстве не было прецедента существования таких лагерей, как и не было еще ничего подобного во всей истории человечества. Они строились по другой модели, и во многом их история и функционирование более точно выражают суть нацистского «окончательного решения еврейского вопроса», нежели Освенцим.

Белжец, которому предстояло быть построенным первым, был единственным, чья история началась до 1942 года. Еще в ноябре 1941 года было развернуто строительство небольшого лагеря примерно в пятистах метрах от железнодорожной станции в отдаленном городке Белжец на юго-востоке оккупированной Польши. Эсэсовцы планировали, что это будет локальное решение локальных задач – убивать «бесполезных» евреев с прилегающих территорий. Точно так же, как Хелмно, оборудованный «душегубками», создавался главным образом для убийства евреев из Лодзинского гетто, так и Белжец был предназначен для умерщвления «нежелательных» евреев из Люблинского округа.

В декабре 1941 года гауптштурмфюрер (капитан) Кристиан Вирт прибыл в Белжец на должность коменданта. Ему было 56 лет. Когда-то он выучился на плотника, сражался в Первую мировую, был награжден медалями за отвагу, вступил в нацистскую партию, в 30-е годы служил в гестапо в Штутгарте. В 1939 году участвовал в эвтаназии психически больных, помогал организовать их уничтожение угарным газом. К 1941 году он работал в Люблинском округе, где руководил новыми эвтаназиями. Известный под кличкой «свирепый Кристиан», Вирт был настоящим садистом. Однажды на глазах у подчиненных он кнутом загонял в газовую камеру какую-то еврейскую женщину. Он много раз лично участвовал в казнях. Краснолицый и потный, он выкрикивал всякие непристойности, подбадривая своих людей на совершение самых отвратительных зверств.

В Белжеце этот мерзавец сумел продемонстрировать весь свой предыдущий опыт убийств на ограниченной территории. В качестве средства умерщвления он решил применять угарный газ, при этом, не используя баллоны, как это делалось в газовых камерах в ходе программы эвтаназии, а получая его из работающих двигателей внутреннего сгорания – так же, как это стал использовать Видман несколькими месяцами ранее в Советском Союзе. Три небольшие газовые камеры были объединены в кирпичном здании, замаскированном под душевую комнату. Газ шел из отверстий для душа.

Таким образом, используя угарный газ от работающего автомобильного двигателя и фальшивые душевые, Вирт приспособил уже ранее применявшиеся способы убийства. Но, изучив генеральный план лагеря, он выбрал совершенно новую тактику, чем полностью изменил прежнюю стандартную планировку типичного концентрационного лагеря. Он понял, что, поскольку подавляющее большинство прибывших будет жить лишь считанные часы, можно обойтись без основательного комплекса зданий, характерных для Освенцима или Дахау. Лагерю смерти, в отличие от концентрационного лагеря, требовалось сравнительно мало оборудования любого вида, и он мог уместиться на небольшом пространстве. Так, Белжец имел размеры 300 метров на 300 метров.

Посетителей мемориалов в Белжеце, Собиборе или Трешлинке (которых в разы меньше, чем тех, которые посещают Освенцим) потрясает то, насколько малы были эти лагеря смерти. А ведь в этих трех лагерях погибло около 1,7 миллиона человек, что на 600 тысяч больше, чем в Освенциме, притом, что все три лагеря целиком могли бы поместиться на территории Освенцима-Биркенау, и еще осталось бы место. В процессе убийства, которое почти на любом уровне является оскорблением человеческого достоинства, чуть ли не самым оскорбительным – и это может показаться нелогичным и нереальным, если только тебе не пришлось побывать там – является то, что такое множество людей было убито на такой малой территории. Почему-то сознание связывает огромные трагедии с огромным пространством – наверное, еще и по этой причине сегодня Освенцим больше известен, чем эти три лагеря смерти. Огромный размер Биркенау дает сознанию некий масштаб для того, чтобы постигнуть всю чудовищность преступления, нечто такое, чего посетителям такого места как Белжец очень не хватает. Да разве человеческому уму постижимо, что 600 тысяч людей (таково приблизительно подсчитанное количество умерщвленных в этом месте) было убито на территории меньше, чем 300 метров на 300 метров?

Но, даже каким небольшим не был бы Белжец, это был не один лагерь. Вирт понимал, что ключевым моментом в бесперебойном функционировании фабрики смерти являлось насколько возможно дольше утаивать от новоприбывших истинное предназначение данного места. Поэтому в черте лагеря он вынес газовые камеры в специальную зону, известную как «Лагерь 2», которая пряталась за деревьями, чьи ветви переплетались с проволокой. С остальным лагерем эта зона соединялась только «трубой», проходом через проволоку. «Лагерь 1» – остальная часть Белжеца – состоял из зоны прибытия рядом с железной дорогой, различных бараков (в которых новоприбывшие раздевались и где можно было складировать их вещи, прежде чем их увезут оттуда) и плаца для переключек.

В Белжеце, а впоследствии и в двух других лагерях смерти, работало три категории людей. Первую составляли евреи. Вирт сразу понял, что использование евреев в процессе массовых убийств не только избавит его людей от психологических мучений и переживаний, но и поможет задействовать в лагере меньше немцев. Нет сомнения, что страдания евреев, вызванные этим издевательством, также тешили его извращенную психику. Поэтому из прибывающих транспортов выбирали несколько сотен подходящих, здоровых евреев и отправляли на сжигание трупов, чистку газовых камер и сортировку огромного количества одежды и других вещей, которые быстро накапливались в лагере.

Первоначально этих евреев самих убивали после нескольких дней работы, но их уничтожение вскоре стало проблемой для нацистов. Не только из-за того, что у евреев, которым приказывали «принять душ», уже не было иллюзий касательно ожидающей их судьбы, но и потому, что после их смерти приходилось отбирать и обучать других. С другой стороны, с удлинением срока их жизни создавался класс узников, которым нечего было терять, так

как они знали, что их всех рано или поздно убьют: получалось, что им дают время подумать о своей судьбе и, возможно, задумать заговор. Для нацистов всегда сохранялась эта дилемма: как надзирать за людьми, которые знают, что те, у кого они сейчас во власти, в конечном счете, убьют их?

Вторую категорию работников лагеря составляли украинские охранники. Около сотни украинцев, разделенных на два отряда, выполняли в лагере функции надзирателей. Известные своей жестокостью, многие из них раньше сражались в рядах Красной Армии, потом прошли переподготовку у немцев и теперь им предоставили такую возможность избежать ужасных условий лагерей для военнопленных. И, наконец, понятно, были немцы, третья категория. Но Вирт так грамотно перепоручил всю работу по обслуживанию своей машины смерти представителям других национальностей, что в процессе уничтожения заключенных было задействовано только около 20 немцев. К марту 1942 года, с прибытием первого транспорта в Белжец, Вирт реализовал мечту Гиммлера. Он построил фабрику смерти, способную уничтожить сотни тысяч, которой могла управлять горстка немцев, и все они теперь были относительно защищены от психологического напряжения, лишавшего покоя расстрельные команды на востоке.

Тогда же в марте 1942 года, когда начал работать Белжец, нацисты стали строить другой лагерь смерти, Собибор, на север от Белжеца, но тоже на самом востоке Польши, на территории, густонаселенной польскими евреями. Строительство и функционирование Собибора точно повторяло модель Белжеца. Так же, как Вирт, большинство эсэсовцев, служивших там, включая и коменданта Франца Штангля, имели опыт в программе эвтаназии «Т4». И так же, как и в Белжеце, около сотни украинцев, бывших военнопленных, были назначены в лагерь надзирателями. Лагерь был таким же небольшим по сравнению с Освенцимом-Биркенау (хотя 600 метров на 400 метров – это несколько больше площади Белжеца) и состоял, как и Белжец, из двух внутренних лагерей, разделенных проходом, который связывал приемный лагерь с газовыми камерами. Но так как, в отличие от Белжеца, где эсэсовцы жили в захваченных домах по соседству, здесь не было подходящего местного жилья, построили третий внутренний лагерь: жилые помещения для эсэсовцев и украинских охранников.

Как уже было сказано выше, и замысел, и устройство Собибора напоминали Белжец. Новоприбывшие обманывались, думая, что высаживаются для дезинфекционной остановки, где их обработают для предупреждения болезней, и из всей мочи спешили через лагерь к собственной смерти. Точно так, как в Белжеце, высокая изгородь переплеталась с ветками кустарника, разделяя каждый сектор лагеря так, что новоприбывшим трудно было точно понять, что происходит, до тех пор, пока не становилось слишком поздно. Первый транспорт Собибор принял в мае 1942 года, и немногим более чем за год здесь уничтожили четверть миллиона человек.

В мае 1942 года строительные работы начались и в третьем и последнем лагере смерти, Треблинке. Не случайно, что здесь погибло больше людей, чем в любом другом лагере смерти, так как функционирование этого лагеря базировалось на предыдущем изучении нацистами опыта Белжеца и Собибора. Действительно, по количеству смертей – приблизительно от 800 000 до 900 000 человек – Треблинка соперничает с Освенцимом. Лагерь был расположен на северо-восток от Собибора, на расстоянии недолгой поездки железной дорогой от Варшавы. Варшавское гетто представляло одно из самых больших мест сосредоточения евреев в нацистском государстве, и первичной целью Треблинки было их уничтожение.

На первых порах убийства не проходили гладко ни в одном из лагерей. Стоит еще раз напомнить, что нацисты начали нечто такое, чего человечество никогда прежде не делало – поставленное на конвейер уничтожение миллионов мужчин, женщин и детей и организовали его в сущности всего за несколько месяцев. Вот отвратительная аналогия: немцы создали три фабрики смерти и, как в любых производственных операциях, для достижения желаемого конечного результата, все детали должны быть полностью синхронизированы. Если поезд не доставит людей по расписанию, если газовые камеры не смогут справиться с объемом новоприбывших, если где-то в системе окажется слабое место, результатом будет кровавый хаос. В те первые дни именно это и происходило.

В Белжеце вскоре обнаружилось, что вместимость газовых камер недостаточна для того количества людей, которые прибывают сюда по расписанию, и поэтому в июне лагерь закрылся на месяц или больше, и были построены новые газовые камеры. В Собиборе присутствовали обе проблемы: размер газовых камер и местное транспортное сообщение. Лагерь приостанавливал работу между августом и октябрём, пока нацисты разбирались с этими вопросами. Но именно в Треблинке у нацистов возникла самая большая проблема, превратившая лагерь в настоящий, бесконечный ад.

В первое время Треблинка работала более или менее в соответствии с планами нацистов, уничтожая ежедневно около шести тысяч прибывающих людей. Но в августе это количество удвоилось, и работа лагеря начала разваливаться. Несмотря на это комендант лагеря доктор Ирмфрид Эберль все не закрывал его. «Амбиции доктора Эберля, – говорит Август Хингст, другой эсэовец, служивший в Треблинке, – подстегивали его добиться наибольшего возможного количества узников и превзойти все остальные лагеря. Эшелонов прибывало столько, что было просто невозможно управлять разгрузкой и казнями»³³. В результате многих просто застрелили в нижнем лагере, и это, конечно, разрушило уловки, на которых базировалась работа лагеря: глядя на сваленные прямо на земле трупы, никто больше не верил, что это просто дезинфекционная станция. Однажды поезд пришлось отогнать от платформы на 5 километров, ожидая, пока очистят лагерь. Условия в нем были настолько ужасными, что многие умирали прямо в товарных вагонах. Оскар Бергер прибыл в Треблинку на одном из транспортов в конце августа, в самый разгар хаоса: «Разгрузившись, мы увидели страшную картину: повсюду лежали сотни трупов. Кучи узлов, одежды, чемоданов – все перемешалось. Эсэсовские солдаты и украинские охранники стояли на крышах бараков и беспорядочно стреляли в толпу. Мужчины, женщины, дети падали, истекая кровью. Воздух был полон криков и стонов»³⁴. В таких обстоятельствах невозможно было скрывать истинную деятельность лагеря от поляков, живших в деревнях и деревушках по соседству. «Запах от разлагающихся тел был настолько ужасен, – говорит Евгения Самуэль³⁵, тогда местная школьница, – что невозможно было даже открыть окно или выйти на улицу из-за смрада. Вы просто не можете представить такое зловоние».

Среди всего этого ужаса было уничтожено огромное, невообразимое количество людей. Немногим более чем за

месяц, между концом июля и концом августа 1942 года, в Треблинке было убито по приблизительным подсчетам 312 500 человек³⁶. Это какая-то запредельная цифра – норма убийств 10 000 в день: такого уровня не достиг ни один другой лагерь, вплоть до «венгерской акции» в Освенциме в 1944 году, когда четыре крематория в Биркенау работали на полную мощность. Но цена этой невероятной нормы уничтожения оказалась слишком высокой, чтобы власть доктора Эберля удержалась. Пошли донесения, что Треблинка погружается в хаос. И что еще хуже, с нацистской точки зрения, Третий рейх, оказывается, нес финансовые потери. Вещи убитых евреев были беспорядочно разбросаны по лагерю, и предполагали, что некоторые ценности даже были украдены немцами и украинцами.

В августе Кристиан Вирт, создатель Белжеца, был назначен на новую работу: инспектором всех трех лагерей смерти. И одной из первых его задач было вместе с боссом, оберстгруппенфюрером СС (генералом) Одило Глобочником, исследовать состояние Треблинки. Йозеф Оберхаузер, который работал на Вирта, позже дал показания о том, что случилось по приезде в лагерь: «В Треблинке был полный хаос. Доктора Эберля необходимо было немедленно уволить... В разговоре Глобочник сказал, что не будь доктор Эберль ему соотечественником, он арестовал бы его и отдал бы под суд – и дисциплинарный суд СС, и полицейский». Эберля уволили, и прибытие транспортов в Треблинку временно прекратилось. Разбираться с беспорядком был назначен новый комендант, Франц Штангль, прежде работавший с Виртом.

Эберль неправильно понял, чего хочет его начальство. Он предоставлял им исключительный показатель по количеству убийств, но не организовал их «правильно». Одно из самых примечательных обстоятельств его увольнения это заявление Глобочника, что он отдал бы его под «полицейский суд» за то, как он руководит работой в Треблинке. Согласно извращенной морали высших уровней СС, Эберль заслужил на судебное преследование за то, что не организовал массовых убийств мужчин, женщин и детей наиболее эффективным способом. Итак, как мы видим, для руководителей Эберля его преступление состояло в том, что он совершал массовые убийства «недостаточно хорошо».

Важным этапом процесса уничтожения евреев стала их отправка в новые лагеря смерти. Эти фабрики должны были постоянно снабжаться – и аппетиты их были огромны. В результате, на всем протяжении лета и осени 1942 года на всей территории оккупированной Польши проводились целые серии переселенческих «акций». Общая директива Гимmlера от 19 июля касалась всех евреев Генерал-губернаторства.

Его тревожило, что если местные власти смогут выполнять ее по своему усмотрению, все дело может провалиться. Он опасался того, что хотя в теории все нацисты верили в необходимость покончить с «еврейской проблемой», несознательные индивидуумы все же были способны попытаться спасти отдельных евреев – тех, кого считали «хорошими». Вот лишь один случай, очень ярко иллюстрирующий ту опасность, которой боялся Гимmlер – влияние приказа о депортации на немцев со слишком развитым чувством гуманности.

Немецкий офицер, оберлейтенант (старший лейтенант) Альберт Баттель служил в Перемышле (Пшемисле) на юге Польши. Он был старше большинства офицеров вермахта – ему было уже за 50 – и до войны он немало лет проработал юристом. Несмотря на то, что он был членом нацистской партии, он не пользовался репутацией безупречного национал-социалиста, так как любезно общался с евреями в 1930-х годах. В июле 1942 года в Перемышле некоторое количество евреев задействовали для нужд немецкой армии, часть из них находилась в подчинении Баттеля. Многие работали на военных предприятиях, а жили в расположенном рядом гетто; они считали себя привилегированными, более защищенными по сравнению с другими польскими евреями. К концу месяца стали ходить слухи, что эсэсовцы вскоре будут проводить в городе «переселенческую» акцию, в ходе которой «переместят» евреев в лагерь смерти Белжец. Но евреи, работавшие на немецкую армию, восприняли эти новости более-менее спокойно: у каждого из них имелся *аусвайс* – выданное немецкими властями удостоверение, которое, как они надеялись, избавит их от любых эсэсовских акций. Этим людям казалось: раз они уже трудятся на благо немецкой армии, то нацистам нет никакого смысла их депортировать. Но они не учитывали однозначного идеологического фундамента гимmlеровского приказа: все евреи должны умереть, все без исключения.

В субботу 25 июля среди евреев Перемышля распространился слух, что эсэсовцы начнут депортацию в следующий понедельник, и в большинстве случаев даже немецкие документы евреев не будут приниматься во внимание. Один из них, Самуэль Игель³⁷, сумел разыскать оберлейтенанта Баттеля в воскресенье утром и предупредил его о готовящейся акции. Баттель позвонил главе местного гестапо, чтобы выяснить, что происходит, но там бросили трубку. Взбешенный, Баттель начал действовать: посоветовавшись со старшим офицером, оберстлейтенантом (майором) Лидтке, он приказал солдатам заблокировать мост через протекающую по городу реку Сан, тем самым перекрыв доступ в гетто. В результате глава местного гестапо и нацистские власти в Кракове пошли на уступки: 2500 евреев Перемышля получают пропуска, которые предоставят им временную отсрочку от депортации. Чтобы спасти евреев, работавших непосредственно на него, оберлейтенант Баттель отправил в гетто грузовики, на которых вывезли рабочих с семьями, и разместил людей в подвале городской немецкой комендатуры. Таким способом из гетто было перевезено всего около 240 евреев.

Акция по «переселению» евреев Перемышля прошла, как и планировалось, 27 июля, и подавляющее большинство евреев увезли в Белжец, однако действия Альберта Баттеля все же спасли несколько тысяч из них от немедленной депортации. Спустя несколько недель Баттель был смещен, и СС начало секретное расследование по поводу его поведения. Документы в итоге дошли до Гимmlера, и тот отметил, что Баттель должен будет ответить за свои действия сразу после окончания войны. Баттеля впоследствии уволили из армии по состоянию здоровья, он вступил в отряд народного ополчения в своем родном городе Бреслау (Вроцлав) и был взят в плен Красной Армией. После освобождения из советского лагеря для военнопленных он вернулся домой, где ему было отказано в разрешении заниматься юридической практикой из-за того, что в прошлом он состоял в нацистской партии.

Нелегко разобраться с мотивацией действий Баттеля по спасению евреев Перемышля. И все-таки ясно: в то время как его командиры в немецкой армии поддерживали его главным образом из-за нежелания потерять опытных

квалифицированных работников, самим Баттелем, судя по всему, руководило еще и чувство, что депортации были явно неправильными. Так что в 1981 году, через много лет после смерти Баттеля, его гуманность была оценена: Баттеля удостоили звания «Праведник народов мира» в национальном мемориале Яд ва-Шем в Израиле.

Были и другие немецкие офицеры, которые, как и Баттель, противились депортации евреев, проводившейся летом и осенью 1942 года, но они представляли только небольшую группу военнослужащих вермахта в Польше. И их действия, в сущности, не смогли остановить огромный поток евреев в лагеря смерти. Тем не менее, некоторых евреев все же удалось спасти, и важно понимать: не все немцы просто приспособились к новой реальности, когда их принуждали принимать участие в этих преступлениях.

Однако Оскар Гренинг принадлежал, несомненно, к большинству – тем, кто был согласен принимать участие в массовых убийствах в 1942 году. За несколько месяцев службы в Освенциме это, по его словам, стало для него «рутиной». Он сортировал деньги разных стран, которые отбирали у новоприбывших, пересчитывал их и отправлял в Берлин. Он также присутствовал при распределении узников: не он решал, кто должен жить, а кто умереть, – эти решения принимались докторами СС – но он следил за тем, чтобы все ценные вещи отбирали у евреев, отправляли на специальные склады и хранили до последующей сортировки. Это происходило на участке лагеря, который прозвали «Канадой», поскольку эта страна рисовалась в воображении краем изобилия.

Таким образом, Гренинг обеспечил себе сносную, на его взгляд, жизнь в Освенциме. В своей конторе он был огражден от жестокостей, а, проходя по лагерю, мог отвести взгляд и не смотреть на то, что ему было неприятно. В обычных условиях он не имел ничего общего с неприкрашенной и грубой реальностью убийств; у него не было повода посещать удаленный участок лагеря, где совершались расправы. Единственным напоминанием о том, что в лагерь свозили людей из разных мест, была иностранная валюта, проходившая через руки Гренинга.

В один день преобладали французские франки, в другой – чешские кроны, на следующий – польские злотые (но постоянно американские доллары). Плюс множество напитков, изъятых у новоприбывших: греческий узо, французский коньяк, итальянская самбука. «Когда появлялось много узо, – говорит Оскар Гренинг, – то ясное дело, он мог прибыть только из Греции. По-другому мы и не различали, откуда их всех везли. Мы не чувствовали никакого сопереживания или симпатии к той или иной группе евреев из какой-то конкретной страны – разве что хотелось выпить определенный сорт водки, или шнапса – у русских такая замечательная водка... Мы пили много водки. Каждый день не напивались, но порой такое случалось. Мы валились на койки пьяными, и если кому-нибудь было лень выключить свет, он стрелял в лампочку. И никто не возражал».

Хотя Гренинг не употребляет непосредственно слова «получал удовольствие», описывая свое пребывание в Освенциме, трудно не заметить, что это подходящее определение для той жизни, которую он рисует: «Главный лагерь Освенцима был словно маленький город. В нем ходили свои сплетни. Там имелся даже свой овощной магазин. И еще столовая, кинотеатр и театр, где регулярно проходили представления. Спортивный клуб, членом которого я был. И еще танцы – вот такие забавы и развлечения».

И еще одна «позитивная» сторона его жизни в Освенциме – товарищи: «Нужно сказать, многие из тех, кто там служил, вовсе не были глупы, это были интересные люди». Покидая лагерь в 1944 году, он испытывал некоторое сожаление: «Я оставлял круг друзей, тех, кого хорошо узнал, кого полюбил, и это было очень тяжело. Конечно, были там и свиньи, которые удовлетворяли там свои личные амбиции – есть такие люди. Но в особой обстановке Освенцима развивались дружеские отношения, о которых я и сегодня вспоминаю с радостью».

Но однажды ночью, в конце 1942 года, уютный мирок Гренинга был разрушен: неожиданно ему пришлось соприкоснуться с кошмаром настоящей карательной операции. Однажды ночью в лагере СС рядом с Биркенау он и его товарищи проснулись в своей казарме от сигнала тревоги. Им сообщили, что несколько евреев, которых вели в газовые камеры, убежали в ближайший лес. «Нам приказали взять оружие и идти прочесывать лес, – говорит Гренинг. – Но мы никого не нашли». После этого он и его товарищи развернулись и двинулись к лагерной зоне уничтожения. «Мы строем подошли к дому. Он был залит снаружи рассеянным светом, и возле него лежало семь или восемь тел. Это, видимо, и были те, кто пытался сбежать, но их поймали и застрелили. У двери стояло несколько офицеров СС, они сказали нам: «Все кончено, можете идти домой».

Охваченные любопытством, Гренинг и его товарищи решили не «идти домой», а вместо этого укрыться в темноте. Они увидели, как эсэсовец надел противогаз и засыпал гранулы «Циклона Б» в люк на стене. Изнутри слышался гул голосов, который потом «перерос в крик», но через минуту все стихло: «Затем один человек, не знаю, офицер или нет, встал и подошел к двери, где было смотровое отверстие, посмотрел внутрь и проверил, все ли в порядке, все ли мертвы». Гренинг описывает свои чувства в тот момент, когда вплотную столкнулся с дикой практикой убийства, так: «Как будто прямо перед тобой два грузовика с грохотом разбиваются на автостраде. И ты спрашиваешь себя: “Разве такое должно было случиться? Неужели это было нужно?” Но, конечно, под влиянием все того же убеждения: “Что поделаешь, на войне как на войне”, мы говорили: “Это же наши враги”».

Позже Гренинг стал свидетелем сжигания трупов: «Один товарищ сказал: “Пойдем со мной, я тебе что-то покажу”. Я был так потрясен, что остановился в отдалении, метрах в семидесяти от костров. Языки пламени взметнулись вверх, и капо позже описал мне детали процесса. Это было так омерзительно – просто кошмар. Он шутил над тем, что при сгорании из тел, очевидно, выходят газы – из легких и еще откуда-то, от чего кажется, будто мертвецы подпрыгивают; его сместило, что половые органы мужчин неожиданно поднимаются». Вид газовых камер и сжигания трупов мгновенно разрушил комфортную жизнь, которую создал для себя Оскар Гренинг в Освенциме. Это произвело на него такое сильное впечатление, что Гренинг еще раз отправился к своему начальнику, унтерштурмфюреру СС (младшему лейтенанту), «австрийцу и в целом честному парню», и излил свои чувства. «Тот выслушал меня и сказал: “Дорогой мой Гренинг, ну, что ты с этим поделаешь? Мы все в одной лодке. Мы все давали слово принять это – даже не раздумывая”». Гренинг вернулся к службе, и слова командира все еще звучали у него в ушах... Он принес присягу, и верил, что евреи – враги Германии. И он знал, что все еще может так организовать свою службу в лагере, чтобы не сталкиваться с теми ужасами, что там творятся. И поэтому он остался.

Как рядовой эсэсовец, Оскар Гренинг жил в удобных казармах вместе с несколькими товарищами. Но быт офицеров был организован еще лучше. Многие поселились с семьями в реквизированных домах в центре города Освенцим, или в непосредственной близости к главному лагерю у реки Сола, и наслаждались уровнем жизни, который намного превосходил все, что они могли бы иметь, если бы получили назначение в войсковую часть. Они жили как завоеватели, и как завоевателям им требовались домашние рабы, чтобы готовить еду, убирать дома и присматривать за детьми. Но тут возникала проблема.

Согласно нацистской расовой теории еврейские и польские заключенные считались неполноценными, и не могли стать идеальными слугами и получить доступ к безмятежной личной жизни нацистов. Они ведь могли воспользоваться возможностью работы за пределами лагерного ограждения (хотя все еще в охраняемом секторе «зоны интересов» Освенцима), чтобы попытаться сбежать или, того хуже, напасть на немецкие семьи, в которых они служили.

Изобретательные нацисты придумали, как решить вопрос прислуги. Они будут использовать категорию заключенных (по большей части немцев), которые гарантированно никогда не попытаются причинить вреда своим хозяевам или бежать: свидетелей Иеговы. В 1933 году свидетели Иеговы, известные в Германии как «Исследователи Библии», объявили, что в целом они не имеют ничего против нацистского государства; идеологически они противопоставляли себя евреям и коммунистам (хотя не публично и не так враждебно, как нацисты). Проблемы у них начались только тогда, когда, как пацифисты, они отказались вступать в немецкие вооруженные силы, и за это были заключены в концентрационные лагеря.

Эльза Абт³⁸, одна из нескольких сотен немецких свидетелей Иеговы, была отправлена в Освенцим. Она родилась в 1914 году в Данциге, была воспитана как лютеранка, но друзья обратили ее в новую веру. Она вышла замуж за свидетеля Иеговы, в 1939 году родила дочь и пыталась жить мирно, насколько это было возможно. Но неприятности начались, когда ее муж отказался применять свои инженерные способности для немецких военных разработок. Он был арестован, а она избежала заключения только потому, что нянчила младенца. Но когда дочери исполнилось два с половиной года, гестапо пришло за ней. После душераздирающей сцены, когда крошечная девочка жалобно умоляла: «Оставьте мамочку! Оставьте мне мою мамочку!» и хватала за ноги офицера гестапо, Эльзу Абт забрали, а ее ребенка оставили на попечение друзей.

Прибыв в Освенцим, Эльза заметила транспорт с еврейскими женщинами: «Мы видели, что с ними обращались хуже, чем с животными. С нами эсэсовцы вели себя гуманно, но с еврейками уже совсем не по-человечески – это было потрясение». До Освенцима Эльза Абт почти не сталкивалась с евреями. «Я никогда не бывала в еврейских магазинах, – говорит она, – и не любила, когда мама туда ходила, потому что там все было дорого. Так что я никогда ничего у них не покупала: они всегда [назначали] высокие цены, а потом делали скидку, и глупые люди думали, что платят только половину. Это правда, я сама видела в Данциге – они именно так рассчитывали цены. Это мое личное мнение. Но я ничего не имела против евреев. В лагере, когда я заболела, ко мне подошла еврейка и предложила постирать мое пальто. Она хотела сделать что-то хорошее».

Когда Эльза Абт прибыла в Освенцим, ей сказали: все, что нужно сделать, чтобы ее немедленно освободили, – это отречься от своей веры. Свидетели Иеговы были единственной категорией заключенных в системе концентрационных лагерей, которым достаточно было просто подписать заявление, чтобы обрести свободу. Но большинство не делали этого. Многие, как и Эльза Абт, верили, что Освенцим был для них испытанием: «Я читала в Библии историю Авраама. Бог велел ему пожертвовать своим сыном. И в Библии говорится, что он хотел сделать это. Но наш создатель Иегова увидел, что он хочет сделать, и не позволил ему. Он просто хотел испытать его веру. Я думала, что то же происходит и со мной».

Так немецкие свидетели Иеговы стали превосходной домашней прислужкой для офицеров СС в Освенциме – намного предпочтительнее поляков, которых использовали только тогда, когда не хватало свидетелей Иеговы. Эльза Абт работала в доме одного высокопоставленного эсэсовца, у которого была жена и маленькая дочка. Эльза убирала дом, готовила еду и присматривала за девочкой. Ее позиция была такой: «Ребенок не виноват [что она оказалась в Освенциме]. И жена его не виновата». Эльза выполняла свои обязанности добросовестно и с сочувствием, даже преданно заботилась о малышке, когда та болела, чем заработала благодарность ее родителей.

Неудивительно, что свидетели Иеговы нравились Рудольфу Хессу больше прочих заключенных, и не только из-за их примерного поведения. Он впервые столкнулся со многими из них в Заксенхаузене в конце 30-х, когда их отправили в лагерь за отказ служить в армии. Хесс пишет о необычайной силе веры этих людей: это произвело на него огромное впечатление. Он говорит, что, когда их били за неподчинение правилам лагеря, они просили не пощады, а новых ударов, чтобы еще больше пострадать за свою веру. Он был свидетелем казни двух свидетелей Иеговы расстрельной командой, и изумился, увидев, что они воздели руки к небу с такими счастливыми лицами, словно жаждали собственной смерти. Хесс представил, что ранние христианские мученики должны были идти на смерть точно так же.

Поведение свидетелей Иеговы серьезно впечатляло не только Хесса, но и высших офицеров. «Очень часто, – пишет Хесс, – Гиммлер и Теодор Эйке приводили фанатичную веру свидетелей Иеговы в качестве примера. Эсэсовцы должны иметь такую же истовую и непоколебимую веру в национал-социалистические идеалы и Адольфа Гитлера, как вера свидетелей в Иегову. Только когда все эсэсовцы уверуют так же фанатично в свою собственную доктрину, государство Адольфа Гитлера будет в неизменной безопасности»³⁹.

В Освенциме Хесс и его жена взяли на работу в свой дом двух свидетелей Иеговы и были тронуты заботой, которой те окружили их детей. Описывая свидетелей Иеговы, Хесс называет их «дивными созданиями»⁴⁰. Существенно то, что Хесс уверен: свидетели Иеговы чувствуют «правильность» того, что евреи должны быть уничтожены, так как их предки когда-то предали и распяли Иисуса; однако, это умозаключение Хесса Эльза Абт отрицает. Она была убеждена, что эсэсовцы поступали неправильно – служили «бесу» – убивая евреев. Однако она считала, что должна продемонстрировать свою веру своим «отношением». Это создавало странную

ситуацию. Она преданно, почти любовно, ухаживала за дочерью эсэсовского офицера в Освенциме, в то время как нацисты разлучили ее с собственной маленькой дочуркой. Она пыталась разумно объяснить обстоятельства, в которых оказалась, тем, что чувствовала, что должна «делать добро любому человеку», включая эсэсовцев. Да, она допускает, что послушно работала бы в доме Адольфа Гитлера, если бы ей приказали. Окончательно запутывает весь этот сложный эмоциональный узел то, что она могла покинуть лагерь и вернуться к дочке в любой момент, когда бы захотела, только подписав бумагу, подтверждающую, что она отрекается от своей веры. Но Эльза Абт не подписала такой бумаги: «Это бы означало сделку с совестью. Я никогда бы так не поступила».

Эта странная история совершила еще один поворот: когда после войны Эльза Абт наконец вернулась домой, она обнаружила, что за ее маленькой дочкой присматривал один из свидетелей Иеговы, отказавшихся от своей веры, чтобы получить свободу. «Мы пришли навестить его и его жену, ведь они вырастили нашу дочь, а он плакал как ребенок, потому что оказался трусом». Эльза Абт не особенно благодарна ему за то, что он растил ее дочь: «Я не беспокоилась [о ней]. Всегда найдется, кому помочь. Мы не зависим от конкретного человека. Наш создатель знает, что нам послать, когда мы нуждаемся в этом, и он всегда вмешается». Ее дочь тоже стала свидетелем Иеговы. Теперь Эльза говорит: «Она знала и радовалась, что я осталась преданной – не человеческому существу, а нашему создателю Иегове, ведь он присматривал за нами, как мне было явлено в Освенциме. Он способен изменить всех людей. Те, кто ненавидел нас, начали задумываться и перестали испытывать к нам ненависть – фактически изменили мнение на противоположное». Тем, у кого отсутствует такая твердая убежденность в вере, как у Эльзы Абт, трудно заметить, как же именно создатель «присматривал» за свидетелями Иеговы, которых по воспоминаниям Хесса убили в Заксенхаузене. Не видно также, чтобы он «присматривал» и за поляками, советскими заключенными, больными, евреями и бесчисленным множеством других, кого так жестоко убивали в Освенциме. Но больше всего в теологической позиции, принятой Эльзой Абт, поражает то, что подобную жестокость она объясняет просто доказательством намерений высшей силы, которую мы не способны полностью понять, но в которую должны абсолютно верить. Если Бог позволил этому случиться, значит, для этого есть причина; просто мы еще не вполне понимаем, что это за причина.

Нужно осторожно сравнивать такое мировоззрение с фанатизмом нацистов, избегая поспешных и бойких сравнений Гимmlера; не в последнюю очередь потому, что свидетели Иеговы, в отличие от нацистов, считали, что к людям нужно относиться с добротой и состраданием. Тем не менее, если в свидетельстве Эльзы Абт «Иегова» заменить на «Гитлер», тогда эти слова обретают поразительное сходство с идеологической позицией, принятой эсэсовцами, в том числе Хессом.

К концу 1942 года эсэсовцы неплохо обжились в Освенциме. У них были слуги, у них была служба, и они по большей части нашли успешный способ дистанцироваться от убийств. Процесс превращения геноцида в обычную профессию происходил не только в Освенциме; в тот период лагерь Треблинка тоже изменился. Франц Штангль сменил некомпетентного Эберля на посту коменданта в сентябре 1942 года и сразу приступил к реорганизации лагеря. Транспорты были приостановлены, пока не убрали тела, разбросанные вокруг лагеря, и не очистили территорию. Оба, Штангль и Вирт, сразу определили основную проблему, с которой столкнулся Эберль: чтобы сделать процесс человекоубийства бесперебойным, требовалось значительно увеличить вместимость газовых камер. В результате было построено более объемное здание для газовых камер – кирпичное с центральным коридором, от которого отходили восемь небольших газовых камер. В каждую из этих камер можно было попасть извне, и это означало, что освобождать их от трупов было намного легче, чем прежде. Новые газовые камеры имели общую вместимость более трех тысяч человек: в шесть раз больше, чем предыдущий комплекс. Параллельно со строительством новых газовых камер, которые были готовы к эксплуатации к октябрю, Штангль провел некоторые мероприятия, рассчитанные на притупление подозрений прибывающих евреев. Барак, расположенный возле платформы, куда прибывали эшелоны, был выкрашен и оформлен так, чтобы он походил на обыкновенную железнодорожную станцию с залами ожидания. В кадки высадили цветы, и вся зона приема содержалась в чистоте и порядке, насколько это было возможно.

До недавнего времени никто точно не знал, сколько людей было убито в течение 1942 года в лагерях смерти, таких как Треблинка. Нацисты уничтожили всю документацию, которая открыла бы правду, потому оценки сильно разнятся. Но несколько лет назад в Государственном архиве в Лондоне было сделано открытие, проливающее свет на этот вопрос⁴¹. Это текст немецкой телеграммы, перехваченной и расшифрованной британцами. В ней содержится статистика количества убийств в ходе «Операции Рейнхард» в лагерях смерти до 31 декабря 1942 года. (После убийства Рейнхарда Гейдриха в июне 1942 года операция по уничтожению евреев в Польше была названа в его память.)

Из телеграммы видно, что в Треблинке, Белжеце, Собиборе и Майданеке (менее мощный лагерь в Люблинском округе) было на тот момент убито в целом 1 274 166 человек. Далее это количество разбито по лагерям: 24 733 – Майданек, 101 370 – Собибор, 434 508 – Белжец. По Треблинке в перехваченной телеграмме значится 71 355 убитых, но это, очевидно, опечатка, так как если в сумме было уничтожено 1 272 166 человек, то в Треблинке их было 713555. Треблинка, таким образом, официально была самым крупным центром убийств в нацистском государстве. Освенцим остался далеко позади.

Но ненадолго.

Глава 4 Коррупция

В истории Освенцима и нацистского «окончательного решения еврейского вопроса» 1943 год стал переломным. В течение 1941 года большинство убийств совершалось зондеркомандами в оккупированной части Советского Союза; в 1942 году основной процесс уничтожения происходил в лагерях «Операции Рейнхард»; но

теперь, спустя три года после открытия Освенцима, пришел его черед стать центром уничтожения неугодных. Как и многое в этой истории, причины подобной перемены сложны и многогранны.

Где-то в начале 1943 года Гиммлер посетил Треблинку и Собибор и лично наблюдал за действиями своих палачей. В лагерях «Операции Рейнхард» к тому времени было уничтожено 1,65 миллиона человек (97 процентов от общего числа в 1,7 миллиона убитых в этих лагерях)¹. Подобный «успех» вдохновил Гиммлера издать 16 февраля приказ о ликвидации варшавского гетто. Гиммлер решил, что в его существовании больше нет необходимости. Но в апреле произошло – для нацистов – немыслимое. Евреи варшавского гетто восстали. Впервые нацисты столкнулись с координированным вооруженным сопротивлением группы евреев. А ведь трудно было найти более незащищенное место, чем то, где произошло столкновение, – в центре польской столицы².

Первые депортации из варшавского гетто, самого крупного из организованных нацистами, беспрепятственно продолжались все лето 1942 года. Около 300 тысяч евреев депортировали в Треблинку, в гетто осталось около 60 тысяч человек. Понимая, что нацисты собираются истребить их всех, все больше оставшихся евреев присоединялись к «Еврейской боевой организации» (*Żydowska Organizacja Bojowa*), созданной в гетто в июле 1942 года. Вместе с членами «Еврейского воинского союза» (*Żydowski Związek Wojskowy*) они собирались помешать дальнейшим попыткам депортации.

В январе 1943 года евреи оказали некоторое сопротивление явной попытке нацистов очистить гетто, однако несколько тысяч евреев все же были депортированы. Еврейские лидеры считают, что их противодействие предотвратило полную ликвидацию гетто, хотя сейчас уже известно, что та нацистская акция должна была сократить еврейское население примерно на восемь тысяч. Тем не менее, этот акт сопротивления убедил евреев в том, что они способны противостоять немцам. Когда стало известно, что нацисты планируют вскоре полностью уничтожить гетто, они решили защищаться.

Аарон Карми³, которому тогда был 21 год – один из тех евреев варшавского гетто, которые были готовы к борьбе. За год до этого ему чудом удалось спастись от смерти: он спрыгнул с поезда, который вез его и отца в Треблинку: «Отец сказал: “Прыгай! Если я спасу тебя, для меня это все равно, что спасти целый мир!” А потом добавил: “Если кто-нибудь из вас выживет, отомстите за нашу кровь”. И вот нам пришлось попрощаться. И мы понимали, что это последнее “прощай”. Впервые и в последний раз в жизни мы прощались навсегда».

Карми и другие бойцы сопротивления раздобыли оружие, снесли мебель, соорудив подобие баррикад; остальные жители гетто копали подземные укрытия. Но, несмотря на все эти интенсивные приготовления, никто из них не обольщался по поводу того, что немцев возможно победить. «Мы не рассчитывали на полную победу, – говорит Карми. – Все это делалось только для того, чтобы не садиться покорно в поезда смерти, как только прикажут. Сможем продержаться день – будем пытаться выстоять и следующий».

Карми с полудюжиной товарищей занял позицию на третьем этаже дома, который выходил на стену гетто. Он сжимал в руке немецкий пистолет «Вальтер П38» и ждал появления нацистов. По слухам, немцы обещали очистить гетто до 20 апреля, дня рождения Гитлера, в качестве подарка своему фюреру. И вот в день рождения Гитлера группа Карми впервые вступила в бой: «Мы слышали топот трех сотен немцев, которые шли на нас – словно на фронте, словно идут на Сталинград или чего-то вроде. И оказались они точно напротив нашей позиции».

В этот момент командир группы швырнул в немцев одну за другой две гранаты, и это было сигналом для Карми и остальных – открыть огонь: «Я немедленно выстрелил из своего пистолета в ближайшую группу [немцев]. Они с криками “На помощь!” укрылись за стеной. Мы впервые видели, как немцы бегут. Это нам от них всегда приходилось спасаться. Они не ожидали от евреев такого сопротивления. Увидев кровь, я не мог отвести от нее взгляда. Твердил: “Немецкая кровь”. В памяти звучали слова отца: “Если кто-нибудь из вас выживет, отомстите за нашу кровь”. В это время [немецкий] командир отряда стал орать на своих солдат: “Что?! Вы прячетесь? Всем отойти от стены!” Когда они стали возвращаться, то определили, откуда велся огонь и открыли ответный. Но это уже был огонь посильнее нашего – у нас-то было всего несколько гранат и пистолетов. А когда они открыли стрельбу, все оконные стекла разбились, и в воздухе образовалась туча из дыма и осколков стекла».

Немцы под командованием оберстгруппенфюрера СС (генерал-лейтенанта) Юргена Штропа быстро сообразили, что столкнулись с более упорным сопротивлением, чем ожидали. Десятки тысяч евреев прятались в убежищах, большинство из которых располагалось под землей. Все улицы гетто опустели, депортировать было некого. И немцы нашли простое и жестокое решение этой проблемы: они просто выкурят евреев наружу. Улицу за улицей, квартал за кварталом они поджигали гетто. Видя подавляющую силу, направленную против них, и пылающие вокруг дома, Аарон Карми и его товарищи отступили к люкам канализации. По трубам под ограждением гетто он выбрался наружу и укрылся в предместье Варшавы. Правда, и там оказалось не намного безопаснее: «Через два года из группы в восемьдесят человек, которая ушла в лес, нас осталось только одиннадцать».

Согласно рапорту Штропа об акции, важнейшему источнику информации о восстании в гетто, составленному в ходе описываемых событий, в итоге было схвачено 56 065 евреев. Далее Штроп утверждает, что около семи тысяч евреев было убито во время перестрелки в гетто, немцы же потеряли менее 20 солдат убитыми – цифры, которые, очевидно, преуменьшают потери немцев и преувеличивают количество убитых обитателей гетто.

Несмотря на попытку Штропа смягчить в своем докладе события в варшавском гетто, подлинная сущность события не ускользнула от Гиммлера. Восстание представляло опасный прецедент: то был случай первого широкомасштабного, координированного сопротивления еврейского населения. Это утвердило Гиммлера во мнении, что гетто могут выйти из-под контроля. Для него они были частью плана, который уже успел устареть. Будущее «окончательного решения» Гиммлер теперь видел в другом месте – а именно в Освенциме.

В марте 1943 года, за несколько недель до восстания в варшавском гетто, в Освенциме произошло событие огромного значения: в Биркенау открылся первый крематорий. История его была долгой и замысловатой. Первоначально задуманный в октябре 1941 года, он должен был заменить старый крематорий в главном лагере, но впоследствии его решили перенести в Биркенау. В 1942 году в планировании произошел решительный поворот,

когда эсэсовский архитектор Вальтер Деяко изменил назначение сооружения. Подвальные помещения, первоначально задуманные как морги, были приспособлены для выполнения двух отдельных функций. Одна подземная комната стала местом для раздевания, а вторая, справа от первой, – газовой камерой. «Циклон Б» должен был засыпаться в газовую камеру из банок через люки в крыше. Первый этаж занял огромный крематорий с пятью большими печами, каждая с тремя заслонками. Тела из газовой камеры в подвале перемещались в крематорий посредством небольшого подъемника.

Нам неизвестна точная дата, когда руководство СС приказало преобразовать здание. Но последующие изменения функций можно проследить по разнообразным приказам строительного отдела Освенцима. Например, двери газовой камеры переделали таким образом, чтобы в них были «смотровые окошки» и открывались они наружу, а не внутрь, как поначалу планировалось (это пришлось сделать, чтобы после отравления всех жертв газом, их тела не заблокировали двери). Другие изменения: отказ от спускного лотка для трупов и добавление лестницы в подвал: явное свидетельство того, что теперь больше людей будут самостоятельно входить в помещение, поначалу задуманное как морт.

Вначале планировался один крематорий, но параллельно с этим изменением функций решили заказать еще несколько подобных установок. На начало лета 1943 года в Освенциме-Биркенау действовало всего четыре соединенных с газовыми камерами крематория. Два из них (крематории 2 и 3) были построены согласно видоизмененному первоначальному плану с газовыми камерами в подвале. Они были расположены менее чем в 100 метрах от того места, которое планировалось как новая зона прибытия или «бетонная площадка» в пределах Биркенау (она была полностью закончена только поздней весной 1944 года). Еще два (крематории 4 и 5) были расположены в отдаленной зоне Биркенау, возле первых импровизированных газовых камер «Красного домика» и «Белого домика». В них были свои газовые камеры, расположенные не в подвале, а на том же уровне, что и печи крематория, на первом этаже. Нацистским проектировщикам это представлялось очевидным «улучшением» проекта, так как означало, что тела не нужно больше перемещать из подвала на первый этаж. У крематориев 4 и 5 имелось по одной большой печи с восемью отдельными заслонками. В целом, эти четыре крематория готовы были ежедневно уничтожать около 4700 человек, а затем сжигать их трупы. Таким образом, запустив все эти смертельные устройства в действие, за месяц в Освенциме можно было убить 150 тысяч человек.

Массивные кирпичные здания крематориев в Освенциме являются вещественным олицетворением особого ужаса нацистского «окончательного решения еврейского вопроса». Убийства больше не проводились в наспех приспособленных для этого домах: теперь для этого возвели похожие на фабрики основательные строения, способные уничтожать людей в промышленных масштабах. Резня, в ходе которой лилась кровь женщин и детей, и до того случалась в разные периоды истории, но тут появилось нечто принципиально новое: места, где людей убивали аккуратно и совершенно хладнокровно. Чистый красный кирпич крематориев в Биркенау – словно наглядная иллюстрация этого нового вида массового убийства: холодного, бесстрастного, систематического.

Впрочем, в одном отношении то особое значение, которое придается крематориям Освенцима-Биркенау, хотя и понятно, но не вполне обосновано. Дело в том, что до весны 1943 года эти крематории еще не функционировали, и они были отнюдь не первыми сооружениями, предназначенными для массовых убийств в ходе осуществления нацистского «окончательного решения еврейского вопроса». В течение предыдущего года в лагерях смерти «Операции Рейнхард» намного шире использовались временные газовые камеры. Действительно, до декабря 1942 года первый комплекс газовых камер в Трехлинке уже был заменен более мощным и крупным. Кроме того, крематорий Освенцима заработал на полную мощность, когда число убийств пошло на спад. Около 2,7 миллионов евреев были уничтожены в 1942 году (примерно 200 тысяч из них в Освенциме, 1,65 миллиона в лагерях «Операции Рейнхард», и 850 тысяч расстреляно зондеркомандами на востоке); тогда как в 1943 году было убито приблизительно 500 тысяч евреев, около половины из них в Освенциме.

Тем не менее, роль Освенцима в нацистском государстве возрастала. Уже несколько лет продолжались трения между нацистами, считавшими, что евреев нужно использовать для работы на рейх, и теми, кто был уверен, что их необходимо уничтожить. В январе 1942 года на Ванзейской конференции Рейнхард Гейдрих озвучил, как эти два, казалось бы, противоположных мнения можно объединить: пусть тяжкий труд загонит евреев в гроб. Но на практике, особенно следуя приказу Гимmlера об уничтожении всех евреев Генерал-губернаторства, эти две политики часто вступали в конфликт. Как свидетельствовал лейтенант Баттель в Перемышле, евреев, способных к работе, все равно приказано было отправить на смерть в Белжец.

К весне 1943 года для таких людей как Гимmlер стало очевидно, что Освенцим – единственное сооружение в нацистской империи, способное удовлетворить обе задачи сразу: использование труда заключенных и их уничтожение. Таким образом, крематории и газовые камеры Биркенау стали центром огромного полупромышленного комплекса. Здесь отобранных евреев сначала отправляли работать в один из многочисленных небольших лагерей неподалеку, а затем, когда их считали непригодными к работе после нескольких месяцев ужасного обращения, их перевозили в зону уничтожения Освенцима-Биркенау, которая находилась в нескольких километрах от рабочих лагерей.

И в идеологическом, и в практическом смысле Освенцим прекрасно соответствовал планам Гимmlера. Требовалась гибкость внутри системы – в зависимости от потребности в рабочей силе стандарты «годности к работе» можно было изменять. Еще более важным в свете событий в Варшаве было понимание того, что СС могли ужесточить меры безопасности в пределах комплекса Освенцим, что было невозможно внутри гетто.

Со временем вокруг Освенцима функционировало уже 28 под-лагерей⁴, которые располагались возле различных промышленных объектов по всей Верхней Силезии: от цементного завода в Голешуве до оружейного в Айнтрахтхютте, от электростанции Верхней Силезии до гигантского лагеря в Моновице, построенного, чтобы обслуживать химическое предприятие по производству искусственного каучука компании *I. G. Farben*. Около 10 тысяч заключенных Освенцима (включая итальянского ученого и писателя Primo Levi, который после войны

попытается в своих книгах осмыслить причины жестокости нацистского режима) поместили в Мановиц. К 1944 году более 40 тысяч узников⁵ трудились, как рабы, на различных промышленных предприятиях по всей Верхней Силезии. Приблизительно подсчитано, что Освенцим приносил нацистскому государству около 30 миллионов марок⁶ чистого дохода, продавая этот принудительный труд частным концернам.

Условия в этих лагерях-филиалах бывали такими же жуткими, как и в Освенциме, главном лагере Освенцима-Биркенау. Самой дурной славой пользовался Фюрстенгрубе, построенный возле угольной шахты, и именно туда был отправлен в начале осени 1943 года Бенъямин Якобс⁷. Обычно это было равносильно смертельному приговору. Продолжительность жизни в угольных шахтах вокруг Освенцима могла измеряться неделями. Но у Якобса была профессия, которая спасла его: он некоторое время учился на дантиста. И его опыт демонстрирует уровень цинизма, которого нацисты достигли в своем стремлении использовать евреев до и даже после смерти.

Благодаря своим познаниям в стоматологии, он начал лечить зубы сначала заключенным, а затем и нацистам, охранявшим лагерь. «Я лечил эсэсовцев и начальство концлагеря, докторов и так далее, и они мне помогали: когда им нужен был зубной врач, они бывали весьма любезны. Обычно приносили мне немного хлеба или водки, и просто оставляли. Не давали лично в руки, но вроде как «случайно» забывали на стуле: так мне доставалось больше еды... Я чувствовал, что ко мне они относились лучше, чем к прочим. Я очень гордился этим: более выгодным положением, особым отношением». «Единственный раз» Бенъямин Якобс «пожалел» о своей роли дантиста в лагере: когда ему приказали извлекать золотые зубы у мертвых заключенных. Его завели в комнату, где лежали трупы узников, застреленных на работе или умерших в шахтах. Зрелище показалось ему «диким»: он «увидел такое», во что «просто невозможно поверить». Ему приходилось становиться на колени возле тел и «при помощи инструмента» разжимать им челюсти. При этом раздавался «щелкающий звук». Открыв рот мертвецу, Якобс выдергивал у него золотые зубы: «Да, тут нечем гордиться. Но в то время я не испытывал сильных эмоций. Я хотел выжить. Даже если жизнь превращается в кошмар, все равно за нее держись».

Золото из ртов умерших рабочих расплавляли, чтобы после использовать для модных украшений: яркий пример нацистской концепции всего комплекса Освенцима. Ничего из того, что принадлежало заключенным – неважно, насколько интимным это было – не должно было пропасть. Подобное практиковалось и в главном лагере Освенцима, и в сортировочной зоне Освенцима-Биркенау, известной как «Канада». Линде Бредер⁸ было 19 лет, когда в 1943 году она начала работать в «Канаде» в главном лагере. В Освенцим она прибыла за год до этого, с одним из первых женских транспортов из Словакии. После первого периода тяжелой работы в трудовой команде на полях, ее отобрали для сравнительно легкой работы – сортировки вещей, отобранных у прибывающих заключенных: «Фактически, работа в “Канаде” спасла мне жизнь, потому что у нас была еда и вода, и мы могли помыться». Работа, которую Линду заставляли выполнять, может быть, была не такой отвратительной, как у Бенъямина Якобса, но все-таки по сути похожей: она приносила нацистам максимальную экономическую прибыль от тех, кого они уничтожали. «Вещи убитых складировались в Освенциме. Мы не только складывали одежду, но и обыскивали ее в поисках ценностей. Нужно было осмотреть каждую вещь – нижнее белье, все. И мы находили много бриллиантов, золота, монет, долларов – иностранную валюту из всей Европы. Когда мы что-то обнаруживали, то должны были положить это в деревянный ящик посередине барака... Никто больше не знал обо всех этих ценностях и вещах. Только мы. Шесть сотен девушек, которые там работали».

Политика властей Освенцима – да и всего СС на территории нацистского государства – была однозначной: все ценности, изъятые у новоприбывших, становились собственностью рейха. Но это в теории все просто, на практике же было иначе. Искушение в «Канаде» было непреодолимым, как для заключенных, работавших там, так и для эсэсовцев. В результате процветало воровство: «Мы всегда ухитрялись стащить какие-нибудь вещи, – говорит Линда Бредер. – Тащили туфли, панталоны, белье – все это мы раздавали, потому что нам эти вещи были не нужны». А когда Бредер и другие, работавшие в «Канаде», обнаруживали еду, спрятанную между вещами, им удавалось съесть что-нибудь посущественнее пайка остальных узников Освенцима. «Да, мы съедали те продукты. И это нас спасало. Даже животные поедают друг друга, когда голодны... Мы хотели жить. Выжить. Ну, не выбрасывать же было еду? Мы никого не убивали. Мы только съедали чужие припасы. Их хозяева к тому времени уже были мертвы... Еда, вода и сон – вот все, что могло нас заботить. Все это было у нас в «Канаде».

Но неудивительно, что никто иной как отдельные члены СС получали наибольшую личную выгоду в «Канаде». «Немцы, вот кто копил богатства, – говорит Линда Бредер. – Смерть – единственное, что они оставляли нам... Все они [эсэсовцы], бывало, воровали. Они часто наведывались сюда: не было другого подобного места, где можно было достать все, что угодно». Рудольф Хесс признавал, что «ценные вещи, поступавшие от евреев, порождали неизбежные трудности для самого лагеря», потому что эсэсовцы, служившие у него, «не всегда были достаточно сильны, чтобы противостоять искушению такой легкой доступности ценностей»⁹. Оскар Гренинг подтверждает точку зрения своего коменданта: «Была опасность [кражи], потому что, когда огромное количество вещей свалено в кучу, легко украсть что-нибудь и нажиться: и это было совершенно обычным делом в Освенциме». Как сотрудник экономического отдела он отдавал себе отчет в том, что «многие люди соприкасались» с ценностями, пока они перемещались по цепочке, которая вела от багажа, сложенного на «пандусе», через сортировочные бараки «Канады» к деревянным ящикам, заполненным ценностями, в его конторе: «И многие из этих вещей явно уходили по каналам, которые для этого не предназначались».

Гренинг подтверждает удивительный факт: эсэсовский надзор в Освенциме был «на самом деле очень небрежным». Он сам соглашается, что погряз в моральном разложении и активно участвовал в кражах, распространенных среди эсэсовцев лагеря: воровал наличные, к которым имел доступ, для приобретения вещей на процветающем черном рынке Освенцима. Например, устав от необходимости постоянно получать револьвер на лагерном складе, а затем возвращать его туда в конце смены, он обратился к «людям со связями» с просьбой: «Дорогой друг, мне нужен револьвер с патронами». Поскольку Гренинг, благодаря его службе, связанной с подсчетом и сортировкой изъятых денег, был известен как «Король долларов», то оплата в 30 долларов была быстро

согласована. Для Гренинга было проще простого украсть данную сумму из тех денег, которые каждый день проходили через его руки. Итак, он отдал украденные 30 долларов и получил собственный револьвер.

Каждую неделю на территории Освенцима заключались тысячи подобных нелегальных сделок. В лагерь стекалось столько богатств, а контроль был настолько слабым, и возникало столько возможностей что-то украсть, что трудно представить, чтобы кто-либо из эсэсовцев не был вовлечен в подобное преступление. От рядового эсэсовца, которому хотелось раздобыть новый радиоприемник, до офицера СС, который торговал украденными драгоценностями: разложение в лагере стало повальным.

В своей печально известной речи в Познани в октябре 1943 года, произнесенной перед 50 высшими чинами СС, Гиммлер обратился к животрепещущему вопросу разложения и коррупции в СС. «Хочу с предельной откровенностью обсудить с вами один нелегкий вопрос, – сказал Гиммлер. – На этот раз мы будем говорить об этом друг с другом открыто, но никогда не признаемся в этом публично... Я имею в виду выдворение евреев, их истребление. Едва ли не каждый из нас пережил, и понимает, что такое сто лежащих рядом трупов, или пятьсот, или тысяча. Выдержать это и, за исключением отдельных случаев проявления человеческой слабости, остаться при этом порядочным, – в этом наша закалка. Это славная страница нашей истории, которая никогда не была написана, и никогда не будет написана... Богатства, имевшиеся у них, мы забрали и... Я отдал строгий приказ, а обергруппенфюрер (генерал-лейтенант) Поль его исполнил: естественно, все их имущество и богатства без остатка были переданы Рейху, государству. Себе мы не взяли ничего. У нас есть моральное право, у нас есть обязанность перед нашим народом уничтожить тот народ, который хотел уничтожить нас. Мы выполнили эту тяжелую задачу из любви к своему народу. И наше мужество, наша душа, наш характер несколько от этого не пострадали».

Гиммлер таким образом пытался провести четкую границу между убийствами, якобы оправданными и необходимыми для блага рейха, и получением личной прибыли, которая оставалась преступлением. Так он пытался сохранить образ СС как «твердой» и «неподкупной» организации. И легко понять, почему он пытался проводить подобное разделение. За два года до этого он лично наблюдал, какую психологическую травму нанесла его командам убийц необходимость расстреливать евреев в упор.

Потому-то он следил за совершенствованием системы убийств с помощью газовых камер, которая избавляла эсэсовцев от эмоциональных потрясений. Теперь он стремился обеспечить своим людям психологический комфорт, проведя черту между моральной, но твердой защитой рейха, и презренными лицемерами, пустившимися за личной выгодой. Для того чтобы примирить нацистов с самими собой, даже им дать возможность «простить» себе участие в «окончательном решении еврейского вопроса», Гиммлер должен был показать эсэсовцев пусть убийцами женщин и детей – однако убийцами, у которых все еще оставалась честь. Так он напоминал им, что они не извлекали из этих зверств личную выгоду.

Все это было, конечно, ложью. И не только в самом очевидном – что эсэсовцы массово были замешаны в коррупции и воровстве в Освенциме. Это была сплошная непроходимая ложь от начала до конца, потому что едва ли возможно разделение на протяжении всего процесса «окончательного решения еврейского вопроса» между «достойным уважением» умерщвлением беспомощного гражданского населения и чистейшим зверством. Эта правда наиболее очевидно иллюстрируется действиями врачей-эсэсовцев в Освенциме. Эти медики-профессионалы принимали участие на каждом этапе процесса убийств, от первоначального отбора на «пандусе» до убийства отобранных заключенных. Их участие обозначал и тот факт, что «Циклон Б» доставлялся до газовых камер в псевдо-карете скорой помощи с красным крестом. Активные соучастники убийств, врачи Освенцима столкнулись с более жесткой дилеммой, чем остальные нацистские преступники; ее можно вкратце выразить одним вопросом: как можно принимать участие в массовых убийствах и продолжать при этом верить, что твои действия морально совместимы с клятвой Гиппократова, которая велит врачу делать все, чтобы исцелить больного?

Для того чтобы понять, как у нацистских врачей получалось ответить на этот вопрос, необходимо осознать: принятая в Освенциме практика вовлечения в процесс убийств обученного медицинского персонала была вовсе не нова для них.

С момента прихода к власти в 1933 году нацистское руководство было привержено идее, что определенные «расы» (и, несомненно, отдельные люди) более «достойны» жизни, чем остальные. Первым примером практической реализации этой идеи было введение в 30-е годы принудительной стерилизации людей с тяжелыми психическими заболеваниями. В целом около 300 тысяч немцев было принудительно подвергнуто такой стерилизации.

Тесные связи между нацистской программой эвтаназии взрослых, которая возникла осенью 1939 года, и персоналом лагерей смерти «Операции Рейнхард» уже описывались. Эти пионеры лагерей смерти, Вирт и Штангль, оба начали свои карьеры с участия в убийствах инвалидов. Но здесь важно отметить тот факт, что селекционный процесс для программы эвтаназии инвалидов контролировался врачами, а не полицией – и подобная практика сохранилась в Освенциме. Эта близкая связь вытекала из предыстории убийств: устранение того, что нацисты называли «*Lebensunwertes Leben*» («жизнь, недостойная жизни»), считалось теперь высочайшим долгом медицины. Такая извращенная логика делает неудивительным с точки зрения убийц то, что практикующий медик доктор Эберль мог стать комендантом лагеря смерти Трешлинка.

К тому времени, как Эберль получил свое место в Трешлинке, эта идея – «жизнь, недостойная жизни» – конечно, распространилась с умственно и физически неполноценных людей и на евреев. И пытаясь оправдать убийство евреев, доктора СС прибегали к старой нацистской пропагандистской лжи о евреях, как о людях, разлагающих государство. «Конечно, я врач, и я хочу сохранять жизнь, – говорил один нацистский эскулап по имени Фриц Кляйн. – Из уважения к человеческой жизни я удалил гангренозный аппендицит из больного тела. Евреи – гангренозный аппендицит на теле человечества»¹⁰.

Следовательно, с точки зрения нацистов-«борцов за расовую чистоту», в Освенциме и других лагерях смерти отработывались новые приемы «здравоохранения» – устранение тех, кто считался обузой или угрозой благополучию государства. Поэтому поначалу в Освенциме часть тех, кто оказывался непригодным к работе, убивали в блоке 10,

больничном блоке, с помощью инъекций фенола. Абсолютное извращение медицинской этики: когда в больнице не лечат, а убивают.

Когда в 1942 году была введена система отбора по прибытии в лагерь, нацистские врачи играли в процессе массовых убийств роковую роль. Именно они решали главный вопрос: кто из прибывших на транспорте будет жить, а кто должен умереть. Активное участие врачей в этом отборе было существенно для нацистов по двум причинам – практической и философской. Практическая причина понятна: врачей считали наиболее способными на глаз составить мнение о том, способен ли человек работать (процедура такого отбора занимала несколько секунд). Но философская причина менее очевидна и более значительна. Вовлекая врачей в процедуру отбора, нацисты создавали иллюзию, что убийство не просто произвольный акт, и диктуется не предубеждением или прихотью, а научной необходимостью. Освенцим не был местом беспорядочной бойни: здесь взвешенно и спокойно «оздоравливали» государство.

Однако именно в области медицинских экспериментов врачи Освенцима завоевали особенно дурную славу. Для этой цели использовали тех заключенных, которые подходили для реализации нацистской идеи, что враги государства должны «послужить» рейху: если не принудительным трудом, то собственной смертью во имя «медицинских знаний». Для доктора, стремящегося сделать карьеру исследователя, и не обремененного человечностью или состраданием, Освенцим был уникальной лабораторией. Так, доктора Клауберг и Шуман проводили в Освенциме «медицинские исследования» в области стерилизации. Знаменательно, что у Шумана уже имелся опыт убийства – в качестве одного из докторов, включенных в программу эвтаназии душевнобольных, он работал в «центре эвтаназии» Зонненштейн, куда в июле 1941 года посылали заключенных Освенцима.

Сильвию Веселу I, одну из первых словацких женщин, прибывшую в Освенцим, заставили помогать Клаубергу и Шуману. Она работала санитаркой в блоке 10 главного лагеря, где проходило много экспериментов: «Мне сказали, что в одной части блока находится рентген. Там был огромный рентгеновский аппарат с большими цилиндрами. Стерилизации выполнял доктор Шуман. Вторая часть здания принадлежала доктору Клаубергу. Он выполнял стерилизации посредством воздействия химическими веществами. Он вводил вещество в матку и яичники женщины, чтобы они склеились. Главной целью этих экспериментов было определить необходимое для успешной стерилизации количество этого вещества».

Гиммлер проявлял особый интерес к экспериментам по стерилизации, проводившимся в Освенциме. Стерилизация, конечно, была одним из «решений» созданной самими же нацистами «еврейской проблемы», которое возникло до распространения газовых камер. Этот метод предлагался даже в Ванзее как возможная альтернатива депортации для некоторых немецких евреев смешанного происхождения. Но, несмотря на обещания доктора Клауберга и других ведущих медиков, Гиммлеру все еще не предоставили дешевую и действенную технологию стерилизации, которую он хотел получить.

Ухаживая за женщинами, ставшими объектами этих жестоких экспериментов, Сильвия Весела «старалась не слишком проникаться: лучшее, что можно было сделать, это не думать. На них тестировалось воздействие интенсивности рентгена на тонкую кишку. Это было просто чудовищно. Их все время рвало. Это был настоящий ужас». Рентген также использовался в качестве отдельного метода стерилизации или для проверки эффективности химических инъекций в матку: «Женщин клали на рентгеновский стол, как на кресле гинеколога. Как только им раздвигали ноги, доктор раскрывал матки и вводил вещество. На экране он мог посмотреть, прошла ли инъекция правильно. И я делала рентгеновский снимок после каждого осмотра и инъекции, чтобы увидеть, была ли женщина стерилизована и склеились ли теперь ее яичники... Для них мы не были людьми. Мы были животными. Понимаете?! Не люди. Просто безымянные номера, подопытные кролики».

Сильвия Весела сама не избежала опытов доктора Клауберга в блоке 10: «Я болела, и они проводили надо мной какие-то опыты... К несчастью, после войны, когда я вышла замуж, я забеременела, несмотря на все те эксперименты. Пришлось сделать ужасную вещь: аборт. Врач сказал мне: “Хватит! Смотри больше не забеременей”».

В блоке 10 не только Шуман и Клауберг занимались стерилизацией: доктор Виртс, начальник медицинской части Освенцима, проводил жестокие опыты над женщинами для «исследования» функционирования шейки матки. Медицинские эксперименты также проводились на мужчинах в блоке 28 главного лагеря. Тут «специализировались» на нанесении на кожу заключенных разнообразных ядовитых веществ, чтобы «разоблачить» всяческие уловки, которые могли бы использовать те, кто пытался избежать службы в армии.

Заключенных Освенцима даже «продавали» компании «Байер», филиалу *I. G. Farben*, как подопытных кроликов для тестирования на них новых лекарств. Одно из сообщений от «Байера» руководству Освенцима гласит: «Партия из 150 женщин прибыла в хорошем состоянии. Однако мы не смогли получить заключительные результаты, потому что они умерли во время экспериментов. Мы любезно просим вас прислать нам другую группу женщин в таком же количестве и по такой же цене»¹². Эти женщины, умершие при тестировании экспериментальных обезболивающих, обошлись компании по 170 рейхсмарок каждая.

Но какими бы ужасными ни были все эти страдания, вовсе не Клауберг или Шуман, или Виртс, или даже компания «Байер» связаны в массовом сознании с преступными медицинскими экспериментами в Освенциме. Настоящим олицетворением этого ужаса стал внешне симпатичный 32-летний ветеран боевых действий, награжденный Железным крестом, направленный в Освенцим в марте 1943 года – доктор Йозеф Менгеле. Этот человек стал синонимом Освенцима. Причина тому – в сочетании характера и обстоятельств. Характера – потому что Менгеле наслаждался властью и возможностями для проведения бесчеловечных исследований, полученными в Освенциме. И обстоятельств – потому что он прибыл в лагерь как раз тогда, когда в Биркенау было завершено строительство крематориев, и Освенцим готовился вступить в самый нещадный период своего существования.

Шизофреническую природу характера Менгеле, отчетливо проявившуюся в Освенциме, отмечали многие бывшие заключенные. Стоя перед ними в безукоризненно отглаженной эсэсовской форме, Менгеле мог обаятельно улыбаться, а мог и проявлять невыразимую жестокость. Свидетели видели, как он застрелил мать с ребенком

на «пандусе», когда те его чем-то побеспокоили, а другие же помнят, что он обращался к ним только с добрыми словами. Вера Александер¹³, заключенная из Чехословакии, близко столкнулась с этой двойственностью, став капо в блоке, где содержались цыганские и польские дети: «Менгеле приходил в лагерь каждый день – и приносил шоколад... Когда я кричала или ругала детей, они мне отвечали: “Мы расскажем дяде, что ты плохая”. Менгеле был “хорошим дядей”». Но, конечно, он вел себя таким образом только потому, что для него эти дети были лишь материалом для экспериментов. Вера Александер видела, как после визитов к этому «хорошему дяде» дети возвращались в блок, крича от боли.

Одной из основных областей «интереса» Менгеле было изучение близнецов – до этого он специализировался в «исследовании наследственности». В лагере ходили слухи, что он пытался понять точные обстоятельства, при которых происходят многократные оплодотворения, и поэтому хотел провести исследование, которое позволило бы женщинам рейха быстрее заводить больше детей. Но вероятнее всего, главным мотивом служило желание понять роль генетического наследования в развитии и поведении: эта тема занимала многих нацистских ученых.

Еве Мозес Кор¹⁴ в 1944 году было 10 лет. Она и ее сестра-близнец Мириам заинтересовали Менгеле: «Менгеле приходил каждый день после переключки – хотел посмотреть, сколько “подопытных кроликов” у него есть. Три раза в неделю мне связывали обе руки, чтобы ограничить приток крови, и брали много крови из левой: иногда столько, что я падала в обморок. Тут же мне делали минимум пять инъекций в правую руку. После одной из этих инъекций мне стало очень плохо, и доктор Менгеле на следующее утро явился с четырьмя другими докторами. Посмотрев на мой температурный листок, он саркастически усмехнулся: “Совсем плохо, она такая юная. Ей осталось жить всего две недели”. Я то приходила в сознание, то теряла его, и в полубессознательном состоянии твердила себе: “Я должна выжить, я должна выжить”. Они ждали, когда же я умру. Если бы я умерла, мою сестру немедленно забрали бы в лабораторию Менгеле, убили бы инъекцией в сердце, и затем Менгеле сделал бы вскрытие для сравнения».

Как отмечал Миклош Ньисли¹⁵, лагерный доктор, близко наблюдавший Менгеле: «Это явление в истории мировой медицины было уникальным. Два брата умерли вместе, и имелась возможность вскрыть обоих. Где, при каких обычных обстоятельствах можно найти братьев-близнецов, которые бы умерли в одном месте в одно время?»

Еве Мозес Кор удалось справиться с жаром и спасти не только свою жизнь, но и жизнь сестры: «Меня кто-то спросил: “Ты очень сильная?” И я ответила: “У меня не было выбора. Либо справлюсь, либо умру”». Ее история ужасна не только сама по себе, она иллюстрирует деятельность Менгеле в Освенциме: он мог делать с людьми все, что пожелает. Он не ведал ни ограничений, ни меры в том, что называл «медицинскими экспериментами». Его власть пытать и убивать для удовлетворения собственного садистского любопытства была беспредельна. Он экспериментировал не только на близнецах, но и на карликах, и на заключенных с гангренозным заболеванием тканей лица, известным как нома (водяной рак), обычным для цыганского лагеря в Биркенау с его ужасными условиями. Но Менгеле мог так же легко проявить интерес в трех или в тридцати других областях исследований. До его приезда в Освенцим он не демонстрировал никаких признаков будущего садиста; по общим отзывам он проявил храбрость в сражениях на востоке, спасая двух солдат из горящего танка, а до того жил вполне обычной жизнью: учеба в университете Франкфурта, потом медицинская практика. Именно условия Освенцима создали того Менгеле, которого должен был узнать мир – и это напоминает нам, как сложно предсказать, кто в необычных ситуациях превратится в чудовище.

Во многих отношениях Менгеле был типичным нацистским офицером Освенцима. Он всюду ходил щеголем и испытывал крайнее презрение к узникам. Возможность каких-либо личных отношений с заключенными была для него проклятием, мысль о сексуальном контакте – невозможной. В этом он был абсолютно последовательным носителем идеалов нацизма. Так как согласно нацистской расовой теории узники лагерей представляли опасность для физического благополучия рейха, сексуальные отношения между членами СС и заключенными были категорически запрещены. Такие акты оценивались как «расовое преступление» для немцев. На самом деле, одно из отличий между зверствами нацистов, выполнявших «окончательное решение еврейского вопроса», и многими другими военными преступлениями двадцатого века – неприкрытая позиция нацистов, что их войска воздерживаются от сексуального насилия не из гуманных, а из идеологических соображений. Во многих других случаях – турецкая резня армян во время Первой мировой войны, японская агрессия против Китая в 1930-х и более недавние попытки сербов подчинить Боснию в 1990-е – сексуальное насилие против «вражеских» женщин было широко распространено.

От боснийских секс-лагерей до продажи армянских женщин-христианок в гаремы и «тюремных» групповых изнасилований китайских женщин солдатами императорской японской армии – конфликты двадцатого века изобилуют примерами мужского сексуального насилия. Но для нацистов война на востоке была иной. В то время как на Нормандских островах или во Франции отношения с местными женщинами для немецких солдат были совершенно естественными, то евреи и славяне на востоке представлялись нацистам расово опасными людьми. Нацистская пропаганда возвещала, что одной из наиболее священных задач для каждого солдата рейха являлось гарантировать «чистоту немецкой крови». Славянки и еврейские женщины (особенно последние) были абсолютно под запретом. В предвоенной Германии даже был принят закон, однозначно запрещающий браки между евреями и неевреями.

Все это означало, что в Освенциме не должно было допускаться случаев сексуальных отношений между членами СС и еврейскими заключенными. Убийство еврейских женщин для эсэсовцев было, по всей видимости, священным идеологическим долгом, но заниматься с ними сексом было для них преступлением. Тем не менее, как указывает Оскар Гренинг: «Если личные интересы сильнее, чем ненависть к евреям в целом – да, такие вещи случались. Когда постоянно видишь двадцать молодых девушек, и одна из них любимица, делает кофе и бог весть что еще, тогда вся эта пропаганда пропускается мимо ушей...» И поэтому, когда у эсэсовцев под надзором оказывались женщины-заключенные, Гренинга не удивляло, что «они их ласкали или целовали, или принуждали к сексуальным отношениям».

Женщины, работавшие в «Канаде», были идеальными мишенями для эсэсовцев, желавших отбросить идеологические убеждения и пуститься во все тяжкие. Большинство женщин в Освенциме были с обритыми головами, истощенными и очень болезненными. В отличие от них, работницы «Канады» получали доступ к дополнительной еде, сортируя вещи, и им разрешили отрастить волосы. Кроме того, эсэсовцы постоянно крутились среди женщин в «Канаде» не только для того, чтобы следить за их работой, но и чтобы воровать для себя вещи. В результате изнасилования, по словам Линды Бредер, там время от времени имели место: «Когда нас прислали в «Канаду», там не было водопровода. Однако, комендант «Канады» (начальник из офицеров СС) приказал построить душевые. Эти душевые находились за зданием. Хотя вода была ледяная, я регулярно мылась. Однажды девушка из Братиславы принимала душ. Она была симпатичной, не тощей. Офицер СС вломился и набросился на нее прямо в душе – он изнасиловал ее». Эсэсовец, совершивший это, впоследствии был переведен из «Канады», но избежал дальнейшего наказания. С другим эсэсовцем, когда стало известно, что он спал с еврейками-заключенными, тоже обошлись снисходительно. Один из офицеров в Биркенау, рапортфюрер Герхард Палич¹⁶, был арестован, но, явно благодаря влиянию Хесса, его наказали не строго: просто отослали в один из лагерей-филиалов подальше от Биркенау.

Изнасилования происходили и в зоне Биркенау, где, как и в «Канаде», женщинам разрешили оставить свою одежду и не брить головы. Это был так называемый «семейный лагерь», отдельная, огороженная территория, где с сентября 1943 года содержались евреи, депортированные из лагеря-гетто Терезиенштадт в Чехословакии. Около 18 тысяч мужчин, женщин и детей было заключено здесь, пока лагерь окончательно не ликвидировали в июле 1944 года. Эти евреи не подвергались отбору по прибытии: нацисты планировали использовать их для «пропагандистских» целей. У них требовали отправлять домой открытки с упоминанием того, как хорошо к ним относятся – так немцы пытались опровергнуть слухи, что Освенцим стал местом массового уничтожения людей. В отличие от цыганского лагеря (единственное другое подобное место, где семьи жили вместе) в семейном лагере мужчины и мальчики жили в отдельных бараках, изолированно от женщин и девочек.

Рут Элиас¹⁷ была одной из заключенных, живших в женских бараках семейного лагеря. Она дважды видела пьяного эсэсовца, являвшегося в бараки отбирать женщин: «Девушки возвращались назад, рыдая – их всех насиловали. Они были в ужасном состоянии».

Факт эсэсовского насилия над еврейскими женщинами в Освенциме хотя и ужасен, но если задуматься, не является неожиданностью. Эсэсовцы держали этих женщин в своей власти и были уверены, что в итоге тем все равно предстоит быть убитыми. Сочетание алкоголя и понимания, что преступление можно скрыть, позволяло сломать любые идеологические барьеры. То, что такие преступления не получили должного освещения в традиционной литературе об Освенциме, также не очень странно. Это чрезвычайно деликатная тема, и те, кто пострадал от рук эсэсовцев, могли по понятным причинам хранить молчание. Как давно заметили криминалисты, в статистике изнасилований «темная цифра» – разница между количеством заявленных и фактически произошедших преступлений – одна из самых высоких среди всех видов преступлений.

Но если сведения об изнасилованиях женщин в Освенциме можно соотнести с «традиционным» поведением многих солдат по отношению к «вражеским» женщинам, то факт, что хотя бы один эсэсовец влюбился в еврейку, работавшую в лагере, наверняка шел бы вразрез с нашими представлениями. Действительно, история отношений Хелены Ситроновой¹⁸ с Францем Вуншем – одна из самых необычных в истории Освенцима. Хелена прибыла в Освенцим в марте 1942 года на одном из первых транспортов из Словакии. Ее первые впечатления в лагере были типичными: непрерывный голод и плохое обращение. В течение первых нескольких месяцев она работала в отряде за пределами лагеря: они взрывали здания и убрали камни. Она спала на соломе, кишасей блохами, и в ужасе наблюдала, как другие женщины вокруг нее начали терять надежду и умирать. Одна из ее ближайших подруг первой рассталась с жизнью. «Увидев, что творилось вокруг», она сказала: «Я не хочу больше жить ни минуты». Она начала истерически кричать, и ее тут же забрали и убили эсэсовцы.

Как и другие узники, Хелена поняла: чтобы выжить, нужно найти менее тяжелую работу в другом отряде. Одна ее знакомая из Словакии уже работала в «Канаде» и дала Хелене пару советов: если та подготовится, наденет белый платок и длинное платье, взятое у одной только что умершей женщины из «Канады», она сможет присоединиться к ним и выйти на следующий день на работу в бараки, где сортировались вещи. Хелена все в точности выполнила, но, к несчастью для нее, капо заметила, что она «пришлая», и сказала ей, что по возвращению в главный лагерь ее отправят в штрафной отряд. Хелена знала, что это был смертельный приговор: «Но мне было все равно – я подумала: ну, по крайней мере, хоть один день под крышей».

По случайности первый (и по идее последний) день работы Хелены в «Канаде» совпал с днем рождения одного эсэсовца, надзиравшего за работой в сортировочном бараке: Франца Вунша. «Во время обеденного перерыва, – говорит Хелена, – она [капо] спросила, кто умеет красиво петь или декламировать, потому что сегодня день рождения эсэсовца. Одна девушка из Греции, по имени Ольга, сказала, что хорошо танцует и могла бы станцевать на больших столах, где складывалась одежда. А у меня был хороший голос. Капо спросила: “Это правда, что ты можешь петь на немецком?”, и я ответила: “Нет”, – так как не хотела здесь петь. Но меня заставили. Так что я пела Вуншу, опустив голову, чтобы не видеть его форму. Я пела и плакала – и вдруг, уже умолкнув, услышала, как он сказал: “Bitte”. Он тихо попросил меня спеть еще раз... И девушки подхватили: “Спой, спой – может, он оставит тебя здесь”. Поэтому я спела еще раз песню на немецком, которую выучила в школе. Так он заметил меня, и с этого момента, видимо, полюбил. Пение, вот что спасло меня».

Вунш попросил капо проследить, чтобы девушка, которая так незабываемо пела для него, вернулась работать в «Канаду» на следующий день. Этим он спас ей жизнь. Хелена была избавлена от штрафного отряда и прочно обосновалась в «Канаде». Но хотя Вунш с первой встречи смотрел на нее с любовью, Хелена поначалу «ненавидела» его.

Она узнала, что он может быть жесток: слышала от других узников, как он убил заключенного, замешанного в

контрабанде. Но в последующие дни и недели Хелена видела, как доброжелателен Вунш по отношению к ней. Когда он ушел в отпуск, то посылал ей коробки с «печеньем» через посредника, «дружка» – одного из мальчиков, прислуживавших капо. А по возвращении решился на еще большую дерзость: посылал ей записки. «Он вошел в бараки, где я работала, и, проходя мимо, бросил мне записку. Мне пришлось сразу же ее уничтожить, но я увидела слова: “Люблю! Я в тебя влюблен”. Я была несчастна. Думала: лучше умереть, чем быть с эсэсовцем».

У Вунша был свой кабинет в «Канаде», и он пытался придумать какие-нибудь предлоги, чтобы она пришла к нему. Однажды он попросил ее сделать ему маникюр. «Мы были одни, – говорит Хелена, – и он сказал: “Подравняй мне ногти, чтобы я мог смотреть на тебя хоть в течение минуты”. И я сказала: “Не буду – я слышала, что ты убил парня у ограждения”. Он всегда говорил, что это была неправда... Но я сказала: “Не приводи меня в эту комнату! Никакого маникюра не будет. Я не делаю маникюр”. Развернулась и отрезала: “Все, я ухожу, не могу тебя больше видеть”. Он закричал на меня – внезапно вновь превратившись в обычного эсэсовца: “Если ты выйдешь в эти двери, тебе не жить!” Достал пистолет и пригрозил мне. Он любил меня, но его честь, его гордость были задеты. “Ты что, думаешь, уйдешь отсюда без моего разрешения?” И тогда я сказала: “Ну, застрели меня! Стреляй же! Лучше умереть, чем играть в эту двойную игру”. Конечно, он не застрелил меня, и я ушла».

Но через какое-то время Хелена осознала: каким бы невероятным это ни казалось ей поначалу, она все же может рассчитывать на Вунша. Знание о чувствах Вунша к ней давало ей «ощущение безопасности». «Я думала: “Этот человек не позволит, чтобы со мной что-то случилось”». Это чувство усилилось, когда однажды Хелена узнала от знакомого словака, что ее сестра Рожинка и двое ее маленьких детей поступили в лагерь, и что их забирают в крематорий. Эту невыносимую новость Хелена услышала после работы в бараках Биркенау. Несмотря на комендантский час, она выскользнула из барака и побежала к крематорию.

Вунш узнал об этом и перехватил Хелену у крематория. Сначала он крикнул другому эсэсовцу, что она его «лучшая работница на складе». Затем он швырнул ее на землю и стал бить ее за нарушение комендантского часа, чтобы скрыть отношения между ними от других эсэсовцев. Вуншу уже сказали, что Хелена побежала к крематорию, потому что ее сестру забрали туда, и бросил ей: «Быстро говори, как зовут твою сестру, пока не поздно». Хелена ответила: «Рожинка», и добавила, что сестра с двумя маленькими детьми. «Детям здесь не жить», – сказал Вунш и убежал в сторону крематория.

Ему удалось найти Рожинку и вытянуть ее оттуда, соврав, что это его работница. Но ее дети умерли в газовой камере. Впоследствии Вунш сумел устроить Рожинку на работу в «Канаду» к Хелене: «Сестра не могла понять, где она, – говорит Хелена. – Ей сказали, она будет работать, а ее дети будут ходить в детский сад – такие же сказки рассказывали всем нам. Она спрашивала меня: “Где мои дети?” И я отвечала: “С другой стороны этих зданий есть детский дом”. Она спрашивала: “Меня к ним пустят?” И я отвечала: “Это разрешается только в определенные дни”».

Другие женщины, работавшие в «Канаде», видели, как расстраивали Хелену эти постоянные расспросы сестры о судьбе ее детей. Поэтому однажды они сказали Рожинке: «Хватит приставать! Нет твоих детей. Видела огонь? Вот там сжигают детей!» Рожинка пришла в ужас. Она впала в апатию, «не хотела жить».

Следующие несколько месяцев только постоянная забота сестры помогла ей выжить. Другие женщины в «Канаде» наблюдали за ними со смешанными чувствами. «Моя сестра была жива, а их сестры – нет, – говорит Хелена. – Все из-за того, что он [Вунш] спас ей жизнь. Почему это чудо не произошло с ними, потерявшими целый мир – братьев, родителей, сестер? Даже те, кто радовался за меня, смотрели косо. Я не могла поделиться чувствами со своими друзьями. Я боялась их. Все они завидовали мне. Одна из них, очень красивая женщина, сказала мне: “Если бы Вунш увидел меня раньше, он бы влюбился в меня, а не в тебя”».

Вунш спас жизнь ее сестры – и чувства Хелены к нему совершенно изменились: «В конце концов, со временем я действительно полюбила его. Он не раз рисковал своей жизнью [ради меня]». Но эти отношения никогда не могли дойти до конца, хотя в Освенциме бывало и иначе: «Еврейские заключенные [мужчины] влюблялись в женщин, с которыми они работали. Они иногда исчезали в бараках, где складывали одежду, и занимались там сексом. Кто-нибудь при этом стоял на страже, чтобы предупредить их, если появится эсэсовец. Я так не могла, потому что он [Вунш] был эсэсовцем». Их отношения поддерживались взглядами, быстрыми словами и второпях нацарапанными записками: «Он быстро оглядывался по сторонам, и, увидев, что никто не слышит, шептал: “Я люблю тебя”. И это ободряло меня в этом аду. Это поддерживало меня. Это были просто слова, они говорили о безумной любви, которая никогда не смогла бы стать реальностью. Мы не могли строить никаких планов – им здесь просто не суждено было сбыться. Это было невозможно. Но были секунды, когда я забывала, что я еврейка, а он не еврей. На самом деле. И я любила его. Но это не имело отношения к действительности вокруг нас. Всякое случалось там – и любовь, и смерть – но в основном смерть». Однако спустя какое-то время «весь Освенцим» неминуемо узнал об их чувствах друг к другу. Кто-то донес на них. Заключенный или эсэсовец – неизвестно. Но, как выражается Хелена, «кто-то наступал».

Однажды, когда Хелена в колонне заключенных возвращалась в лагерь после работы, капо приказала ей выйти из строя. Ее забрали в карательный бункер блока 11. «Каждый день мне угрожали, что если я не скажу, что у нас происходило с этим эсэсовским солдатом, меня просто убьют на месте. Но я стояла на своем: ничего у нас с ним не происходило». В это же время был арестован Вунш, и так же, как Хелена, на допросах отрицал какие-либо отношения. В конце концов, после пяти дней допросов их обоих освободили. В дальнейшем Хелена была «наказана» тем, что работала в одном из отделений «Канады» в одиночку, подальше от остальных женщин, и Вуншу приходилось проявлять максимальную осторожность, чтобы поддерживать с ней отношения. Тем не менее, как мы увидим в шестой главе, Вунш продолжал защищать Хелену и ее сестру до самого конца существования Освенцима.

История отношений между Хеленой и Вуншем крайне важна. Примитивная жестокость во всех ее видах – убийство, воровство, предательство – стала в Освенциме нормой поведения. А вот история любви для этого места – такая редкость. И тот факт, что в подобных обстоятельствах между еврейкой и эсэсовским надзирателем могла возникнуть любовь, пусть и короткая, просто поражает. В Освенциме случалось такое, что опиши подобные вещи в

литературе – сочтут просто выдумкой и фантастикой.

Но стоит отметить и то, что возникновению этих отношений способствовали только случайные обстоятельства. Ведь никак не смог бы Вунш влюбиться в Хелену, если бы она так и работала в подрывном отряде (занимавшемся сносом зданий). У них не было бы возможности войти в близкий контакт, а у Вунша – защитить ее, как это ему однажды удалось. И уж никак у нее не было бы ни малейшего шанса очаровать его пением по-немецки в день его рождения. Но в «Канаде» не только случился подобный контакт между еврейкой и эсэсовцем: был и шанс для развития длительных отношений. Неудивительно, что по сравнению с остальными узниками Освенцима женщин, работавших в «Канаде», спаслось больше.

Кроме всего прочего, отношения между Хеленой и Вуншем показывают, как далека была реальность Освенцима от представления Гимmlера о лагере. Он бы оценил действия Вунша как частный пример «коррупции», разросшейся в Освенциме. И осенью 1943 года во время посещения лагеря оберштурмфюрером (старшим лейтенантом) СС Конрадом Моргеном была предпринята попытка вернуть ситуацию в Освенциме в «правильное», с точки зрения руководства СС, русло. Визит Моргена имел серьезные последствия, так как он был не простым офицером СС, а судьей резервных войск СС и следователем Государственного управления криминальной полиции. Его поездка в Освенцим была частью проверки фактов коррупции в лагерях высшим руководством СС – что, конечно, расходилось с ханжеским утверждением Гимmlера в Познани, что «мы ничего не взяли у них [евреев] для себя».

Оскар Гренинг и его товарищи были хорошо осведомлены о причинах приезда Моргена: «Думаю, распространение коррупции стало так очевидно, что они решили: “Мы должны помешать этому – преградить путь коррупции”». Но вот выбор конкретного времени для проведения рейда Моргена в казармах унтер-офицеров стал полной неожиданностью. Вернувшись из поездки в Берлин, Гренинг узнал, что «два товарища уже в тюрьме. У одного в шкафчике нашли авторучки и банку с сардинами, а у другого уж и не знаю, что обнаружили, но вскоре этот парень повесился. А мой шкафчик был опечатан».

Морген и его коллеги еще не открывали шкафчик Гренинга, поскольку полагалось проводить осмотр в присутствии владельца. Гренинг понял, что это для него большая удача. Передняя дверца шкафчика была опечатана, и если бы его попытались открыть, это было бы сразу заметно. Но Морген не учел изобретательности Гренинга и его товарищей: «Мы отодвинули шкафчик и сняли заднюю стенку – а с фанерой это сделать довольно просто – и достали оттуда не положенные мыло и зубную пасту, после чего поставили стенку на место, прибив ее гвоздями. Затем я отправился в гестапо и сказал: «Простите, что за ерунда происходит? Я не могу взять свои вещи из шкафчика». «Хорошо, – сказали мне, – мы просто сначала проверим его». Они пришли, сняли печати, открыли шкафчик, ничего не нашли, похлопали меня по плечу и сказали: “Все в порядке, пользуйся”».

Сам Гренинг смог избежать санкций, но Морген нашел много улик у других, из чего был сделан единственный вывод: коррупция в Освенциме цвела пышным цветом. «Поведение эсэсовского состава было недопустимым для солдат, просто выходило за всякие рамки, – позже свидетельствовал Морген. – Они производили впечатление деморализованных и грубых тунеядцев. Ревизия их шкафчиков принесла целое состояние из золота, жемчуга, колец и денег в разной валюте. У одного или двоих нашлись даже гениталии недавно зарезанных быков, которые предполагалось использовать для повышения сексуальной потенции. Я еще никогда не видел ничего подобного»¹⁹.

И еще более обеспокоило эсэсовцев из центрального управления то, что раскрылись факты не только финансовой коррупции, но и сексуальных преступлений. Особенно шокировало то, что одним из замешанных в таком деле оказался сам комендант Рудольф Хесс. Морген был весьма упорным следователем, и занимался свидетельствами против Хесса больше года. В конце концов, он допросил ключевого свидетеля, бывшую заключенную Освенцима по имени Элеонора Ходис, в тюремной больнице в Мюнхене в октябре 1944 года.

Ходис была австрийской политической заключенной, прибывшей на одном из первых женских транспортов в марте 1942 года. Классифицированная как *Reichsdeutsche* (гражданка немецкого рейха), она сразу заняла в лагере привилегированное положение и ее отправили прислуживать в дом Хесса. В мае 1942 года, когда его жены не было дома, Хесс начал приставать к Ходис и попытался поцеловать ее. Испугавшись, она убежала и спряталась в туалете. Согласно ее показаниям, спустя несколько недель ее вызвали в дом, когда Хесс лежал в госпитале, поправляясь после падения с лошади, и фрау Хесс уволила ее. Разумно предположить, что жена Хесса подозревала о развивающихся отношениях между Ходис и ее мужем. Впоследствии Ходис заключили в тюрьму, но не в блок 11, а в специальную тюрьму в подвале главного административного здания, которая, в основном, предназначалась для эсэсовских солдат, виновных в серьезных нарушениях. Это было странное место для содержания заключенной Освенцима. Но Ходис была не простой заключенной, и именно по этой причине ее поместили в тюрьму СС.

«Однажды ночью, – рассказывала Ходис Моргену, – я уже засыпала, и тут неожиданно в моей камере появился он [Хесс]. Я услышала, как он шепнул что-то вроде: “Тихо!”, тут включился электрический фонарь, и я увидела лицо коменданта. Он сел на край моей кровати. Потом придвинулся ближе, еще ближе ко мне и потянулся поцеловать меня. Когда я попыталась сопротивляться, он спросил, отчего это я такая недотрога. “Потому что вы комендант и женатый человек”, – ответила я. Наконец, он ушел»²⁰. В ходе дальнейшего допроса Ходис призналась, что Хесс несколько раз ночью возвращался в ее камеру и что «в конце концов, мы вступили в половые сношения». Чтобы избежать встреч с эсэсовскими охранниками, Хесс входил в тюрьму не обычным способом – прямо вниз из своего кабинета наверху – а через собственный сад и бомбоубежище, примыкавшее к подвалу. Отыскав этот потайной ход в камеру Ходис, он убедил ее уступить ему и несколько раз занимался с ней сексом. Ходис даже подробно рассказывает, как однажды голый комендант лежал с ней в кровати, и тут прозвучала тревога, и ему пришлось спрятаться в углу камеры.

После нескольких недель в тюрьме СС ее переместили в блок 11. Но ее положение изменилось: теперь она была беременна. Она рассказывает, как Хесс, чтобы защитить себя, заставил ее подписать признание, что она спала с другими заключенными в лагере. Потом она провела несколько месяцев в заключении в блоке 11 и пыталась, но

неудачно, сделать себе аборт. Элеонора говорит, что когда ее отправили назад в женский лагерь в Биркенау, она, наконец, сумела добыть «кое-что», чтобы избавиться от плода.

Сообщение Ходис о ее связи с Хессом не так однозначно. Первая проблема состоит в том, что она является единственным источником фактически всего, о чем рассказывает. Но Морген, кажется, верил ей, а он был опытным юристом. Кроме того, фантазии об отношениях с Хессом не принесли бы женщине никаких выгод, особенно учитывая, что Морген допрашивал ее, когда она уже вышла из Освенцима. Хесс так и не признался в связи с Ходис, но его собственная оценка отношений с женой говорит об обратном. Во время Нюрнбергского процесса он признавался американскому офицеру доктору Гилберту, что у них с женой редко бывал секс, так как она знала, чем он занимался в Освенциме. А в своих мемуарах он говорит пылкими словами об отношениях с ней, женщиной, о которой он всегда «мечтал».

Из расследования Моргеном возможных отношений Хесса с Ходис ничего не вышло. Ко времени проведения допроса в октябре 1944 года стало очевидно, что с приближением Красной Армии Освенцим долго не просуществует: все нацистское государство было под угрозой. Так или иначе, уже первая проверка работы лагеря, проведенная Моргеном в 1943 году, имела серьезнейшие последствия. Не только отдельных рядовых эсэсовцев судили за коррупцию, но – вот один из наиболее причудливых парадоксов в истории Освенцима – человек, державший в ужасе блок 11, Максимилиан Грабнер, был задержан. Его обвинили в том, что он, прежде чем казнить заключенных, не дождался необходимого «разрешения» из Берлина.

Кажется нелепым, что Морген поторопился с обвинениями в адрес Грабнера, но при этом проигнорировал убийства в газовых камерах Биркенау – вероятно, такое массовое уничтожение, по мнению проверяющего, наверняка было подкреплено всеми необходимыми «разрешениями» от высшего начальства. Так или иначе, Грабнер предстал перед судом, и в свою защиту заявил, что Хесс дал ему разрешение «очистить» блок 11, расстреляв заключенных. Против Хесса, у которого почти наверняка были могущественные покровители среди нацистского руководства, никогда не выдвигались никакие обвинения. Но у Грабнера не было таких высоких защитников, и он предстал перед судом СС, где дело, в конце концов, было закрыто. Его впоследствии судили опять, на этот раз уже союзники, и казнили – не за нарушение эсэсовского устава, а за военные преступления.

Распутать сложную мотивацию всего расследования Моргена – непростая задача. У каждой из основных фигур, давших показания в этом деле – Хесса, Грабнера и самого Моргена – были свои собственные скрытые мотивы и цели, которые они преследовали, давая оценку этому эпизоду после войны. Грабнер стоял на том, что его действия были полностью санкционированы Хессом; Морген – что он был крестоносцем истины; а Хесс – что с готовностью участвуя в программе по уничтожению в Освенциме, он всегда был верен авторитету Гимmlера и никогда «ничего не брал» для себя. Похоже, в СС существовали внутренние политические причины последствий расследований Моргена, не последней из которых было решение устранить Хесса с должности коменданта, что и произошло осенью 1943 года. Увольнение Хесса было обставлено как «повышение» и перевод в Берлин для работы в управлении концентрационных лагерей, но понятно, что он не хотел уезжать. Мало того, что его семья оставалась в доме в Освенциме; переписка между Мартином Борманом (могущественным секретарем Гитлера) и Гимmlером показывает, что первый, пользуясь своим влиянием, пытался оставить Хесса на прежнем месте. Но Гимmlер был непреклонен: Хесса следует убрать из лагеря²¹.

Одна из последних основных инициатив Хесса в Освенциме, похоже, стала и одной из самых странных: создание учреждения, которое кажется совершенно несовместимым со всей прежней историей лагеря – борделя. Расположение этого учреждения для избранных заключенных вряд ли могло быть более показательным: блок 24, который находился сразу у главных ворот с надписью *Arbeit macht frei* («Труд освобождает») в главном лагере. Правда, Освенцим был не единственным лагерем, где организовали бордель; фактически, это был пятый лагерь в нацистском государстве, предлагавший такой «сервис». Гимmlер решил, что, обеспечив борделями сеть концентрационных лагерей, увеличит производительность, предоставив «трудолюбивым заключенным» (исключая евреев) побудительный мотив работать еще интенсивнее. Он приказал построить бордели в лагерях Маутхаузен и Гузен в Австрии после инспекции еще в мае 1941 года (они в итоге открылись летом 1942 года). Затем, в марте 1943 года, он посетил Бухенвальд и потребовал, чтобы там был также организован бордель, как и в других лагерях. Его верный помощник, Освальд Поль выдал необходимые приказы комендантам концентрационных лагерей в марте 1943 года²².

Юзеф Пачиньский²³, один из польских политических заключенных, который летом 1943 года жил в блоке 24, услышав такие новости, только рассмеялся. Но это была не шутка. Его и других узников выселили из блока 24, и они увидели, как через несколько дней «бригада плотников и каменщиков» начала разбивать большой барак на маленькие комнаты: «Затем они выкрасили их в яркие цвета, принесли туда кровати и даже повесили шторы. Однажды мы вернулись с работы и заметили, что за занавесками мелькают женские лица. Но им не разрешалось подходить близко к окнам, а нам не разрешалось смотреть».

Через несколько дней состоялось официальное открытие «дома удовольствий». И Пачиньский при этом присутствовал: «Так как я был заключенным-старожилом, и моему капо дали два билета [в бордель], он отдал второй мне. И вот я привел себя в порядок и пошел». Пачиньский обнаружил, что первой частью процесса, который проводился по-военному четко, был осмотр каждого потенциального «клиента» эсэсовским врачом. Если «клиенты» проходили этот интимный осмотр, на их руку ставилась печать, и они могли пройти в другую комнату на первом этаже блока 24. Здесь они принимали участие в «жеребьевке», определявшей, в какую комнату наверху (то есть, к какой проститутке) они попадут, и в какой очереди им туда отправляться. Пачиньский вспоминает, что он оказался «вторым, в комнату номер девять». Колокольчик звонил каждые пятнадцать минут, подавая женщинам сигнал сменить клиентов. Пачиньский так сильно переживал за свою очередь, что когда колокольчик зазвонил, он бросился в комнату номер девять, когда предыдущий заключенный еще даже не успел надеть штаны. К сожалению – для него – Пачиньский оказался «неспособен показать результат», поэтому он проболтал все отведенное ему время, сидя на

кровати с «элегантной, симпатичной девушкой».

Рышард Дацко²⁴ – другой заключенный, вкусивший «удовольствия» борделя. В 1943 году ему было 25 лет, он работал пожарным в главном лагере – и это была престижная работа, так как пожарные могли относительно свободно передвигаться по Освенциму, и таким образом «организовать» контрабанду. Немцы ценили пожарных еще потому, как считает Дацко, что на их родине пожарные были «уважаемыми» людьми. В результате члены пожарной бригады Освенцима получили несколько билетов в лагерный бордель, и Дацко в должное время посетил его. Он провел время с девушкой по имени Алинка: «Хотелось прижаться к ней как можно ближе, обнимать ее. Прошло уже три с половиной года с тех пор, как меня арестовали, три с половиной года без женщин». Алинка, по словам Дацко, была «очень хорошей девушкой – она ничего не стеснялась. Она делала все, что пожелаешь».

Комнаты, где женщины занимались своим делом, все еще существуют и сегодня, их используют для хранения архивных документов. У дверей в борделе была одна примечательная особенность: большие глазки в каждой из них. «Они [эсэсовцы] хотели поддерживать порядок, – говорит Рышард Дацко, – на случай, если заключенный вздумает душировать девушку или что-нибудь в этом роде. Поэтому они за всем наблюдали в глазок. Это был [еще и] просто мужской вуайеризм. Большинство мужчин любят смотреть, как кто-нибудь занимается любовью». Надзор за заключенными, занимающимися сексом, был также задуман, чтобы не допустить «извращенных» сношений (по словам Юзефа Пачиньского, заключенным разрешалась только миссионерская позиция) и предотвратить близкие отношения, развивающиеся между парами (в других борделях системы концлагерей заключенным запрещалось даже заговаривать с женщинами).

Но по ночам эсэсовцы не слишком строго следили за борделем – и тут начались настоящие неприятности. Дацко вспоминает, как один из заключенных сделал дубликат ключа от борделя, чтобы навестить понравившуюся ему девушку ночью. Проблема была в том, что другие заключенные захотели того же, и из-за этого на первом этаже, в коридоре случилась драка.

То, что у заключенных Освенцима могла вспыхнуть ссора в предоставленном эсэсовцами борделе, на первый взгляд кажется неправдоподобным. Но на самом деле эта история иллюстрирует сложную иерархию среди заключенных, сложившуюся в лагере к тому времени. Как подчеркивает Юзеф Пачиньский, сама мысль о том, что евреи могли пользоваться борделем, была неприемлемой. Они считались низшим классом заключенных, и с ними обращались гораздо хуже, чем с узниками не-евреями из Польши и Германии.

Нацисты видели, что спокойную работу во многом помогает поддерживать положение заключенных, сумевших получить относительно привилегированную работу: многие из них были политзаключенными, которые продержались в лагере уже несколько лет. Этот класс заключенных, как правило, не подвергался безжалостному регулярному отбору, через который проходили другие узники. Но немцы хотели дополнительно мотивировать их. Бордель, вход в который зависел от билетов, напечатанных нацистами, был наградой за хорошее поведение для ста этих привилегированных заключенных, и ясным побудительным мотивом вести себя в будущем еще лучше. Другая возможная причина организации борделя – та, с которой соглашается Юзеф Пачиньский: широкое распространение гомосексуализма в лагере. Он вспоминает, что многие «известные» заключенные брали юных мальчиков в личные прислужники, и часто между ними развивались сексуальные отношения. Поэтому он считает, что нацисты организовали бордель, «потому что хотели искоренить такое гомосексуальное поведение».

Все, что связано с борделем в Освенциме, по понятным причинам весьма деликатная тема. И один из самых щекотливых моментов тут связан с положением тех заключенных, кто пользовался борделем. По большей части их, по-видимому, не мучили моральные терзания. Большинство женщин отобрали для борделя из узниц Биркенау (в отличие от других борделей в системе концентрационных лагерей, женщин не присылали туда из Равенсбрюка) и заставили вступать в сексуальные отношения примерно с шестью мужчинами каждый день. То, что выпало на их долю в борделе Освенцима – одна из самых малоизвестных историй страданий в этом лагере, это можно сравнить с тяжелыми испытаниями, выпавшими на долю корейских «женщин для утешения», которых жестоко насиловали солдаты японской армии. Но в Освенциме женщин, работавших в борделе, казалось, не столько жалели, сколько завидовали им. «С этими девушками обращались очень хорошо, – говорит Рышард Дацко. – У них была хорошая еда. Они гуляли. Они просто выполняли свою работу».

Ничто ярче не демонстрирует, насколько в человеческой жизни все познается в сравнении, чем откровенно безжалостное утверждение Дацко, что они «просто выполняли свою работу». В таком месте как Освенцим, где пытки и убийство были обычным делом, он способен был и жизнь несчастных женщин в борделе назвать «хорошей». И когда вокруг него было столько других страданий, ему, очевидно, даже в голову не приходило задать себе вопрос: «А должен ли я спать с этой женщиной?» Ясно, он воспринимал все иначе: он терпел «три с половиной года без женщин», и вот у него появилась возможность исправить ситуацию.

Есть еще один непростой момент с борделем в Освенциме. Те, кто отрицает Холокост, и другие апологеты нацизма размахивают этим фактом как доказательством того, что Освенцим был совсем не таким, каким его изображают в общепринятой историографии. А особенно это усугубляется сведениями о так называемом «бассейне» в главном лагере Освенцима. На самом деле, то был накопительный резервуар с водой, над которым пожарные закрепили временную доску для ныряния. Но избранные узники, конечно, могли там и искупаться. «В Освенциме был бассейн для пожарной бригады, – подтверждает Рышард Дацко. – Я мог даже поплавать там». Этот резервуар стал чуть ли не священным фетишем тех, кто отрицает явление Холокоста. «И что, это, по-вашему, лагерь смерти? – говорят они. – С бассейном для заключенных? Да перестаньте!» Но на самом деле бассейн – это явление из той же области, что и бордель. Эти два заведения вовсе не опровергают тот неоспоримый факт, что Освенцим являлся центром массовых убийств. Нет, они лишний раз демонстрируют, каким сложным комплексом был Освенцим, состоявший из целой группы лагерей.

Множество различных иерархических структур и целей разных лагерей внутри комплекса Освенцим позволили тем, кто отрицает Холокост, сосредоточиться на так называемых аномалиях. Но Освенцим представлял собой

сложную структуру, где, с одной стороны, существовали плавательный бассейн и бордель, а с другой – крематории и уничтожение детей. Именно эта многоликость Освенцима, как учреждения, так заинтересовала Гимmlера в 1943 году, а в наши дни привлекает пристальное внимание тех, кто отрицает Холокост.

В то время как Освенцим в течение 1943 года рос и развивался, лагерь «Операции Рейнхард» приходили в упадок. Осенью 1943 года в лагере смерти Собибор в восточной Польше произошло восстание, что наверняка окончательно убедило Гимmlера в том, что будущее нацистской программы уничтожения связано с Освенцимом. Существенно то, что этот акт сопротивления стал возможным только из-за повсеместно распространившейся коррупции среди лагерных надзирателей. Массовое уничтожение людей началось в Собиборе в мае 1942 года, и к сентябрю 1943 года около 250 тысяч евреев, в основном высланных из Генерал-губернаторства, погибло в газовых камерах. Тойви Блатт – один из тех, кого привезли туда на смерть из маленького городка Избица в восточной Польше. И история о том, как он выжил, и его роль в собиборском восстании одновременно и ужасает, и вдохновляет.

До войны в его родном городке проживало около 3600 евреев. Открытый антисемитизм там проявляли редко, особенно в отношении подростка Тойви. Его отец воевал в польской армии и был ранен, и это дало семье определенный статус в городе. Но как только пришла немецкая армия, Тойви увидел мгновенную перемену: «Население [польское] заметило, что евреи стали людьми второго сорта, и с ними теперь можно делать все, что угодно... В конце концов, я стал больше бояться своих соседей, христиан, чем немцев, потому что немцы не знали [что я был евреем], а мои соседи знали».

Немцы вывезли евреев из Избицы не за результатами одной-единственной облавы: «акции» по выселению продолжались несколько лет. Как правило, нацисты приезжали на рассвете и забирали определенное количество евреев – сначала в качестве рабской рабочей силы, а затем, с весны 1942 года, прямо в газовые камеры Собибора. В промежутках между облавами оставшиеся евреи могли жить относительно открыто. Но в апреле 1943 года немцы прибыли, чтобы полностью очистить город от евреев. Тойви, сильный и развитый 15-летний парень, бежал от них со всех ног. Мчась по улицам, он увидел своего старого школьного друга Янека, поляка-католика. Тойви закричал: «Янек! Пожалуйста, спаси меня!»²⁵ – «Конечно! – ответил Янек. – Беги в сарай за нашим домом». Тойви бросился в сарай, но обнаружил, что двери закрыты на висячий замок. «Я обошел вокруг сарая, и тут маленькая полька кричит мне: “Беги, Тойви, беги! Янек идет!” Я не понял: и что, если Янек идет, почему это я должен бежать? Он мне откроет. Почему она так паникует? Но вот я повернулся – и увидел Янека, который шел с нацистом. Тот направлял на меня винтовку. Мой друг сказал нацисту: “Это еврей”. Я взмолился: “Янек, скажи ему, что это шутка!” Но Янек повторил: “Он еврей, хватайте его”. Затем он попрощался со мной так, что мне до сих пор невыносимо это повторить... он сказал: “До свидания, Тойви. Увидимся в магазине, где ты будешь лежать на полке с мылом”. Вот такое дружеское прощание – ходили слухи, что нацисты делали мыло из человеческих тел». Тойви стоял, потрясенно глядя на предавшего его друга, и «боялся, что этот день был последним в его жизни. Когда ты молод, тебе пятнадцать... видишь деревья, видишь цветы – так отчаянно хочется жить!»

Тойви отвели назад на городскую площадь, где его мать, отец и младший брат уже ждали отправки под вооруженной охраной вместе с несколькими сотнями других евреев. Они знали, что их должны отправить на смерть; слухи о месте под названием Собибор и о том, что там происходило, ходили по городку уже несколько месяцев. Но даже когда в три часа пополудни в тот чудесный весенний день они забрались в товарные вагоны, у них все еще оставалась надежда: «Когда все исчезает, и у тебя больше ничего нет, единственное, что остается, это надежда – надежда будет с тобой до конца... В темноте вагона слышались разговоры: “Немцы не убьют нас... отвезут в концентрационный лагерь”». Но когда поезд прошел мимо поворота, ведущего к рабочему лагерю Травники, двигаясь в направлении, где, как все знали, находится Собибор, в вагоне заговорили о сопротивлении: «Я слышал голоса людей [говорящих]: “Давайте не даваться им!” Но я слышал и другие голоса, в том числе и моего отца: “Нет – в любом случае нам смерть”».

Через несколько часов они прибыли в Собибор, и Тойви испытал первое потрясение: «Я представлял Собибор как место, где людей сжигают и душат газом, поэтому оно должно было выглядеть как настоящий ад. Но что я вижу? Хорошие дома, комендантская вилла, выкрашенная в зеленый цвет, с небольшой оградой и цветами... С другой стороны – платформа, изображающая железнодорожную станцию. Однако все это для евреев из Голландии или Франции – они-то не знали, куда их привезли и что с ними тут сделают... Но польские евреи знали».

Сразу после выхода из вагонов новопривывшие были разделены: одна группа состояла из матерей и детей, другая – из взрослых мужчин. В свои 15 лет Тойви оказался точно на границе между этими двумя группами, но из-за того, что он был крепким, хорошо сложенным юношей, его отправили к мужчинам: «Я подошел к маме, и попрощался с ней так, что это мучит меня до сих пор – и, наверное, будет мучить до конца моих дней. Вместо того чтобы взять ее за руку, как делали другие, прощаясь с женами и детьми, я сказал маме: “Мам, а ты еще говорила, что не надо допивать молоко, [а] оставить его на другой день”. Как будто обвиняя ее. Во всяком случае, она ответила: “И это все, что можешь мне сейчас сказать?”... Дело в том, что за день до того, как нас увезли в Собибор, был такой случай: я захотел пить и спросил у мамы: “Можно мне выпить немного молока?” Она сказала: “Да”. Начав пить, я, кажется, немного увлекся, потому что она заметила: “Тойви, оставь на завтра”. И именно это я напомнил своей маме в ее последние минуты перед самой газовой камерой».

В лагерях «Операции Рейнхард», таких как Собибор, отбора по прибытии в основном не было. Всех без исключения отправляли в газовые камеры. Но изредка немцам необходимо было отобрать небольшое количество евреев из новопривывших для работы в лагере. Тойви повезло. Он попал как раз в такой транспорт. Когда люди выстроились в ряд, Тойви понял, что немцы могли пощадить некоторых из них, возможно, сапожников или портных: «У меня не было вообще никакой профессии, но я хотел жить и молился Богу – в то время я еще способен был это делать. И я молил этого немца: “Пожалуйста, возьми меня”... и мне до сих пор кажется, что это сила моего безмолвного убеждения как-то повлияла на немца, пока он прохаживался взад и вперед напротив нашей группы. Я

почувствовал, что он смотрит на меня, и взмолился про себя: “Боже, помоги мне!” И тут он говорит: “Ты, малый, выходи!” Меня спасло то, что в то время им нужны были люди. Поэтому они выбрали сорок человек. Вот так у меня появилась в Собиборе надежда».

Отца Тойви вместе с остальными мужчинами повели по направлению к газовой камере. Когда он уходил, Тойви крикнул немцам: «Он дубильщик!», но «им требовались плотники, а может, портные, он им был не нужен». Тойви признается, что, глядя, как его отца уводят на смерть, «не чувствовал ничего».

Я до сих пор думаю об этом. Понимаете, если бы мои родители умерли раньше – ну хоть двумя днями раньше – это была бы ужасная трагедия. Я бы плакал день и ночь. А сейчас, в этот час, в эту минуту я потерял отца, маму, десятилетнего брата – и я не плакал. Даже не думал. Позже, я увидел, что из людей [в лагере] никто не плакал. Я думал: “Может, со мной что-то не так”, и после войны, встречая выживших, спрашивал у них: “А ты плакал?” – “Нет, не плакал”, – отвечали мне. Природа словно защищала нас – как бы выдерживала нас из реальности наших чувств. Потому что, представьте, что было бы, если б я тогда в полной мере осознал: “Мой отец, мои родители сейчас находятся в газовой камере!” Я бы забился в истерике и меня тут же убили бы... Малейшее подозрение, что я плачу – и больше мне не жить».

Через час после отбора Тойви встретил своего друга Юзека, который прибыл в Собибор раньше. Его отца выбрали из новоприбывших, потому что он был дантистом, и Юзеку позволили остаться с ним в качестве «помощника». «Мы шли за бараками. И там я увидел людей со скрипкой, с губной гармошкой и танцующую пару. Я был поражен: “Юзек, я не понимаю. Вы в лагере смерти. И что же вы делаете? Как вы только можете танцевать?” Он ответил: “Тойви, все время, что нам осталось, взято взаймы. В любом случае мы умрем. Это конец. Видишь дым? Твой отец, твоя мать, твой брат ушли в этом дыму. И нам та же дорога. Так какая разница? Что теперь, траур носить? Да мы бы и дня тогда здесь не продержались!”»

Жизнь Тойви в Собиборе во многом походила на жизнь рабочих «Канады» в Освенциме. Еда была доступной – большей частью из той, что осталась от убитых в газовых камерах – и рабочим в Собиборе тоже разрешалось оставить волосы и носить повседневную одежду. Но, в отличие от тех, кто работал в «Канаде», заключенные в Собиборе имели тесные, почти близкие отношения со смертью.

Тойви Блатт в скором времени осознал свое место в этом смертоносном процессе: «В Собибор прибыл транспорт из Голландии, с почти тремя тысячами евреев. Поезд был разделен на две секции, по восемь-десять вагонов, и загнан на специальный запасной путь. Там группа евреев, называемая вокзальной командой, открыла двери вагонов и принялась выгружать тяжелый багаж. Я с другими парнями стоял, выкрикивая по-голландски, чтобы прибывшие оставили багаж. Женщины все еще держали свои дамские сумочки – теперь им велели бросить их в сторону. В этот момент в их глазах я заметил тревогу. Они боялись. Некоторые женщины не соглашались расстаться со своими сумочками, и один немец стегнул их кнутом. Затем они вышли прямо в большой двор, и там немец, которого мы называли «ангелом смерти», вежливо поговорил с ними. Он извинился за трехдневный переезд из Голландии, и сказал, что теперь-то они в прекрасном месте, потому что Собибор всегда был прекрасен. Он добавил: «Согласно санитарным требованиям вам необходимо принять душ, и позже вы получите ордера на проживание здесь». В ответ люди захлопали: «Браво!», сами послушно разделись и прошли прямо через всю комнату – метров, наверное, 60 в длину – в барак. А там опять был я. Ждал их. Женщины начали выходить, совершенно голые. Маленькие девочки, молоденькие девушки, пожилые леди. Я был стеснительным мальчиком и не знал, куда девать глаза. Мне дали длинные ножницы. Я не знал, что мне делать с этими ножницами. Мой друг, который был там много раз, сказал: «Режь им волосы – ты должен остричь их очень коротко». Но меня просили оставить чуть-чуть, особенно молодые девушки, не отрезать слишком много. Они не знали, что через несколько минут умрут. Затем им велели пройти от барака всего несколько [шагов] в газовую камеру. Эта западня была настолько безупречна, что я уверен: когда они почувствовали, что вместо воды выходит газ, то, наверное, в первый момент подумали, что это какая-то неисправность в душе».

Процесс, в котором Тойви принимал участие, был настолько подготовленным, настолько хорошо спланированным, что потребовалось менее двух часов, чтобы 3 тысячи прибывших расстались со своими вещами, одеждой и жизнями. «Когда работа была закончена, когда их уже убрали из газовых камер, чтобы сжечь, я помню, подумал про себя: какая чудесная [звездная] ночь – такая спокойная... Три тысячи людей умерло. И ничего не случилось. Звезды остались на своих местах».

Голландских евреев, прибывавших в Собибор, – а они даже не догадывались об истинном назначении лагеря, – еще удавалось обманом заставить войти в газовые камеры. С польскими же евреями такое было невозможно. Большинство из них не верили лживым утверждениям о том, что это обычная «санитарная остановка». «Как ты можешь так поступать с нами? – возмущалась пожилая женщина, пока Тойви Блатт стриг ее. – Они и тебя убьют. Настанет и твой черед!» Он тогда промолчал, но запомнил ее фразу – прозвучавшую, «словно проклятье». «Все мои помыслы, все устремления сводились к одному: как выжить? Как? Потому что я тоже умру, но сейчас-то я жив, и сегодня я умирать не собираюсь. А потом приходит новый день, и я понимаю, что и теперь у меня нет ни малейшего желания умирать».

Разумеется, Тойви слишком хорошо понимал: он, пусть и против своей воли, помогал нацистам эксплуатировать лагерь. Более того: для него было совершенно очевидно, что вся работа по стрижке, сортировке одежды, снятию багажа с поездов, уборке помещений, – большая часть каждодневной деятельности, помогающей поддерживать Собибор в рабочем состоянии, – выполнялась евреями: «Да, – говорит он, – я об этом думал».

Но никто ничего не предпринимал. [Мне тогда было] пятнадцать лет, а меня окружали взрослые, умудренные опытом люди, но никто ничего не делал! В определенных условиях люди меняются. Мне говорили: «Что ты там знаешь?!» – думаю, наверняка я знал лишь одно: на самом деле, никто себя не знает. Ты обращаешься к приветливому прохожему, спрашиваешь его, где находится нужная тебе улица, – и он проходит вместе с тобой полквартала, чтобы ты не заблудился. Он такой вежливый, такой предупредительный. Но тот же самый человек в

других обстоятельствах может оказаться ужаснейшим садистом. Никто себя не знает. В тех [других] ситуациях все мы могли быть хорошими, а могли – и плохими. Иногда, встречаясь с особенно вежливым или предупредительным человеком, я спрашиваю себя: “А каким бы он стал в Собиборе?”»

Мнение Тойви Блатта, – что люди меняются в зависимости от обстоятельств – разделяют многие, прошедшие все ужасы лагерей. В этом мнении кроется нечто большее, чем, на первый взгляд, банальное утверждение, что человек меняет поведенческие модели в соответствии с обстоятельствами – как мы, несомненно, поступаем в нашей, повседневной жизни. Очевидно, что на рок-концерте и на похоронах человек ведет себя совершенно по-разному. Но Тойви Блатт указывает на фундаментальные изменения, происходящие в чрезвычайных, экстремальных обстоятельствах – изменения не столько в манере поведения (хотя и в ней тоже), сколько в самой сущности, в самом характере человека. Создается впечатление, что на таких людей, как Тойви Блатт, в лагере снизошло, своего рода, озарение: люди, по своей сути, напоминают вещества, изменяющие свои свойства под воздействием колебаний температуры. Точно так же, как вода остается водой лишь в одном диапазоне температур, а в другом диапазоне превращается в пар или лед, так и люди могут становиться совершенно другими, попадая в экстремальные ситуации.

Этот анализ невольно приводит к выводам, за которые, по моим наблюдениям, цепляются очень многие преступники. Помню, как один преданный делу нацизма человек с пеной у рта доказывал (после того, как я настойчиво попросил объяснить, почему так мало людей боролось с ужасами режима): «Беда современного мира в том, что те, кто никогда не проходил настоящие испытания, позволяют себе судить тех, кто их прошел». Несомненно, такую точку зрения поддержал бы и Тойви Блатт.

Разумеется, я вовсе не хочу сказать, что значительные изменения характера, возможно, происходившие в условиях концентрационных лагерей, всегда были со знаком «минус». В любых обстоятельствах существует возможность выбора, и у людей была возможность вести себя так, чтобы их поведение вызывало восхищение. Именно такое поведение засвидетельствовал Тойви Блатт. Однажды ему велели почистить посыпанную песком дорожку, ведущую из нижнего лагеря к газовым камерам. Вот как он описывает случившееся далее: «Я обратил внимание на то, что как бы старательно я ни подметал, в песке все равно [оставался] какой-то мелкий мусор. Я спросил друга: “Что это?” Он ответил: “Это – деньги”. И я помню, как тогда удивился: вот, люди знают, что идут на смерть, а у них при себе несколько долларов или рублей. Наконец, они осознают, что сейчас умрут, и находят время, чтобы [разорвать] эти деньги на мелкие кусочки, чтобы враг не мог воспользоваться [их деньгами]. Я считаю это проявлением героизма – духовного героизма».

Размышляя о более серьезных проявлениях сопротивления, о настоящей борьбе с немцами, Тойви Блатт был вынужден преодолеть ощущение того, что он называет «обратным» расизмом. Потому что, когда он впервые увидел немецких солдат, в стальных касках и красивой форме, то почувствовал, что они «лучше». «А на другом конце спектра я увидел евреев и поляков – напуганных, спасающихся бегством или прячущихся». Несомненно, именно такие чувства немцы и надеялись вызвать в душах тех, кого хотели подавить. В том числе и по этой причине доктор Менгеле появлялся на платформе Освенцима в безупречно вычищенной и отглаженной форме эсэсовца, в сверкающей, словно зеркала, обуви. Немцы пытались создать сбывающееся пророчество о неполноценности тех, с кем они сражались. Они одевались и вели себя так, словно были представителями расы господ, и хотели вынудить своих врагов поверить в то, что нацисты – действительно высшая раса.

В подобных обстоятельствах не стоит удивляться тому, что катализатор решительных перемен появился в Собиборе вместе с людьми, не столь подверженными описанному Тойви Блаттом «обратному расизму» – а именно, с евреями, прошедшими службу в Красной Армии. «Мы приехали в Собибор 21 или 22 сентября, – говорит Аркадий Вайспапир²⁶, один из советских военнопленных, прибывших в лагерь на транспорте из Минска. – Нас три дня держали взаперти в вагонах – вагонах для перевозки скота. Три дня без еды, без света». К счастью, нацисты решили набрать рабочую силу именно из этого транспорта. «Они спросили, нет ли среди нас плотников или строителей, – вспоминает Вайспапир, – и еще спросили, нет ли среди нас людей, способных поднять груз весом до 75 килограмм». В тот момент, когда их отбирали, советские военнопленные даже не догадывались о назначении лагеря: «Мы не знали, что происходит, – мы думали, это просто трудовой лагерь. Но вечером к нам пришли бывалые заключенные и сказали: “Ваших друзей сжигают”. И тогда мы поняли, в какой именно лагерь попали».

Среди порядка 80 человек, отобранных для физической работы из советских военнопленных, был и харизматичный лейтенант Красной Армии, Александр (Саша) Печерский. «Он был очень красивым, очень привлекательным мужчиной, – говорит Вайспапир, – высоким и крепким. Его уважали – его слово было для нас законом». Печерский мгновенно привлек внимание всего лагеря, а вскоре стал координатором подпольного движения сопротивления. И до прибытия советских военнопленных заключенные несколько раз пытались совершить побег, в основном – во время выполнения работ за пределами колючей проволоки. «Но где можно скрыться, если даже удастся сбежать в лес? – спрашивает Тойви Блатт. – Практически каждый день владельцы близлежащих ферм приводили в лагерь евреев, пойманных во время попытки спрятаться в полях, и отдавали их за “пять фунтов сахара и бутылку водки”». Но Печерскому и его товарищам удалось переломить обреченную покорность, которая, казалось, полностью овладела лагерем. Они работали вместе с Леоном Фельдхендлером, который возглавлял подполье в Собиборе до появления советских военнопленных, разрабатывая план массового побега.

Спустя всего лишь две недели с момента их появления в Собиборе они попытались прорыть тоннель на свободу – но от этого варианта пришлось отказаться через несколько дней: подкоп затопило. В любом случае, и Печерский это понимал, невозможно было гарантировать, чтобы через такой туннель, за одну-единственную ночь, проползли все заключенные Собибора – более 600 человек, – не вызвав никаких подозрений. Он быстро осознал: единственный успешный массовый побег возможен лишь в случае вооруженного сопротивления. Печерский также осознавал, что действовать нужно как можно быстрее. Первые же снегопады, которые ожидалось уже через несколько недель, дадут возможность немцам преследовать беглецов по следам. План стал приобретать конкретные очертания уже через несколько дней, и в его разработке принимали участие некоторые ключевые капо. «Прежде

всего, – говорит Тойви Блатт, – следовало собрать холодное оружие – ножи и топоры. Очень многие плотники держали свои инструменты в мастерских». На следующем этапе следовало «заманить» немцев в укромные места, убить их и забрать огнестрельное оружие. Третьим, и последним, этапом должно было стать открытое восстание.

На второй неделе октября подполью стало известно, что некоторые руководящие чины Собибора – включая Вагнера, одного из старших обершарфюреров, – отправились в отпуск в Германию. Таким образом, на некоторое время немецкая охрана в Собиборе была в неполном составе. Этим оставшимся немцам нужно было заманить в мастерские портных или сапожников, посулив им личную выгоду – следовательно, успех восстания зависел от продажности охранников. Печерский приказал Вайспапиру спрятаться в сапожной мастерской на территории лагеря и зарубить топором охранника-немца, когда тот придет на примерку обуви. «Я очень волновался, – признается Вайспарир. – Все мы понимали, что от этого зависит наша дальнейшая судьба». Остальных немцев собирались заманить в швейные мастерские, пообещав сшить новые кожаные куртки – и там убить. А после этого узники должны были совершить побег – прорваться через главные ворота. Расчет был та то, что у охранников-украинцев, которые находились в подчинении у немцев, не хватит ни боеприпасов, ни духу, чтобы оказать серьезное сопротивление.

Восстание началось 14 октября. Днем, в половине четвертого, Вайспапир, вместе с Иегудой Лернером, который прибыл в Собибор на том же транспорте из Минска, спрятался в глубине сапожной мастерской: «Немец вошел, чтобы примерить обувь. Сел прямо передо мной. Я вышел, взял топор и ударил его. Я не знал, что наносить удар следует обухом. И ударил другой стороной, острием. Мы оттащили труп в сторону и накрыли какой-то тряпкой. И тут в мастерскую вошел другой немец. Он увидел труп, подошел к нему, пнул ногой и спросил: «Это еще что такое? Что за беспорядок?» И тут, когда он понял, [что произошло] я и его тоже ударил топором. А потом мы забрали у них оружие и убежали. Потом меня начало трясти, и я очень долго не мог успокоиться. Меня тошнило, я был весь залит чужой кровью».

Лернер и Вайспарир убили в сапожной мастерской двух немцев. Еще трое ээсовцев были убиты в портняжной мастерской, а остальные, кого не удалось заманить в засаду, – прямо на месте службы. К пяти часам дня большинство ээсовцев лагеря, всего девять человек, были убиты; но комендант все еще оставался в живых, и это, безусловно, вселяло тревогу в заключенных. Они стали выстраиваться на переключку, в обычном порядке. «Но неожиданно, где-то без четверти шесть, – пишет Тойви Блатт, – Саша [Печерский] вскочил на стол и произнес речь – я помню ее до сих пор. Он говорил о своей родине, Советском Союзе, и о том, что придет время, когда все будет иначе, когда везде будет мир, и что если кому-то удастся выжить, тот обязан поведать миру о том, что здесь произошло».

Затем, как и было запланировано, заключенные организованно направились к главным воротам, но внезапно очутились под огнем: стреляли охранники на вышках, а также – комендант Френцель, который неожиданно выскочил из барака и открыл стрельбу. Всем сразу же стало ясно: побег через главные ворота невозможен. И заключенные решили попытаться бежать, преодолев колючую проволоку в задней части лагеря, несмотря на то, что территория за оградой была заминирована. Тойви Блатт сражался с проволокой, поливаемый автоматным огнем с вышек, и неожиданно почувствовал, что забор наваливается на него всем своим весом. Тойви придавило. «Моей первой мыслью было: “Это конец!”». Через меня переступали другие заключенные, а в куртку впивались шипы колючей проволоки. Но тут меня осенило. Я бросил кожаную куртку на милость проволоки, просто выскользнул из рукавов. И побежал. Два или три раза падал, и каждый раз думал, что в меня попала пуля, но вставал, и наконец, живой невредимый [добрался] до леса». Во время бегства Тойви Блатт видел, как впереди «летают тела», разорванные взрывами мин, и понял: ему очень повезло, что он покинул лагерь одним из последних.

В конечном итоге, из 600 заключенных Собибора в тот день удалось вырваться на свободу примерно половине. С точки зрения Тойви Блатта, такой успех был достигнут благодаря одному основному фактору: «Они [немцы] не считали нас за людей, не считали нас способными на поступок. Они считали нас отребьем. Они не ожидали, что евреи могут [быть готовы] умереть, потому что видели, как тысячи умирали ни за что». С точки зрения Аркадия Вайспапира, вторым необходимым условием для побега стало прибытие советских военнопленных, которые встречали все лишения лагерной жизни единым строем. Еще один немаловажный факт: эти военнопленные провели в Собиборе меньше месяца, прежде чем подняли восстание. И хотя в предыдущих немецких лагерях они, конечно, страдали, ранее им не приходилось испытывать ничего похожего на ужасы Собибора. Тем не менее несмотря на чудовищную обстановку лагеря смерти им удалось быстро мобилизовать силы и начать действовать. Их военная дисциплина, вместе с исключительной личностью Саши Печерского, оказали решающее влияние на успех восстания.

Большинство из 300 заключенных Собибора, сбежавших из лагеря, не пережили войны. Многие, заблудившись в лесах, бродили вблизи от лагеря, и были пойманы в считанные часы; других позже предали поляки, выдав немцам. Саша Печерский и горстка его товарищей сумели добраться до партизан, симпатизирующих Красной Армии, и в результате влились в ряды наступающих советских сил. Тойви Блатт пережил целый ряд испытаний и несколько раз оказывался на волосок от гибели: одни поляки ему помогали, другие готовы были предать. После войны он решил начать новую жизнь в Америке.

Восстание в Собиборе вызвало серьезное беспокойство у Гимmlера, и сразу же после этого события он приказал уничтожить всех евреев в таких лагерях, как Травники, Понятова и Майданек. Эти убийства, начавшиеся 3 ноября, стали одними из самых кровавых событий «окончательного решения еврейского вопроса». В это время в ходе карательной акции, которая получила кодовое название «Эрнтефест» (*Erntefest*, нем. праздник сбора урожая), были убиты около 43 тысяч заключенных. В качестве яркого примера того, что для массовых убийств вовсе не обязательно применять сверхсовременные технологии, можно привести такой факт: только за один день в Майданеке было расстреляно 17 тысяч евреев.

Операция «Праздник сбора урожая» проводилась в то время, когда изменилась сама суть нацистской доктрины «окончательного решения еврейского вопроса». Осенью 1941 и весной 1942 годов программа уничтожения евреев хотя бы частично мотивировалась желанием создать «пространство» для новой немецкой империи на востоке. Но

к осени 1943 года уже стало ясно, что нацисты проигрывают войну, и тогда центральное место заняла совершенно иная мотивация: месть. Убийства евреев нацистами теперь вызывались, прежде всего, желанием гарантировать, что их главные противники не смогут получить никакой выгоды от войны, независимо от ее итогов. Разумеется, желание убивать евреев всегда подспудно присутствовало в планировании и проведении в жизнь нацистской доктрины «окончательного решения еврейского вопроса». Включение западноевропейских евреев в план тотального уничтожения показывало, что экономические причины и желание «свободного места» никогда не являлись единственной мотивацией для совершения преступлений. Но лишь в тот момент, когда мечта о «новом порядке в Европе» на востоке начала рассыпаться, лидеры Третьего рейха принялись искать утешение в массовом убийстве евреев, руководствуясь лишь чистой, неприкрытой ненавистью.

Однако немцам становилось все сложнее осуществлять план «окончательного решения еврейского вопроса» за пределами территорий, контролируемых ими напрямую. Так, хотя власти Болгарии до того выдали немцам порядка 11 тысяч евреев из оккупированных болгарскими греками Фракии и Македонии, в дальнейшем погибших в Треблинке, в 1943 году требования депортировать евреев с территории собственно Болгарии вызвали серьезный протест. А румынский лидер Ион Антонеску, участвовавший в уничтожении еврейских общин в Бессарабии, Приднестровье и Буковине, теперь отказывался посылать оставшееся еврейское население Румынии в газовые камеры Белжеца. То же происходило и в Италии: хотя Муссолини и ввел ряд антисемитских мер, но выдавать итальянских евреев немцам он отказывался²⁷. Многие союзники нацистов больше не верили, что поддерживают победителя. Они помогали фашистам преследовать евреев, когда считали, что это отвечает их собственным интересам; теперь же, когда ситуация изменилась, они постарались отмежеваться от всей политики Германии в целом. По большей части, такая кардинальная смена поведения диктовалась не столько проснувшимися моральными принципами, сколько, скорее, циничным прагматизмом.

Из всех европейских стран, оккупированных немцами, только одна, похоже, избежала моральной коррозии «окончательного решения еврейского вопроса»: Дания. Благодаря объединенным усилиям населения Дании 95 % евреев в этой стране таинственным образом исчезли прямо из-под носа немцев. Сама история о том, как датчане спасали своих евреев, не только воодушевляет и вызывает интерес. Здесь все не так просто, как кажется на первый взгляд.

Германия оккупировала Данию 9 апреля 1940 года, и с самого начала стало ясно, что датчане столкнутся с совсем иной оккупацией, чем та, которую пришлось пережить другим европейским странам. Основные общественные институты Дании, включая монархию, парламент и полицию, в большей или меньшей степени остались неприкосновенны. И немцы не просили датчан проводить в жизнь никаких антисемитских законов, являвшихся обыденным делом в любом другом уголке нацистского государства. Что касается позиции датских властей, то все восемь тысяч датских евреев были полноправными гражданами, и такими они и остались. «У нас вообще не было никакой дискриминации, – говорит Кнуд Дюбю²⁸, который в то время служил в датской полиции. – Евреи полностью ассимилировались. У них был свой бизнес, свои дома – как у всех. Я уверен: в Дании заключалось много межнациональных браков. Один из моих родственников женился на еврейской танцовщице». Даже те евреи, которые предпочли исповедовать свою религию, в условиях нацистской оккупации не встречали практически никаких трудностей. Бент Мельхиор²⁹, тогда еще учившийся в школе, сначала испугался, ведь его отец, раввин, открыто выступал против фашистов. Но ничего страшного не случилось: «Мы ходили в школу, в синагогу, отмечали праздники – все шло своим чередом».

Один исключительный случай, который приводит Бент Мельхиор, свидетельствует о том, насколько толерантность укоренилась в культуре датчан. Его отец написал небольшую книгу комментариев к Пятикнижию Моисееву, а поскольку все датчане считали средоточием патриотизма своего короля, отец Мельхиора решил заказать особый переплет для одного экземпляра книги и вручить ее монарху. В канун Нового, 1941 года старшей сестре Бента поручили доставить книгу в королевский дворец в Копенгагене. Когда она приблизилась к воротам, по стечению обстоятельств, оттуда вышла королева, увидела девушку и спросила: «Это для моего мужа?» Та ответила: «Да, Ваша светлость», – и королева взяла книгу. Вечером того же дня датский король Кристиан X сел за стол и лично написал благодарственное письмо отцу Бента, в котором передавал приветы его семье и всей еврейской общине. «Оно [письмо] пришло 1 января 1942 года, – говорит Бент Мельхиор, – и произвело огромное впечатление на всю общину – ведь король ответил скромному раввину, подарившему монарху книгу».

Кажется невероятным, в контексте тотального преследования евреев, которое нацисты устроили во всей остальной Европе, что немцы закрыли глаза на такую терпимость. Но в Дании они оказались в очень щекотливом положении. Прежде всего, они хотели, чтобы поставки продовольствия из этой страны в Германию происходили без каких-либо помех. Они также отдавали себе отчет в пропагандистской ценности такой «идеальной» оккупации дружественного «арийского» государства, и понимали, какие дополнительные выгоды несет им мирная Дания, на чьей территории не было необходимости размещать значительные военные формирования. Такое отношение, однако, резко изменилось летом и осенью 1943 года. Вслед за поражением под Сталинградом и отступлением германской армии в Дании вспыхнул целый ряд акций сопротивления, выразившихся в серии забастовок. Немцы настаивали на репрессиях, чтобы предотвратить подобные явления, но власти Дании отказались подчиниться приказу. В результате, 29 августа немцы взяли власть в Дании в свои руки.

Немецкий уполномоченный в Дании (рейхскомиссар) доктор Вернер Бест, оказался перед дилеммой: как же следует поступить с датскими евреями? Послужной список Беста не давал повода предположить, что он станет сочувствовать датским евреям. Образованный юрист, в 1930 году он вступил в национал-социалистическую партию, а уже в следующем году – в ряды СС. Состоял юридическим советником при гестапо и работал непосредственно в подчинении у Рейнхарда Гейдриха. Во время службы в Главном управлении имперской безопасности (РСХА) участвовал в казнях представителей польской интеллигенции, а чуть позже, во время работы во Франции, – принимал участие в гонениях французских евреев. Но теперь этот преданный своему делу нацист собирался

совершить нечто, совершенно не отвечающее его характеру. Используя посредников, он намеревался предупредить датских евреев о грозящих им арестах.

Облаву запланировали в ночь с первого на второе октября 1943 года. Но буквально за несколько дней до этой даты Бест встретился с морским атташе Германии Георгом Дуквицем и проинформировал того о предстоящих облавах. При этом Бест практически не сомневался, что Дуквиц, известный своими симпатиями к датчанам, сольет информацию датским политикам, а те, в свою очередь, проинформируют ведущих членов еврейской общины. И цепочка причинно-следственных отношений сработала именно так, как и предполагалось.

«Однажды, во вторник вечером [28 сентября], – говорит Бент Мельхиор, – к нам в дом пришла какая-то женщина, и попросила позвать отца. Она сообщила, что все произойдет уже на этой неделе, а именно – в пятницу ночью». На следующее утро в синагоге людей собралась больше обычного, поскольку был еврейский праздник. Отец Бента встал и обратился к собравшимся: «Мой отец прервал службу и объяснил общине, что все очень серьезно, и повторил полученное накануне сообщение: «Не сидите по домам в пятницу». И добавил, что службы в синагоге на следующий день отменяются. Но мы не могли рассчитывать на то, что таких мер предосторожности будет достаточно. Каждый, кто слышал моего отца, должен был рассказать обо всем своей семье, друзьям, тем людям, кого считали одинокими – следовало донести информацию до как можно большего количества евреев».

Исход начался в тот же день, 29 сентября, ближе к вечеру. Среди оставлявших свои дома была и семья Руди Бира³⁰. Они уехали примерно на пятнадцать километров от Копенгагена и остановились у деловых партнеров отца Руди: «Это была очень приятная семья, где росли трое дочерей, чуть старше нас. Жили они в загородном доме, окруженном садом. У нас сада не было, потому что мы жили в квартире. Те люди очень хорошо о нас заботились».

Когда семейство Бир уже обустроились в своем новом доме, за пределами Копенгагена, датской полиции стало известно об угрозе депортации евреев. «Я был в полицейском участке, когда услышал новости, – говорит Кнуд Дюбю, – и один товарищ по службе сказал мне, что к нему обратился сосед-еврей, торговец по фамилии Якобсон. Он и его семья очень сильно нервничали и нуждались в помощи». Просто поразительно, особенно если учесть действия полиции в аналогичной ситуации в других оккупированных нацистами странах, таких как Франция или Словакия, что первым желанием Дюбю и его коллег было оказать помощь датским евреям. В данном конкретном случае Дюбю вызвался лично помочь Якобсонам и организовал их побег через узкий пролив между Данией и нейтральной Швецией: «Мы посоветовали им воспользоваться трамваем или электричкой, чтобы добраться до припортовой станции на востоке Копенгагена. Оттуда мы на нескольких такси отправились в порт. Таксисты знали, что происходит, и очень сильно нам помогли, а в некоторых случаях даже отказались брать плату за проезд. В порту мы спрятались в сараях, где немцы обычно хранили сети и инструменты».

Укрыв еврейские семьи в безопасном месте, Кнуд Дюбю отправился на поиски рыбаков, готовых рискнуть и под покровом ночи переправить беглецов на противоположный берег: «Я рассказывал рыбакам, сколько у меня людей, и нам приходилось пускать в ход и мольбы, и деньги, которые мы были вынуждены занимать, чтобы разместить на борту как можно больше людей». На каждом шагу их подстерегала опасность: «Один раз со мной были трое мужчин-евреев, и тут, совершенно неожиданно, появился немецкий патруль и направился прямо к нам. Мы быстро спрятались в канаве и сидели там до тех пор, пока не услышали, что немцы прошли. Это был единственный раз, когда я достал оружие, готовясь защищать всю нашу маленькую компанию... Я не хотел, чтобы меня поймали и отправили в концентрационный лагерь».

Бегству евреев способствовали не только датские полицейские: свой вклад в это дело вносили сотрудники и других государственных институтов, начиная с работников береговой охраны, смотревших в другую сторону, когда бесчисленные лодочки покидали гавань Копенгагена среди ночи, и заканчивая датскими священниками, оказывавших бегству евреев всяческую поддержку. 3 октября во всех церквях Дании озвучили заявление епископа Копенгагена, содержащее решительную позицию датской церкви по данному вопросу: «По каким бы причинам, будь-то расовым или религиозным, ни преследовали евреев, обязанность христианской церкви – протестовать против таких преследований... Несмотря на различные религиозные воззрения, мы будем сражаться за право наших еврейских братьев и сестер пользоваться свободой, которую мы сами ценим превыше жизни...»³¹

Тем временем семья Руди Бира почувствовала, что дальше проживать в пригороде, у друзей, небезопасно, и вскоре они тоже двинулись в путь, в Швецию: «Нам нужно было проехать через центр Копенгагена, и там с нами произошел неприятный случай. Наш водитель свернул не туда и остановился прямо перед зданием немецкого штаба. Мы немного испугались, но водитель быстро развернул машину, понял, куда нужно ехать, и прибавил газу». Биров вывезли из Копенгагена, на сорок километров к югу от столицы – в место, наиболее удаленное от границы Швеции. Их защитники решили, что именно здесь безопаснее всего пересечь границу. На рейде стояли два судна, на каждом из которых могло разместиться 200 человек. Бирры на шлюпке добрались до одного из кораблей, и около 11 часов вечера их путешествие началось. «Мы находились на палубе, – вспоминает Руди, – моим младшим братьям и сестрам дали какое-то легкое лекарство, чтобы они не плакали, и все время путешествия они проспали». Уже через несколько часов без всяких приключений они достигли берегов Швеции. «Как только мы оказались на шведском берегу, сразу почувствовали разницу. В Дании у нас было затемнение, но в Швеции все улицы были залиты огнями. А население приняло нас с большим гостеприимством. Люди пели – звучали национальные гимны Дании и Швеции, – и бурно радовались тому, что мы оказались вне опасности». Шведы сделали все, что было в их силах. Они отправили лодки с яркими фонарями, чтобы беженцы могли благополучно добраться до берега, а накануне, 2 октября, объявили по радио, что будут рады видеть на своей земле всех прибывающих датских евреев.

Опыт Руди Бира не является уникальным: подавляющее большинство датских евреев благополучно бежали в Швецию. Во время ночной облавы 1 октября немцы поймали только 284 еврея³², а в течение следующих недель – меньше 200 человек из тех, кто старался перебраться в Швецию. Из всего еврейского населения Дании, составлявшего 8 тысяч человек, в результате, были арестованы и депортированы менее 500. Следует отметить такой важный факт: пойманных отправляли не в Освенцим, а в Чехословакию, в Терезинское гетто, где, хоть они и вели

жизнь, полную лишений, им не пришлось столкнуться с отбором и систематическими убийствами. В конце войны из 500 депортированных датских евреев домой вернулось более четырехсот.

История спасения датских евреев, разумеется, чрезвычайно воодушевляет на фоне длинного списка предательств и мстительности, превалирующих в огромном количестве других историй депортации. Но двойственное отношение немцев к арестам и депортации датских евреев демонстрирует: хотя эта история, несомненно, вызывает восхищение, она вовсе не так проста, как кажется. В основе этой непростой ситуации лежит весьма любопытное отношение самого Вернера Беста, ведь он не только предупредил датских евреев через посредника, но и контролировал намеренно вялые попытки поймать их. Да, случаи активной деятельности немецких сил безопасности случались – достаточно вспомнить печально известного Ганса Юля («гестаповца Юля»), пытавшегося арестовать евреев в Эльсиноре – но, по большей части, немцы, похоже, не проявляли особого служебного рвения. «Я всегда считал, – говорит Руди Бир, – что, если бы немцы действительно захотели помешать осуществлению спасательной операции, то с легкостью сделали бы это, ведь водное пространство между Данией и Швецией не такое уж и обширное и хватило бы трех-четырех торпедных катеров, чтобы сорвать операцию». Однако немецкие морские патрули не остановили ни одно судно с беглецами.

Подсказка в отношении причин, по которым Вернер Бест повел себя именно так, а не иначе, содержится в отчете, отправленном им в Берлин 5 октября: «Поскольку первоочередной задачей еврейских акций в Дании была деиудизация страны, а не успешная охота за головами, следует заключить, что данная еврейская акция полностью выполнила свою задачу»³³. Таким образом, Бест ставит себе в заслугу «освобождение» Дании от евреев методами, которые минимизировали подрыв повсеместной нацистской оккупации. Тот факт, что евреи скрылись в безопасное место, а не были схвачены, также принесло ему достаточно ощутимую выгоду: теперь шансы на то, что датские власти станут более тесно сотрудничать с немцами, резко возросли.

Есть еще одна область, в которой результаты последних научных изысканий бросают вызов общепринятой истории датских евреев: вопрос «альтруизма» тех, кто принимал участие в их спасении. Так, не вызывает сомнений, что первые евреи, бежавшие в Швецию, были вынуждены платить рыбакам значительные суммы. «К сожалению, некоторые беженцы швырялись деньгами, стремясь сесть на первое же судно, – делится Кнуд Дюбю. – А рыбаки были людьми бедными и постоянно нуждались в деньгах. Так что, думаю, некоторые только обрадовались случаю подзаработать». Но можно ли считать требования датских рыбаков чрезмерными? Их просили рискнуть средствами пропитания – и, как они понимали, собственными жизнями, – способствуя бегству евреев. Так ли уж неправильно они поступали, требуя плату за свои услуги? Особенно если учесть, что первые несколько ночей операции никто не мог гарантировать, что в море их не поджидают немецкие сторожевые катера. Учитывая вышесказанное, поведение рыбаков следовало бы считать предосудительным только, если бы они просто отказались идти на риск, невзирая на сумму награды. Немаловажен и тот факт, что не известно ни об одном случае, когда еврея отказались бы перевозить из-за его катастрофической бедности.

Разумеется, действиям датчан помог ряд факторов, которые от них не зависели. Значительную роль сыграла география: в отличие от Нидерландов или Бельгии, рядом находилась нейтральная страна. А относительно вялая оккупация Дании вплоть до лета 1943 года означала, что ключевые институты, такие как полиция и береговая охрана, были более или менее неподконтрольны нацистам. Также следует учесть и момент, в который нацисты решили напасть на датских евреев. Как мы уже отмечали, к осени 1943 года стало очевидно, что немцы проигрывают войну, и датчане понимали: помочь евреям означало помочь целям побеждающей стороны. Еще один важный фактор: нацистская оккупация Дании никогда не была такой жестокой, как, например, оккупация Польши, и мы не знаем, как бы повело себя датское население, если бы преследование евреев, и наказания за помощь им, были бы такими же свирепыми, как в той же Польше. Нельзя сбрасывать со счетов и тот факт, что датчане в некоторой степени уникальны, как народ, который спас своих евреев, не в последнюю очередь и потому, что в 1930-х годах Дания существенно ограничивала число еврейских беженцев из Германии. Но те, кто пытается приуменьшить значимость датского опыта, почему-то забывают, что даже тогда, когда все считали, что именно немцы победят в войне, то есть в 1940 и 1941 годах, датчане неуклонно придерживались своих моральных принципов и не преследовали евреев, хотя это, несомненно, порадовало бы их нацистских хозяев.

Макиавеллевская хитрость Беста, который с самого начала собирался позволить большому количеству датских евреев незаметно покинуть страну, не должна изменить наше мнение о моральной подоплеке действий коренного населения Дании. Чрезвычайно важно понимать, что когда вся Дания в едином порыве стала саботировать депортацию, никто не знал, что именно задумал Бест. Все, кто в то время помогал евреям, искренне верил, что действует наперекор желаниям немцев и подвергает себя колоссальному риску. И потому тяжело не согласиться с Кнудом Дюбю, когда он говорит: «все, что датчане сделали, они делали от чистого сердца, проявляя присущее им дружелюбие. Они просто проявляли человечность. Поступали так исключительно по своей доброте и порядочности. Именно так должны были поступать все остальные жители Европы». Невозможно найти более резкого контраста героическим действиям датчан, чем то, что должно было вот-вот случиться в другой европейской стране весной и летом 1944 года, в год самых масштабных убийств в истории Освенцима.

Глава 5 Безумные убийства

Освенцим стал местом наиболее крупных массовых убийств в истории в результате событий 1944 года. Вплоть до весны того года количество жертв в этом лагере было на несколько сот тысяч человек меньше, чем в Трехлинке. Но весной и в начале лета 1944 года Освенцим заработал на полную мощность и даже более, начался период самых чудовищных и безумных убийств, который когда-либо видел этот лагерь. Большинство евреев, страдавших и погибших в это ужасное время, прибыли из одной страны: Венгрии.

Причин, по которым такое количество венгерских евреев неожиданно оказалось в поездах, направлявшихся в Освенцим в конце войны, множество. Венгры всегда пытались вести хитроумную политическую игру с нацистами, сменяемые двумя сильными и противоречивыми чувствами. С одной стороны, они испытывали традиционный страх перед могуществом Германии, а с другой, очень хотели сотрудничать с побеждающей стороной, особенно если последнее означало возможность отхватить себе кусок территории от восточного соседа, Румынии. Только в октябре 1940 года венгры, наконец, приняли окончательное решение и полностью присоединились к державам Оси, вступив в Тройственный союз. К тому времени было достигнуто соглашение, отстаиваемое Риббентропом, министром иностранных дел Германии, согласно которому северная Трансильвания, бывшая частью Румынии, переходила Венгрии. Получив в качестве взятки территорию, на которую она давно уже заглядывалась, и сделав ставку на то, что в этой войне победят именно нацисты (очень «умная» позиция летом и в начале осени 1940 года), Венгрия политически и стратегически сблизилась со своим громадным соседом.

Весной 1941 года венгры поддержали Гитлера в захвате Югославии, а позже, в июне, отправили войска для участия в войне против Советского Союза. Но когда обещанная «молниеносная война» (*Blitzkrieg*) так и не увенчалась успехом, затянувшись на гораздо больший срок, чем предполагалось, венгры начали понимать, что приняли не ту сторону. В январе 1943 года Красная Армия наголову разбила венгерские силы на Восточном фронте, вызвав катастрофические потери: Венгрия лишилась порядка 150 тысяч человек убитыми, ранеными или пленными. Новая «разумная» позиция, решило венгерское руководство, – дистанцироваться от нацистов. В течение всего 1943 года проходили секретные переговоры с западными союзниками, в результате которых было заключено соглашение о том, что венгры перейдут на сторону последних, как только территория Венгрии окажется под угрозой вторжения наступающих войск союзников.

Однако весной 1944 года Гитлер решил ввести свои войска на территорию ненадежного друга. В традиционной историографии это решение считается действием человека, движимого идеологическими, а не стратегическими причинами. Но последние научные изыскания утверждают иное¹. Гитлер и нацисты вводили войска вовсе не из примитивного желания наказать союзников за непостоянство, а по достаточно рациональным причинам. Венгрия оставалась одной из немногих восточноевропейских стран, еще не подвергавшихся разграблению. Это была потрясающе богатая территория, и теперь, решил Гитлер, настало время нацистам захватить эти богатства.

И разумеется, особой целью нацистов стали здешние евреи. Евреев в Венгрии проживало более 760 тысяч – почти пять процентов от всего населения страны, – и хоть они и пострадали в результате антисемитского законодательства, большинство общин (и значительная часть их богатств) уцелели. Венгерские евреи призывного возраста были отправлены в трудовые отряды на Восточном фронте, где много тысяч их умерло, но оставшаяся часть евреев надеялась, что им удастся уцелеть в этих гонениях. Однако с оккупацией Венгрии нацистами эта надежда исчезла. Немецкая армия вошла в Венгрию 19 марта 1944 года, и буквально уже на следующий день для выполнения задачи по экспроприации всех ценностей у еврейского населения Венгрии и последующей его депортации туда явился оберштурмбанфюрер СС (подполковник) Адольф Эйхман. Весьма характерно, что первым, что Эйхман отобрал у евреев – и отобрал лично для себя, – оказалась роскошная вилла Ашнера в фешенебельном районе Будапешта «Розовый холм».

К этому моменту «окончательное решение еврейского вопроса» нацистами перешло в следующую фазу. Эйхману поручили вовсе не простое уничтожение, как его коллегам в Генерал-губернаторстве в Польше в 1942 году. В связи с непростой военной ситуацией и растущей потребностью в принудительном труде, нацистам следовало уделять больше внимания отбору тех евреев, которые могли послужить физическим трудом военной экономике Германии, от тех, кто не представлял для Третьего рейха никакой ценности, а следовательно, должен был подвергнуться немедленному уничтожению. Таким образом, с точки зрения нацистов, Освенцим становился идеальным пунктом назначения депортации венгерских евреев, поскольку к данному моменту доктор Менгеле и его коллеги накопили колоссальный опыт именно в таком виде отбора. Освенцим мог стать тем каналом, гигантским человеческим ситом, через которое специально отобранные евреи могли попасть на заводы и фабрики Рейха, использовавшие рабский труд.

Начнем с того, что венгерские инициативы Эйхмана, вроде бы, соответствовали уже отработанным схемам действий нацистов в отношении евреев. Он с легкостью добился согласия венгерской полиции на участие в будущих депортациях, а также помог организовать переселение евреев в гетто за пределами Будапешта. Изначально немцы требовали «отправить в Рейх» 100 тысяч венгерских евреев, но после того, как евреи Будапешта были отправлены в гетто, венгерские власти предложили отправить туда и всех оставшихся в стране евреев. Как и другие до них, и прежде всего словаки, венгры быстро сообразили: как только статус-кво пошатнется, и еврейские семьи потеряют своих кормильцев, самым «простым» путем вперед станет обращение к нацистам с предложением забрать всех оставшихся, и Эйхман тут же ухватился за такую возможность.

Однако одновременно с этими, вполне предсказуемыми, событиями Эйхман собирался устремиться еще по одному пути. Двадцать пятого апреля 1944 года венгерский еврей Йозель Бранд, одна из ключевых фигур в Комитете самообороны и спасения («Ваада») (организации, преследовавшей цель помочь евреям уехать с оккупированных нацистами территорий), отправился в будапештский отель «Мажестик» на доверительную встречу с Эйхманом. Бранд уже участвовал в таких встречах с офицерами СС с целью попытаться подкупить их и дать возможность группе евреев бежать из Венгрии. В этот раз Эйхман заявил ему: «Ты знаешь, кто я такой? Я отвечал за проведение “акций” в Рейхе, Польше, Чехословакии. А теперь настал черед Венгрии. Я вызвал тебя, чтобы предложить сделку. Я готов продать тебе миллион евреев. Кого ты захочешь спасти? Мужчин и женщин, способных к деторождению? Стариков? Младенцев? Сядь и ответь мне». Неудивительно, что предложение Эйхмана поставило Бранда в тупик. Он возмутился, что его толкают в такое положение, когда он вынужден решать, кому жить, а кому умереть. На это Эйхман ответил: «Я не могу продать тебе всех евреев Европы. Но отпустить один миллион – в моей власти. Нас интересуют товары, а не деньги. Езжай за границу, свяжись напрямую со своими международными организациями и

с союзниками. А затем возвращайся – с конкретным предложением»².

В истории нацистского «окончательного решения еврейского вопроса» это был исключительный момент. Что заставило человека, вся деятельность которого в течение долгих лет была теснейшим образом связана с уничтожением евреев, сделать такое предложение – на первый взгляд, абсолютно не в его характере? Ответ на этот вопрос можно получить, если вспомнить о том, в какой щекотливой ситуации оказался Эйхман: когда он прибыл в Будапешт, то выяснил, что он – вовсе не единственный офицер СС, получивший особые полномочия для работы в Венгрии. Как оказалось, в городе также находились гауптштурмфюреры СС Герхард Клагес и Курт Бехер. Клагес выполнял различные «разведздания», в то время как Бехер шантажировал семью Вейсс, владельцев крупнейшего промышленного конгломерата в Венгрии, пытаясь заставить их передать свой пакет акций СС в обмен на возможность покинуть страну целыми и невредимыми. Для Эйхмана было очевидно, что работа его коллег по СС, к тому же, равных ему по званию, напрямую касалась территории, которую он раньше считал своей вотчиной. Богатства Венгрии лежали перед этими шакалами, словно доступная женщина, и Эйхман понял: чтобы одолеть конкурентов, ему придется сражаться.

К моменту встречи с Брандом Эйхман уже знал, что его соперник Бехер успешно провернул сделку с передачей пакета акций корпорации, принадлежавших Манфреду Вейссу, нацистам. В обмен на акции примерно 50 членам семьи Вейсс разрешили покинуть Венгрию и перебраться в нейтральные страны. Карьера Бехера, похоже, шла в гору, и он поселился на вилле, еще более шикарной, чем у Эйхмана, – вилле, ранее принадлежавшей кому-то из Вейссов. В 1961 году, представ перед судом по обвинению в совершении военных преступлений, Эйхман дал показания, которые могут служить классическим примером показаний заинтересованного свидетеля: он заявил, что хотел предоставить Бранду возможность договориться с союзниками. Однако можно скорее поверить в то, что причины, побудившие его 25 апреля сделать подобное предложение, были куда более корыстными и очевидными: он пытался перехватить инициативу у Бехера. Раз его босс, Гиммлер, одобрил новый поворот в еврейской политике, то он, Эйхман, не должен оказаться в стороне, пусть это даже противоречило его натуре. Кроме того, похоже, Эйхман подозревал, и не без оснований, что шансы на успешное завершение сделки – т. е. на то, что Западные союзники действительно передадут нацистам технику и боеприпасы, которые последние смогут использовать против Красной Армии на востоке, – никогда не были очень высокими. Поддержав миссию Бехера, он продемонстрировал бы Гиммлеру свою готовность подчиниться изменяющимся обстоятельствам, одолеть Бехера, и при этом – продолжать выполнять программу отбора и уничтожения, в которой принимал самое активное участие.

В течение двух последующих встреч между Эйхманом и Брандом сделка приобрела конкретные очертания. Бранду следовало отправиться в Стамбул, где он должен был договориться о передаче Западными союзниками более 10 тысяч грузовиков, оборудованных для зимних операций против Советского Союза; в обмен нацисты отпустят 1 миллион евреев. Бранд настаивал на том, что нужно отпустить часть евреев заранее, дабы продемонстрировать «серьезность намерений» Эйхмана, и сослался на 600 разрешений на эмиграцию, которые удалось раздобыть Комитету самообороны и спасения. Эти документы позволяли их обладателям (по крайней мере, теоретически) эмигрировать в Палестину. Однако Эйхман не только отклонил предложение Бранда, но и потребовал, чтобы жена последнего, Ханси, переехала в отель «Мажестик» в качестве заложницы.

Во время последней встречи в отеле «Мажестик» также присутствовали Клагес, Бехер и несколько других нацистов. Создавалось впечатление, что каждая немецкая организация в городе хочет поучаствовать в сделке. Клагес особенно рьяно настаивал на том, чтобы в Стамбул Бранда сопровождала некая загадочная личность по имени Банди Грош. Грош уже давно работал на Абвер – немецкую разведслужбу. Абвер недавно свернул свою работу в Венгрии, и на смену ему прибыла группа Клагеса со своей разведывательной операцией. Грош отправлялся в Стамбул для выполнения миссии, совершенно не связанной с заданием Бранда – цели этой миссии станут ясны лишь несколько месяцев спустя. В сумерках 17 мая 1944 года двух мужчин перевезли через границу с Австрией и посадили на самолет до Стамбула. Бранд помнит, как смотрел на сидевшего напротив него Гроша, нечесанного и небритого, отчаянно пытавшегося запомнить инструкции, занимавшие полторы страницы печатного текста³. Это было зловещее и таинственное начало зловещей, как оказалось, и таинственной миссии.

Возможность осуществления договора «Евреи в обмен на грузовики» не оказала никакого влияния ни на запланированную на ближайшее время депортацию венгерских евреев, ни на специальные приготовления в Освенциме по поводу их скорого прибытия. В связи с предстоящим резким увеличением численности заключенных в лагере в руководстве СС произошли некоторые изменения. Артур Либехеншель, получивший должность коменданта лагеря в ноябре 1943 года, был снят с поста и переведен с понижением: он стал комендантом куда менее значимого лагеря, расположенного в районе Люблина, – Майданека. Теперь всем гарнизоном СС в Освенциме командовал новый человек – ни кто иной, как Рудольф Хесс. И оба коменданта лагеря – и Освенцима-1, и Освенцима-Биркенау, – подчинялись непосредственно ему. Вернулся Хесс еще более могущественным, чем был; какие бы ни ходили слухи о совершенных им нарушениях в прошлом, сейчас, перед лицом чрезвычайно важной задачи, руководство СС простило ему все.

Уже на следующий день после возвращения в лагерь, 9 мая, Хесс распорядился ускорить приготовления к прибытию венгерских евреев. Ходили слухи, что правление Либехеншеля было совершенно неэффективным и не отличалось свойственной СС «жесткостью», и Хесса переполняла решимость полностью изменить ситуацию. Только теперь закончили строительство железнодорожной ветки всего лишь в пару километров длиной, отходившей от основной магистрали, а значит, наконец-то можно было доставлять грузы в самое сердце Биркенау – к платформе, расположенной в ста метрах от крематориев-близнецов: второго и третьего. Хесс также велел немедленно отремонтировать топку крематория номер пять, а также – вырыть поблизости пять ям для сжигания трупов⁴. Из личного опыта, полученного в 1942 году, он знал, что собственно убийство евреев не будет представлять для него и его товарищей по СС никакой сложности. Однако проблемы у нацистов могли возникнуть в другом: как за один раз избавиться от сотен тысяч тел?

Тут стоит немного отвлечься и заметить, что Хесс всячески демонстрировал свою радость в связи с возвращением в Освенцим. Вообще, в конце 1943 года, после отъезда, он отказался рвать связи с лагерем, а его семья и дальше продолжала жить в доме коменданта на краю основного лагеря, пока Хесс работал в Берлине. Вероятно, он понимал, что немецкой семье намного безопаснее жить на юге Польши, чем в столице нацистской державы, подвергавшейся воздушным налетам союзников. Теперь он, засучив рукава, принялся за работу на новой, куда более важной должности. А значит, те, кто считал, что хуже работы, чем руководить Освенцимом, пожалуй, просто не существует, глубоко заблуждались – по крайней мере, в случае Хесса. Он не только отчаянно боролся за сохранение должности, пока его не сняли в ноябре 1943 года, но и с удовольствием вернулся на свое прежнее место работы полгода спустя. В мемуарах Хесса нет ни слова о его истинных чувствах в отношении возвращения в Освенцим, но можно предположить, по каким именно причинам он мог так радоваться шансу снова взять лагерь под свой контроль. Во-первых, вероятно, он относился к лагерю, как к своей собственности – в конце концов, Хесс был его комендантом с момента основания, – а во-вторых, он вполне мог осознавать, насколько богаты (по сравнению с остальными, конечно) венгерские евреи, и очень высока вероятность, что он планировал на их смертях нажиться. Но, возможно, была еще одна причина, более весомая, чем все указанные выше: операция обещала быть грандиозной, и Хесс, абсолютно уверенный в необходимости «окончательного решения еврейского вопроса», наверняка предвкушал ее.

Для большинства же евреев в Венгрии это событие стало началом кошмара. Заточение и отчаяние пришли на смену относительной безопасности и богатству. И произошло это здесь куда быстрее, чем в любой другой стране, в которой проводилась в жизнь нацистская политика «окончательного решения еврейского вопроса». В начале марта 1944 года Алиса Лок Кахана⁵ беззаботно жила вместе с семьей в городке Шарвар, рядом с австрийской границей. Они все радовались жизни. Дедушка владел крупной ковровой фабрикой, и семья была относительно зажиточной. Но вот пришли нацисты, и фабрика и дом уже через несколько недель оказались проданы какому-то человеку по фамилии Крюгер, проданы всего за один доллар. Немного погодя они, как и сотни тысяч других венгерских евреев, были вынуждены сесть в поезда, идущие в Освенцим. Когда Алису – а ей тогда было всего пятнадцать лет – вместе с сестрой Эдит, которая была на два года старше нее, и с остальными членами семьи гнали под конвоем к вокзалу, они прошли прямо мимо когда-то принадлежавшего им дома и увидели господина Крюгера – он сидел у окна. «Я была совершенно сбита с толку, – признается Алиса Лок Кахана. – Я тут же невольно вспомнила об исходе евреев из Египта. Но вот я увидела господина Крюгера: он сидел у окна и смотрел на нас – не сочувственно, а ликующе! – новый хозяин нашей фабрики, нашего дома. И в эту самую минуту наша собака подпрыгнула, узнала нас и разразилась громким лаем».

Когда они уже приближались к вокзалу, Алиса еще резче ощутила неожиданную, ужасную перемену, перевернувшую всю их жизнь. «С вокзалом у меня всегда были связаны прекрасные воспоминания, потому что у папы была торговая контора в Будапеште, и по понедельникам мы обязательно провожали его на вокзал, а по четвергам ходили встречать его, и он всегда привозил нам подарки». Но теперь это место, которое всегда ассоциировалось у нее с радостью, превратилось в нечто совершенно иное: «Мы увидели поезд для перевозки скота. Я сказала сестре: “Это какая-то ошибка. Они пригнали сюда поезд для скота, но ведь они не думают, что мы на нем поедим? Дедушка не станет сидеть на полу, в вагоне для коров!”» Но, разумеется, никакой ошибки не произошло. Они сели в поезд, за ними с грохотом захлопнули двери, и единственным источником света оказались редкие солнечные лучи, пробивавшиеся сквозь щели между досками. В полумраке они смотрели, как дедушка пытается устроиться на багаже, а рядом с ним садится мама. Было очень жарко. Вскоре воздух в вагоне стал тошнотворным из-за запаха пота и экскрементов в ведре в углу, которым им приходилось пользоваться для отправления естественных надобностей. До Освенцима они добрались только через четыре дня.

«Когда мы приехали, – говорит Алиса, – я сказала Эдит, что ничего хуже этого вагона для скота уже не будет. Я не сомневалась, что они заставят нас работать, но детей будут кормить лучше, чем остальных». Когда они выгрузились из поезда и заполнили платформу внутри Биркенау, сестра велела Алисе отойти к детям: они обе были уверены, что с детьми нацисты станут обращаться лучше, чем со взрослыми. В конце концов, рассуждали девушки, нацисты ведь приехали из цивилизованной страны. И Алиса, слишком высокая для своих лет, подошла к детям, сгрудившимся вокруг матерей, – к той самой группе, которая, разумеется, по извращенной логике нацистов, должна была подвергнуться уничтожению в первую очередь. Доктор Менгеле, руководивший в тот день селекцией заключенных, заметил Алису и попытался угадать, кто она: высокий не по годам ребенок или очень юная мать? «Haben Sie Kinder? (У вас есть дети?)» – спросил ее Менгеле. Алиса, учившая немецкий язык в школе, ответила, что ей всего 15 лет. Тогда Менгеле велел ей перейти в другую шеренгу, где стояли взрослые и подростки, которых не отобрали для немедленного уничтожения. Вскоре после этого ее отвели в «сауну» в Биркенау, где ее вымыли, постригли налысо и вручили комплект сильно изношенной одежды, в которой могло поместиться три таких девушки, как она.

Алису распределили в женский лагерь Биркенау. Теперь она уже не знала, что с мамой, папой, дедушкой, сестрой. Отчаянно желая разузнать, что с ними, она принялась расспрашивать других женщин в блоке. Настойчиво допытывалась, где же остальные члены ее семьи, особенно Эдит. Наконец, к ней подошла капо и ударила ее по лицу. «Вопросы здесь задаю я! – гаркнула она. – А теперь сиди тихо!»

Но Алиса не собиралась подчиняться приказу. Она найдет сестру, чего бы ей это ни стоило. Она воспользовалась следующей же возможностью и возобновила расспросы утром, в четыре часа, когда всех разбудили для коллективного посещения уборной. Здесь, в полумраке, среди грязи и смрада открытой канализационной трубы, она расспрашивала всех, кого могла: не знают ли они, куда отвели приехавших последним поездом из Венгрии? Наконец, какая-то женщина сказала ей, что, возможно, они в соседнем бараке. Но Алиса по-прежнему не представляла себе, как сможет связаться с сестрой. Освенцим-Биркенау был разделен заборами на многочисленные зоны в лагере, и попасть из одной в другую было чрезвычайно трудно. Но еще одна заключенная сообщила Алисе,

что по утрам одна и та же женщина разносит вонючий эрзац-кофе в оба лагеря. Если Алиса напишет записку, возможно, ей удастся уговорить эту женщину передать послание. Затем, если Эдит найдется, возможно, она добьется разрешения перейти в другой барак.

Алиса очень быстро выяснила, что за все услуги в Освенциме нужно платить, и отдала свою пайку хлеба за клочок бумаги и карандаш. Она написала Эдит такую записку: «Я в блоке 12, лагерь С», – и сумела подкупить женщину, разносившую кофе, чтобы та передала записку. Несколько дней спустя случилось то, что сама Алиса называет «чудом»: клочок бумаги вернулся к ней, и на нем были нацарапаны слова: «Я приду. Эдит». И однажды утром, вскоре после этого события, среди женщин, собиравших пустые кофейные чашки, оказалась сама Эдит. «Я просто взяла ее за руку, – вспоминает Алиса, – и мы снова были вместе. И поклялись друг другу, что больше никогда не расстанемся».

Алиса Лок Кахана и ее сестра Эдит были всего лишь двумя девушками из 400 тысяч венгерских евреев, которых привезли в Освенцим. Доля тех приезжих, кого отбирали для принудительных работ, менялась от случая к случаю: иногда она составляла всего лишь десять процентов, а иногда достигала тридцати. Но большинство пассажиров транспорта всегда отправлялись в газовые камеры. Лагерь еще не видел такого масштаба убийств. Меньше, чем за восемь недель, здесь погибли более 320 тысяч человек. На протяжении всего периода непрекращающихся убийств, совершавшихся на территории нацистской державы, с этим можно сравнить только уничтожения евреев в Трехлинке в 1942 году, в результате которых был уволен доктор Эберль.

Чтобы успевать рассортировывать такое количество прибывающих, нацисты увеличили состав зондеркоманд, работающих в четырех крематориях Освенцима, с двухсот человек до почти девятисот. У этих зондеркоманд была самая жуткая работа во всем лагере: они должны были отводить вновь прибывших в газовые камеры, успокаивать их, а после убийств – чистить помещения.

Дарио Габбаиб и Моррис Венеция⁷, двоюродные братья из города Салоники в Греции, оказались среди заключенных, попавших в зондеркоманду СС не по своей воле. В апреле 1944 года, когда их только привезли в Освенцим, они дали утвердительный ответ на вопрос одного немца, умеет ли кто-то из новичков стричь и брить. Отец Морриса держал парикмахерскую, и, хотя Дарио совершенно ничего не понимал в этом деле, Моррис велел ему поднять руку. Как и многие люди, оказавшиеся в Освенциме вместе с родственниками, они находили утешение в том, чтобы вместе пережить все, что выпадет на их долю.

Морриса и Дарио отвели к одному из крематориев Биркенау, вручили им огромные ножницы, которые больше подошли бы для стрижки овец, чем людей, и провели в помещение, заваленное обнаженными телами. «Мы глазам своим не поверили, – говорит Моррис. – Их туда набили, как сельдей в бочку!» Сопровождавший их капо начал, пробираясь через тела, с бешеной скоростью срезать женщинам волосы, демонстрируя, чего он ожидает от братьев. Но когда те принялись обрезать волосы у мертвых женщин, то передвигались очень осторожно, стараясь не наступать на трупы. Такое поведение вывело капо из себя, и он избил их палкой. Они стали быстрее стричь волосы, быстрее двигаться среди тел, но когда Дарио наступил одной мертвой женщине на живот, изо рта у нее вышел газ, и тело издало звук, похожий на стон. «Дарио так испугался, – вспоминает Моррис, – что прыгнул с груди тел на пол». Ни немцы, ни капо не удосужились рассказать им, какую именно работу они должны выполнять. Не было никакой подготовки – их просто погрузили в мир ужасов. «Немыслимо! – восклицает Моррис. – Что я должен был чувствовать? Никто и представить себе не может, что там произошло на самом деле, что с нами вытворяли немцы». В то время они еще не знали, что в августе 1942 года власти Освенцима и других концентрационных лагерей получили приказ от экономического отдела СС: собирать человеческие волосы длиной от двух сантиметров, чтобы из них можно было прясть нитки. Из этих ниток изготавливали «войлочные носки для экипажей подводных лодок и войлочные шланги для железной дороги»⁸.

Дарио и Моррис поняли: чтобы выжить, им нужно приспособиться – и как можно скорее. Так что, пока поезд за поездом разгружался в подвале крематория, они быстро овладели нехитрым мастерством. Вновь прибывших загоняли в длинные подвальные помещения; под вопли немцев – «*Schnell! Schnell!*» – им приказывали раздеться и запомнить, куда именно они положили одежду, поскольку немцы говорили, что после душа нужно будет снова одеться. Многие женщины причитали: «Какой позор!», – когда их, обнаженных, гнали к газовым камерам, находившимся за гардеробными. «Кое-кто начинал догадываться, что здесь что-то не так, – говорит Дарио Габбаи, – но никто не мог ничего поделать. Процесс должен был идти [без перерыва], понимаете. Все делалось с немецкой педантичностью. Они долгие-долгие годы отшлифовывали организацию этого процесса, так что все шло как по накатанной».

Газовые камеры крематориев номер два и три располагались под землей, так что доставка «циклона Б», когда людей запикивали в камеру и закрывали за ними дверь, осуществлялась практически напрямую. Стоя снаружи, на крыше газовой камеры, члены СС открывали заслонки, получая доступ к скрытым колоннам в газовой камере. Затем размещали в колоннах канистры с «циклоном Б» и опускали их, а когда газ достигал дна, снова задвигали и задраивали заслонки. С другой стороны запертой двери до ушей Дарио Габбаи и Морриса Венеции долетал плач детей и матерей, и скрежет о стену. Моррис вспоминает: когда в газовую камеру набилось около тысячи человек, оттуда стали доноситься крики: «Боже! Боже!». «Голоса звучали, словно из подземелья. Они до сих пор раздаются у меня в голове». Когда шум стихал, включали, чтобы убрать газ, мощные вентиляторы, и наставало время работы для Морриса, Дарио и других членов зондеркоманды. «Когда они открыли дверь, – говорит Дарио, – я вижу людей, которые полчаса назад заходили [в газовую камеру], вижу, что все они стоят, и некоторые сине-черные от газа. Некуда и ногу поставить. Везде мертвецы. Если закрыть глаза, я опять их вижу: все стоят, женщины с детьми на руках». Зондеркоманда должна была доставать тела из газовой камеры, перевозить их с помощью небольшого подъемника наверх, к печам крематория, на первом этаже. Затем они снова заходили в камеры, неся с собой мощные пожарные рукава, и смывали кровь и экскременты, покрывавшие пол и стены.

Вся эта ужасающая операция иногда проходила под наблюдением всего лишь двух эсэсовцев. Даже когда

количество убийств возросло до предела, его осуществляла всего лишь горстка эсэсовцев. Это, конечно, сводило к минимуму количество немцев, получавших психологические травмы, с которыми сталкивались члены расстрельных команд на востоке. Но от нацистов, следивших за процессом, жалоб на нервный срыв не поступало никогда. Более того: встречались случаи, когда нацисты, похоже, получали от дел рук своих садистское удовольствие. Дарио Габбаи вспоминает одного эсэсовца, который иногда наведывался в крематорий, отбирал семь или восемь красивых девушек и приказывал им раздеться перед зондеркомандой. Затем он стрелял девушкам в грудь или в интимные места, так что несчастные умирали прямо у них на глазах. «Мы тогда ничего не чувствовали, – признается Дарио. – Мы знали, что наши дни тоже сочтены, что в такой среде нам просто не выжить. Но человек ко всему привыкает».

Моррис Венеция вспоминает один поздний вечер в самый разгар венгерской операции. К эсэсовцу подошли три девушки – две сестры и их подруга, и попросили убить их всех одновременно. Эсэсовец «очень обрадовался» такой просьбе, выстроил их друг за другом, достал револьвер и застрелил их одним выстрелом. «Мы тут же забрали тела, – говорит Моррис Венеция, – и бросили их в топку. Но почти сразу же раздались пронзительные крики: первая из трех девушек не погибла, она просто потеряла сознание, ... но немецкий офицер все равно радовался, ведь он убил двух человек одним выстрелом. Животные... Ни один человек не в силах ни поверить в это, ни понять. В такое невозможно поверить. Но мы все это видели своими глазами».

В качестве потрясающего примера того, как сегодняшние свидетельства выживших в точности совпадают с записями тех лет, можно привести соответствие между словами Морриса и Дарио и письмами, написанными другими членами зондеркоманды, – письмами, захороненными в банках неподалеку от крематория. Эти обрывки, обнаруженные после войны, содержат информацию о некоторых самых трогательных моментах истории Освенцима, не в последнюю очередь из-за того, что каждый из успевших запечатлеть на бумаге свою историю, впоследствии был убит. В сохранившейся части одного такого послания, найденного в 1952 году в земле возле развалин крематория номер три, приводятся примеры сексуального садизма наподобие тех, о которых вспоминали Дарио и Моррис: «...или шарфюрер (старший сержант) Форст. Он стоял у входа в раздевалку, когда туда загоняли особенно много людей, и трогал за половые органы абсолютно всех обнаженных молодых женщин, проходивших в газовую камеру. Случалось также, что немцы-эсэсовцы самых разных званий совали пальцы в половые органы симпатичных девушек»⁹. Этот член зондеркоманды также записал слова удивления и укора, которые некоторые евреи бросали им, помогавшим немцам в их страшном деле – один раз недоумение высказал совсем маленький мальчик, не старше восьми лет: «Ты ведь еврей, но отводишь деток в газовую камеру – только ради того, чтобы выжить самому? Неужели жизнь в окружении бандитов тебе дороже, чем жизни стольких бедных евреев?»¹⁰

Пожалуй, самое пронзительное письмо, написанное членом зондеркоманды, – то, которое Хаим Герман адресовал жене и дочери, и которое в феврале 1945 года извлекли из-под груды пепла от сожженных тел, возле одного из крематориев. Он не мог знать наверняка, живы его родные или нет, но все равно просил у жены прощения: «Хоть между нами иногда и возникали мелкие недоразумения, но только теперь я понимаю, как не ценили мы времени проведенного вместе»¹¹. Вот что он говорит о своей жизни в Освенциме: «Здесь совершенно иной мир, его даже можно назвать воплощением ада, вот только ад, изображенный Данте, просто смехотворен по сравнению с местным, настоящим адом. Мы стали его свидетелями, но живыми нам из него не выйти...»¹². Дальше он с большим жаром уверяет жену, что душевно здоров: «Пользуюсь возможностью заверить тебя, что жизнь веду спокойную, а возможно, даже героическую (последнее будет зависеть от обстоятельств)»¹³. Увы, в живых не осталось никаких свидетелей, которые могли бы сообщить нам, сдержал ли Хаим Герман данное жене слово, когда ему пришлось умирать – вскоре после того, как в ноябре 1944 года он закончил свое замечательное письмо.

Многие члены зондеркоманды, включая Дарио и Морриса, знали, что их ближайшие родственники были сожжены в печах крематория, и прекрасно отдавали себе отчет в том, что облегчают нацистам задачу убийства еще многих и многих тысяч. Каждый из них выработал собственный способ не сойти с ума. В случае с Дарио все было просто: он «закрыл» свой разум от того, что происходило вокруг, и «оцепенел», словно «робот»: «Проходит время, и ты уже ничего не знаешь. Ничто тебя не трогает. Поэтому совесть забирается поглубже, и остается там до сегодняшнего дня. Что произошло? Почему мы это делали?» Но в глубине души он понимает, почему продолжал работать в зондеркоманде. Потому что, как бы тяжело тебе ни приходилось, «ты всегда найдешь силы прожить еще один день», ведь жажда жизни слишком «могущественна». Моррис Венеция чувствует еще большую ответственность за свои действия. Он говорит: «Мы тоже превратились в животных... день за днем мы сжигаем мертвые тела, день за днем, день за днем, день за днем. К этому привыкаешь». Когда слышишь пронзительные вопли из газовой камеры, то «начинаешь думать, что стоит убить себя и больше не работать на немцев. Но даже убить себя не так-то легко».

Как видно и из современных свидетельств, и из зарытых писем, зондеркоманды участвовали в процессе убийства практически на всех его этапах; но такое участие становилось особенно активным, когда в крематорий на смерть привозили сравнительно небольшие группы людей. В таких случаях газовые камеры оказывались слишком большими, чтобы убивать «эффективно», и фашисты прибегали к более традиционным методам. «Бывало так, что привозили всего пятьдесят человек, – говорит Дарио, – и нам приходилось тащить их, схватив за уши, а эсэсовцы стреляли им в спину». По его воспоминаниям, в таких случаях «было очень много крови».

Парадоксально, но, хотя в течение рабочего дня членам зондеркоманд приходилось выступать свидетелями описанных ужасов, жили они в довольно неплохих условиях – конечно, по сравнению с остальными заключенными. Моррис и Дарио спали наверху крематория, в кроватях, которые были не такими грязными и в них не так кишели блохи, как на нарах в обычных бараках. По вечерам они сидели на кроватях и делились воспоминаниями о своей прежней жизни, а иногда даже пели греческие песни. Кормили их тоже лучше, чем остальных обитателей Освенцима, а иногда им даже перепадала водка. Такая жизнь была для них возможной потому, что зондеркоманды получали такой же доступ к ценностям, как и заключенные, работавшие в «Канаде». В процессе убийства у них случались кой-какие возможности «организовать» себе вещи.

Именно они должны были собирать одежду, оставшуюся в гардеробной, и они часто находили припрятанные

продукты или ценности: излюбленным тайником для золота и бриллиантов была обувь. Кроме того, во время постыдной процедуры обыска в попытке найти драгоценности, они, подчиняясь приказу, обыскивали и естественные отверстия в трупах тех, кто был удушен газом.

Предполагалось, что все ценности передаются капо, а те, в свою очередь, передадут их эсэсовцам. Но, как и в случае с другими заключенными в «Канаде», члены зондеркоманды могли скрыть часть украденного и попытаться продать его на процветающем черном рынке Освенцима: либо выменять на что-то у заключенных, по самым разным причинам приходившим на территорию крематория, выполняя какую-то работу (например, у пожарников), либо напрямую у эсэсовцев. Таким образом, члены зондеркоманды могли пополнять свой скудный официальный рацион такими деликатесами, как салями, или сигареты, или алкоголь. Миклош Нисли, судмедэксперт и патологоанатом, также оказавшийся среди заключенных Освенцима, вспоминает, как выглядела выставившаяся на торги пища: «Стол ломился от груды самых разнообразных блюд. Здесь было все, что депортированные могли забрать с собой, в неизвестное будущее: разнообразные консервы, желе, несколько видов салями, пирогов и шоколада»¹⁴. Он вспоминает, что «ожидающий нас стол был покрыт тяжелой парчовой скатертью с золотым шитьем; там стояла посуда из тонкого фарфора с вензелями; приборы все были сплошь серебряные – и все это тоже некогда принадлежало депортированным».

Разумеется, даже такая трапеза совершенно не компенсировала ужасов жизни зондеркоманды. И несложно представить – особенно после рассказа Дарио Габбай о том, как он закрывал свой разум и действовал «как робот», – что все чувства зондеркоманды атрофировались в результате тошнотворной ежедневной работы. Но один очень яркий случай в жизни Морриса и Дарио показывает, что это было не так, и в них по-прежнему тлел огонек человечности, который нацистам так и не удалось загасить окончательно. Однажды, летом 1944 года, в группе больных заключенных, которых пригнали в крематорий на расстрел, они увидели своего родственника.

Они понимали, что не могут его спасти – крематории были окружены высокими заборами, – но Моррису хотелось предпринять хоть что-то, чтобы облегчить последние минуты жизни несчастного: «Я подбежал к нему и спросил: “Есть хочешь?” Разумеется, есть хотели все. Все умирали от голода. И он говорит мне: “Да, очень, очень хочу”». Когда он увидел перед собой родственника, ослабевшего от голода, то решил, что стоит рискнуть. Улучив момент, когда капо отвернулся, Моррис помчался наверх, в свою комнату, схватил банку тушенки, открыл ее и ринулся обратно, торопясь угостить близкого человека: «Он проглотил все за минуту – так есть хотел. А потом его убили». Возможно, бег туда-сюда по лестнице с целью предоставить родственнику последнюю трапезу на этом свете и не кажется нам проявлением героизма, но в контексте жизни членов зондеркоманды, влачивших существование в условиях постоянного, колоссального стресса – в условиях ужаса, который можно сравнить с самыми страшными страницами истории, – такой поступок действительно заслуживает подобной оценки.

Тем временем, к концу первой недели июля 1944 года, в Освенцим из Венгрии отправили уже почти 440 тысяч человек, и подавляющее большинство из них были убиты сразу по приезду. А значит, сказки, которые после войны рассказывал Эйхман, – что он якобы очень хотел, чтобы миссия Бранда увенчалась успехом, – в свете этой ужасающей статистики полностью раскрывают свою суть. Ведь поезда стали прибывать в Освенцим до того, как Бранд уехал из Будапешта, и они неумоимо продолжали прибывать все то время, что он пытался заинтересовать западных союзников предложением нацистов.

19 мая, как только самолет приземлился в Турции, Бранд связался с турецким отделением Еврейского агентства, представителями еврейского руководства в Палестине, в отеле «Пера палас» в Стамбуле. Там он торопливо объяснил им суть предложения Эйхмана и поделился сомнениями в том, что британцы согласятся поставить грузовики немцам. Но Бранд считал, что это не будет иметь значения, если только союзники придумают какое-нибудь встречное предложение, просто чтобы затянуть переговоры. К сожалению, Бранд выяснил, что никто из высших чинов Еврейского агентства не сможет с ним встретиться, а отправить телеграмму в Иерусалим считается делом совершенно невыполнимым, и новости приходится доставлять в Палестину по старинке, через гонцов. Это стало началом длительного процесса утраты иллюзий для Йозефа Бранда.

Только 26 мая глава Еврейского агентства в Палестине сообщил британскому дипломату сэру Гарольду Макмайклу о предложении немцев. Однако британцы практически мгновенно отвергли вариант развития событий, разработанный Брандом, поскольку решили, что это внесет раскол между Западными союзниками и Советским Союзом. Британская Комиссия по приему и размещению беженцев, подчинявшаяся военному кабинету министров, собралась 30 мая и пришла к выводу, что предложение Эйхмана представляет собой грубый шантаж, и, следовательно, не может быть принято. Американцы не замедлили занять такую же позицию, и, стараясь как можно быстрее сообщить о происходящем Сталину, уже 9 июня информировали Москву о поступившем от нацистов предложении. Заместитель министра иностранных дел СССР, полностью придерживаясь отведенных временных рамок, 19 июня ответил, что его правительство не считает «допустимым»¹⁵ вести какие-либо переговоры с немцами по данному вопросу.

Тем временем, Бранд и его попутчик Банди Грош оказались под надзором британцев, и теперь основное внимание привлекала именно несуразная фигура Гроша. В середине июня последнего перевели в Каир, где его допрашивали британские разведчики, и озвученная им версия событий вызвала всеобщее удивление. Он заявил, что миссия Бранда представляла собой лишь отвлекающий маневр для миссии самого Гроша. Его, Гроша, отправили на Восток, чтобы он передал приказ Гимmlера поспособствовать встрече на территории нейтрального государства высокопоставленных британских и американских чиновников, а также – двух-трех шишек из СД, собственной разведслужбы Гимmlера. Цель тайной встречи состояла в том, чтобы обсудить отдельный мирный договор с Западными союзниками, после чего, объединившись, вести войну против СССР.

В том мрачном мире, в котором жил Грош – ходили слухи, что он был, по крайней мере, «тройным» агентом и работал на всех, готовых платить (и всех предавал), – совершенно невозможно с точностью указать на истинные мотивы, лежавшие за предложением, которое он сделал британцам в Каире. Но оно действительно исходило

от Гимmlера¹⁶, и совершенно очевидно, что рейхсфюрер СС действительно запускал этот пробный шар в своих интересах. Между собой и Грошем Гимmlер составил достаточный буфер (в виде Клагеса и остальных), и с легкостью отрекся бы от этого предложения, если бы оно перестало быть тайным. Аналогичным образом, если бы Западные союзники решили принять его условия, у Гимmlера появилась бы интригующая возможность либо организовать утечку информации и тем самым внести раздор в отношения Великобритании, США и Советского Союза, либо довести сделку до логического конца.

Разумеется, ни британцы, ни американцы никогда не рассматривали предложение Гроша всерьез, и в свете сегодняшнего дня тяжело поверить, что оно вообще могло прозвучать. Но оно превосходно раскрывает менталитет ведущих деятелей нацистской партии, особенно Гимmlера, в тот решающий момент международного конфликта. Очевидно, он понимал, что война приняла неблагоприятный для Германии поворот, и это обстоятельство сыграло чрезвычайно важную роль в предложении данной сделки; однако не стоит сбрасывать со счетов и сильную идеологическую составляющую. Говоря проще, Гимmlер, как и практически все члены партии нацистов, скорее всего, никогда не мог понять, почему Великобритания и Соединенные Штаты вступили в союз со Сталиным. Нацисты всегда мечтали создать альянс с Великобританией против Советского Союза. С точки зрения Гитлера, Германия должна была стать господствующей державой в континентальной Европе, а Великобритания посредством Британской империи – морской супердержавой. Но в 1940 году Уинстон Черчилль отверг всякую возможность англо-нацистского партнерства. Гнев за провал во внешней политике оказался таким яростным, что он терзал бывших нацистов даже после окончания войны. Несколько лет тому назад бывший член СС, у которого я собирался взять интервью, поприветствовал меня такими словами: «Как такое вообще могло случиться?» Думая, что он говорит об уничтожении евреев, я выразил ему свою радость по поводу такого отношения к военным преступлениям нацистов. «Да я не о том, – отмахнулся он. – Я хочу понять, как могло случиться, что Великобритания и Германия в результате стали сражаться друг против друга? Это настоящая трагедия. Вы потеряли свою Империю, моя страна лежала в руинах, а Сталин захватил Восточную Европу».

Несомненно, именно такие чувства испытывал Гимmlер в конце весны 1944 года. Отчасти он продолжал надеяться на «рациональные» действия Западных союзников, на объединение их усилий с Германией в борьбе со Сталиным. Эта мысль настолько укоренилась в умах ведущих нацистских деятелей, что даже в последние мгновения войны, уже после самоубийства Гитлера, немецкие генералы пытались сдаваться исключительно Западным союзникам, а не Красной Армии. Но нет никаких предпосылок к тому, чтобы считать, будто Гитлер разделял желание Гимmlера заключить сепаратный мир с Западными союзниками весной 1944 года, как и нет никаких доказательств того, что ему вообще было известно о миссии Бранди Гроша. Как политик, Гитлер достаточно реалистично смотрел на вещи, а потому понимал: любой мирный договор, заключенный с позиции слабости, никуда не годится. Следовательно, миссия Бранда отмечает начало раскола между Гитлером и его «верным» Генрихом – и по мере того, как война приближалась к концу, эти расхождения становились отчетливее.

Миссия Бранда-Гроша, возможно, и провалилась, но Западные союзники приняли ряд мер к тому, чтобы не сообщать нацистам непосредственно о своем отрицательном ответе, тем самым позволив продолжаться локальным переговорам на территории Венгрии. В условиях полного молчания со стороны как британцев, так и американцев, жена Бранда, поддерживаемая Рудольфом Кастнером – членом Комитета помощи и спасения, предприняла еще одну попытку убедить Эйхмана продемонстрировать добрую волю в отношении программы «Евреи в обмен на грузовики» и отпустить нескольких венгерских евреев до того, как Западные союзники дадут ответ. Но пока Ханси Бранд и Рудольф Кастнер пытались начать переговоры с Эйхманом, их арестовали: венгерские власти очень хотели знать, что же происходит на их территории, и успели избить задержанных, прежде чем немцы вмешались и добились их освобождения. Бранд и Кастнер ничего не сказали местным властям и продолжили свои попытки убедить Эйхмана сделать жест доброй воли.

Наконец, Эйхман и его коллеги по СС согласились разрешить небольшой группе евреев сесть на поезд, который, как предполагалось, должен был вывезти их с территории Рейха. Основной мотив таких действий СС был достаточно прост: алчность. Цена на билет на этот поезд, которая начиналась с 200 американских долларов (предложение Эйхмана), поднялась до 2000 долларов (требование Бехера) и, наконец, устоялась на 1000 долларах. Комитет, в котором заседал Кастнер, выбрал тех, кто должен был сесть на этот поезд. Основная мысль, по словам Эвы Шпетер¹⁷ – венгерской еврейки, лично знавшей Кастнера, – заключалась в том, чтобы превратить поезд в некое подобие «Ноева ковчега, где должны быть представлены все и вся: молодежные организации, нелегальные мигранты, ортодоксы, ученые, сионисты». Однако «Ноев ковчег» во многих отношениях получился странным: место в нем могли гарантировать личные связи, поскольку еще одним классом представленных в нем людей (и класс этот насчитывал не одну сотню человек) являлись друзья и родственники самого Кастнера из его родного города, Клужа. Отец Эвы Шпетер также состоял в комитете, который решил, что в список пассажиров следует включить ее саму, ее мужа, сына, дядю и дедушку.

Поскольку многие из тех, кого включили в список, не могли заплатить немислимую сумму, запрашиваемую нацистами, несколько мест были проданы богатым венграм, таким образом, профинансировавшим остальных. Это привело к достаточно произвольному распределению мест внутри семей. Например, сама Эва Шпетер, ее муж и сын получили билеты бесплатно, в то время как дядя и дедушка заплатили свою долю. Такое решение кажется тем более нелогичным еще и потому, что муж Эвы (с которого плата за билет не взималась) выложил немалую сумму за билеты других пассажиров: «В то время мой муж был достаточно богатым человеком, и он дал денег моим дяде и дедушке, а все оставшиеся деньги вручил Кастнеру». Ласло Девечери¹⁸ – еще один венгерский еврей, которому удалось получить билет в благодарность за то, что он помог организовать на улице Колумба в Будапеште место сбора для отъезжающих, где они и жили, пока шел отбор кандидатов на отъезд: «Разумеется, все о нем [о поезде] слышали, и все хотели попасть в список, но очень многим пришлось остаться, ведь в Венгрии проживало шестьсот тысяч евреев, а на поезд могли сесть только тысяча шестьсот. Оставшиеся превратили Кастнера в козла отпущения».

После войны действия Кастнера действительно очень сильно критиковали: не только за то, что он посадил на поезд свою семью, но и за то, что не предупредил остальных евреев о том, какая судьба их ожидает. В 1954 году, в Израиле, Кастнер подал иск о клевете против человека по имени Малкиель Грюнвальд; последний обвинил его в «предательстве» остальных евреев; но дело быстро превратилось в расследование поведения самого Кастнера, и в результате судья объявил, что Кастнер виновен в том, что «продал душу сатане». Такое решение суда кажется слишком суровым, особенно учитывая, какому давлению подвергался Кастнер весной и летом 1944 года: ведь ранее он уже доказал свою преданность делу спасения евреев, когда помог многим из них бежать из Словакии. Что же до того, что он не предупредил остальных венгерских евреев, то любая попытка сделать это поставила бы под угрозу срыва любые дальнейшие переговоры с Эйхманом, и, по словам ведущего ученого-специалиста по тому периоду, Кастнер «был не в том положении, чтобы кого-то предупреждать»¹⁹. С другой стороны, как человек он, безусловно, вовсе не был идеален. Во время защиты ему уж точно не помог его склочный характер, а также тот факт, что у него была интрижка с Ханси Бранд, пока мужа последней не было в стране. Для некоторых сторонников ультраправых в Израиле он даже стал своеобразным антигероем, а в 1957 году его убили – незадолго до того, как Верховный суд Израиля пересмотрел приговор, вынесенный ему на первом судебном слушании по поводу дела о клевете.

30 июня 1944 года, после того как эсэсовцам были переданы чемоданы, набитые деньгами и драгоценностями, поезд, полный беженцев, наконец-то, покинул Будапешт; к этому времени Бехер, Клагес и Эйхман оказались соучастниками в вымогательстве. Тем не менее, разумеется, никто не давал гарантий, что все 1684 пассажира не отправятся по накатанной колее в Освенцим. «Мы боялись всегда, – говорит Эва Шпетер, – и, конечно, продолжали бояться, сидя в поезде. Мы никогда не знали, что нам уготовило будущее, но ведь для человека будущее всегда остается неведомым: вот сейчас все нормально, а через пять минут произойдет землетрясение. И это хорошо». Но поезд направился на запад, а не на север, пересек границу с Австрией и, наконец, приблизился к Линцу. Здесь их остановили: по словам немцев, настало время организовать евреям медицинский осмотр и «дезинфицировать всех». Объявление внушило пассажирам настоящий ужас: они заподозрили, что это просто уловка, с помощью которой нацисты хотят отправить всех в газовые камеры. «Я помню, как, обнаженная, стояла перед врачом, – говорит Эва Шпетер, – и гордо смотрела ему в глаза, и думала: пусть, пусть он увидит, что я гордая еврейка, и не боюсь смерти!» Она прошла в душевую, и из крана потекла «еле теплая водичка». «Мы испытали огромное облегчение – ведь мы уже приготовились умереть».

Хотя поезд Кастнера направлялся не в лагерь смерти, его целью не было и пересечение границ Рейха, как обещалось. Вместо этого он направлялся в Германию, в концентрационный лагерь Берген-Бельзен, расположенный в Нижней Саксонии. Берген-Бельзен приобретет дурную славу, когда в апреле 1945 года его освободят войска союзников, и картины ужасающего состояния заключенных облетят весь мир. Но тот Берген-Бельзен, в который прибыли венгерские заключенные, был совсем иным, ведь изначально, в апреле 1943 года, лагерь открывали с необычной целью: здесь должны были содержать тех заключенных, которых нацисты могли в будущем решить депортировать из Рейха.

Ситуация в Берген-Бельзене усложнялась еще и тем, что лагерь был поделен на несколько более мелких лагерей, и условия содержания в них существенно отличались. В так называемом «лагере заключенных», рассчитанном на 500 «обычных» заключенных, которые, собственно, и построили лагерь, условия были ужасающими; в то время как в «звездном лагере», для *Austauschjuden* (т. е. «евреев для обмена»), жизнь – хоть и полная лишений, – была сравнительно лучше. Родственников здесь никто не разлучал, и заключенным даже позволяли носить собственную одежду. Еще мальчиком Шмуэль Хупперт²⁰ вместе с матерью попал в Берген-Бельзен, в качестве потенциальных *Austauschjuden*. Поскольку они оказались среди немногих, обладавших сертификатами из Палестины, дававшими возможность эмигрировать, нацисты сочли их лучшими кандидатами для вероятных обменов заложниками. «Жизнь наша была, в каком-то смысле, приемлемой, – говорит Шмуэль. – Приемлемой в том смысле, что нам выдали три одеяла, так что мы не мерзли, и нас кормили. Не могу сказать, что еды было много, но с голоду не умрешь. Мы не работали. Именно в Берген-Бельзене я научился играть в шахматы, и играю до сих пор. Но самое главное – мы были вместе, меня никогда не разлучали с матерью».

Сама мысль о том, что нацисты могли обдумывать возможность отпустить евреев на Запад, на первый взгляд, полностью противоречит их политике истребления. Но не следует забывать, что пока нацисты не разработали «окончательное решение еврейского вопроса», их излюбленным методом решения мнимой «еврейской проблемы» было ограбить евреев, а потом изгнать с насиженных мест – политика, которую неумоимо претворял в жизнь Адольф Эйхман во время аннексии Австрии в 1938 году. Таким образом, гитлеровской политике «избавления» от евреев совершенно не противоречила попытка потребовать крупный выкуп за самых богатых из них. И хотя до того никто даже не помышлял о такой крупной операции, как «миллион евреев в обмен на 10 тысяч грузовиков», еще в декабре 1942 года Гиммлер получил разрешение от Гитлера на то, чтобы выпускать отдельных евреев за территорию Рейха – за плату.

В июле 1944 года 1684 венгерских еврея из поезда Кастнера с удивлением обнаружили, что лагерь Берген-Бельзен вовсе не так ужасен, как они себе представляли. По воспоминаниям Эвы Шпетер, в лагере даже было нечто вроде «культурной жизни»: силами заключенных организовывались лекции и концерты. Но их все равно преследовал постоянный страх, что нацисты не сдержат своего обещания, и венгров никогда не освободят; этот страх постепенно усиливался по мере того, как шли месяцы, и ситуация в Берген-Бельзене начала ухудшаться. Но подавляющее большинство заключенных все-таки освободили, и своей свободой они были обязаны переговорам, продолжавшимся (в основном через Бехера) с представителями еврейских организаций в Швейцарии. В декабре 1944 года Эва Шпетер с семьей сели в поезд, который, наконец-то, увез их из Берген-Бельзена, прочь от нацистов. «Должна заметить: как только я поняла, что мы уже в Швейцарии, – говорит Эва, – у меня с души упал огромный камень. Швейцарцы приняли нас просто замечательно: нам предоставили махровые полотенца, мыло и горячую воду. Мы словно в рай попали».

Кастнер и Ханси Бранд не могли предсказать судьбу поезда, вышедшего из Будапешта 30 июня, как не могли и предугадать резкий поворот событий, который буквально через несколько дней привел к остановке и полному прекращению депортаций из Венгрии. Дело в том, что чуть больше, чем за неделю до отправления поезда, Западные союзники получили правдивую и подробную информацию обо всех ужасах Освенцима. Сведения об уничтожении евреев были известны и даже публиковались на Западе еще со времен убийств 1941 года. Сам Черчилль открыто высказался о нацистской политике массовых убийств, а польское правительство в изгнании, в Лондоне, в мае 1941 года проинформировало правительства стран-союзниц о существовании Освенцима как концентрационного лагеря для поляков, и о проведении в нем массовых казней. В июле 1942 года²¹ польское периодическое издание *Polish Fortnightly*, выходящее в Лондоне, опубликовало перечень из 22 лагерей, включая Освенцим, где нацисты творили свои зверства. А 17 декабря Энтони Иден, министр иностранных дел Великобритании, произнес в парламенте речь, в которой осудил действия фашистов, включая убийства евреев. Когда он замолчал, парламентарии встали и почтили память погибших минутой молчания. В послании, отправленном в марте 1943 года польским Сопротивлением, также говорилось об Освенциме как об одном из тех мест, где убивали евреев, а 1 июня того же года²² лондонская газета *Times* опубликовала статью, посвященную «Зверствам нацистов в отношении евреев» в Освенциме.

Союзники получили гораздо более подробную информацию об Освенциме, когда в январе 1944 года в Лондон было доставлено донесение польского агента по кличке Ванда²³. В нем утверждалось, что «женщин и детей сажают в легковые и грузовые автомобили и отвозят в газовые камеры в [Освенцим-Биркенау]. Там их в течение десяти-пятнадцати минут травят газом, они задыхаются и погибают в страшных муках»²⁴. Дальше в сообщении говорилось о том, что нацисты «ежедневно убивают десять тысяч человек в трех больших крематориях», и что в лагере уже уничтожили почти 650 тысяч евреев. Поскольку многие документы, относящиеся к этим событиям, еще не систематизированы, мы можем только предположить, по каким причинам донесение Ванды не вызвало практически никакой реакции. Частично отсутствие реакции можно списать на сложность структуры Освенцима, на множественность его функций, как концентрационного и лагеря смерти одновременно, и на трудности с интерпретацией этих самых функций. Но возможно, учитывая непродолжительные споры о том, стоит ли сбрасывать на Освенцим бомбы, для Западных союзников существование Освенцима было, фактически, второстепенным вопросом, отвлекавшим их от главной, как они считали, задачи: победы над немцами.

Информация об Освенциме уже должна была вот-вот достичь нового уровня детализации благодаря действиям четырех заключенных. Двое из них, Рудольф Врба и Альфред Ветцлер, сумели бежать из Освенцима в апреле 1944 года, а еще двое, Арношт Росин и Чеслав Мордович, – в мае. Когда они добрались до близлежащей Словакии, информация, которую они сообщили, была проанализирована и легла в основу так называемых «Освенцимских протоколов». Сам Кастнер получил черновой экземпляр доклада, основанный на свидетельствах первых двух беглецов, когда посетил Словакию 28 апреля, но он предпочел не оглашать его содержание – возможно, опасаясь, что это повредит переговорам с Эйхманом. И только в июне «Освенцимские протоколы», наконец, появились на Западе. 18 июня радиовещательная компания «Би-Би-Си» выпустила в эфир новости об Освенциме, а 20 июня газета *New York Times* опубликовала первые три рассказа о лагере, сообщая о существовании «газовых камер в печально известных немецких концентрационных лагерях Биркенау и Освенцим»²⁵.

Однако в июне-июле 1944 года известия о массовых убийствах, происходящих в Освенциме, несомненно, привели к определенным изменениям в политическом курсе – со стороны стран оси. На пике массовых депортаций венгерских евреев были проведены многочисленные акции протеста, содержавшие обращение к адмиралу Хорти – главе венгерского государства. Даже Папа Пий XII, который во время войны так публично и не осудил уничтожение евреев, в результате чего подвергся критике, обратился к Хорти с просьбой остановить депортации (Ватикан получил информацию об ужасах Освенцима в мае, из докладов беглецов). Президент США Рузвельт и король Швеции, практически одновременно, обратились к Хорти с аналогичной просьбой. Наконец, 26 июня Рихард Лихтхайм, член Еврейского агентства в Женеве, отправил в Англию телеграмму, содержащую информацию об «Освенцимских протоколах», и призвал Союзников считать отдельных членов венгерского правительства ответственными за данное преступление. Телеграмму в начале июля перехватили венгерские власти и показали ее премьер-министру, Деме Стояи, а содержание передали Хорти.

Для 76-летнего венгерского лидера это оказалось чересчур. В 1940 году, думая, что немцы выиграют войну, он их поддержал; в 1943, думая, что они проиграют войну, он робко попытался сблизиться с Западными союзниками; в марте 1944 года он вновь вступил в партнерские отношения с Гитлером и остался у власти после того, как немецкие войска оккупировали страну; теперь, перед лицом угрозы личного возмездия, этот флюгер в человеческом обличье снова поменял курс и сообщил немцам о том, что депортацию венгерских евреев необходимо остановить. Используя поддержку венгерских войск в столице, Хорти воплотил свое решение в жизнь, и 8 июля официальная депортация евреев прекратилась.

Хорти бросил вызов немцам в тот момент, когда их положение значительно ослабло: июнь 1944 года стал катастрофическим месяцем в судьбе нацистской Германии. 6 июня войска Западных союзников высадились на пляжах Нормандии, и к началу июля уже стало ясно, что их не удастся оттеснить обратно в море, невзирая на прогнозы Гитлера. Тем временем, 22 июня Советский Союз начал операцию «Багратион» – крупномасштабную наступательную операцию против германской группы армий «Центр» в Белоруссии. Это событие, в отличие от «Дня Д», дня начала операции союзных войск в Нормандии, не получившее должного места в массовом сознании жителей Запады, стало куда более существенным моментом для Хорти, который правил страной в самом сердце Европы. Немцы в отчаянной попытке воспрепятствовать высадке сил Западных союзников бросили в Нормандию 30 дивизий, одновременно с этим выдвинув 165 дивизий против сил Красной Армии – и все равно отступали. Советским войскам могло понадобиться всего лишь несколько месяцев на то, чтобы встать у ворот Будапешта. И Хорти, как до него Вернер Бест в Дании, понял: настало время обеспечить себе оправдание.

Было и еще одно последствие того, что подробная информация об истинном характере Освенцима попала на Запад. Речь идет о вызывающем противоречия вопросе, все еще время от времени всплывающем во время дебатов: призыве подвергнуть лагерь бомбардировке. В июне 1944 года Комитет по делам беженцев в Вашингтоне получил просьбу от Якоба Розенхайма из «Агудат Исраэль», всемирного еврейского религиозного движения ортодоксальных евреев, объединенного в политическую партию, подвергнуть бомбардировке железнодорожные пути, ведущие в Освенцим. Шесть дней спустя Джон Пель, глава Комитета по делам беженцев, передал эту просьбу заместителю министра обороны США Джону Макклою. Однако Пель добавил при этом, что у него есть «некоторые сомнения»²⁶ в отношении выполнимости такой просьбы. 26 июня Макклой отверг предложение и как непрактичное, и как требующее использования бомбардировщиков, задействованных в «решающих операциях»²⁷ в других местах.

Еще одна телеграмма была получена в Вашингтоне 24 июня, на сей раз от Всемирного еврейского конгресса в Женеве через Комитет по делам беженцев в Швейцарии. В ней, помимо всего прочего, заключался призыв разбомбить газовые камеры. 4 июля Макклой отклонил и этот призыв, приведя те же самые причины, что и в ответном письме 26 июня. Интересно, что в докладной записке, адресованной Макклою в то же время (ее автором являлся его подчиненный полковник Герхард), есть такая фраза: «Я помню, вы велели мне “разгромить” эту идею...»²⁸. Можно, по крайней мере, предположить, что идею с бомбардировками отбросили сразу же, даже не обсудив.

Просьбы о бомбардировке Освенцима поступали и в Лондон. 7 июля Черчилль, услышав о таких просьбах, написал своему министру иностранных дел Энтони Идену знаменитые слова: «Выжми из ВВС все, что сможешь, и при необходимости ссылайся на меня»²⁹. Министерство ВВС исследовало различные возможности осуществления бомбардировок, и сэр Арчибальд Синклер, государственный секретарь по вопросам авиации, 15 июля написал ответ, где дал решительный отказ. Он указал Идену на то, что британская бомбардировочная авиация просто не в состоянии покрыть такое колоссальное расстояние за одну ночь – а британцы специализировались именно на ночных бомбардировках. Днем бомбардировки проводили только американцы, и потому он предложил обратиться к ним. Еще он предложил, чтобы американцы, одновременно с бомбардировкой крематориев, сбросили оружие, в надежде спровоцировать массовый прорыв заключенных. Как бы там ни было, из письма явственно следует, что Синклер хотел спихнуть ответственность за всю операцию на ВВС Соединенных Штатов. Когда вскоре после обмена письмами Министерство ВВС Великобритании посетил американский генерал Спаатс, ему озвучили это предложение. Генерал заявил о необходимости предварительно провести воздушную разведку лагеря. Его пожелание передали в Министерство иностранных дел, где и положили под сукно.

Вопрос о бомбардировке Освенцима еще не раз поднимался тем летом, и в августе заместитель министра обороны США Джон Макклой в очередной раз отверг мольбы Всемирного еврейского конгресса о вмешательстве США. В Великобритании сотрудник Министерства иностранных дел предложил составить внутреннюю докладную записку, в которой бы указывалось, что, какие бы практические трудности ни вставали на пути осуществления бомбардировок Освенцима, дело было не в них, а в «причинах политического характера»³⁰. Практически не вызывает сомнений предположение, что речь шла о «волне» смещенных лиц еврейской национальности, которая после войны хлынет в Палестину, находившуюся под протекторатом Великобритании.

И потому по обе стороны Атлантики было принято решение не бомбардировать Освенцим. Но, что еще важнее, было принято решение даже не рассматривать возможность бомбардировок Освенцима. Не было проведено ни тщательной воздушной разведки лагеря, ни проверки технической возможности осуществления операции, ни каких-либо доскональных исследований в плане оценки различных вариантов. Неизбежно создается впечатление о том, что внимание обоих правительств было сосредоточено на иных вопросах (за единственным исключением, возможно, Уинстона Черчилля, хотя даже он больше не стал возвращаться к этому вопросу после письма, в котором требовал «выжать из ВВС все, что можно»). Конечно, и у британцев, и у американцев в июле 1944 года забот хватало: неусыпного внимания требовало продвижение войск союзников по территории Нормандии. Красная Армия уже стояла у ворот Варшавы, а польская Армия Крайова взывала о помощи. А 20 июля на Адольфа Гитлера было совершено покушение – прямо в его главной ставке в Восточной Пруссии. У военно-воздушных сил Западных союзников был целый ряд приоритетов примерно одинаковой степени важности, и нетрудно заметить, как и в Лондоне, и в Вашингтоне постепенно укрепились в позиции, что лучший способ уничтожить Освенцим – игнорировать лагерь как таковой, а все усилия бросить на то, чтобы одержать победу в войне на суше. Все вышесказанное соответствует действительности, однако мотив, лежащий за отказом прислушаться к призывам сбросить бомбы на лагерь, похоже, носит куда менее привлекательный характер: и отсутствие должного внимания, и пренебрежительный тон в некоторых документах, – все это создает устойчивое впечатление, что никто серьезно не задавался целью организовать бомбардировку Освенцима.

Официальные лица, с такой легкостью отмахнувшиеся от призывов сбросить бомбы на Освенцим, несомненно, были бы поражены тем, какая солидная академическая база наработана по этому вопросу на сегодняшний день. Данный вопрос пустил настолько глубокие корни в общественном сознании, что один ученый, обращаясь к еврейской аудитории, говорит о том, что «многие убеждены: бомбардировка лагеря спасла бы значительную часть из шести миллионов погибших евреев»³¹. Вопрос о бомбардировках стал чем-то большим, чем простое обсуждение целесообразности, и даже приобрел определенную символичность – доказательство того, что Западные союзники могли бы предотвратить гибель евреев, но предпочли этого не делать. Вот почему данный вопрос требует тщательного и взвешенного анализа, чтобы предотвратить возникновение и распространение нового мифа о том, что «многие из этих шести миллионов» действительно могли бы быть спасены благодаря бомбардировкам.

Разумеется, проверить целесообразность бомбардировки Освенцима авиацией Союзников невозможно по простой причине: бомбардировки не проводили. Таким образом, мы оказываемся на территории контрфактуальной, или альтернативной, истории – то есть, на территории, на которой мало что можно утверждать наверняка. Хотя, похоже, существует общее экспертное мнение о том, что бомбардировка железнодорожных путей к Освенциму

ничего не дала бы, ведь нацисты просто перевели бы поезда на другую ветку, а старую быстро отремонтировали бы, – однако в отношении бомбардировки собственно газовых камер такого единодушия нет. В результате появляются многочисленные страстные статьи, в которых перечисляются подробности невероятной трудности совершения воздушного налета с использованием либо самолетов ВВС США «Боинг В-17», либо В-24, либо легковооруженных британских «Москито»³². В то же время другие публикации категорически опровергают существование технических препятствий и выдвигают версию о том, что бомбардировки вполне могли разрушить крематории целиком³³. Как и в большинстве случаев с контрфактуальной историей, определенного ответа здесь быть не может.

Но, к счастью, один проход через этот лабиринт все же существует – по крайней мере, если принять во внимание момент времени, в который звучали самые страстные и настойчивые мольбы к Западным союзникам провести бомбардировки лагеря. Если учесть время доставки «Освенцимских протоколов» Западным союзникам, а также решения Хорти о прекращении депортации венгерских евреев в Освенцим, достаточно логичным кажется предположение о том, что бомбардировка ни самого лагеря, ни железнодорожных путей к нему не смогли бы предотвратить гибель венгерских евреев. Дело в том, что подробная информация слишком поздно дошла до союзников (например, депортации из Венгрии официально прекратились 9 июля, а британский министр военно-воздушных сил дал отрицательный ответ Идену на предложение сбросить бомбы на Освенцим 15 июля).

Еще одна грань этого чрезвычайно сложного вопроса, к которой можно подойти почти с той же степенью уверенности, – как могла повлиять бомбардировка на пропускную способность крематориев. В протоколах Освенцима содержатся подробные описания расположения четырех главных крематориев на плане лагеря. Но даже если бы они подверглись дерзкому налету при свете дня, даже если бы бомбы были сброшены с ювелирной точностью, и даже если бы эти машины смерти были уничтожены целиком и полностью, – нацисты все равно смогли бы продолжать убийства в газовых камерах в другом месте на территории Освенцима. Что очень важно: расположение «Белого домика» и «Красного домика» в протоколах Освенцима указано не было, а они обеспечивали всю необходимую пропускную способность лагеря. После окончания операции в Венгрии Освенцим использовал свой убийственный потенциал по уничтожению людей не на полную мощность.

Вместо ежедневного убийства 10 тысяч человек (в условиях максимальной загруженности) крематории перешли на несравнимо меньшее количество – в 1500 человек в день и менее³⁴, и эта цифра сохранялась вплоть до ноября и окончательного закрытия крематориев. Следовательно, можно прийти к такому выводу: бомбардировки лагеря, будь они осуществлены в ответ на многочисленные просьбы летом 1944 года, не только не спасли бы «многих» из «шести миллионов погибших» – они не спасли бы вообще никого. Более того: в связи с сопутствующими разрушениями бараков, расположенных в считанных метрах от крематориев, в результате налета могли погибнуть те самые заключенные, освободить которых и был призван данный налет.

Это, разумеется, доводы рассудка, но никак не эмоции. А поскольку значительная часть споров по данному вопросу ведется именно на эмоциональном уровне, такой вывод окажется совершенно неудовлетворительным для тех, кто предпочитает верить, что Западные союзники могли сделать куда больше для спасения узников. Может, и могли. Возможно, если бы с самолетов, к примеру, сбросили оружие, это послужило бы стимулом к бунту. Хотя последнее кажется слишком уж невероятным в силу того, что изнуренные голодом заключенные вряд ли смогли бы совершенно неожиданно, без какой-либо подготовки организовать восстание против эсэсовцев на вышках, вооруженных пулеметами и находящиеся под защитой заборов из колючей проволоки, по которой пропущен электрический ток. Но наверняка мы этого никогда не узнаем: ставя вопрос таким образом, мы снова оказываемся на бесконечной спирали «а что, если», уводящей нас в мир предположений.

Споры о возможной бомбардировке Освенцима носят такой жаркий характер потому, что за ней скрывается более широкий и более глобальный вопрос: разве не следовало предпринять больше усилий для того, чтобы спасти евреев? Британское правительство, например, уже к началу 1943 года совершенно точно знало о существовании нацистской кампании систематического уничтожения евреев – знало даже названия лагерей «Операции Рейнхард», общее количество смертей в каждом из них. Но, несмотря на мольбы членов парламента, таких как Элеонор Рэтбоун, о смягчении ограничений на иммиграцию, что позволило бы большому количеству евреев из Болгарии, Венгрии и Румынии получить право эмигрировать в безопасные страны, британское правительство оставалось неумолимым. В феврале 1943 года Энтони Иден, в ответ на аналогичную мольбу от члена парламента Уильяма Брана, отметил следующее: «Единственный по-настоящему действенный способ помочь измученным евреям (а также, должен добавить, другим страдающим народам Европы) – победа Союзников»³⁵.

Несколько недель спустя, в марте 1943 года, во время обсуждения ситуации в Вашингтоне глава британского МИДа Иден отметил, что важно «ни в коем случае не торопиться с предложением вывезти всех евреев из страны», и добавил: «если мы их вывезем, то все евреи мира потребуют от нас приложить аналогичные усилия в Польше и Германии. Гитлер вполне может поймать нас на слове, а во всем мире не хватит судов и других транспортных средств, чтобы осуществить это»³⁶. (Странно слышать такое утверждение: ведь за последние три года войны удалось найти достаточно транспортных средств для того, чтобы переправить через Атлантику больше 400 тысяч немецких и итальянских военнопленных)³⁷. В своей речи во время дебатов в Палате общин 19 мая 1943 года Элеонор Рэтбоун жестоко раскритиковала бездействие Союзников: «Если бы кровь тех, кто погиб за время этой войны, потекла по улице Уайтхолл, ее поток поднялся бы так высоко, что затопил бы все мрачные здания, в которых заседают наши правители»³⁸.

И хотя мы не можем знать наверняка, что произошло бы, если бы Западные союзники сняли ограничения иммиграции для евреев, которым грозила смерть, в одном с госпожой Рэтбоун трудно не согласиться: Союзники могли бы приложить гораздо больше усилий, чтобы помочь евреям. Следовательно, вероятно, современные дебаты на эту тему были бы более плодотворными, если бы сосредоточились не столько на бомбардировке Освенцима, сколько на, несомненно, более сложном вопросе – иммиграционной политике Западных союзников времен войны.

Тем временем, окончание депортации венгерских евреев вызвало определенные последствия и в Будапеште, где кипел от злости Эйхман, и в Освенциме, где резервные мощности газовых камер давали возможность осуществить план полной ликвидации населения целой секции Биркенау: цыганского лагеря. Эта особая часть Биркенау с февраля 1943 года использовалась для размещения до 23 тысяч цыган (максимальное количество) – мужчин и женщин. Им позволили жить семьями и носить собственную одежду; кроме того, волосы им не сбривали. Но условия в цыганском лагере скоро стали худшими во всем Освенциме. Перенаселение, в сочетании с нехваткой еды и воды, создавало превосходные условия для распространения болезней, особенно сыпного тифа и кожного заболевания «влажная гангрена», что привело к гибели многих тысяч человек. В целом, из 23 тысяч цыган, отправленных в Освенцим, в лагере умерла 21 тысяча: от болезней, голода или в газовых камерах, когда цыганский лагерь, в конце концов, ликвидировали.

Нацисты считали цыган расово опасными и «асоциальными», хотели избавиться от них, и потому, в процентном отношении, цыгане пострадали сильнее, чем любая другая этническая группа времен Третьего рейха, за исключением евреев. Статистически точных данных о том, сколько именно цыган убили нацисты, нет, но считается, что это количество составляет от четверти миллиона до полумиллиона человек. Однако нацисты были непоследовательными в осуществлении антицыганской политики; в Советском Союзе нацистские расстрельные отряды убивали цыган наряду с евреями; в Румынии не предпринималось целенаправленных мер против цыган как народа (хотя они все равно умирали тысячами в результате плохого обращения). В Польше большинство цыган отправили в концентрационные лагеря; в Словакии политика гонений осуществлялась неравномерно; из самой Германии многих цыган сначала депортировали в польские гетто – 5 тысяч человек отправили в Лодзь, и они оказались в числе первых погибших в душегубках города Хелмно в январе 1942 года.

Нацисты считали одной из самых больших «опасностей» для Германии переход расовых особенностей цыган в «арийское» население через цыган так называемой *Mischlinge* (смешанной крови), и ничто не иллюстрирует искаженную чувствительность нацистов в этом отношении так же ярко, как история восьмилетней Эльзе Бакер³⁹, очутившейся в цыганском лагере Биркенау летом 1944 года. Еще в начале того года она счастливо жила с семьей в Гамбурге. Хотя жизнь во время войны была тяжелой, девочка находилась в полной безопасности в кругу родных – или, по крайней мере, считала себя в безопасности. Но однажды ночью, в начале 1944 года, в их дверь постучали, и в дом вошли несколько незнакомцев, представившихся работниками гестапо. Они заявили, что прибыли за Эльзе и намерены отвести ее к «настоящей» матери. Прямо на глазах ошеломленных родителей ее выволокли из дома, в темноту, и отвели на склад возле порта, набитый цыганами – по ее воспоминаниям, многие из них были одеты кое-как и не причесаны. Эльзе, которую мать одела в лучшее платье, стояла и рассматривала цыган, постепенно впадая в оцепенение. Только со временем она выяснила, что ее усыновили, и что ее «настоящая» мать была наполовину цыганкой. Мужчина и женщина, которых она всегда считала своими мамой и папой, на самом деле были ее приемными родителями, воспитывавшими ее с тех пор, как ей исполнилось десять месяцев.

Эльзе, вместе с остальными цыганами, посадили в товарняк и отправили в Освенцим. Она помнит, как в Биркенау ее отвели в «баню» и велели раздеться и принять душ. После душа она попыталась найти свою одежду в общей куче, но не смогла, а брат чужую ей не позволяло воспитание. И потому она, голая, стояла в одиночестве, в то время как цыганские семьи вокруг нее одевались, стараясь выбрать себе вещи получше. Наконец, когда на цементном полу перед Эльзой осталось пять или шесть предметов одежды, одна из женщин сказала ей: «Хватай, что придется». И вот, прибыв сюда в лучшем воскресном платье, в многочисленных одежках, чтобы не замерзнуть, недолгое время спустя она оказалась в одной лишь паре поношенных штанишек и старом, тонком летнем платье.

Во мраке переполненного барака, в окружении цыганских семей, эта восьмилетняя девочка постепенно оцепенела от шока. Не произнося ни слова, не плача – вокруг не было никого, кто бы откликнулся на ее слезы, – девочка застыла посреди людского болота, каждый член которого, казалось, преследовал свой интерес. И тут ей неожиданно улыбнулась удача, почти наверняка спасшая ей жизнь. Одна из капо блока, женщина по имени Ванда, сожалелась над девочкой и отвела ее в соседний барак. Там Ванда позволила Эльзе поселиться в отдельной комнатке, где жила сама капо, и спать рядом с ней на покрытом коврикком столе, где «было в сто раз лучше, чем в бараке». Большую часть времени жизнь Эльзе в лагере текла в русле вынужденного безделья. Каждый день она шла в северную часть цыганского лагеря, где колючая проволока отделяла его от железной дороги, и смотрела, как прибывают все новые и новые поезда.

Она видела, как колонны людей – «большинство в красивой одежде» – шли по направлению к тому, что, как она позже выяснила, было крематорием. Это были венгерские евреи, приговоренные к смерти, хотя тогда она этого и не знала. В отсутствие поездов, когда смотреть через забор было не на что, Эльзе «играла» со своей единственной игрушкой – линзой от очков, которую нашла на земле. Она собирала в кучку сухую траву и ловила солнечные лучи линзой, держа ее над травой до тех пор, пока та не загоралась.

Прошло несколько недель, когда Ванда сказала Эльзе: «Больше ты не можешь жить со мной», – и исчезла. «Я была потрясена, – вспоминает Эльзе, – ведь я опять осталась совершенно одна. Я снова словно оцепенела, и мой потрясенный ум практически перестал воспринимать происходящее... все пошло кувырком, наперекосяк... все в таком роде». Эльзе помнит, как ее вновь поместили в один из главных барачных блоков, но там находилось уже не так много людей. Обитателей лагеря рассортировали, и многие из цыган жили теперь в другой части лагеря. Потом отключили воду, и всем велели возвратиться в барак. В ту ночь было «очень шумно – я слышала громкие крики. Таких криков я не слышала еще никогда». Какое именно злодеяние совершалось снаружи, установить невозможно. Шум мог быть вызван любым обычным действием в лагере, возможно даже – приготовлениями СС к ликвидации цыганского лагеря, запланированной на ближайшее время. Эльзе вошла в 1400 цыган, которых решили не подвергать ужасам той ночи, а перевезти в другой концентрационный лагерь. Документы Освенцима свидетельствуют о том, что Эльзе, зарегистрированная как «цыганка номер 10540», покинула Освенцим 1 августа 1944 года.

То, что пришлось пережить Эльзе, не сумел бы придумать и писатель с самым богатым воображением. Только представьте себе. Восемилетнюю девочку, которую воспитывали как немку, забирают у любящих родителей; сообщают ей, что ее удочерили и что на самом деле она – цыганка, увозят в Освенцим, где бросают на произвол судьбы, пока ее не берет под свою опеку капо. Потом ее снова бросают на произвол судьбы, после чего она оказывается в темных бараках, в окружении чужих людей, в то время как снаружи происходят ужасные злодеяния, и буквально на следующий же день ее переправляют в другой концентрационный лагерь. Неудивительно, что, по словам Эльзе, из-за всего пережитого «можно повредиться в уме на всю оставшуюся жизнь. Я могу сказать это с полной уверенностью. Повредиться в уме».

На следующий день после того, как Эльзе покинула Освенцим, в ночь на 2 августа 1944 года, цыганский лагерь был ликвидирован. Многие описывают ужасные события, произошедшие во время зачистки лагеря. Одним из свидетелей был Владислав Шмит40. Он был цыган, но нацисты перепутали его с польским политическим заключенным и поместили в Биркенау в зоне, соседствовавшей с цыганским лагерем, где находились многие его родственники. В ночь на 2 августа он видел, как цыганских детей швырнули о стенки грузовиков, а затем слышал автоматные очереди и pistolетные выстрелы. Он видел, как цыгане сражались, используя все, что попадалось под руку, даже ложки или ножи, но восстание быстро подавили. «Я завопил, – говорит он. – Я понимал, что их сейчас всех убьют. Что это конец. Наверное, в мире нет ничего ужаснее этого ощущения». Той ночью 2897 цыган отвели в крематории и отравили газом. Тела многих погибших сжигали в открытых ямах недалеко от места убийства.

Тем временем, Эльзе отвезли в концентрационный лагерь Равенсбрюк, к северу от Берлина. Здесь она прожила еще несколько недель, перенесла еще более страшные лишения, и впала в почти коматозное состояние. Спасение пришло однажды утром, в сентябре 1944, когда капо ее блока, полька, позвала ее по имени. Эльзе отвели в административный блок и внезапно сказали: «Тебя освободят». Ей приказали принять душ, первый со дня прибытия в Освенцим. Потом, голую, ее отвели в комнату, где лежали целые кипы одежды. Она замерла, «слишком напуганная или потрясенная, чтобы что-то предпринимать – голая, мокрая и испуганно вращающая головой, наверное, ожидая наказание за то, что вообще нахожусь здесь, ведь меня уже били раньше, хоть я ничего плохого и не делала». Только когда прошло уже какое-то время, а девочка так и не выходила, в комнату вошла какая-то женщина и помогла ей одеться. Потом Эльзе стояла в ожидании в каком-то кабинете административного блока, пока туда не провели ее приемного отца. Когда Эльзе его увидела, все ее тело «онемело»: «Я вся онемела и ничего не чувствовала. Если бы мне сказали: “Господь Всемогущий пришел сюда, чтобы повидаться с тобой”, – на меня это не произвело бы совершенно никакого впечатления». Прежде чем Эльзе отпустили, ее заставили подписать документ – это была стандартная практика для заключенных, покидающих концентрационный лагерь, – в котором она обещала не обнаруживать, где была и через что прошла. «Мне не пришлось ставить крестик, потому что я умела писать, – говорит Эльзе. – И я думаю, это первая в жизни подпись, которую я поставила на документе».

Затем Эльзе вместе с отчимом села на поезд, отправлявшийся в Гамбург. В их вагоне ехал немецкий офицер, и Эльзе помнит, как ее отец рассказал ему об аресте своей приемной дочери и ее жизни в тюрьме, и все из-за того, что ее бабушка была цыганкой: «И он поднял мою юбку и показал ему мои ноги, покрытые большими язвами, и сказал: “Вот за что вы сражаетесь на фронте”». Ответа офицера она не помнит. Но зато прекрасно помнит, что когда вернулась домой, ее старшая сестра приготовила ей пирог из картофельного пюре (сахар выдавался по норме), сварила несколько морковок и воткнула их в пирог, словно свечи. А затем, после полугодичного отсутствия, Эльзе вернулась в школу, снова делая вид, что она обычная восьмилетняя немецкая девочка.

Никто не знает наверняка, почему ее освободили. Все документы, которые могли бы пролить свет на эту тайну, были уничтожены гестапо в конце войны. Возможно, заявления ее приемного отца о том, что Эльзе полностью ассимилировалась в немецкое общество, наконец-то, дошли до вельможи местных нацистских властей. Он даже в тот год вступил в нацистскую партию, чтобы продемонстрировать лояльность к власти, и возможно, именно последнее склонило чашу весов в его пользу. Но нам точно известно, что получилось в результате мытарств Эльзе: человек, претерпевший серьезную деформацию психики из-за жизни в ожившем кошмаре в течение шести месяцев. «Человеческая порочность не имеет дна, – говорит Эльзе Бакер. – И так будет всегда. Мне жаль признаваться в этом, но в результате приобретенного опыта у меня сформировался чрезвычайно циничный взгляд на жизнь».

Ужасная история Эльзе Бакер служит иллюстрацией наиболее страшных сторон жизни в Освенциме: это и неожиданная жестокость, и непредсказуемость поведения, и преднамеренная бессердечность. Но, пожалуй, прежде всего, эта история демонстрирует, какую огромную роль играли межличностные отношения в возможности выжить – и сделать жизнь достойной того, чтобы за нее бороться. В случае Эльзе трудно вообразить, как она смогла бы выжить в Освенциме без помощи Ванды. Это слишком хорошо поняла и Алиса Лок Кахана, очутившаяся в Освенциме-Биркенау примерно в то же время, что и Эльзе. Ее любовь к сестре Эдит заставила ее сильно рисковать – и все ради того, чтобы в лагере они были вместе. Но в то лето возникла еще одна проблема. Эдит заболела тифом, и ее перевели в больничный барак. Для нее такой поворот событий мог оказаться смертельным: не только из-за нехватки надлежащей медицинской помощи, но и потому, что заболевших регулярно сортировали и многих в результате отправляли прямоком в газовые камеры. Однако Алиса готова была пойти на все ради того, чтобы Эдит выжила, и регулярно навещала сестру. Чтобы получить доступ в больницу, ей пришлось отдавать капо свою хлебную пайку, и к тому же, помогать той выносить из барака тела заключенных, не доживших до утра. «Мне было пятнадцать лет, – говорит Алиса, – и до того времени мне не доводилось видеть мертвецов. Я думала: «Вот люди, которые еще вчера были живы, и могли разговаривать и ходить, а я сваливаю их в кучу». Процедура вселяла в меня ужас, но я должна была ее выполнять, чтобы повидаться с Эдит, зайти к ней хоть на минутку».

Как человек, регулярно заходящий в лазарет, Алиса пользовалась большим спросом: все больные заключенные хотели узнать, что происходит снаружи, в лагере. Они дергали Алису за рукав, когда она шла по барраку, чтобы навестить сестру, и взволнованно спрашивали: «Что там? Есть новости?» Погружаясь в темную, наполненную болезнями атмосферу лазарета, где царил стойкий запах испражнений и разложения, слушая предсмертные стоны,

Алиса пыталась предложить несчастным хоть какое-то утешение: «Я научилась придумывать сказки – о том, что война скоро закончится. “Держитесь, – говорила я, – уже очень скоро мы вернемся домой”». Но Алиса понимала, что все это ложь – прежде всего потому, что замечала немислимую скорость, с которой люди «исчезали» из лазарета, умирая или прямо на койках, или в газовой камере. И потому она решила: больна Эдит или нет, ее нужно вывести из лазарета. Алиса сказала сестре: «Если ты согласишься, я вынесу тебя отсюда, будто ты умерла, и мы вернемся в наш барак». На следующий день Эдит притворилась мертвой, и Алиса вынесла ее из лазарета вместе с теми, кто действительно не пережил очередную ночь. Когда они оказались снаружи, Алиса помогла спотыкающейся сестре пробраться через весь Биркенау, и они вернулись в свой старый барак.

Но заботиться о больной сестре за пределами лазарета в бараке, где, как предполагалось, жили «здоровые» женщины, оказалось еще сложнее. «Каждый день людей сортировали, – говорит Алиса, и [сортировки] были такие серьезные и такие страшные!» Во время сортировок женщинам часто приходилось выстраиваться в шеренгу перед безукоризненно одетым доктором Йозефом Менгеле. «К тому времени мы все уже завшивели, – вспоминает Алиса, – и это было так ужасно... так ужасно! Нет большего унижения, чем чувствовать, как по всему твоему телу ползают вши. Они в волосах, в одежде – повсюду, куда ни глянь, ползают насекомые. А смыть их нельзя. Потому что нет воды».

Однажды Алиса и ее сестра оказались среди отобранных – но их просто перевели в другой барак. И именно здесь, в Биркенау, Алиса совершенно невероятным образом спаслась от смерти. Уже наступил октябрь 1944 года, и поскольку холодало, капо их блока объявила, что подростки должны выйти вперед и получить дополнительную одежду. И Алиса решила присоединиться к этой «детской» группе и получить одежду, которая согреет Эдит, защитит ее предстоящей суровой польской зимой: «И мы пошли. Нас отвели к красивому зданию с цветами на окнах. Мы вошли внутрь, и женщина в форме СС сказала нам: «Аккуратно сложите свою одежду на пол, вот здесь». И нас отвели в другую комнату – голыми». Алиса и остальные сидели в комнате и ждали, думая, что их сначала отгонят в душ, прежде чем дать им обещанную новую одежду: «Это была большая комната, окрашенная в серый цвет. И очень мрачная, потому что когда за нами закрыли дверь, помещение практически погрузилось в темноту. И мы сидели, ждали и дрожали. Ждали, и ждали, и ждали». Неожиданно дверь распахнулась, и женщина в эсэсовской форме закричала: “Быстрее, уходите отсюда! Уходите, быстрее!” – и стала бросать подросткам одежду. “Уходите! – кричала она. – Бегите со всех ног!”» Алиса не смогла найти свою одежду, поэтому, надев первую попавшуюся, направилась обратно к баракам. Там она пожаловалась остальным: «Нам обещали дать теплую одежду, чтобы мы не мерзли, а я даже собственную потеряла!» И только тогда, когда другие заключенные сказали ей: «Глупое дитя! Разве ты не знаешь, где ты была?» – она, наконец, поняла, что сидела в газовой камере крематория номер пять.

Пожалуй, самое странное во всей этой истории то, что, даже проведя много месяцев в Биркенау, Алиса не понимала, куда ее отправили. Конечно, ей рассказывали о газовых камерах – о них знал любой, кто прожил в Биркенау хотя бы несколько дней. Но, пытаясь примириться с жизнью в лагере, она просто не воспринимала это знание, и, конечно, понятия не имела о том, как именно происходят массовые убийства. «Я так сосредоточилась на Эдит, – говорит Алиса, – что все силы, которые мне удавалось собрать, шли на то, чтобы поддерживать в сестре жизнь. И потому конкретно этот страх меня не мучил; наверное, возможность такой смерти была настолько невероятной, что она даже не пугала. Как мог пятнадцатилетний ребенок, вырванный из нормальной жизни, поверить в то, что его посадят в газовую камеру? В конце концов, на дворе двадцатый век! Я ходила в кино, отец работал в своем офисе в Будапеште, и я никогда не слышала о подобном. В нашем доме никто даже не ругался. Так как можно было себе вообразить что-то настолько мерзкое, что кто-то может вот так убивать людей? И, кроме того, нас всегда учили, что немцы – народ цивилизованный».

Это очень важная догадка: она дает понять, что даже обитавшие в тени труб крематориев, могли не впускать в свое сознание информацию о существовании подобного места. И они оказались на это способны. И не только потому, что практическая деятельность фабрик смерти была слишком ужасающей, чтобы о ней размышлять, но и потому, что ежедневные унижения лагерной жизни – всеобщая завшивленность, борьба за возможность сходить в уборную, борьба за пищу, проникающая повсюду грязь, – отодвигали на задний план любые мысли, кроме борьбы за каждую секунду жизни. Но есть и другая, еще более зловещая причина, почему Алиса не понимала назначения комнаты, в которой оказалась. Даже сейчас, 60 лет спустя, ее самое яркое воспоминание о том походе в крематорий – красные цветы, возможно, герань, в приоконном ящике. В Освенциме цветы были вещью неслыханной. И для Алисы они символизировали безопасную и безмятежную жизнь, которой она лишилась: «Я вижу цветы на окне – они напоминают мне о доме. Напоминают о том, что когда немцы вошли в Венгрию, мама не испугалась, не заплакала, не впала в истерику – а пошла на рынок и купила фиалки. И меня это так успокоило! Если мама покупает цветы, все не так уж и плохо. Мы не страдаем». Именно такие штрихи – цветы в ящиках под окном крематория – поднимают процесс массового убийства, разработанный нацистами, над простой жестокостью, говорят о таком цинизме, который в так называемом «цивилизованном» мире еще никому не удалось превзойти.

В тот день Алиса выжила благодаря невероятной, неслыханной удаче: она оказалась в газовой камере 7 октября. Это был уникальный день в истории Освенцима – день бунта зондеркоманды. Некоторые члены зондеркоманды планировали выступить против охранников еще в июне, во время восстания, организованного с помощью подпольного движения Соппротивления, которое возглавлял Яков Каминский. Но СС узнал об этих планах. Заключенным-евреям в Освенциме было почти невозможно хоть какое-то время поддерживать подпольное движение Соппротивления из-за сети капо, которые тщательно следили за ними, и, конечно, из-за ужасно высокой смертности в лагере. На Каминского донесли, и он погиб, но ядро его группы выжило и продолжило попытки «организовать» хоть какое-то оружие – ножи, кирки и т. п., – и, через забор, договориться с заключенными остальной части Биркенау, чтобы получить доступ к другим запасам.

Члены зондеркоманды были вынуждены начать действовать 7 октября в связи с тем, что за несколько дней до этой даты был объявлен набор «добровольцев», которые должны были присоединиться к Отто Моллу, одному из

самых печально известных членов СС – надзирателей крематориев. Незадолго до описываемых событий тот уехал, чтобы возглавить небольшой лагерь в Гливице. Они знали, что это обман, так как последняя зондеркоманда, отобранная для «работы» в лагере Майданека, впоследствии была убита СС, а их тела в тот же вечер сожгли в крематории номер два. На следующее утро некоторые из оставшихся членов зондеркоманды опознали полусожженные тела своих товарищей, и любые иллюзии, которые у них, возможно, еще оставались в отношении уготованной им судьбы, рассеялись.

Члены зондеркоманды также хорошо понимали: их полезность для нацистов значительно уменьшилась. Только прибытие около 65 тысяч человек в результате ликвидации гетто в Лодзи в августе и сентябре воспрепятствовало нацистам сократить численность зондеркоманды в Освенциме. Теперь же, после того, как никто не захотел стать «добровольцем» для мифической поездки в Гливице, стало известно, что капо в крематориях 4 и 5 должны отобрать 300 членов зондеркоманды, которых «переведут на фабрики по производству резины» – фабрики такие же вымышленные, как и все предыдущие места назначения для зондеркоманды, обещанные нацистами.

В ответ на недвусмысленную угрозу своей скорой гибели в субботу 7 октября в 13:30 зондеркоманда крематория 4 взбунтовалась⁴¹. Вооружившись кирками и бульжниками, они напали на приблизившихся к ним охранников СС, а затем подожгли крематорий. После нескольких минут рукопашного боя с эсэсовцами некоторым членам зондеркоманды удалось бежать в ближний лес и добраться до лежащей за ним деревни Райско – но они все еще находились в ловушке, поскольку оставались в пределах охраняемой территории Освенцима. Тем временем, зондеркоманда крематория 2 также взбунтовалась против СС и столкнула одного из охранников в горящую печь, где тот и сгорел заживо.

В целом, во время бунта в Освенциме были убиты приблизительно 250 членов зондеркоманды. Всех беглецов поймали и расстреляли, вместе с подозреваемыми в причастности к восстанию – а это еще примерно 200 человек. Трое эсэсовцев умерли вследствие действий зондеркоманды в тот день. Но благодаря восстанию несколько жизней все же удалось спасти. Скорее всего, именно из-за хаоса, вызванного зондеркомандой крематория 4, эсэсовцы отпустили людей из газовой камеры соседнего пятого крематория, не успев убить Алису Лок Кахану и ее товарок по несчастью.

Через восемь дней после восстания зондеркоманды в Освенциме политическая ситуация в Венгрии изменилась еще раз, в результате свержения непокорного режима Хорти штурмовиками венгерской партии «Скрещенные стрелы», поддерживаемой нацистами. Эйхман, который все месяцы, прошедшие с окончания депортаций, провел, в основном, за распитием спиртных напитков, немедленно вызвал к себе Кастнера и поприветствовал его восклицанием: «Я вернулся!» Его новой целью стали евреи Будапешта, до сих пор, в общем и целом, избегавшие депортации. Однако, учитывая близость Красной Армии и трудности в организации подвижного состава, отправка евреев в Освенцим была практически неосуществимой. И потому Эйхман решил, что они должны пешком идти в Вену – то есть, преодолеть около двухсот километров.

На протяжении всего ноября десятки тысяч евреев выгнали из Будапешта и отправили на запад, в Австрию – пешком, без еды, в дождь и снег. Вид этой жалкой колонны потряс даже видавших виды эсэсовцев, и Эйхману велели прекратить депортацию. Тем не менее, он проигнорировал приказ и продолжил свое дело, заслужив суровую критику со стороны представителей нейтральных стран, ставших свидетелями происходящего. Когда в Будапеште оставалось еще более 100 тысяч евреев, ожидавших, когда придет их черед стать частью садистского плана Эйхмана, Курт Бехер, более прагматично мыслящий нацист, подал жалобу Гиммлеру на действия своего коллеги. И Бехер, и Гиммлер понимали: война уже подходит к концу, и в случае поражения Германии идеологию нужно подогнать под реальную ситуацию.

Гиммлер вызвал Бехера и Эйхмана к себе, в свой личный поезд, стоявший в городе Триберг, в Шварцвальде. По словам Бехера, Гиммлер велел Эйхману прекратить депортацию евреев из Будапешта, заявив следующее: «Если до сих пор вы истребляли евреев, то с этого момента, если я прикажу вам, вы должны стать покровителем евреев»⁴². Это была радикальная смена политического курса для Гиммлера – человека, принимавшего участие в разработке нацистского «окончательного решения еврейского вопроса». Но по мере того, как война входила в заключительную стадию, рейхсфюрер СС готовил своим подчиненным еще больше неожиданностей.

Глава 6

Освобождение и возмездие

Когда настал конец, все произошло невероятно быстро. Однажды ночью, в январе 1945 года, когда десятилетняя Ева Мозес Корп и ее сестра-близнец Мириам спали на койках в Освенциме-Биркенау, их разбудил ужасный взрыв, а зимнее небо за окном покраснело от пламени – нацисты взорвали крематории. Несколько мгновений спустя близнецов выгнали из барака и, вместе с другими близнецами, подвергавшимися экспериментам доктора Менгеле, повели по дороге к главному лагерю Освенцима. Они словно попали в оживший кошмар: над головой, вдалеке, вспыхивали зарницы артиллерийских выстрелов, а в окружавшей темноте эсэсовцы гнали узников вперед, не давая им ни минуты передышки. Каждого, кто не мог выдержать заданного темпа, пристреливали, и тела детей оставались лежать на обочине. В неразберихе два ребенка потеряли своих близнецов, и больше никогда их не видели.

Как только колонна добралась до основного лагеря Освенцима, Еву и Мириам оставили без присмотра. Жесткая система наблюдения, обеспечивавшаяся капо и охранниками, внезапно дала сбой, и заключенные оказались предоставлены сами себе. Еве даже удалось пробраться через ограду внешней границы лагеря и сходить за водой на берег реки Сола, которая текла с одной стороны главного лагеря. Делая во льду на реке лунку, Ева подняла глаза, и на противоположном берегу увидела маленькую девочку примерно своих лет. Девочка была в красивой одежде, волосы у нее были заплетены в две косы и украшены лентами, а в руке она несла школьную сумку. Для завшивевшей, одетой в лохмотья Евы это видение было «почти нереальным», и она смотрела на незнакомку во все глаза. «В тот

день – впервые с тех пор, как мы оказались в Освенциме, – говорит Ева, – я осознала, что за забором существует мир, где дети похожи на детей, и даже ходят в школу».

Ева и Мириам остались в живых лишь чудом: согласно плану нацистов обе девочки должны были погибнуть вместе с остатками тех нескольких тысяч заключенных, которых сочли слишком слабыми и неспособными принимать участие в массовом исходе из Освенцима. Приказ об их убийстве был отдан обергруппенфюрером (генерал-лейтенантом) СС Шмаузером², командующим СС и полицией в Верхней Силезии, еще 20 января. В течение следующих семи дней специальные отряды СС уничтожили приблизительно 700 заключенных в Биркенау и соседних вспомогательных лагерях. Но почти 8 тысяч заключенных, включая Еву и Мириам, избежали смерти, потому что Красная Армия слишком быстро приближалась к Освенциму, и эсэсовцы не так старались выполнить приказ, как спастись.

Вскоре канонада прекратилась, и 27 января в комплекс лагерей вошли солдаты Первого украинского фронта. Они обнаружили приблизительно 600 выживших заключенных в Мановице – лагере принудительного труда рядом с заводом *I. G. Farben Buna* («И. Г. Фарбен Буна-верке»), – чуть меньше 6 тысяч человек в Биркенау, и чуть больше тысячи в главном лагере Освенцима, включая Еву и ее сестру Мириам. Впервые Ева услышала о том, что ее страдания, возможно, закончились, когда одна из женщин в бараке начала кричать: «Мы свободны! Мы свободны! Мы свободны!» Ева подбежала к двери, но из-за снега ничего не было видно. Только несколько минут спустя она разглядела солдат Красной Армии, в белых маскхалатах: «Мы подбежали к ним, и они обнимали нас, угощали печеньем и шоколадными конфетами. Когда человек так одинок, простое объятие означает куда больше, чем можно себе представить, потому что оно заменяло нормальное человеческое общение, которого нам так не хватало. Мы изголодались не только по еде, но и по человеческой доброте, и Советская Армия предоставила нам это, пусть и частично.

Честно говоря, после войны, когда мы вернулись домой, мне больше всего не хватало именно объятий и поцелуев, но их-то я так и не получила. И потому, выступая перед учащимися, я говорю им: “Когда вы сегодня придете домой, пожалуйста, подойдите к родителям и лишний раз обнимите их, лишний раз поцелуйте их – за всех нас, за тех детей, которые пережили лагерь, и у кого не было никого, кого можно обнять и поцеловать”».

Иван Мартынушкин был лейтенантом минометной роты Красной Армии, с боями дошедшей до Освенцима. Но когда он вошел в Биркенау, спустя всего лишь несколько часов после освобождения лагеря, его встретило странное спокойствие. Бывшие заключенные смотрели на него «с благодарностью в глазах» и «принужденно улыбаясь». «Мы чувствовали, что совершили доброе дело, – вспоминает он, – настоящее благодеяние, и выполнили свой долг». Но вот, что удивительно: хотя он и говорит, что он и его товарищи испытывали «чувство сострадания» к заключенным Освенцима, увиденное там их не очень-то впечатлило: «Постарайтесь понять психологию людей, прошедших войну... У меня за плечами уже было больше года настоящего боевого опыта, и за тот период мне уже доводилось видеть лагеря – не такие, как этот, но все равно тюремные лагеря, пусть и меньшего размера. Я видел, как разрушают города. Видел, как уничтожают деревни. Видел страдания наших людей. Видел маленьких детей, ставших калеками. Мне не встретилось ни одной деревни, чьи жители не испытали бы этот ужас, эту трагедию, эти страдания».

Слова Ивана Мартынушкина – полезное напоминание о том контексте, в котором Освенцим первоначально воспринимался многими сражавшимися на Восточном фронте. Для них это, конечно, был ужас, но еще – просто очередное страшное проявление войны, и так переполненной зверствами. По правде сказать, в то время освобождение Освенцима не стало сенсацией. О нем написали в газетах – в «Правде» от второго февраля³ опубликовали сообщение спецкора Бориса Полевого, и несколько дней спустя новость перепечатали в британской *Jewish Chronicle*. Но оно не вызвало такого всеобщего внимания, как Майданек, информация о котором попала в газеты еще прошлым летом. Майданек был единственным нацистским лагерем, помимо Освенцима, где для массовых убийств использовали «Циклон Б» (но в гораздо меньшем масштабе, чем в Освенциме), – таким образом, пресса сперва рассматривала Освенцим как «второй Майданек». В январе 1945 года было много других, не менее волнующих событий и тем, достойных статей в газетах, и не в последнюю очередь – предстоящая встреча глав «Большой тройки» (Черчилля, Рузвельта и Сталина)⁴ в Ялте. Но, возможно, была еще одна причина, по которой освобождение Освенцима не привлекло массового внимания прессы на Западе. Лагерь обнаружила Красная Армия. А у многих уже стали возникать сомнения в том, что союз, победивший в войне, после победы сохранится.

В статье Бориса Полевого в «Правде» явно присутствовали следы откровенно марксистской интерпретации Освенцима как крайнего проявления капиталистического предприятия, где рабочих эксплуатируют как рабов. Именно этот момент и стал проявлением разрыва в исторической интерпретации Востоком и Западом функционирования лагерей – разрыва, который не исчезнет вплоть до падения коммунизма в Советском Союзе. Одним из наименее привлекательных аспектов советского исследования Освенцима, и тогда и позже, было преуменьшение масштаба страданий, перенесенных заключенными-евреями: в статье подчеркнуто говорилось обо всех погибших в совокупности, как о «жертвах фашизма».

Но в январе 1945 года Ева Мозес Кор и ее сестра Мириам справедливо считали, что им повезло, когда Красная Армия освободила Освенцим. Поскольку, если бы о них не забыли, то восемнадцатого января, когда Красная Армия находилась всего лишь в нескольких километрах от лагеря, немцы включили бы сестер в число 60 тысяч так называемых «здоровых» заключенных, собранных со всего огромного комплекса лагерей Освенцима, которых пешком погнали на запад. Следующие несколько недель навсегда останутся в памяти многих заключенных, которых принудили к эвакуации, как худшее из того, что им довелось пережить в плену: хуже постоянной «селекции», хуже систематического недоедания в лагерях, хуже ледяных, кишящих инфекциями барачков. Поскольку заключенные Освенцима отправлялись в путь, который станет известен – и совершенно справедливо – под названием «марша смерти».

Идея «марша смерти» для нацистов не была чем-то новым. В январе 1940 года 800 польских военнопленных (все – евреи) прошли маршем почти сто километров от Люблина до Бяла-Подляска⁵. Из них жалкая

горстка пережили поход через Польшу во время зимы; большинство из них замерзли или были убиты эсэсовцами-конвоирами. В последующие годы в таких маршах смерти нацисты гнали евреев после ликвидации гетто и советских военнопленных на запад, во временные лагеря.

Но, как уже указывалось в Главе 5, именно осенью 1944 года совершались самые массовые марши смерти времен войны. Один из самых страшных произошел в Венгрии в ноябре 1944 года, когда по приказу Эйхмана почти 80 тысяч евреев, включая женщин и детей, были вынуждены пешком отправиться из Будапешта на запад, в Австрию. Те, кому удалось выжить в том ужасном походе, – а марш оказался настолько жутким, что его жестокость отмечали даже сами фашисты, – в результате попали в лагеря наподобие Маутхаузена и Дахау. Таким образом, у марша смерти, предстоявшего заключенным Освенцима, было много кровавых предшественников.

Узников прикладами выгнали из лагеря – на них не было ничего, кроме тонкой тюремной одежды, совершенно не спасавшей от снега и ледяного ветра польской зимы, – и собрали на дороге, откуда должен был начаться марш. И именно в этот момент эсэовец Франц Вунш сделал последний подарок любимой женщине – заключенной еврейке Хелене Цитроновой. Когда она стояла, дрожа, рядом с сестрой Рожинкой у ворот лагеря, он принес «две пары теплой обуви – ботинки на меху. Все остальные, бедняжки, были обуты в деревянные башмаки, проложенные газетами. Он действительно подвергал опасности свою жизнь [отдав нам обувь]». Вунш сообщил ей, что его отправляют на фронт, но его мать в Вене позаботится о ней и ее сестре: потому что они евреи, а война идет к концу, и им «больше некуда идти». Он сунул в руку Хелене листок бумаги с адресом. Но как только он ушел, Хелена вспомнила слова своего отца: «Не забывай, кто ты». Он настаивал, что она всегда должна помнить: «Я еврейка, и я должна оставаться еврейкой». И потому она выбросила адрес матери Вунша.

Итак, две женщины отправились на запад, несмотря на сильную метель. Хелена описывает те первые дни как «невероятно суровые». Она смотрела, как заключенные вокруг нее «падали в снег. У них уже не осталось сил, и они умерли. Каждый заботился о себе. Полный хаос. Те, кто могли выжить – выживали. Кто не мог – умирали».

Иби Маннб, 19-летняя девушка, попавшая в Освенцим из Чехословакии год назад – еще одна выжившая участница марша смерти: «Нас поднимали среди ночи, и мы не могли определить ни время суток, ни час, ничего. Мы были оторваны от мира». Несмотря на то, что совсем рядом слышались взрывы советских бомб, нацисты все равно требовали, чтобы заключенных пересчитывали, строили в колонны по пять человек и отправляли на марш: «Любого, осмелившегося просто наклониться, или запнувшегося на мгновение, расстреливали». Как и очень многие другие выжившие узники, Иби Манн оказалась в походе не одна: ее сестра шагала рядом с ней и постоянно поддерживала ее. «Я говорила: “Это – конец. Я не могу больше идти”, – [но] она тянула меня вперед». Ночевали они в сараях, один раз – даже в свинарнике, или под открытым небом, используя в качестве убежища голые ветви деревьев и живые изгороди. Иби и ее сестра уходили одними из последних, и, двигаясь вперед, они видели канавы вдоль дороги, заполненные трупами. Они шли и шли, а снег сменился слякотью, которая просачивалась в тонкую обувь и вызывала волдыри и нарывы. Во время марша женщины не испытывали голода – их мучила лишь неистовая жажда, и утолить ее никак не удавалось. Они знали: если наклонятся, чтобы съесть горстку мокрого снега, их застрелят. На фоне таких страданий почти невероятно, что нацисты гнали на запад обитателей Освенцима потому, что считали несчастных полезным ресурсом. Однако на данном этапе войны рабский труд был очень важен: к концу 1944 года на немецких заводах и фабриках работали приблизительно полмиллиона заключенных.

Узников Освенцима гнали к Рейху двумя основными маршрутами. Один из них шел на северо-запад через Миколув, меньше чем в пятидесяти километрах от железнодорожного узла в Гливице; второй – строго на запад, приблизительно в 60 километрах от станции Водзислав-Сленски. Но мучение для выживших узников там не заканчивалось: их грузили в товарняки, отправлявшиеся в лагеря Германии и Австрии. Иби с сестрой завели на открытую железнодорожную платформу, покрытую примерно «полуметровым слоем снега». Заключенных набивали в поезд в таком количестве, что зачастую им даже сесть было негде.

Моррис Венеция⁷, бывший член зондеркоманды в Освенциме, тоже ехал на этом поезде. Он оказался одним из немногих, кому удалось найти сидячее место на открытой товарной платформе. Но он до сих пор помнит пронизывающий холод, падающий на него и товарищей по несчастью снег, и постоянную необходимость сбрасывать с платформы трупы по мере того, как люди умирали от ужасных условий. Он также вспоминает еще один аспект той поездки, даже более поразительный: совершение убийства.

На платформе вместе с Моррисом и другими узниками находился заключенный-немец, который отчаянно пытался сесть, ведь он очень долго простоял в снегу. И он заключил с Моррисом сделку – или, скорее, думал, что заключил: в обмен на несколько сигарет он посидит, а Моррис постоит. Моррис встал, взял сигареты и стал курить, а немец мешком осел в углу платформы. Приблизительно через десять минут, когда Моррис закончил курить, он велел немцу встать. Тот отказался. «И вот, что я сделал, – говорит Моррис. – Мы с друзьями просто сели на него сверху. И [приблизительно] через полчаса или час он задохнулся, и мы сбросили его с платформы. Никаких проблем. Мы радовались, что убили немца».

Даже сегодня Моррис не испытывает «никаких проблем» в связи с тем, что убил этого немецкого заключенного. Не имело значения, что погибший, был таким же узником Освенцима. Все, что имело значение, – это язык, на котором он говорил: «Я был счастлив. Они [немцы] убили всю мою семью, тридцать или сорок человек, и я убил одного немца. Ха! Какие пустяки. Если бы я мог убить сотню, я бы радовался, потому что нас они уничтожили полностью». Независимо от того, какие вопросы ему задают на этот счет, Моррис не способен увидеть различия между немцами, которые управляли Освенцимом, и немецким заключенным, убитым на платформе для перевозки скота той ледяной зимней ночью в Польше. «В любом случае, – говорит он, – я просто хотел сесть, потому что устал. Почему он должен жить – только потому, что дал мне две или три сигареты? Он не хотел вставать, поэтому мы сели на него, и он скончался – все просто». Отсутствие каких-либо переживаний у Морриса Венеции по поводу заключенного-немца, которого он и его товарищи убили во время поездки на запад, несомненно, лишний раз напоминают о низком уровне морали в лагере, и о том, что каждый узник часто был вынужден ставить во главу угла

собственное выживание.

Пунктом назначения для приблизительно 20 тысяч заключенных Освенцима стал концентрационный лагерь Берген-Бельзен в Нижней Саксонии. Как указано в Главе 5, сегодня Берген-Бельзен пользуется дурной славой, прежде всего из-за душераздирающего фильма, снятого там после освобождения лагеря англичанами 15 апреля 1945 года. Отвратительные изображения истощенных тел и ходячих скелетов потрясли мир, и это справедливо. Но они также создали имидж лагеря, который не отражает его оригинальный замысел, и исподволь фильм только усиливает путаницу, существующую в умах многих людей в отношении различий между концентрационным лагерем и специализированным лагерем смерти.

В самый момент создания, в 1943 году, Берген-Бельзен предназначался для «привилегированных» евреев, которых предполагалось держать в качестве заложников. Однако уже весной 1944 года он принял на себя иную функцию. Сюда начали отправлять заключенных, считавшихся неспособными выполнять полезную работу. Эти заключенные испытывали в Бергене-Бельзене ужасные страдания, и особо жестокое обращение их ожидало со стороны немецких капо. Среди предпосылок преобразования Берген-Бельзена в то поистине ужасное место, которое Западные союзники освободили весной 1945 года, можно, среди прочих, назвать и следующие три фактора: назначение Йозефа Крамера на должность коменданта лагеря в декабре 1944 года; решение отменить все «привилегии», возможно, существовавшие в лагере для «евреев для обмена»; и поток заключенных-участников маршей смерти в начале 1945 года. Понять масштабы изменений в Берген-Бельзене можно, если просто посмотреть на цифры: в конце 1944 года здесь находилось приблизительно 15 тысяч узников; в апреле 1945 года, когда лагерь освободили англичане, количество узников составляло 60 тысяч. Немцы не прилагали фактически никаких усилий, чтобы разместить или накормить этот массовый приток заключенных.

Однако, как и всегда в истории, статистические данные мало помогают понять, что пережил каждый конкретный человек. Понять это можно, лишь слушая истории из жизни, как истории Алисы Лок Каханы и ее сестры Эдит, находившихся в Берген-Бельзене в апреле 1945 года. Раньше они считали, что жизнь в Освенциме находится на пределе человеческих возможностей, но тут все оказалось гораздо хуже. Алиса и Эдит прибыли в лагерь, когда там разразилась эпидемия тифа, не обошедшая стороной ни один барак. Перенаселенность означала, что не было ни свободных коек, ни вообще, практически, свободного места для новоприбывших. Не было еды, почти не было воды. Фактически, узников Освенцима загнали в ограниченное пространство и оставили умирать. В последующие несколько недель многие потеряли способность рассуждать здраво. «Не хватает слов, чтобы описать Берген-Бельзен», – говорит Алиса. Каждую ночь капо, спавшая возле них, «приходила в бешенство» и била ногами Алису и ее сестру. Бараки были недостроены, а то, что успели возвести, разваливалось: «Когда нужно было пойти в ванную, приходилось переступать через людей. В коридоре были такие трещины в полу, что кое-кто туда даже проваливался». День и ночь они слышали крики: «Мама, воды! Мама, воды!»

Рене Саль8 была еще одной узницей Освенцима, оказавшейся в Берген-Бельзене. В 1945 году ей исполнилось 16 лет. И ее первое впечатление о лагере, после того как ее прогнали по дороге, заваленной телами из предыдущего транспорта, было картиной ада: «Мы увидели ходячие скелеты: их руки и ноги походили на спички, а из-под истончившейся кожи выпирали кости. Ужасное зловоние, исходившее из лагеря, просто невозможно описать. Создавалось впечатление, что после всего, что нам довелось пережить, мы столкнулись с чем-то совершенно иным, еще ужаснее».

Былая организация лагеря канула в лету. Переключки больше не проводились – у людей не было сил даже на то, чтобы встать, – а не получая питания, заключенные умирали от голода. Уже через три недели Рене поняла, что умирает. Но когда она уже стала близка к беспомощности, кто-то указал ей на английский танк вдалеке. Она упала в обморок и не приходила в сознание целых десять дней. Когда она проснулась, то поняла, что находится в британском центре дезинсекции, что ее вымыли в дезинфицирующем средстве, она ужасно слаба – но свободна.

«15 апреля 1945 года кто-то закричал: «Освобождение! Нас освободили!» – рассказывает Алиса Лок Кахана. Она немедленно вскочила и сказала своей сестре: “Что такое освобождение? Я должна найти освобождение, пока оно не растаяло”». Спотыкаясь, она вышла из барака и увидела солдат Союзников на джипах. Но ее радость оказалась недолгой: к тому моменту Эдит чувствовала себя хуже, чем когда-либо, и вскоре после появления британцев ее забрали в больницу Красного Креста. Алиса хотела остаться с ней, но английские солдаты объяснили ей, что она не настолько больна, чтобы оставаться с сестрой. Алиса стала возражать: «Я сказала им: “Вы не понимаете. Нас нельзя разделять. Я могу помогать вам. Я могу выносить судно”». Она попыталась поднять судно, но и так едва держалась на ногах. Когда она дошла до двери, какой-то солдат подхватил ее, отнес в джип и отвез обратно в барак.

Однако Алиса, защищавшая сестру на протяжении всего мучительного пребывания в Освенциме и Берген-Бельзене, не собиралась так легко сдаваться. На следующий день, несмотря на собственную слабость, она вернулась в больницу. Она появилась там как раз в тот момент, когда Эдит грузили в санитарную машину. Алиса тут же взобралась на борт машины и заявила: «Я здесь. Я еду с тобой. Куда бы тебя ни повезли». Но солдат, который отвез ее в лагерь накануне, узнал ее и сказал: “Опять ты? Тебе нельзя тут оставаться. Твою сестру нужно отвезти в другую больницу, военный госпиталь”». Алисе пришлось спуститься из санитарной машины и смотреть, как сестру увозят.

Так для Алисы начались поиски сестры – поиски, длившиеся полстолетия. Она пыталась найти ее следы с помощью Красного Креста, любыми путями, которые только приходили ей в голову, но тщетно. И только через 53 года после исчезновения сестры, в документах Берген-Бельзена она обнаружила запись о том, что некая Эдит Шварц умерла 2 июня 1945 года. «Шварц» была девичьей фамилией матери Алисы, именно этой фамилией Эдит назвалась в лагере, чтобы никто не догадался о ее родстве с Алисой. Она боялась: если нацисты узнают, что они родственники, то постараются разлучить их.

Итак, после 53-летнего ожидания – 53 лет, в течение которых каждый раз, когда звонил телефон, каждый раз, когда приходила почта, Алиса молилась о том, чтобы это были новости об Эдит, – испытав колоссальные

эмоциональные страдания, она узнала, что ее сестра прожила всего лишь нескольких дней после того, как их разлучили. Алиса защищала свою сестру во время депортации из Венгрии, во время жизни в Освенциме, на марше смерти, среди голода и болезней Берген-Бельзена, но в результате, нацисты все равно убили ее. «Для тебя, любимая сестричка, освобождение пришло слишком поздно, – написала Алиса в стихотворении вскоре после того, как узнала о смерти Эдит. – Как они могли так поступить? Как? Почему?»

Один из людей, несущих наибольшую ответственность за смерть Эдит – Генрих Гиммлер, – в первое время осуществления «окончательного решения» с легкостью бы ответил на два вопроса, поставленные Алисой Лок Каханой, причем самым зверским и упрощенным способом: евреи должны были умереть, потому что он и его фюрер воспринимали их как угрозу. Но в последние месяцы войны его действия стали уже намного менее прямолинейными. Мы уже описывали, что Гиммлер одобрил схему «евреи в обмен на грузовики» в Венгрии в 1944 году. К тому же он поручил Банди Грошу открыть канал для того, чтобы прозондировать почву для переговоров с Западными союзниками. Из всех этих схем мало что вышло, но они демонстрируют, в каком направлении работал теперь мозг Гиммлера. Для рейхсфюрера СС новым путем вперед стал прагматизм, а не идеологическая жесткость.

В феврале 1945 года новая, более гибкая позиция Гиммлера нашла выражение в транспортировке 1200 евреев из Терезиенштадта в Швейцарию. По поводу этого освобождения евреев было заключено соглашение с Союзом ортодоксальных раввинов США через сеть посредников, и на сей раз евреев меняли не на грузовики, а на твердую валюту. Рита Рэ9 была одной из заключенных Терезиенштадта, отправившихся в тот путь: «Когда мы сели в поезд, пришли эсэсовцы и велели нам накраситься, расчесаться и принарядиться, чтобы мы хорошо выглядели, когда прибудем на место. Они хотели, чтобы мы произвели на швейцарцев хорошее впечатление».

Адольф Гитлер узнал об освобождении евреев из лагеря в Терезиенштадте из швейцарских газет. Он был вне себя от гнева. Конечно, еще в декабре 1942 года Гиммлер получил принципиальное согласие Гитлера на отбор евреев, с целью их дальнейшего обмена на твердую валюту – использование «выдающихся» евреев в качестве «заложников» вполне соответствовало нацистскому мышлению. Но освобождение евреев Терезиенштадта произошло без уведомления или одобрения Гитлера, и теперь, когда война явно вступила в завершающую стадию, такое событие, наверное, для лидера нацистов отдавало поражением. Гитлер запретил дальнейший обмен такого рода.

Но в апреле Гиммлер еще раз пошел наперекор инструкциям Гитлера, когда допустил захват Берген-Бельзена Союзниками. Гитлер заранее приказал уничтожить все концентрационные лагеря до прибытия войск противника, однако Гиммлер откровенно нарушил приказ. Вероятно, он позволил взять Берген-Бельзен в целостности в качестве «уступки» Союзникам; вероятно, также, и что он не был в курсе истинного характера условий жизни в лагере. Эти действия Гиммлера неожиданно привели к обратному результату, как только мир облетели фотографии ужасных условий лагеря. «Этот лагерь просто невозможно описать, – заявил один британский солдат в интервью для кинохроники. – Когда все видишь собственными глазами, то понимаешь, за что именно сражаешься. Фотографии в газете не могут все описать. То, что они совершили... ну, тут даже засомневаешься, а люди ли они вообще».

Несмотря на эту неудавшуюся попытку заслужить благоволение Западных союзников, Гиммлер по-прежнему продолжал действовать против воли Гитлера. 20 апреля он встретился с Норбертом Мазуром, эмиссаром Всемирного еврейского конгресса, и согласился выпустить 1000 еврейских женщин из концентрационного лагеря Равенсбрюк. Единственным условием Гиммлера было то, что освобожденных следовало называть «поляками», а не евреями: он надеялся, что в таком случае, информация о его действиях никогда не дойдет до ушей Гитлера. Тем же вечером, после ухода Мазура, Гиммлер признался Феликсу Керстену, своему массажисту: «Если бы я мог начать все сначала, то очень многое сделал бы иначе. Но как верный солдат, я должен был повиноваться приказам, поскольку никакое государство не может выжить без повиновения и дисциплины»¹⁰.

Впрочем, немецкому лидеру в последние месяцы войны не подчинялся не один только Гиммлер, а целые отряды СС. 21 апреля фюрер был разбужен в своем глубоком бункере в Берлине звуками артиллерийской канонады. Произошло то, что он, наверняка, считал совершенно немыслимым – Красная Армия дошла до Берлина. Гитлер приказал оберштруппенфюреру СС ¹

Феликсу Штайнеру совершить контратаку против солдат 1-го Белорусского фронта под командованием маршала Жукова, продвигавшихся через северный пригород столицы. Но Штайнер отказался. «Когда пришел приказ, – говорит Франц Ридвел11, адъютант Штайнера, – он сказал: “Я не буду организовывать второе наступление на эту русскую лавину. Ведь я пошлю людей на верную смерть. Я не стану жертвовать своими войсками из-за бессмысленного приказа”». Когда Гитлер услышал о реакции Штайнера, он стал выкрикивать ругательства, с ним случился самый сильный припадок бешенства, который когда-либо видели в бункере. СС предали его. Все, что ему теперь остается сделать, открыто заявил он, это покончить с собой.

23 апреля новость о припадке гнева у Гитлера передали Гиммлеру, который в тот день встречался с графом Фольке Бернадотом, представителем Красного Креста. Гиммлер считал: поскольку Гитлер объявил о своем намерении совершить самоубийство (и, возможно, уже мертв), он теперь имеет все полномочия, чтобы действовать от имени Рейха. И потому он заявил Бернадоту, что тот может передать Западным союзникам: Германия безоговорочно сдастся Великобритании и Соединенным Штатам, но не Советскому Союзу.

План Гиммлера относительно частичной сдачи был отклонен Союзниками, но новости о его попытке закончить войну на Западе, были переданы по радио «Би-Би-Си» и стали известны Гитлеру. Фюрер еще не был мертв. Вовсе нет. Когда Гитлер услышал новости, он все еще был в состоянии испытать одно из самых сильных потрясений: его предали. «Конечно, Гитлер был потрясен, – говорит Бернд Фрайер Фрайтаг фон Лорингофен12, находившийся в то время в бункере, как офицер Генерального штаба. – В военном отношении, надежды у нас уже не оставалось. А теперь еще и этот поступок, совершенный человеком, которому он, вероятно, доверял больше всех. Этот человек

¹ Феликс Штайнер был оберштруппенфюрером СС и генералом войск СС. Тут, вероятно, ошибка.

бросил его и пошел на сближение с Союзниками. В результате Гитлер сделал логичный шаг и продиктовал политическое и личное завещание. А через два дня он был уже мертв».

Гитлер покончил с собой примерно в 15:30 30 апреля 1945 года, когда солдаты Красной Армии приблизились к зданию Рейхстага, немецкого парламента. Он умер, оставив политическое заявление, составленное накануне ночью, в котором обвинял евреев в том, что те развязали войну. Гитлер умер, как и жил, одержимый ненавистью ко всему еврейскому народу, без намека на раскаяние. Как мы увидели благодаря анализу всех тонкостей развития и реализации нацистского «окончательного решения еврейского вопроса», Гитлер то уделял пристальное внимание этой политике, то полностью отстранялся от нее. Но, как демонстрируют последние этапы отношений Гитлера и Гимmlера, именно фюрер до конца оставался последовательным в своей фанатической ненависти к евреям.

Гимmlер оказался гораздо более восприимчивым к происходящему, чем человек, которому он служил: он не только вел переговоры о выдаче евреев в обмен на наличные деньги, но даже пытался устроить секретное мирное соглашение. Судя по всему, Гимmlер, в отличие от Гитлера, в последние дни войны поверил, что и после конфликта у него есть будущее. И своими действиями он приводил в ужас все свое окружение. 5 мая, в штаб-квартире адмирала Деница в Мюрвикской военно-морской академии во Фленсбурге, на севере Германии, Гимmlер провел последнюю встречу с главными фигурами СС, среди которых был и Рудольф Хесс. «Судьба ставит передо мной новую великую задачу, – объявил Гимmlер. – И задачу это я должен выполнить в одиночку. Так что, отдаю вам свой последний приказ. Смешайтесь с армией!» Хесс был поражен. Он явно ожидал некий символический прощальный жест, а не безвкусное распоряжение убежать и скрыться. «И это – последний приказ человека, которого я так почитал, – писал Хесс, – в кого безусловно верил, приказы которого, каждое слово которого были для меня истиной в последней инстанции». Тем не менее, Хесс выполнил распоряжение Гимmlера и «смешался» с вооруженными силами, нацепил флотскую форму и попытался выдать себя за моряка *Kriegsmarine*, немецкого военно-морского флота.

Но уверенность Гимmlера в том, что «судьба» приготовила для него новое задание, была, как и многие его убеждения, игрой воображения. Уже через две с небольшим недели после последней встречи с Хессом, а именно 23 мая, он совершил самоубийство, наконец, осознав: для Западных союзников абсолютно невозможно иметь дела с человеком, виновным в убийстве миллионов людей. Тот факт, что он действительно допускал такой вариант развития событий, многое говорит об этом человеке: о его склонности к заблуждениям, о раздутом самомнении, о безумном оптимизме. Но прежде всего этот факт демонстрирует его приспособленчество – ведь, несмотря на многолетнюю преданность Гитлеру, как только ситуация изменилась, он приготовился демонстрировать преданность кому-нибудь другому.

Поскольку Гитлер и Гимmlер умерли, а другие, менее значительные преступники, отчаянно искали убежища, дни сразу после окончания войны должны были стать для всех пострадавших в лагерях временем спокойствия и восстановления сил. Но не стали.

Хелена Цитронова и ее сестра весь май и июнь 1945 года растерянно бродили по переполненным дорогам недавно освобожденной Германии, смешиваясь с немецкими беженцами,двигающимися на Запад. Они спали в сараях или разрушенных бомбежками зданиях, добывая себе пропитание везде, где только можно. Прошло немного времени, и они натолкнулись на солдат Красной Армии. Однако по отношению к Хелене и ее сестре эти мужчины вели себя не как освободители, но как завоеватели. Бывали случаи, когда советские солдаты разыскивали места, где беженцы останавливались на ночь. «Они были пьяные – ужасно пьяные, – вспоминает Хелена. – Вели себя, как дикие звери». Солдаты врывались во временные убежища, «выбирали симпатичных девушек и насиловали их». Когда подобное случалось, Хелена пряталась под телом своей сестры, надеясь, что увидев ее сестру – на десять лет старше нее самой и которую часто принимали за ее мать, – солдаты станут искать в другом месте. Эта уловка срабатывала. Но она слышала все, что красноармейцы делали с другим женщинами: «Я слышала крики – женщины кричали, пока хватало сил, но, в конце концов, замолкали. Случалось, их насиловали до самой смерти. Или душили. Я отворачивалась, потому что не хотела этого видеть, потому что ничем не могла им помочь. Я боялась, что они изнасиловуют и меня, и сестру. Это были звери, не люди. Где бы мы ни прятались, они находили наши укрытия и насиловали моих подруг. Они такое с женщинами делали... Буквально до последней минуты мы не могли поверить в то, что все-таки выживем. Мы думали: если мы не погибли от рук немцев, то наверняка погибнем от рук русских».

Самой Хелене тоже однажды удалось спастись лишь чудом. Как-то утром она поехала кататься на велосипеде и «пришла в восторг от поездки. В детстве, дома, я любила ездить на велосипеде – любила свободу и тишину». Она ехала по проселочной дороге, освещенной ярким весенним солнцем. Когда она остановилась у заброшенного склада, чтобы отдохнуть, к ней неожиданно «подъехал русский на мотоцикле. Он увидел молодую женщину – еврейку, не еврейку, это не имело значения. Он швырнул свой мотоцикл на землю, и кинулся ко мне. Завязалась драка. Я не знаю, как мне удалось убежать от этого жестокого русского солдата, этого преступника. У него уже давно не было секса, и он не сумел меня изнасиловать. Я ляглась, и кусалась, и визжала, а он постоянно спрашивал меня, немка я или нет. Я сказала: «Нет, я еврейка, из лагеря». Показала ему номер на руке. Он в тот же момент отскочил. Возможно, он и сам был евреем. Я не знаю, кем он был. Он развернулся, вскочил и убежал».

Точное количество изнасилований, совершенных советскими солдатами по мере их продвижения через Германию, а также непосредственно после войны, никогда не будет известно, но оно, конечно, исчисляется сотнями тысяч. В последние годы много говорят о страданиях немецких женщин в таких городах, как Берлин. Но сознание того, что женщины, и так уже пережившие ужасное обращение в лагерях наподобие Освенцима, впоследствии подверглись насилию, уже со стороны освободителей, вызывает отвращение, так как ничего подобного в истории не было.

Как ни было ужасным изнасилование бывших узниц лагерей солдатами Красной Армии, несомненно, тем не менее, его превзошли страдания, которые они причиняли собственным соотечественникам после «освобождения» лагерей. Ранее Сталин заявлял, что никаких советских военнопленных, удерживаемых немцами, нет, а есть только «предатели родины». И это отношение, пожалуй, ярче всего демонстрирует случай, который произошел, когда

отряды Красной Армии дошли до концентрационного лагеря на юге Польши, среди узниц которого была Татьяна Наниева¹³. Схваченная немцами в 1942 году, когда госпиталь, где она работала медсестрой, попал в окружение, она пережила два с половиной года заключения, и все это время была вынуждена наблюдать, как ее товарищи по несчастью, советские узницы, подвергались насилию со стороны немцев. Позже, в январе 1945 года, она услышала, как к лагерю приближаются солдаты Красной Армии – с большой «помпой», распевая патриотические песни и высоко подняв головы: «Нас охватили радость и ликование. Мы верили, что до победы уже рукой подать, и что вот-вот снова начнется нормальная жизнь. Я истосковалась по родине, по семье». И тут, в самый момент освобождения, когда ее переполняла радость, к ней подошли двое красноармейцев. Один из них был пьян, и он крикнул: «Ну как, вы тут хорошо развлеклись? Шлюхи!» Татьяна почувствовала, что ее мир рухнул, а военный, покачиваясь, пытался достать пистолет. Она убежала и сумела спрятаться, пока авангард армии, освободивший лагерь, не протрезвел. Но, пьяные были солдаты или трезвые, обвинение против Татьяны оставалось предельно ясным: «предательство родины». За свое «преступление» – за то, что позволила немцам захватить ее в плен, – Татьяна получила шесть лет лагерей и пожизненное поселение в Сибири.

Павел Стенькин¹⁴, которому, вопреки всем тяготам лагерной жизни, чудом удалось выжить в Освенциме, столкнулся с аналогичным обращением со стороны соотечественников. Он был одним из первых 10 тысяч советских заключенных, которых в октябре 1941 отправили в Освенцим, чтобы построить лагерь в Биркенау. К следующей весне, когда в живых из них осталось всего лишь несколько сотен, он убежал в лес и, в конце концов, сумел присоединиться к наступающей Красной Армии. Но вместо того, чтобы получить поздравления в связи с возвращением и возможность сражаться с немцами до конца войны, как он хотел, он в течение многих недель подвергался допросам, снова и снова отвечая на стандартный вопрос следователей СМЕРШа: «Когда вы вступили в немецкую армию?» Его выслали на Урал, в закрытый город Пермь, где допросы продолжались. «Меня вызывали каждую вторую ночь: “Признай это, согласишься на то, мы знаем все: ты – шпион”. Они терзали и мучили меня». Через несколько месяцев работы днем и допросов по ночам, Стенькин предстал перед судом по сфабрикованному обвинению и был осужден на многолетнее тюремное заключение. Демонстрируя уровень цинизма, действовавший в советской правовой системе, судьи прослушали его дело впопыхах, потому что боялись опоздать в театр. Только в 1953 году, после смерти Сталина, Стенькина освободили – одного из более чем миллиона советских солдат, осужденных дважды: в первый раз – немцами, а во второй – своими.

Опыт Павла Стенькина и Татьяны Наниевой особенно важен, поскольку их истории совершенно лишены тех элементов счастливого спасения, восстановления справедливости, которые привычно ожидают многие на Западе в историях о Второй мировой войне. Для целых поколений британцев и американцев эта война приобрела практически мифический характер борьбы «добра» против «зла». И, конечно, верно, что нацизм был побежден, и не может возникать никаких сомнений в том, что мир получил неизмеримую пользу оттого, что избавился от этой чумы, этого бедствия. Но история послевоенного времени не так проста, как утверждает распространенный миф. Разумеется, случался «счастливый конец» и для некоторых советских заключенных, освобожденных Красной Армией, и для очень и очень многих людей на востоке.

Когда война закончилась, Сталин тоже совершил преступления, которые – по крайней мере, частично – напоминают некоторые черты «окончательного решения еврейского вопроса» нацистами. Как и Гитлер, Сталин преследовал целые народы. Почти 100 тысяч калмыков подверглись массовой депортации со степных земель к югу от Сталинграда в Сибирь – за коллективное «преступление», заключавшееся, в глазах советского диктатора, в недостаточном сопротивлении немцам. Крымских татар, чеченцев и многие другие этнические меньшинства Советского Союза постигла та же судьба в последние месяцы войны и первое послевоенное время. Никто не знает точно, сколько советских граждан было депортировано, но это число, несомненно, превышает миллион человек. И хотя – в отличие от евреев, большинство из которых погибали, как только попадали в руки нацистов, – значительная часть народов, пострадавших при Сталине, смогли вернуться из Сибири после смерти диктатора на родину, не приходится сомневаться и в том, что чеченцы, крымские татары, калмыки и другие серьезно пострадали в результате желания Сталина наказать целые группы за преступления отдельных лиц.

В мае 1945 года на большей части Восточной Европы один жестокий диктатор сменился другим, и эта суровая действительность неизбежно оказывала влияние на многих выживших узников Освенцима, которые пытались вернуться домой. Первоначально у Линды Бредер¹⁵ создалось положительное впечатление от советской оккупации. В конце концов, именно эти люди победили нацистов, освободили лагерь и остановили массовое истребление евреев. 5 мая, когда Линду, наконец, освободили из лагеря к северу от Берлина – ее определили туда после двух с половиной лет в Освенциме, – солдаты Красной Армии вели себя «очень дружелюбно» по отношению и к ней, и к другим узникам. Несчастливым помогли найти новую одежду, чтобы можно было выбросить ненавистные полосатые робы, которые они так долго носили, – солдаты просто отвели их в ближайший немецкий дом и сказали, что они могут брать все, что захотят. Когда Линда и несколько других бывших заключенных словацких евреев прошли мимо хозяйки и начали искать одежду, испуганная женщина, жившая в том доме, закричала: «Никакой СС! Никакой СС!». Но они открыли платяной шкаф и обнаружили несколько эсэсовских форм – очевидно, хозяйка дома была замужем за эсэсовцем. В результате, они «обчистили» весь дом, выбросив ватные одеяла и другое имущество из окна и забрав всю одежду, в которой нуждались. Линда Бредер утверждает: они и пальцем не тронули женщину, – хотя и признается, что одна «сильная девочка» действительно «схватила ее и кричала на нее».

Линда думала только о возвращении в Словакию; другие мечтали о новой жизни в Америке или Израиле, но ее единственное желание состояло в том, чтобы вернуться домой. И она начала свой долгий путь через опустошенную войной Европу, где железные дороги были разбиты, а автомобильные шоссе – разрушены, и компанию ей составили несколько других словаков, узников лагерей. В Берлине они стали свидетелями того, как немецкие военнопленные ровняли землю и засыпали гигантские выбоины. Вид представителей «расы господ», принужденных заниматься физическим трудом, так взволновал Линду и других женщин, что они спросили у надзиравшего за работой

красноармейца разрешения заговорить с немцами. Он разрешил, и все женщины начали насмехаться над ними, крича: «Быстрее! Быстрее! Шевелись! Шевелись!» – а затем «стали толкать пленных». Именно в этот момент, а не во время «грабежа» дома, Линда Бредер наконец-то осознала, что ей больше никогда не придется бояться немцев. Никогда больше ее сердце не сожмется от ужаса перед «отбором», отчаянно желая, чтобы именно ее отобрали в группу тех, которым временно сохранят жизнь.

Выйдя за пределы Берлина, они продолжили идти пешком – никаких доступных видов транспорта не было. И вот, жарким летом 1945 года, когда они шли по пыльным дорогам центральной Германии, к ним подъехали красноармейцы и предложили подвезти их. Линда и другие женщины «очень испугались, потому что русские часто насиловали девушек». Но им отчаянно хотелось дать отдых натруженным ногам, и потому, несмотря на все опасения, они поднялись на борт грузовика с советскими солдатами. Но не успели они проехать и нескольких километров, как грузовик неожиданно остановился, и у них забрали почти все вещи. «Они украли даже те вещи, которые мы взяли у немцев, – говорит Линда Бредер. – Но, по крайней мере, нам сохранили жизнь».

Выброшенные на обочину, потеряв почти все имущество, они снова пошли вперед, лишь изредка отдыхая, когда удавалось немного подъехать на каком-нибудь поезде, пока, наконец, не добрались до Праги. Линда, как и многие другие женщины из их группы, нашли здесь убежище, но ее по-прежнему снедало желание вернуться домой, в Словакию, как можно скорее. И как только между Прагой и Братиславой, столицей Словакии, пустили один поезд в день, Линда смогла вернуться в родной дом в городке Стропков, на востоке страны. Наконец, после почти трехлетней разлуки с родиной, после депортации на товарных платформах, после лишений и страданий Освенцима и тягот возвращения с севера Германии, она достигла цели, о которой так долго мечтала – она стояла перед дверью своего дома. Но случилось неожиданное: похоже, теперь в нем кто-то жил. Она постучала, и через несколько минут ей открыл русский или украинец. «Чего надо?» – грубо спросил он. «Я вернулась домой», – ответила она. «Вали туда, откуда пришла!» – рявкнул он и захлопнул дверь у нее перед носом.

Линда была в состоянии шока. Она пошла по центральной улице своего родного города и пока бродила, то совершила неожиданное открытие: все здания, которые раньше принадлежали ее друзьям и родственникам, теперь были заняты людьми из Советского Союза: «Когда я заглядывала в окна тех домов, у меня возникало чувство, что за мной пристально следят чужие глаза». Похоже, здесь остались только не-евреи, но многие из них когда-то хорошо относились к Линде и ее семье, и она все еще думала, что они, по крайней мере, обрадуются ее возвращению. Она ошибалась. «Я узнала одну женщину, – говорит Линда, – но она не подошла ко мне, чтобы сказать: «Рада вас видеть». Все старались держаться от меня подальше, словно я была заразная, или что-то в этом роде. Я уехала на следующий день и больше туда не вернулась. Возвращение домой оказалось худшим из всего пережитого. Это была настоящая катастрофа».

История горького возвращения домой Линды Бредер типична для многих оставшихся в живых – не только после Освенцима, но и после других лагерей. В плену их поддерживали мысли о доме, они верили, что смогут вернуться к той жизни, которую вели раньше, как только война закончится. Но это было невозможно. Линда Бредер, в конечном счете, уехала из Словакии и начала совершенно новую жизнь в Калифорнии.

Вальтер Фрид¹⁶ – еще один словацкий еврей, который вернулся домой летом 1945 года. Ему было 17 лет, и он находился в трудовом лагере в Словакии вместе с семьей. Депортации словацких евреев прекратились в октябре 1942 года – частично в результате давления со стороны одной из фракций словацкого правительства, и впоследствии многие словацкие евреи остались на каторжных работах в своей стране, а не были выданы нацистам. Вальтер происходил из относительно богатой семьи: его отцу принадлежали ресторан и служба такси в городе Топольчаны, и до 1939 года они все жили счастливо рядом со своими соседями. Теперь, после победы над фашизмом, они вернулись домой, ожидая, что смогут наладить свою прежнюю жизнь.

Немногим из них удалось вернуться домой: из 3200 евреев, проживавших в городе перед войной, обратно пришли только приблизительно 10 процентов. Но они и представить себе не могли, что когда они вернутся назад, их ожидает всеобщая ненависть. В их квартире жили чужие люди, а когда они попытались вернуть себе жилье, те отказались съезжать. С рестораном история повторилась. Новый владелец заявил им, что под советской оккупацией бизнес «национализировали», а поскольку арендную плату вносит он, то он находится там законно.

И Фриды решили, что спасение может быть только в одном. Перед депортацией отец Вальтера попросил своих добрых друзей, христиан, спрятать его золото, драгоценности и деньги. Теперь, преисполненные уверенности в благополучном исходе дела, они пошли к друзьям, чтобы забрать ценности. Они пришли во время обеда, и разговор изначально не клеилась. Наконец, отец Вальтера коснулся темы, которая занимала умы всей семьи, и сказал: «Мы оставили вам небольшой пакет, и вам прекрасно известно, что в нем находилось – золото, бриллианты и деньги». Но, согласно воспоминаниям друзей, речь шла совсем о других вещах: они заявили, что, хотя Фриды и оставили у них кое-что, в пакете лежали лишь несколько предметов одежды, и они с радостью их вернут. «Но мы дали вам золото и бриллианты!» – в отчаянии воскликнул отец Вальтера. Но все было бесполезно: они так и не смогли вернуть свои ценности.

Чувство опустошения, которое испытывали Фриды, было вызвано не только прямым воровством их денег и собственности, но и эмоциональным предательством. «Мы потеряли всякую надежду, – говорит Вальтер Фрид, – на то, что добрый христианин, который когда-то был другом еврею, человек, которого еврей всегда поддерживал, – например, давал ему пищу, когда у христианина, пришедшего в наш ресторан, не было ни гроша, – ответит добром на добро. Они не хотели, чтобы мы возвращались, ведь тогда им пришлось бы заплатить по счетам – или, глядя нам прямо в глаза, заявить: «Мы вам ничего не должны». Наши лучшие довоенные друзья стали нашими злейшими врагами. В 1945 году нам угрожали гораздо чаще, чем в 1942-м, когда мы уехали. Вот, сколько там было ненависти».

Одной летней ночью 1945 года ненависть, направленная против них, приняла физическую форму. Вальтер и его отец шли по улице в Топольчанах, когда им встретилась группа приблизительно в тридцать молодых парней. Один из них был старым школьным другом Вальтера, еще до войны; его звали Йошо. Однако теперь Йошо не выказывал

никакого дружелюбия. Молодые люди рванулись к Вальтеру и его отцу и начала бить их. «Еврей! Ты еврей!» – кричал Йошо, нанося удары. Когда Вальтер, избитый, лежал на земле, он вспомнил, как перед войной, в школе, он делил с Йошо свой хлеб. И он спросил: «Разве мало тебе того, что ты ел мой хлеб? Теперь ты приходишь ко мне и бьешь меня! За что?» Но вместо ответа Йошо лишь повторял: «Еврей! Ты еврей!»

Остальные нападающие вопили: «Еврей! Вы пьете кровь христиан!» Они избивали Вальтера и его отца не только кулаками, но и палками, пока на жертвах не осталось живого места. Нападение было совершено в открытую, на одной из главных улиц города, и Вальтер заметил, что ни один человек не остановился, чтобы помочь им, хотя кое-кто из прохожих знал их лично. «Раньше я думал, что знаю очень много людей, – говорит Вальтер, – но внезапно выяснилось, что нас никто не знает». Затем молодые люди оттащили их к районному полицейскому участку и бросили там на ступеньках. «Полиция вела себя не лучше, – вспоминает Вальтер. – Вместо того чтобы побежать за ними и арестовать, полицейские дали им уйти. А потом нас еще раз избивали». Вальтер понял, что больше им оставаться в Словакии нельзя, и при первой же возможности эмигрировал в Израиль, где и живет сейчас.

Сообщалось также о послевоенных погромах евреев в Польше, и никто не знает, сколько еще евреев, возвращающихся из лагерей, пережило подобный опыт по всей Восточной Европе. Никто не проводил подробных статистических исследований о том, скольким людям отказались вернуть их имущество. Но существующие доказательства позволяют предположить, что истории Вальтера Фрида и Линды Бредер – отнюдь не единичные случаи, а являются частью тенденции. В атмосфере хаоса послевоенных лет, когда население приспособилось к жизни при новых хозяевах, правосудие для евреев, оставшихся в живых после жестоких гонений на их народ, занимало далеко не первые места в повестки дня, если вообще в ней стояло.

Тойви Блатт, сбежавший из Собибора в октябре 1943 года, получил еще более горький опыт того, что жизнь никогда не вернется в относительно спокойное русло довоенного времени. Бродя по Польше после восстания, скрываясь от немцев и обращаясь за помощью к местным жителям, он обнаружил, что многие поляки отказывались помогать ему – не только из-за страха перед нацистами, но и из-за откровенного антисемитизма. Когда, наконец, один крестьянин согласился спрятать его в подвале одной из служебных построек, то это произошло в результате чисто деловой сделки – крестьянин потребовал деньги за свое согласие спрятать беглеца. Война не закончилась так быстро, как ожидалось. И тогда один из родственников крестьянина пришел в укрытие Тойви и попытался убить его. Тойви притворился мертвым – только так ему чудом удалось спастись.

В конце войны Тойви Блатт вернулся в свой дом в Избице, но обнаружил, так же, как и Линда Бредер и Вальтер Фрид, что еврейская община в его городе уничтожена. Он впоследствии покинул Избицу и попытался начать все с чистого листа в другом польском городе, но особого счастья не познал. «Большую часть своей жизни я провел в Польше, – говорит он, – [но] я все равно чувствовал, что мне там не место. Я хотел жениться, но была проблема – как она отреагирует на то, что я еврей? Должен сказать, большинство отнеслись бы отрицательно». Тойви чувствовал себя чужаком на земле, где жил с рождения, и в 1957 году он воспользовался возможностью и эмигрировал: сначала в Израиль, а затем в Америку. Он видел признаки антисемитизма и со стороны коммунистической партии Польши: по его ощущениям, они воспринимали евреев как «пятую колонну».

Тойви Блатт, в конечном счете, хорошо устроился в США, но он всегда чувствовал, что в какой-то степени остался поляком, и потому в начале 1990-х приехал в Избицу. Он снова вошел в деревню, которая когда-то была родиной для почти 4 тысяч евреев, но теперь здесь не было ни одного еврея. Один его друг, поляк и католик, который жил там, всегда говорил, чтобы Тойви, если он однажды приедет в город, остановился у него; но теперь, когда Тойви и правда приехал и захотел воспользоваться тем предложением, ему отказали в приюте, не объяснив причины – хотя Тойви чувствовал, что слишком хорошо понимает: «Он не хотел, чтобы соседи знали: в его доме ночевал еврей».

Нежелание признаваться в дружбе или даже в простом знакомстве с Тойви Блаттом распространялось и на тех поляков, которые прятали его во время войны. Как говорит Тойви (и эти слова впервые звучат из уст еврея), ему встречались благородные и смелые поляки, дававшие ему пищу и кров во время долгого странствия домой из Собибора (и недавние исследования по грантовой программе, проведенные в Варшаве, демонстрируют, что количество таких храбрецов исчисляется тысячами)¹⁷. Но вместо того, чтобы испытывать гордость за свои поступки, некоторые сегодня испытывают только стыд. Когда Тойви вместе с католическим священником проходил через соседнюю деревню, то указал на дом человека, помогавшего ему во время войны, и двинулся к входной двери. Но тот человек спрятался за занавеской и отказался впускать их. И снова причина такого поведения не стала загадкой для Тойви: «Многие из тех, кто прятал евреев, не хотели, чтобы соседи знали об этом, потому что тогда все начнут говорить: “О, он получил кучу денег за то, что прятал евреев”».

Но самый ужасающий пример того, какими живучими оказались антисемитские убеждения и ценности, произошел, когда Тойви посетил свой старый семейный дом в Избице. Он постучал в парадную дверь и спросил человека, который теперь там жил, нельзя ли ему войти внутрь и осмотреться в доме, где он вырос, доме, где он прятался от немецких «акций», доме, где провели свои последние дни его дорогие мама и папа, прежде чем их отвезли в Собибор. Сначала новый владелец отказался впустить незнакомца, но когда Тойви сунул ему в руку три доллара, отошел в сторону. Тойви сразу же заметил в гостиной кресло и сказал, что оно когда-то принадлежало его отцу. «Нет-нет, – возразил мужчина. – Этого не может быть».

Тогда Тойви взял кресло, перевернул его и продемонстрировал свою фамилию, написанную на обратной стороне сиденья. Тогда мужчина сказал: «Господин Блатт, к чему вся эта комедия с креслом? Я ведь знаю, зачем вы пришли». Тойви растерянно посмотрел на него. «Вы пришли забрать спрятанные деньги, – продолжал новый владелец дома. – Мы можем разделить их: 50 процентов – вам, и 50 процентов – мне». Разъяренный Тойви Блатт выскочил на улицу, не удостоив собеседника и взглядом.

У этой истории есть и примечательное послесловие, достойное места в поучительной истории. Когда Тойви снова вернулся в Избицу, то, проходя мимо своего старого дома, увидел одни развалины. Тогда он зашел к соседям и

спросил их, что произошло. «Ох, господин Блатт, – сказали они, – когда вы уехали, мы просто не могли заснуть, потому что он день и ночь искал клад, которой вы, якобы, запрятали в доме. Он разобрал пол, стены разобрал – вообще все. И в результате он оказался в ситуации, когда уже ничего не мог починить – на ремонт ушло бы слишком много денег. Вот и остались от дома одни развалины».

Но если послевоенный опыт Тойви Блатта, Линды Бредер и Вальтера Фрида иллюстрирует темные и мрачные стороны условий человеческого существования, то история, произошедшая в другой части Европы, более утешительна. Когда датские евреи вернулись домой (большинство – из изгнания в Швеции, некоторые – из нацистского лагеря-гетто Терезиенштадт), их ожидал очень теплый прием. «Здесь все было совсем не так, как в тех местах, где люди захватили собственность евреев и поселились в их домах, – говорит Бент Мельхиор¹⁸. – Здесь никто ничего не трогал». Как только семья Мельхиора вернулась в город, хозяин их квартиры сообщил об этом новым квартирантам, и уже через три месяца они жили в точности так же, как и до депортации. Хозяин квартиры даже тщательно собрал их мебель и хранил ее, ожидая их возвращения.

Руди Бир¹⁹ и его семья также вернулись домой, в Данию, и обнаружили, что их квартира находится в «безупречном» состоянии. Все то время, пока их не было, друзья вносили за них арендную плату. «Возвращение оказалось просто замечательным, – вспоминает он, – создавалось впечатление, что нас ждали». Худшее, что он может назвать, – это проблемы в семье его жены. Они забыли в квартире сырую утку, и 18 месяцев спустя, вернувшись домой, обнаружили утку на месте, но почти полностью разложившуюся. С того момента его теща больше никогда не ела утку.

Как правило, по возвращению датские евреи жили намного лучше, чем польские или словацкие евреи, и причины этого, в основном в сложившейся ситуации. Евреи, пытавшиеся заново организовать свою жизнь в странах, теперь занятых Советским Союзом, оказались перед лицом практически невыполнимой задачи – попытаться вернуть себе собственность в новой политической системе, которая проповедовала полную национализацию и старалась не допускать того, чтобы дома и фабрики оказывались в личной собственности, как было до войны. Не-евреи, въехавшие в дома или квартиры, стоявшие пустыми, когда евреев насильственно депортировали, теперь могли просто сказать, что это – государственная собственность, и они ее арендуют (как произошло, когда Фриды попытались вернуть свой ресторан в Словакии). Разумеется, многие не-евреи в этих странах не хотели вспоминать о том, как они вели себя во время нацистской оккупации и преследования евреев; кроме того, учитывая масштабы убийств, немногим евреям вообще удалось вернуться домой, и поднимать подобные вопросы было просто некому. Желание советской власти изобразить нацистскую кампанию геноцида как направленную исключительно против тех, кто выступал «против фашизма», также сыграло на руку желанию многих не-евреев в Восточной Европе вымарать травмирующие события «окончательного решения еврейского вопроса» нацистами из своей истории. Щекотливых вопросов оказалось просто слишком много, чтобы на них отвечать.

Пример за примером в этой истории демонстрируют, как тяжело большинству идти наперекор преобладающим культурным традициям. Йошо, старый друг Вальтера Фрида, повернулся к нему спиной не потому, что самостоятельно принял такое решение, а потому, что изменилась окружающая его культура – как в результате прибытия советских сил, так и вследствие присутствия после войны тех немногих евреев, кому все же удалось возвратиться домой, и кто своим существованием напоминал всем о том прошлом, которое многим хотелось позабыть. Выбор есть всегда, но плыть по течению гораздо легче. И если это течение, в итоге, несет к антисемитизму и гонениям, то так тому и быть.

Датчане, с другой стороны, с такими трудностями не сталкивались. Поскольку они чувствовали, что осенью 1943 года, перед лицом совершения попытки депортации, вели себя безупречно, то возвращение датских евреев после окончания войны стало событием, достойным грандиозного праздника, а не забытья. С экономической, политической, возможно, даже нравственной точки зрения, сразу после войны было проще быть датчанином, чем поляком или словаком. Я вовсе не хочу сказать, что жизнь для евреев, вернувшихся в свои бывшие дома в странах Западной Европы, всегда была легкой – ни в коем случае. Несмотря на работу Американского еврейского объединенного распределительного совета и средств на возмещение ущерба, выплаченных Федеративной Республикой Германия Израилю через Люксембургское соглашение в 1950-х гг., многие евреи так и не получили причитающиеся им суммы. Борьба за надлежащую компенсацию и возмещение убытков продолжается, разумеется, и по сей день.

В то время как пережившие нацистское преследование попали в совершенно разные ситуации уже после окончания войны, их преследователи из СС с момента капитуляции Германии точно знали, что оказались на грани ареста и судебного преследования. И точно так же, как стремился скрыть свое прошлое Рудольф Хесс, Оскар Гренинг²⁰, намного менее значительный винтик в машине Освенцима, пытался последовать его примеру. В 1944 году его ходатайство о переводе в пограничные войска, наконец, удовлетворили, и он поступил в распоряжение подразделения СС, сражавшегося в Арденнах. Он успел получить ранение, пролечиться в полевом госпитале и вернуться в строй, прежде чем подразделение сдалось британцам – это произошло 10 июня 1945 года. Как только они оказались в плену, британцы вручили им всем анкеты. Тогда-то Гренинг и понял, как он выражается, что «причастность к работе концентрационного лагеря Освенцим вызовет негативную реакцию», и потому он «попытался не привлекать к этому внимания». И он написал в анкете, что работал в Главном административно-хозяйственном управлении СС в Берлине. Он поступил так не потому, что его внезапно охватил стыд из-за событий в Освенциме, но потому, что «победитель всегда прав, и мы понимали, что то, что произошло там [в Освенциме], не всегда соответствовало правам человека». Гренинг по-прежнему считает: «время, проведенное мной в качестве военнопленного, стало последствием моего членства в «Ваффен-СС», которую задним числом назвали преступной организацией. Вот так я и узнал, что, сам того не подозревая, был членом преступной организации».

Вместе с остальными эсэсовцами он оказался заключен в старый нацистский концентрационный лагерь, что

было «не очень приятно – своеобразная месть виновным». Но жизнь улучшилась, когда, в 1946 году, его перевели в Англию. И уже здесь, вынужденно став черноработчим, он вел «очень комфортную жизнь». Он хорошо питался и зарабатывал достаточно на остальные потребности. Он стал петь в хоре Ассоциации молодых христиан, и в течение четырех месяцев разъезжал по Англии и Шотландии, участвуя в концертах. Он исполнял немецкие религиозные гимны и английские народные песни, такие, как «Влюбленный и его девушка», благодарным британским слушателям, которые спорили за право предоставить ночлег одному из немцев, дать им возможность сладко поспать и вкусно поесть.

В 1947 году, когда его, наконец, освободили, и он вернулся в Германию, то обнаружил, что, как член СС, не может занять свою прежнюю должность в банке, и потому согласился на работу на стекольном заводе и начал долгий путь вверх по служебной лестнице. Он и дальше старался не привлекать «неуместного внимания» к своей работе в Освенциме, и, более того, настаивал на том, чтобы его близкие тоже вытерли эти воспоминания из своей памяти. Однажды, вскоре после возвращения в Германию, он сидел за обеденным столом с отцом и родителями жены, и «они сделали какое-то глупое замечание об Освенциме», намекая на то, что он «потенциальный или настоящий убийца». «Я взорвался! – говорит Гренинг. – Я ударил кулаком по столу и сказал: «Это слово и эта ситуация никогда, никогда больше не должны упоминаться в моем присутствии, иначе я съеду!» Я говорил довольно громко, и ко мне прислушались, и больше никогда об этом не упоминали». Таким образом, семья Гренинга устроилась на прежнем месте и начала строить свое будущее в послевоенной Германии, наслаждаясь плодами немецкого «экономического чуда».

Послевоенные годы также увидели создание государства Израиль и, как следствие, согласованные действия хорошо финансируемых и хорошо организованных сил безопасности по розыску нацистских преступников. Их самой известной успешной операцией стал арест Адольфа Эйхмана в Аргентине, его последующая тайная транспортировка в Израиль и суд в Тель-Авиве в 1961 году. Моше Тавор²¹ был членом той группы израильской службы безопасности, которая захватила Эйхмана. Но, хоть он и гордился результатом спецоперации, о которой объявили на весь мир, с его точки зрения, гораздо более важным итогом работы стала секретная «месть», которую он осуществил в первые послевоенные месяцы.

В 1941 году, в возрасте 20 лет, Моше Тавор вступил в британскую армию, а впоследствии перешел в Еврейскую бригаду, где служили 5 тысяч еврейских солдат под командованием бригадного генерала Эрнеста Бенджамина, канадского еврея. Их войсковой эмблемой была Звезда Давида – сейчас она изображена на флаге государства Израиль. Евреи из Палестины впервые стали служить в британских войсках в 1940 году, а в 1942 году Палестинский полк уже сражался в Северной Африке. Но долгие годы в правительстве Великобритании существовало сильное неприятие, особенно со стороны Невилла Чемберлена, формирования отдельной части, состоящей исключительно из евреев. Уинстон Черчилль оказался намного терпимее в этом отношении, и в 1944 году Еврейская бригада, наконец, была сформирована.

Во время продвижения с боями по северной Италии и сразу после окончания войны Моше Тавор и его товарищи все больше узнавали о том, что евреям приходилось терпеть от нацистов. «Мы были в ярости, – просто говорит он. – И многие из нас почувствовали, что нашего участия в войне недостаточно». И Моше Тавор с товарищами стали думать, как можно «отомстить» немцам. Во-первых, по его словам, они использовали все свои связи в военной разведке и еврейских организациях, чтобы получить список имен немцев, которые, предположительно, тем или иным образом были причастны к убийствам евреев. Затем они замаскировали свои машины: покрасили Звезду Давида, а на ее месте нарисовали опознавательные знаки не-еврейских подразделений, и надели нарукавные повязки британской военной полиции. Закончив всю эту подготовку, они стали подъезжать к домам подозреваемых преступников и забирать их для «допроса»: «У тех не возникало никаких подозрений, – говорит Тавор, – ведь они не знали, что мы из Еврейской бригады – они думали, что мы британские солдаты. Мы просто забирали их, одного за другим, и они не оказывали нам никакого сопротивления. И с тех пор они уже больше ничего не видели. Они больше никогда не видели своего дома».

Моше Тавор и другие члены Еврейской бригады ехали вместе с пленным немцем подальше от возможных свидетелей и «судили его». Они перечисляли ему все обвинения, которые когда-то выдвигали против них, а затем «иногда мы давали ему возможность сказать несколько слов». После чего, без единого исключения, они «пускали его в расход». Они стремились не оставлять никаких следов убийства – ни крови, ни трупа: «Мы прибегали к одному и тому же методу: один из нас душил пленника». И он признается, что лично задушил одного вероятного преступника: «Не то, чтобы я получил удовольствие, но я это сделал. Мне никогда не приходилось пить, чтобы подстегнуть себя. Мне всегда хватало мотивации. Я не говорю, что мне было плевать, но я и не волновался, я просто делал свою работу. Пожалуй, меня даже можно сравнить с самими немцами, которые, в свое время, тоже просто делали свою работу». После убийства подозреваемого они избавлялись от тела. «Потом мы ехали в какое-нибудь место, которое выбрали заранее. Мы привязывали к ногам трупа груз, например, кусок двигателя, а затем бросали его в реку».

Моше Тавор не испытывает никаких сожалений на тот счет, что он вот так убивал немцев: «Когда я это делал, мне было очень хорошо. Я имею в виду – не в момент убийства, а в течение того [всего] промежутка времени. Я не могу сказать, что теперь мне из-за этого плохо. Вы можете сказать мне, что я убивал людей, но я-то знаю, кого убивал. И потому я не горжусь, но и вины за собой не чувствую. Я не просыпаюсь по ночам из-за кошмаров или еще чего-то. Я хорошо сплю. Хорошо ем. Я живу».

Моше Тавор признает, что его версия «правосудия» далека от надлежащего судебного заседания с судьей и жюри присяжных, и признается, что «за свою жизнь, до того периода, я совершал довольно многое, что нельзя назвать правильным». И, конечно, «доказательства», которые он и его товарищи могли в то время собрать, были немногим больше, чем простые подозрения – то были обвинения, которые никто и никогда не стал бы проверять в нормальном суде. Таким образом, существует возможность, скорее высокая вероятность того, что он принимал участие в убийстве невинных людей.

Но он и его товарищи испытывали такой гнев, что готовы были пойти на подобный риск. Более того, он даже был свидетелем того, как члены Еврейской бригады убивают немцев, в отношении вины которых у них не было вообще никаких доказательств: «У нас были ребята, которые действовали спонтанно. У каждого были брат или мать, которых убили [нацисты]. И когда мы были в Германии или Австрии, и они видели немца на велосипеде, водитель машины просто сбивал его».

Моше Тавор говорит, что лично «приблизительно пять раз» участвовал в убийствах из мести, и утверждает, что в целом его товарищи по Еврейской бригаде «участвовали приблизительно в двадцати казнях». Учитывая, что Тавор и его товарищи действовали вне закона, неудивительно, что конкретизировать все детали его показаний почти невозможно. Он очень осторожен: не называет имен конкретных людей, которых он убил, или названий конкретных мест, где совершались убийства. С другой стороны, всегда есть вероятность того, что действительность была менее серьезной, чем подготовленная кампания, которую он описывает – возможно, на самом деле произошло только несколько убийств подозреваемых нацистов (и нужно критически подходить к его заявлению о том, что убийства основывались на надлежавшей «разведке»).

Но другие доказательства²², включая показания Хаима Ласкова, бывшего начальника штаба израильской армии, подтверждают тот факт, что члены Еврейской бригады принимали участие в «убийствах из мести», а неудавшиеся попытки других еврейских «мстителей» отравить водоснабжение лагеря, где содержались заключенные СС, сомнений не вызывают²³.

Мотивы, лежащие в действиях Моше Тавора и его товарищей по Еврейской бригаде, кажутся достаточно прозрачными: отомстить за убийства евреев, в некоторых случаях, приходившихся мстителям родственниками. Но на самом деле, все не так уж и просто. Было еще кое-что, другой мотив, пусть и подсознательный, заставивший их быть безжалостными – мучительное чувство, что евреи, пострадавшие от рук немцев, оказали недостаточное сопротивление. «Я не мог понять, – признается Тавор, – как шесть или восемь немецких солдат могли заставить сто пятьдесят человек сесть в грузовики и покинуть родной дом. Я думаю, что, наверное, напал бы на одного из тех немцев и скорее позволил бы им убить меня и покончить с этим ужасом. Но я – не такой человек, как те евреи, которые жили в небольших польских городках. В детстве мы притворялись древними еврейскими героями и играли в войну. Я чувствую очень сильную связь с людьми, которые сражались здесь [в Израиле] две тысячи лет назад, и куда меньшую связь с евреями, которые пошли, как бараны на бойню, – этого я никак не мог понять».

Позиция Моше Тавора не уникальна. Кое-кто из тех, кто выжил в лагерях и обосновался в Израиле после войны, утверждают, что столкнулись со скрытой недоброжелательностью из-за того, что практически не сопротивлялись нацистам. И неважно, что для женщин и детей, не имевших родины и живших в таких сообществах Восточной Европы, где соседи даже теперь мало им сочувствуют, оказывать сопротивление было бы почти невозможно. У других людей очень живуче молчаливое убеждение, что евреи не должны были идти, как выражается Моше Тавор, «как бараны на бойню». И если такие люди, как Моше Тавор, и извлекли какой-то урок из «окончательного решения еврейского вопроса» нацистами, и стремились заложить его в дух нового государства Израиль, так это убеждение, что евреи больше никогда не должны подчиняться врагу без сопротивления.

В то время как Моше Тавор осуществлял свое однозначно несанкционированное возмездие немцам, Союзники пытались действовать в рамках закона и ловить преступников. Сначала удача им никак не улыбалась. Большинство эсэсовцев, работавших в Освенциме, не были опознаны сразу же после войны. Такие значимые фигуры, как доктор Менгеле и Рудольф Хесс, с самого начала были арестованы Союзниками, а затем освобождены. В случае Менгеле отсутствие татуировки с группой крови в области подмышки, типичной для эсэсовцев, означало, что его никогда и не считали членом СС, а маскировка Хесса под моряка немецкого военно-морского флота подразумевала, что его никогда и не осматривали на предмет татуировки.

Но к осени 1945 года Отдел по расследованию военных преступлений 21-й армейской группы и британской разведслужбы напали на след Рудольфа Хесса²⁴. Британцы впервые подробно узнали о его карьере в результате освобождения Берген-Бельзена. Тщательный опрос выживших принес интригующие новости: многие из них с ужасом говорили о времени, проведенном в другом лагере в Верхней Силезии, – Освенциме. Теперь англичане решили захватить коменданта этого лагеря смерти. Разведслужба знала, что зачастую преступников проще всего найти через их родственников. Некоторые нацисты, возможно, обзавелись новыми документами, новыми именами, возможно, даже сбежали из страны, но остались эмоционально привязанными к женам и детям, а найти их семьи почти всегда было гораздо легче. Это оказалось справедливым и в отношении фрау Хедвиги Хесс и ее детей. Британская разведка выследила их в деревне в 10 километрах от Бельзена и немедленно взяла под наблюдение.

Наконец, 8 марта 1946 года фрау Хесс арестовали и заключили в тюрьму. В течение нескольких дней ее неоднократно спрашивали, где находится ее муж, и каждый раз она отвечала: «Он умер». Наконец, британским разведчикам удалось хитростью вынудить ее рассказать правду. К задней части тюрьмы примыкала железнодорожная ветка, и по ней к стене камеры фрау Хесс с шумом подошли поезд. Вот что говорит капитан Уильям «Виктор» Кросс, командир 92-го отделения контрразведки: «Тогда мы сообщили фрау Хесс, что уже готов поезд, на котором ее трех сыновей увезут в Сибирь, если она не скажет нам, где ее муж и как его теперь зовут.

Если она откажется, то у нее есть две минуты, чтобы попрощаться с сыновьями... Мы оставили ее приблизительно на десять минут, снабдив бумагой и карандашом, чтобы она записала интересующую нас информацию. К счастью, наш блеф сработал; она записала информацию, и ее вместе с сыновьями отправили домой»²⁵.

Фрау Хесс сообщила, что ее муж живет на ферме у поселения Готтрипель, возле города Фленсбург. Разведчики немедленно отправились на север Германии, на месте связались с 93 отделением контрразведки, и в 11 часов вечера понедельника 11 марта подошли к ферме. Они застали Хесса врасплох: тот лежал в пижаме на койке в конюшне, также служившей скотобойней. Британский военврач быстро разжал Хессу рот, чтобы достать оттуда капсулу с ядом – они все знали, что за год до того Гиммлеру удалось покончить с собой именно таким образом. Британский сержант

четыре раза ударил Хесса по лицу, и только тогда Хесс признался, что он – это действительно он. Затем его потащили к одному из столов скотобойни, где, по свидетельству одного британского солдата, «удары и крики сыпались один за другим». Военврач велел капитану Кроссу: «Отзовите их, если не хотите привезти с собой его труп!» Хесса завернули в одеяло, швырнули в машину и отвезли в штаб контрразведки в городе Хайде.

Рано утром, когда они туда приехали, шел снег, но Хесса заставили обнаженным пройти через весь окруженный бараками двор к камере. Затем ему трое суток не давали спать – солдатам приказали толкать его обухом топора, если им покажется, что он засыпает. По словам самого Хесса, его также избили его собственным стеклом для верховой езды. Наконец, 14 марта он подписал признание, занявшее восемь страниц.

Есть люди, отрицающие Холокост, которые указывают на то, что оскорбления и избиения, выпавшие на долю Хесса от рук британских солдат после ареста, дискредитируют его признания. Но, хотя и можно утверждать, что самое первое признание Хесса не безупречно, однако во время последующего заключения и допросов (сначала в «Томате» – кодовое название пересыльного центра военных преступников № 2 в Симеоновских казармах, – а впоследствии и в Нюрнберге, и во время суда над ним в Польше) нет никаких доказательств того, что Хесса снова оскорбляли или избивали. Именно в этот период он написал мемуары – он даже отметил в них, насколько благодарен своим тюремщикам за возможность написать свою историю. И ни тогда, ни за свидетельской трибуной, когда у него были для этого все возможности, он не отрекся от первоначального признания, хотя и чувствовал себя в достаточной безопасности, чтобы сделать запись об избиении британскими солдатами.

В апреле 1947 года Рудольф Хесс вернулся в Освенцим, в то же самое здание, где некогда работал. Только на сей раз его посадили в подвал, где находились камеры-кабинеты администрации СС, а не водрузили за стол в его личном кабинете на первом этаже. Было решено, что человека, распоряжавшегося жизнью и смертью более миллиона человек в Освенциме, следует казнить на месте его преступлений – это будет символично. Но в день, на который первоначально наметили исполнение приговора, возникли непредвиденные трудности.

На казнь пришли несколько тысяч человек, многие – бывшие узники Освенцима. Атмосфера накалялась, они начали давить на деревянный забор, специально возведенный для сдерживания толпы. Бывший узник, видевший происходящее своими глазами, Станислав Ганц²⁶, говорит, что возникла реальная угроза того, что «Хесса попросту линчуют». Он слышал, как в толпе поднялся ропот. Как поступят солдаты, стоящие на страже, если толпа хлынет вперед? Начнут ли они стрелять? Ситуация стала настолько опасной, что в назначенное время Хесса даже не вывели из камеры. Срочно разработали хитроумный план: солдаты, чеканя шаг, ушли с площадки, а затем и вовсе уехали, сопровождая автомобиль, в котором, как все думали, находился Хесс. Но Хесса никуда не увозили; его оставили на всю ночь в камере, а на следующее утро вывели наружу. Рудольф Хесс приготовился умереть – свидетелями казни были лишь несколько человек, а не кричащая толпа, как накануне. «Глядя на то, как он поднимается на виселицу, ступенька за ступенькой, и, зная его как несгибаемого сторонника нацистов, я ожидал от него последних слов, – говорит Станислав Ганц, один из немногих свидетелей казни. – Думал, что он сделает заявление, прославляющее нацистскую идеологию, за которую он умирал. Но нет. Он не произнес ни слова».

Смерть Хесса наступила быстро – в полную противоположность того, чего хотел Ганц, переживший немало мучений в лагере: «Я считаю, что Хесса следовало поместить в клетку и провезти по всей Европе, чтобы все могли на него посмотреть – и чтобы все могли в него плюнуть, чтобы ему вернулось все то, что он сделал». Но остается интригующий вопрос: возможно ли было «вернуть» Хессу все то, что он совершил? Все подсказки в его автобиографии, которую он закончил незадолго до собственной казни, говорят об одном: все унижения и избиения в мире не заставили бы Хесса заглянуть в свою душу и понять, что все его поступки были чудовищно неправильными. Конечно, в автобиографии он пишет, что «теперь» понимает всю ошибочность истребления евреев – но лишь с точки зрения тактики, поскольку «окончательное решение еврейского вопроса» навлекло на Германию ненависть всего мира.

Мой личный опыт встреч со многими бывшими нацистскими преступниками говорит, что один-единственный абзац в мемуарах Хесса дает подсказку в отношении того, что он на самом деле чувствовал перед смертью. В нем он спрашивает – как спрашивал на Нюрнбергском процессе, – что произойдет с пилотом, отказавшимся сбросить бомбы на город, где, как он знал, находятся, главным образом, женщины и дети. Разумеется, говорит Хесс, такой пилот пошел бы под трибунал: «Люди утверждают, что такие вещи сравнивать нельзя, – пишет Хесс. – Но я считаю, что эти две ситуации вполне сопоставимы»²⁷.

В сущности, Хесс оправдывает свои действия с помощью упрощенного сравнения: Союзники убивали женщин и детей с помощью бомб, нацисты убивали женщин и детей с помощью газа. К этой аргументации до сих пор прибегают многие бывшие преступники (и апологеты нацизма). Один бывший член СС, отказавшийся давать официальное интервью, зашел так далеко, что в случайной беседе со мной заявил: «Дети, умершие в наших газовых камерах, страдали меньше, чем дети, умершие во время вашей бомбежки немецких городов». Оскар Гренинг высказывается более откровенно, но при этом осторожнее подбирает слова: «Мы видели, как на Германию сбрасывают бомбы, как женщины и дети умирают в огненных бурях. Мы видели это и говорили себе: «Это война, и обе стороны ведут ее именно так», и Холокост был частью борьбы с подстрекателями войны, частью нашей борьбы за свободу». С его точки зрения, тот факт, что Союзники, «независимо от военной необходимости, убивали женщин и детей, сбрасывая на них фосфорные бомбы», а после войны не понесли никакой ответственности за свои действия, означает, что обвинять в «военных преступлениях» исключительно эсэсовцев – просто лицемерно.

Конечно, подобное сравнение вызывает отторжение у любого человека. И несложно повторить аргументы о принципиальном различии между этими двумя действиями – бомбардировкой городов Союзниками и истреблением евреев нацистами. Немецкое командование могло прекратить бомбежку мгновенно, просто сложив оружие, в то время как истребление евреев было идеологически обоснованным политическим курсом. А вот целью бомбардировок не являлась никакая отдельная группа немцев, в отличие от целенаправленного убийства нацистами конкретной категории населения. Бомбардировщики стремились разрушить, прежде всего, города и здания, а не

уничтожить людей. К тому же, нацистское преследование евреев (например, бесчеловечный «план Ниско», разработанный Эйхманом) предшествовало бомбежке немецких городов. И потому заявления о том, что бомбежка каким-то образом оправдывает преступления нацистов против евреев, не имеют смысла. Любое сравнение прагматичных топографов Союзников и таких одержимых ненавистью к евреям, как Гитлер, Гейдрих или Эйхман, нелепо и абсурдно. А, кроме того, есть и еще один аргумент, зачастую – первое прибежище неспециалиста, и звучит он просто: «Немцы первыми начали, когда стали бомбить британские города – до того, как британцы разбомбили Берлин». Но на самом деле, это самое слабое объяснение из всех: ведь едва ли может служить оправданием собственных преступлений тот факт, что ваш враг совершил его до вас.

Однако, несмотря на все попытки дифференцировать два метода убийства, надуманное сравнение между ними, проводимое Хессом и другими нацистами, тем не менее, вызывает беспокойство и смущение. Одна причина этого состоит в том, что, как известно, среди лидеров Союзников возникло беспокойство в связи с политикой бомбежки немецких городов – и не в последнюю очередь, к концу войны, такую тревогу испытывал сам Черчилль. И совершенное в последние годы открытие, что весной 1945 года одним из критериев, на основании которых Союзники решали, на какие именно немецкие города следует сбросить бомбы, была их «горючесть» – критерий, приведший к уничтожению, например, такого средневекового города, как Вюрцбург, – только усиливает чувство неловкости. И есть еще одна, менее очевидная, причина, по которой подобное сравнение вызывает неприятие. Причина состоит в том, что осуществление бомбометания с больших высот вызывало неизбежное «дистанцирование» экипажей самолетов от убийства. «Это совсем не то же самое, как если бы я вышел и воткнул штык кому-то в живот, ясно? – говорит Пол Монтгомери²⁸, член американского экипажа В29, принимавшего участие в сбрасывании зажигательных бомб на множество японских городов во время войны: “Конечно, ты их все равно убиваешь, но убиваешь с расстояния, и тебя это не деморализует так, как если бы ты бросился вперед и воткнул штык в живот противнику во время боя. Здесь все иначе. Немного похоже на ведение войны в видеоигре”».

Показания Монтгомери, конечно, пугающе напоминают эффект дистанцирования, который нацисты стремились создать для себя, строя газовые камеры. Как легче убить человека, сбросив на него бомбу, чем проткнув штыком, так нацистам было легче убить человека, отравив его газом, а не расстреляв. Технологии двадцатого века позволили не только убивать во время войны больше людей, чем когда-либо прежде, но и позволили совершавшим убийства меньше страдать психологически из-за своих поступков.

Но ничто из вышесказанного не означает, что возможно какое-либо оправданное и обоснованное сравнение между бомбардировкой Германии Союзниками и истреблением более миллиона человек в Освенциме. По всем указанным выше причинам эти два действия отличаются по существу. Но с точки зрения Хесса, и многих других нацистов, такое сравнение совершенно логично: бомбежка и отравление газом – просто разные методы уничтожения врага. И это означает, что как бы с Хессом ни обращались – даже если бы его действительно торжественно провезли по всей Европе «в клетке», как того требовал Станислав Ганц, – в действительности, он никогда бы не раскаялся в своих поступках. На самом деле, он, скорее всего, взмолился бы на эшафот с двумя мыслями: «Я умираю не из-за своих преступлений, но потому, что мы проиграли войну; и я умираю потому, что меня совершенно неправильно поняли». В конечном счете, именно поэтому такой абсолютно невзрачный человек, как Хесс, – столь ужасающая фигура.

В 1947 году, когда Хесс ушел из жизни, созданный им лагерный комплекс стал быстро разрушаться. Поляки из близлежащих населенных пунктов разбирали кое-какие бараки в Биркенау и использовали доски, чтобы починить собственные дома, и разграбление лагеря стало происходить с ужасающей скоростью. Когда польская девушка-подросток Юзефа Желинская и ее семья вернулись в Освенцим после войны, то обнаружили, что им негде жить. Их дом снесли нацисты во время массовой перестройки всего района, и им пришлось поселиться в сарае, где когда-то держали кур. Чтобы как-то заработать, Юзефа с подругами спускались на территорию крематориев Биркенау и искали золото. Они перекапывали землю, смешанную с осколками костей, складывали в миску и промывали водой. «Всем было неловко заниматься таким делом, – говорит Юзефа. – Неважно, попали члены их семьи в лагерь и умерли там, или нет, все чувствовали неловкость, потому что это ведь были человеческие кости, в конце-то концов. Не очень-то нам было приятно в них копать. Но нас принуждала к этому бедность». Благодаря деньгам, полученным за продажу золота, которое они вымыли из земли Биркенау, семье Юзефы Желинской удалось купить корову.

Ян Пивчик был еще одним поляком, вынужденным жить в курятнике около Биркенау, и он тоже признает, что искал ценности возле развалин крематориев: «Я помню, как нашел золотой зуб, и еврейскую монету, и золотой браслет. Ну, сегодня я бы не поступил так, правильно? Я не стал бы рыться в человеческих костях, потому что понимаю: это кошунство. Но в то время, в тех условиях – мы были просто вынуждены это делать». Когда Ян и его друзья не искали ценности, они подкупали советских солдат, которые иногда патрулировали местность, чтобы те позволили им взять доски из бараков Биркенау на постройку домой. «Знаете, – говорит Ян, – после войны было очень тяжело. Начинать приходилось на пустом месте».

Сразу после войны Станислав Ганц, бывший польский политический заключенный, ставший свидетелем казни Рудольфа Хесса, получил работу – охранял территорию лагеря Биркенау. Он пытался защитить лагерь от местных жителей: чтобы не дать им разворовать остатки крематориев, он делал предупредительные выстрелы в воздух. «Мы называли их кладбищенскими гиенами, – вспоминает Станислав. – Мы не понимали: как эти люди могут грабить могилы?». Даже в стороне от лагеря он обнаружил надежный способ вычислять их: «Их можно было узнать по запаху – он чувствовался еще издали. Это было зловоние гниющих тел. Таких людей легко было отличить от обычных прохожих».

На то, чтобы организовать музей из места злодеяний нацистов в Освенциме должным образом, ушли долгие годы. Например, только через много лет после падения коммунизма таблички в музее, наконец, заменили новыми, отражающими страдания евреев.

Тем временем, Оскар Гренинг, который несколько лет прослужил в СС в Освенциме, упорно поднимался по

карьерной лестнице на стеклянной фабрике, где он теперь работал, пока не возглавил отдел кадров. Наконец, он стал на общественных началах выполнять функции судьи по трудовым спорам. Не видя никакой иронии или неуместности в своих словах, Оскар Гренинг заявляет о том, что опыт, полученный в СС и Гитлерюгенде, помогает ему выполнять свои обязанности служащего отдела кадров, поскольку «едва достигнув двенадцати лет, я уже хорошо знал, что такое дисциплина».

Несмотря на то, что он работал в Освенциме и участвовал в процессе уничтожения людей, сортируя и пересчитывая иностранную валюту, отобранную у прибывших на смерть, он никогда не считал себя «виновным» в каком-либо преступлении: «Мы прочертили грань между теми, кто принимал непосредственное участие в убийствах, и теми, чье участие не было непосредственным». Вдобавок ко всему, он чувствовал, что – здесь он цитирует позорный аргумент нацистов в свою защиту после войны – выполнял чужие приказы, и пытается оправдаться с помощью следующей аналогии: «Когда отряд солдат в первый раз должен выпустить пулеметный залп, они ведь не встают и не говорят: “Мы не согласны с этим – мы едем домой!”»

Эта отговорка, как ни странно, очень напоминает подход, принятый западногерманскими обвинителями после войны, когда они стремились определить, кому из Освенцима следует предъявить обвинения в военных преступлениях, а кому – нет. И если эсэсовец не принадлежал к руководству или не принимал непосредственного участия в убийствах, то он вообще избегал судебного преследования. Таким образом, когда прошлое Оскара Гренинга, наконец, раскрыли – что было неизбежно, поскольку он никогда и не пытался сменить имя и скрыться, – немецкие прокуроры не выдвинули против него никаких обвинений. Таким образом, его опыт демонстрирует, как можно быть членом СС, работать в Освенциме, присутствовать при процессе массового уничтожения людей, делать конкретный вклад в «окончательное решение еврейского вопроса», сортируя украденные деньги, и все равно не считаться «виновным» послевоенным западногерманским государством. Так, из приблизительно 6500 эсэсовцев, которые работали в Освенциме между 1940 и 1945 годами и, как считают, пережили войну, только приблизительно 750 получили то или иное наказание²⁹. Самый печально известный судебный процесс – «Аушвицкий процесс», проходивший во Франкфурте между декабрем 1963 года и августом 1965 года, когда из 22 ответчиков 17 были признаны виновными, и только шесть получили высшую меру наказания – пожизненное заключение.

Однако не только Германия оказалась не в состоянии преследовать в уголовном порядке сколько-нибудь значительное количество эсэсовцев, работавших в Освенциме: точно такую же неспособность проявило и все международное сообщество в целом (возможно, за исключением польских судов: здесь судили 673 из всех 789 работников Освенцима³⁰, которые когда-либо представляли перед судом). Судебному преследованию препятствовало не только отсутствие единого мнения, признанного всеми странами, о том, какое именно поведение в Освенциме составляло «преступление», но и раскол, вызванный холодной войной и, следует отметить, откровенное отсутствие всякого желания.

Несмотря на решение Нюрнбергского процесса, что СС, в целом, был «преступной» организацией, никто никогда даже не пытался отстаивать позицию, что сама по себе работа в рядах СС в Освенциме уже является военным преступлением – позицию, которую, несомненно, поддержало бы общественное мнение. Осуждение и вынесение приговора, пусть и самого мягкого, каждому члену СС из Освенцима, несомненно, очень четко донесло бы идею будущим поколениям.

Но этого не произошло. Приблизительно 85 % эсэсовцев, служивших в Освенциме и переживших войну, избежали наказания. Когда Гиммлер запустил разработку газовых камер, чтобы оградить СС от психологического «бремени» совершения хладнокровного убийства, он, пожалуй, едва ли предполагал, что камеры предоставят нацистам еще одну, дополнительную выгоду. Этот метод убийства означал, что подавляющее большинство эсэсовцев, работавших в Освенциме, сумеет избежать наказания после войны, благодаря заявлению, что они не принимали непосредственного участия в процессе уничтожения евреев.

Оскар Гренинг не испытывает никакой неловкости и из-за того, что, когда многие освобожденные узники Освенцима столкнулись с новыми лишениями, сам он наслаждался (и продолжает наслаждаться) вполне комфортной жизнью. «Таков наш мир, – заявляет он. – У каждого человека есть свобода извлечь максимум выгоды из ситуации, в которой он очутился. Я сделал то, что пытаюсь сделать каждый нормальный человек: постараться создать самые лучшие условия для себя и своих близких, если у него есть семья. Ну, мне это удалось сделать; другим не удалось. А то, что произошло раньше, не имеет значения».

Учитывая подобную беззаботность, тем более удивительно, что к концу жизни Оскар Гренинг решил открыто рассказать о времени, проведенном в Освенциме, и обстоятельства, которые вызвали подобное изменение взглядов, просто удивительны. После войны Гренинг неожиданно увлекся собиранием почтовых марок и вступил в местный клуб филателистов. На одной из встреч, больше чем через 40 лет после войны, он принялся болтать с соседом о политике. «Не правда ли, просто ужасно, – заметил тот человек, – что нынешнее правительство считает незаконными попытки оспорить убийство миллионов евреев в Освенциме». Дальше он стал объяснять Гренингу, насколько «невообразимо», чтобы можно было сжечь такое количество тел, и даже заявил, что объем газа, который, по расчетам, использовался, в действительности уничтожил бы «все живое» поблизости.

В клубе филателии Гренинг ничего не возразил на слова того человека, но позже достал брошюрку отрицателей Холокоста, которую ему порекомендовал коллега-филателист, написал собственный иронический комментарий к ней и отправил ему. После этого он внезапно начал получать странные телефонные звонки от незнакомцев, которые оспаривали его мнение о том, что Освенцим действительно был центром массовых убийств с помощью газа. Оказалось, что его осуждение позиции отрицателей Холокоста было напечатано в неонацистском журнале. И теперь «90 процентов» звонков и анонимных писем, которые он получал, «были от людей, пытавшихся доказать мне, что то, что я видел своими глазами, что я пережил в Освенциме, было большой, колоссальной ошибкой, удивительной галлюцинацией, потому что на самом деле этого не происходило».

И вот, подстегиваемый желанием возразить всем тем, кто отрицал сцены, виденные им лично, Гренинг записал

свою историю для своей семьи и, наконец, согласился дать интервью телерадиокомпании «Би-Би-Си». Теперь, когда ему уже далеко за восемьдесят, Гренинг хочет сделать одно простое заявление для отрицателей Холокоста: «Я бы хотел, чтобы вы мне поверили. Я видел газовые камеры. Я видел крематории. Я видел костры. Я был на платформе, когда сортировали заключенных. Я бы хотел, чтобы вы поверили: эти злодеяния произошли на самом деле, ведь я был там».

И вот, в конце этой трагической истории, с чем мы остались? Совершенно определенно – с миром, где большинство управлявших Освенцимом не были наказаны ни за одно преступление, и где большинство узников лагеря так никогда и не получили полную реституцию за перенесенные ими страдания. Более того, многим пришлось столкнуться с еще большим предубеждением и преследованиями после того, как война закончилась. Естественно, в человеке все восстает против такого заключения. У каждого есть глубокая потребность чувствовать, что в жизни есть место справедливости, что невинные, в конце концов, получают компенсацию, а виновные несут наказание. Но эта история ничего подобного не приносит, ведь наиболее возмутительный пример отсутствия возмездия покоится в земле Биркенау, земле, которую после войны местные жители перекапывали в поисках ценностей, на самом большом кладбище в мировой истории. Лагерь, вместе с близлежащей рекой Вислой, куда выбрасывали кучи пепла, является местом последнего упокоения более миллиона человек, чьи показания мы уже не сможем выслушать.

И, как правило, оказывается, что люди, которых заставили страдать и терпеть лишения Освенцима, так и не нашли ни утешения, ни чувства искупления даже в религии. На каждую Эльзу Абт, которая, как Свидетель Иеговы, ощущала, что Бог поддерживает ее и в лагере, приходится намного больше таких, как Линда Бредер – считающих, что «в Освенциме не было никакого Бога. Там были такие ужасные условия, что Бог решил туда не заглядывать. Мы не молились, поскольку знали: молитвы не помогут. Многие из нас, тех, кто выжил, атеисты. Они просто не верят в Бога». Такие выжившие, как Линда Бредер, понимают: своей жизнью они в значительной степени обязаны удаче – а понимание того, что жизнью могут управлять случайные факторы, абсолютно не поддающиеся нашему контролю, едва ли дает надежное основание для восприятия любой религиозной доктрины.

По современным оценкам, из 1,3 миллиона человек, посланных в Освенцим, в лагере умерли 1,1 миллиона. Ошеломляющая доля евреев составила 1 миллион человек – это важные статистические данные для тех немногих, кто все еще стремится придерживаться позиции коммунистов и считать всех, погибших там, «жертвами фашизма». Ни в коем случае нельзя забывать, что больше, чем 90 процентов тех, кто потерял жизнь в Освенциме, погибли из-за единственного «преступления» в глазах нацистов: из-за того, что родились евреями.

Самое большое количество евреев, если сравнивать их по стране происхождения, привезли в Освенцим³¹ из Венгрии, во время безумной акции летом 1944 года (438 тысяч человек). Следующая по численности группа прибыла из Польши (300 тысяч человек). За ней следуют Франция (69114), Нидерланды (60085), Греция (55000), Чехословакия и Моравия (46099), Словакия (26661), Бельгия (24906), Германия и Австрия (23 тысячи), Югославия (10 тысяч) и Италия (7422). Конечно, мы никогда не должны забывать и людей других национальностей, погибших в лагере: 70 тысяч польских политических заключенных; более 20 тысяч цыган; 10 тысяч советских военнопленных; сотни Свидетелей Иеговы; десятки гомосексуалистов; а также любых других посланных в лагерь по несметному количеству уродливых, надуманных причин (а иногда – и вовсе без всякой причины).

Скоро последний оставшийся в живых и последний преступник из Освенцима присоединится к тем, кто был убит в лагере. И больше на этой земле не останется никого, кто побывал там во время войны. И когда это произойдет, возникнет опасность того, что эта история канет в прошлое и станет просто еще одним ужасным событием, среди многих. Ведь ужасающие злодеяния случались и прежде: от резни мусульман Акры, устроенной Ричардом Львиное Сердце во время Крестового похода, и до геноцида Чингисхана в Персии. Возможно, будущие поколения станут воспринимать Освенцим точно так же – просто как очередной факт из прошлого, как печальное событие, произошедшее не на памяти живущих. Но этого нельзя допустить. Мы должны судить поведение человека в контексте времени. И если оценивать описанные здесь события в контексте середины двадцатого века и утонченной европейской культуры, Освенцим и «окончательное решение еврейского вопроса» представляют собой самый отвратительный акт за всю историю. Своим преступлением нацисты принесли в мир понимание того, что могут сделать образованные, технически оснащенные люди, если у них холодное сердце. Знание того, что они совершили, однажды пущенное в мир, не должно быть позабыто. Оно все еще лежит там – уродливое, тяжелое, в ожидании открытия очередным поколением. Предупреждение для нас, и для тех, кто придет после нас.

Примечания

Введение

1 Это допущение частично основано на опросе зрителей Би-Би-Си, проведенном в 2004 г., чтобы определить, что зрители знают об Освенциме, и как они его себе представляют. Опрос показал, что большинство людей, которые слышали о лагере, думают, что он был построен для уничтожения евреев.

2 Я в глубоком долгу перед постановочными группами, с которыми имел честь работать над последними проектами, и в особенности блестящими исследованиями Тилмана Ремма, Детлефа Зиберта, Мартини Балазовой и Сэлли Энн Клейбал.

3 См. в частности Robert Galletely, *The Gestapo and German Society* (Clarendon Press, 1990).

4 Мне было приятно узнать из грандиозной книги Джонатана Гловера (Jonathan Glover, *Humanity – a Moral History of the Twentieth Century* (Pimlico, 2000)), что в данном отношении этот выдающийся философ, изучая письменные источники, пришел к таким же общим выводам.

5 См. подробное изучение деятельности Геббельса в кн.: Lau-rence Rees, *Selling Politics* (BBC Books, 1992).

6 Rees, *Selling Politics*; см. в частности интервью Уилфреда фон Овена.

7 Выражение впервые употребил Мартин Брошат.

8 См. стр. 62.

9 Цитируется в кн.: Goetz Aly, *Final Solution: Nazi Population and the Murder of the European Jews* (Hodder Arnold 1999), стр. 3.

10 См. стр. 211.

11 Свидетельства бывших узников Ванды Жаинок и Эдварда Блотницкого цитируются в статье Andrzej Strzelecki «Plundering the Victims' Property» // *Auschwitz 1940–1945, Central Issues in the History of the Camp*, Vol. II (Auschwitz – Birkenau State Museum 2000), стр. 164.

Глава 1

Непредвиденное начало

1 Из интервью Би-Би-Си.

2 Вполне справедливо подвергать сомнению пространные психологические объяснения поведения нацистов, но Эллис Миллер в кн.: *For Your Own Good: the Roots of Violence in Child-rearing* (Virago Press, 1987) утверждает, что все нацистские лидеры в детстве воспитывались в излишней строгости, так же, как Хесс и Гитлер. Даже если это так, многие росли в подобных условиях, но при этом не стали нацистами.

3 Цитируется в кн.: *Concentration Camp Dachau 1933–1945* (Comité International de Dachau, Brussels Lipp GmbH, Munich, 1978), стр. 20.

4 Rudolf Hoess, *Commandant of Auschwitz* (Phoenix Press, 2000), стр. 131.

5 Rudolf Hoess, *Commandant of Auschwitz*, (Phoenix Press, 2000), стр. 131. (Хотя эти ссылки даны для того, чтобы облегчить понимание, перевод сделан с оригинальной рукописи, которая хранится в государственном музее Освенцима-Биркенау).

6 В предыдущем 1933 году Хесс сформировал конный отряд СС в поместье Саллентин в Померании – фактически «отряд резервистов», в котором он состоял в бытность фермером.

7 Hoess, *Commandant*, стр. 64.

8 Из интервью Би-Би-Си.

9 Конечно, некоторые из этих политиков были евреями. Но не это стало причиной их ареста.

10 Hoess, *Commandant*, стр. 81.

11 Hoess, *Commandant*, стр. 70–71.

12 Из интервью Би-Би-Си.

13 Цитируется в Danuta Czech, «The Auschwitz Prisoner Administration», в кн.: Yisreal Gutman and Michael Berenbaum (eds), *The Anatomy of the Auschwitz Death Camp* (Indiana University Press 1998).

14 Laurence Rees, *The Nazis: a Warning from History* (BBC Books, 1997), стр. 36.

15 Цитируется в Franciszek Piper, «The Methods of Mass Murder», в кн.: *Auschwitz 1940–1945*, Vol. III, стр. 71.

16 Цитируется в Jonathan Glover, *Humanity – a Moral History of the Twentieth Century* (Pimlico, 2000), стр. 344.

17 Цитируется в Glover, *Humanity*, стр. 361–362.

18 Hoess, *Commandant*, стр. 77.

19 Цитируется в Aly, *Final Solution*, стр. 19.

20 Из интервью Би-Би-Си.

21 Aly, *Final Solution*, стр. 17.

22 Из интервью Би-Би-Си.

23 Ежедневник Геббельса, запись от 24 января 1940 г.

24 Цитируется в Raul Hilberg, *The Destruction of the European Jews* (Holmes and Meier, 1986), стр. 50.

25 Цитируется в Aly, *Final Solution*, стр. 70.

26 Из интервью Би-Би-Си.

27 Из интервью Би-Би-Си.

28 Цитируется в J. Noakes and G. Pridham (eds), *Nazism 1919–1945*, Vol. 3 (Exeter University Press 1988), стр. 933.

29 Aly, *Final Solution*, стр. 3

30 Меморандум Министерства иностранных дел Германии от 3 июля 1940 г.

31 Из интервью Би-Би-Си.

32 Из интервью Би-Би-Си.

33 Hoess, *Commandant*, стр. 116.

34 Из интервью Би-Би-Си.

35 Замечание Альберта Шпеера со слов его брата Германа, в кн.: Michael Thad Allen, *The Business of Genocide – the SS, Slave Labor, and the Concentration Camps* (University of North Carolina Press, 2002), стр. 59.

36 Allen, *Business*, в частности глава 2, «A Political Economy of Misery».

37 Hoess, *Commandant*, стр. 283.

38 Из интервью Би-Би-Си.

39 Цитируется в Irena Strzelecka, «Punishments and Torture», в кн.: *Auschwitz 1940–1945*, Vol. II, стр. 389.

40 *KL Auschwitz as Seen by the SS* (Auschwitz – Birkenau State Museum 1998), стр. 117.

41 Из интервью Би-Би-Си.

42 Peter Hayes, *Industry and Ideology – I. G. Farben in the Nazi Era* (Cambridge University Press, 1987), стр. 347–364.

43 Ambros document, цитируется в Hayes, *Industry*, стр. 349.

44 Franciszek Piper, «The Exploitation of Prison Labour», в кн.: *Auschwitz 1940–1945*, Vol. II, стр. 104.

45 Hoess, *Commandant*, ст. 390 и допрос Хесса Яном Сенном, Краков, 7–8 ноября 1946 года, Instytut Pamici

Narodowej, Warsaw NTN, стр. 103.

46 Протоколы организационного совещания I. G. Farben – Освенцим, от 7 апреля 1941 года в кн.: Deborah Dwork and Robert Jan van Pelt, *Auschwitz 1270 to the Present* (Norton, 1996), стр. 211.

47 I. G. Farben «Отчет о встрече с командиром концентрационного лагеря возле Аушвица, 27.3.1941 в 15.00.», Nuremberg Trial Files Document 15148. И отчет СС по тому же совещанию.

48 Протоколы совещания от 2 мая 1941 г, Nuremberg Trial Files, Vol. 31, стр. 84, Document 2718–PS.

49 «Political-economic Guidelines», Nuremberg Trial Files, Vol. 36, стр. 135–137.

50 Goetz Aly and Susanne Heim, *Architects of Annihilation* (Weidenfeld and Nicolson, 2002), стр. 63–64.

51 Цитируется в Aly and Heim, *Annihilation*, стр. 237.

52 Цитируется в Ian Kershaw, *Hitler*, Vol. 2 (Penguin Press, 2000), стр. 127.

53 Цитируется в Ernst Klee, Willi Dressen and Volker Riess, *Those Were the Days* (Hamish Hamilton 1991), стр. 179.

54 Цитируется в Henryk Swiebocki, «Escapes from the Camp», в кн.: *Auschwitz 1940–1945*, Vol. IV, стр. 233.

55 Цитируется в Robert Jay Lifton, *The Nazi Doctors* (Basic Books, 1986), стр. 63.

56 Из интервью Би-Би-Си.

57 Полное обсуждение новых показаний Павла Судоплатова, см. Laurence Rees, *War of the Century* (BBC Books, 1999), стр. 53–55.

58 Цитируется в Ulrich Herbert (ed.), *National Socialist Extermination Policies* (Berghahn Books, 2000), стр. 257.

59 Из интервью Би-Би-Си.

60 В 60-х годах Фридриха допрашивали в ходе полицейского расследования о его действиях во время войны, но обвинение выдвинуто не было. В нашем же интервью он признавал, что принимал участие в расстрелах евреев, хотя и не называл точных мест, где совершал эти преступления. По прошествии стольких лет и без показаний свидетелей представляется невозможным полностью доказать его вину.

61 Из интервью Би-Би-Си.

62 Из интервью Би-Би-Си.

63 Цитируется в Goetz Aly, «Jewish Resettlement», в кн.: Herbert (ed.), *Extermination Policies*, стр. 71.

64 Из интервью Би-Би-Си.

65 Цитируется в Glover, *Humanity*, стр. 345.

66 Показания Вильгельма Яшке в Widmann trial, Schwurgericht Stuttgart, 1967, стр. 62–63, Staatsarchiv Ludwigsburg EL 317 III, Bu 53.

67 Показания Вильгельма Яшке, Vilsbiburg, 5 April 1960, Bundesarchiv Ludwigsburg 202 AR – Z 152/159.

68 Свидетельства Гилберта в кн.: Dwork and van Pelt, *Auschwitz 1270*, стр. 278.

Глава 2

Приказы и инициативы

1 Цитируется в Gustave Gilbert, *Nuremberg Diary* (Farrar, 1947).

2 Цитируется в Christopher Browning, *The Origins of the Final Solution: The Evolution of Nazi Jewish Policy September 1939–March 1942* (William Heinemann, 2004), стр. 318.

3 Из интервью Би-Би-Си.

4 Из интервью Би-Би-Си.

5 Цитируется в Ian Kershaw, «The Persecution of the Jews and German Public Opinion in the Third Reich», в ежегоднике *Yearbook of the Leo Baeck Institute*, 1981, Vol. 26, стр. 284.

6 Российский государственный военный архив, 502 К/1/218.

7 Peter Witte et al (eds), *Himmler's Dienstkalender 1941/2* (Hamburg, 1999), стр. 123, сноска 2, и Sybille Steinbacher, *Musterstadt Auschwitz* (Munich, 2000), стр. 238–239.

8 Из интервью Би-Би-Си.

9 Из интервью Би-Би-Си.

10 Irena Strzelecka and Piotr Setkiewicz, «The Construction, Expansion and Development of the Camp and Its Branches», в кн.: *Auschwitz 1940–1945, Central Issues in the History of the Camp*, Vol. 1 (Auschwitz – Birkenau State Museum, 2000), стр. 78.

11 Rudolf Hoess, *Commandant of Auschwitz* (Phoenix Press 2000), стр. 123.

12 Michael Thad Allen, «The Devil in the Details: the Gas Chambers of Birkenau, October 1941», *Holocaust and Genocide Studies* 16/2 (autumn 2002).

13 *Encyclopedia of the Holocaust*, Vol. 2 (Macmillan, New York), стр. 902.

14 Из интервью Би-Би-Си.

15 Из интервью Би-Би-Си.

16 Christopher Browning, *Path to Genocide* (Cambridge University Press, 1992), стр. 28–56.

17 Из показаний Бурмейстера от 24 января 1961, Bundesarchiv Ludwigsburg, 303 AR – Z 69/59, стр. 3.

18 *Hitler's Table Talk 1941–1944* (Phoenix Press, 2000).

19 Цитируется в Peter Longerich, *The Unwritten Order* (Tempus, 2001), стр. 78.

20 Gerhard Weinberg, «The Allies and the Holocaust», в кн.: Michael J. Neufeld and Michael Berenbaum (eds), *Allies and the Holocaust in the Bombing of Auschwitz* (St Martin's Press, New York, 2000), стр. 20.

21 J. Noakes and G. Pridham (eds), *Nazism 1919–1945*, Vol. 3, стр. 1126.

22 Цитируется в Longerich, *Unwritten*, стр. 92.

23 Из интервью Би-Би-Си.

24 8 ноября 1961 года, стр. 5–62 StL 203 AR–269/59 Bd3.

25 Цитируется в Ernst Klee, Willi Dressen and Volker Riess, *Those Were the Days* (Free Press, New York, 1988), стр.

255.

26 Из интервью Би-Би-Си.

27 NB: Перри Брод прибыл в Освенцим в апреле 1942 г.

28 *KL Auschwitz as Seen by the SS* (Auschwitz – Birkenau State Museum, 1998), стр. 129.

29 *KL Auschwitz as Seen by the SS*, стр. 130.

30 Майданек был организован как лагерь для пленных красноармейцев рядом с Люблином в октябре 1941 г. Впоследствии в нем содержались в основном евреи и поляки. Там была построена небольшая газовая камера, где использовался газ «Циклон-Б». Но он не обладал ни пропускной способностью, ни размерами, чтобы стать подобным Освенциму. Он изначально не задумывался как концентрационный лагерь.

31 Из интервью Би-Би-Си.

32 Из интервью Би-Би-Си.

33 Из интервью Би-Би-Си.

34 Основано на послевоенных признательных показаниях Висицени в Словакии 6 и 7 мая 1946 года (Statny oblastny archive v Bratislave, Fond Ludovy sud, 10/48) и 12 августа 1946 года (Statny oblastny archive v Bratislave, Fond Ludovy sud, 13/48); еще показания Косо от 11 апреля 1947 года (Statny oblastny archive v Bratislave, Fond Ludovy sud, 13/48).

35 Из интервью Би-Би-Си.

36 Deborah Dwork and Robert Jan van Pelt, *Auschwitz 1270 to the Present* (Norton, 1996), стр. 302.

37 *KL Auschwitz as Seen by the SS*, стр. 105.

38 Hoess, *Commandant*, стр. 150.

39 Из интервью Би-Би-Си.

Глава 3

Фабрики смерти

1 Цитируется в Ulrich Herbert, «The German Military Command in Paris and the Deportation of the French Jews», в кн.: *National Socialist Extermination Policies* (Berghahn Books, 2000), стр. 139. Для полного изучения и анализа ознакомьтесь с современным исследованием этого вопроса, содержащимся в данной статье.

2 Wolodymyr Kosyk, *The Third Reich and Ukraine* (Peter Lang, 1993), стр. 621.

3 Timothy Patrick Mulligan, *The Politics of Illusion and Empire* (Preager, 1988), стр. 139.

4 Цитируется в Herbert, «The German Military Command», стр. 140.

5 Цитируется в Herbert, «The German Military Command», стр. 142.

6 Цифры взяты из кн.: Susan Zuccotti, *The Holocaust, the French and the Jews* (Basic Books, 1993), стр. 89.

7 Цитируется в Herbert, «The German Military Command», стр. 152. Воспоминания о совещании Бальза, главы отдела Юстиции.

8 Цитируется в Serge Klarsfeld, *French Children of the Holocaust* (New York University Press, 1996), стр. 34.

9 Цитируется в Zuccotti, *Holocaust*, стр. 99.

10 Zuccotti, *Holocaust*, стр. 99.

11 Klarsfeld, *French Children*, стр. 35.

12 Из интервью Би-Би-Си.

13 Из интервью Би-Би-Си.

14 Цитируется в Klarsfeld, *French Children*, стр. 45.

15 Цитируется в Klarsfeld, *French Children*, стр. 45.

16 Klarsfeld, *French Children*, стр. 45.

17 Из интервью Би-Би-Си.

18 Из интервью Би-Би-Си.

19 Из интервью Би-Би-Си.

20 Aleksander Lasik, «Historical-sociological Profile of the SS», в кн.: Yisreal Gutman and Michael Berenbaum (eds), *The Anatomy of the Auschwitz Death Camp* (Indiana University Press, 1994), стр. 278.

21 Эти цифры взяты из Lasik, «Historical-sociological Profile».

22 Цитируется в Frederick Cohen, *The Jews in the Channel Islands during the German Occupation 1940–1945* (Jersey Heritage Trust, 2000), стр. 26.

23 Cohen, *Jews in the Channel Islands*, стр. 34.

24 Из интервью Би-Би-Си.

25 Цитируется в Cohen, *Jews in the Channel Islands*, стр. 52.

26 Полный список приводится в Cohen, *Jews in the Channel Islands*, стр. 59.

27 Cohen, *The Jews in the Channel Islands*.

28 Cohen, *The Jews in the Channel Islands*, стр. 92.

29 Из интервью Би-Би-Си.

30 Из интервью Би-Би-Си.

31 «Мусульманин» (от нем. Muselmann) – прозвище, которое давалось ослабевшему от голода заключенному, который скоро должен умереть. Эти люди, как правило, ходили, низко опустив голову и сильно ссутулившись, как мусульмане во время молитвы.

32 Иную версию обстоятельств смерти Джастера см. в For the controversy surrounding Henryk Swiebocki, «Escapes from the Camp», в кн.: *Auschwitz 1940–1945, Central Issues in the History of the Camp*, Vol. IV (Auschwitz– Birkenau State Museum, 2000), стр. 199, сноска 532.

33 Цитируется в Yitzhak Arad, *Belzec, Sobibor, Treblinka – the Operation Reinhard Death Camps* (Indiana University

Press, 1987), стр. 87.

34 Цитируется в Arad, *Belzec, Sobibor*, стр. 84.

35 Из интервью Би-Би-Си.

36 Цифры приводятся в кн.: Arad, *Belzec, Sobibor*, стр. 87.

37 Следующая хронология основана на сообщении Сэмюэля Илиела в книге *I Remember Every Day... The Fates of the Jews of Przemysl* (Remembrance and Reconciliation Inc., Ann Arbor, 2002), стр. 237–240.

38 Из интервью Би-Би-Си.

39 Rudolf Hoess, *Commandant of Auschwitz* (Phoenix Press, 2000), стр. 91.

40 Hoess, *Commandant*, стр. 136.

41 Public Record Office file ref. HW 16/10.

Глава 4

Коррупция

1 См. Yitzhak Arad, *Belzec, Sobibor, Treblinka – the Operation Reinhard DeathCamps* (Indiana University Press, 1987), стр. 165.

2 Заметьте, что с точки зрения нацистов, поскольку Польша, как государство, больше не существовало, Варшава более не считалась столицей.

3 Из интервью Би-Би-Си.

4 *Auschwitz 1940–1945, Central Issues in the History of the Camp*, Vol. I (Auschwitz State Museum, 2000), стр. 103.

5 Strzelecka and Setkiewicz, «The Construction, Expansion and Development of the Camp and Its Branches», в кн.: *Auschwitz 1940–1945*, Vol. I, стр. 104.

6 Franciszek Piper, «The Exploitation of Prisoner Labour», в кн.: *Auschwitz 1940–45*, Vol. II, стр. 136.

7 Из интервью Би-Би-Си.

8 Из интервью Би-Би-Си.

9 Rudolf Hoess, *Commandant of Auschwitz* (Phoenix Press, 2000), стр. 96.

10 Цитируется в Robert Jay Lifton, *The Nazi Doctors* (Basic Books, 1986), стр. 16. Ответ на вопрос выжившего в лагере врача доктора Эллы Лингенс-Рейнер.

11 Из интервью Би-Би-Си.

12 Цитируется в Irena Strzelecka, «Experiments», в кн.: *Auschwitz 1940–1945*, Vol. II, стр. 363.

13 Из интервью Би-Би-Си.

14 Из интервью Би-Би-Си.

15 Miklos Nyiszli, *Auschwitz, a Doctor's Eyewitness Account* (Mayflower Books, 1973), стр. 53.

16 Aleksander Lasik, «The Organizational Structure of Auschwitz Camp», в кн.: *Auschwitz 1940–1945*, Vol. I, стр. 203.

17 Из интервью Би-Би-Си.

18 Из интервью Би-Би-Си.

19 См. показания Конрада Моргена во Франкфурте-на-Майне 8 марта 1962 г, на Аушвицком процессе во Франкфурте, в кн.: Hermann Langbein, *Der Auschwitz-Prozess: eine Dokumentation* (Neue Kritik, Frankfurt, 1995), стр. 143–145.

20 См. протоколы допроса Элеоноры Ходис Конрадом Моргеном, осень 1944, Institut für Zeitgeschichte ZS 599.

21 Дальнейшие подробности расследования Моргена по делу снятия Хесса с должности и инкриминируемых ему обвинений см. For further details on the Jerzy Rawicz, *The Everyday Life of a Mass Murderer* (Dzień Powszedni Ludobójcy) (Czytelnik, Warsaw, 1973).

22 Информация по этому вопросу взята из современного исследования в диссертации на соискание ученой степени Роберта Соммера.

23 Из интервью Би-Би-Си.

24 Из интервью Би-Би-Си.

25 Из интервью Би-Би-Си. См. также из интервью Би-Би-Си. Thomas Toivi Blatt, *From the Ashes of Sobibor* (Northwestern University Press, 1997).

26 Из интервью Би-Би-Си.

27 Муссолини был отправлен в отставку королем Италии в июле 1943 года. Позже немцы спасли его от тюрьмы и поставили во главе марионеточного правительства. В этот период оккупации (в отличие от ситуации, когда Муссолини непосредственно управлял страной) итальянские евреи подверглись депортации в нацистские лагеря смерти. Около 20 % итальянских евреев погибли во время войны

28 Из интервью Би-Би-Си.

29 Из интервью Би-Би-Си.

30 Из интервью Би-Би-Си.

31 Цитируется в Michael Mogensen, «The Rescue of the Danish Jews», в кн.: Mette Bastholm Jensen and Steven L. B. Jensen (eds), *Denmark and the Holocaust* (Department for Holocaust and Genocide Studies, Copenhagen, 2003), стр. 45.

32 Mogensen, «Rescue», стр. 33. См. Также Leni Yahil, *The Rescue of Danish Jewry: Test of a Democracy* (The Jewish Publication Society of America, 1969).

33 Mogensen, «Rescue», стр. 58.

Глава 5

Безумные убийства

1 Christian Gerlach and Goetz Aly, *Das letzte Kapitel* (The Last Chapter) (Fischer 2004).

2 Слова взяты из SIME report no.1 допроса Йозефа Бранда, 16–30 июня 1944 года, File no. SIME/P 7769, FO 371/42811, а также из показаний Бранда на процессе Эйхмана, заседание № 56. 29 июня 1961 года.

3 См. SIME report no. 3 допроса Банди Гроша 6–22 июня 1944 года. File no. SIME/P 7755, TNA 371/42811, стр. 42–43.

4 *Auschwitz 1940–1945, Central Issues in the History of the Camp*, Vol. V (Auschwitz – Birkenau State Museum, 2000), стр. 198.

5 Из интервью Би-Би-Си.

6 Из интервью Би-Би-Си.

7 Из интервью Би-Би-Си.

8 Andrzej Strzelecki, «Utilization of the Victims' Corpses», в кн.: *Auschwitz 1940–1945*, Vol. II, стр. 407.

9 *Amidst a Nightmare of Crime: Manuscripts of Members of Sonderkommando* (Publications of State Museum at Auschwitz, 1973), стр. 119.

10 *Amidst a Nightmare*, стр. 119.

11 *Amidst a Nightmare*, стр. 182.

12 *Amidst a Nightmare*, стр. 185.

13 *Amidst a Nightmare*, стр. 181.

14 Miklos Nyiszli, *Auschwitz, a Doctor's Eyewitness Account* (Arcade 1993), стр. 4.

15 Yehuda Bauer, *Jews for Sale?* (Yale University Press, 1994), стр. 180.

16 Bauer, *Jews*, стр. 167.

17 Из интервью Би-Би-Си.

18 Из интервью Би-Би-Си.

19 См. Комментарии Иегуды Байера в *Encyclopedia of the Holocaust*, Vol. 1 (Macmillan, New York), стр. 790.

20 Из интервью Би-Би-Си. (Из передачи *Timewatch: Himmler, Hitler and the End of the Reich*, вышедшей в эфир 19 января 2000 г. Постановщик Детлеф Зиберт, исполнительный постановщик Лоуренс Рис).

21 «Gathering and Disseminating Evidence of the Crime», в кн.: *Auschwitz 1940–1945*, Vol. IV, стр. 307–315.

22 «Gathering and Disseminating Evidence», p. 315.

23 См. в частности Richard Breitman, *What the British and Americans Knew* (Allen Lane The Penguin Press, 1998), Глава 7 «Auschwitz Practically Decoded in Official Secrets – What the Nazis Planned».

24 Цитируется в *What the British and Americans Knew*, стр. 120.

25 Цитируется в Robert Jan van Pelt, *The Case for Auschwitz* (Indiana University Press, 2002), стр. 154.

26 Цитируется в статье Martin Gilbert «The Contemporary Case for the Feasibility of Bombing Auschwitz», в кн.: Michael J. Neufeld and Michael Berenbaum (eds), *Allies and the Holocaust in the Bombing of Auschwitz* (St Martin's Press, New York, 2000), стр. 66.

27 Цитируется в Neufeld and Berenbaum (eds), *The Bombing of Auschwitz*, стр. 67.

28 Цитируется в Neufeld and Berenbaum (eds), *The Bombing of Auschwitz*, стр. 68.

29 Цитируется в Neufeld and Berenbaum (eds), *The Bombing of Auschwitz*, стр. 70.

30 Цитируется в Neufeld and Berenbaum (eds), *The Bombing of Auschwitz*, стр. 73 (а полную версию статьи Гилберта читайте на стр. 65–75).

31 Deborah E. Lipstadt, «The Failure to Rescue and Contemporary American Jewish Historiography of the Holocaust: Judging from a Distance», в кн.: Neufeld and Berenbaum (eds), *The Bombing of Auschwitz*, стр. 229.

32 James H. Kitchens III, «The Bombing of Auschwitz Re-examined», в кн.: Neufeld and Berenbaum (eds), *The Bombing of Auschwitz*, стр. 80–100.

33 Stuart G. Erdheim, «Could the Allies Have Bombed Auschwitz – Birkenau?», в кн.: Neufeld and Berenbaum (eds), *The Bombing of Auschwitz*, стр. 127–156.

34 Richard Levy, «The Bombing of Auschwitz Revisited: a Critical Analysis», в кн.: Neufeld and Berenbaum (eds), *The Bombing of Auschwitz*, стр. 114.

35 Цитируется в Martin Gilbert, *Auschwitz and the Allies* (Pimlico, 2001, первое издание вышло в 1981 году), стр. 121.

36 Цитируется в Gilbert, *Auschwitz and the Allies*, стр. 127.

37 Цитируется в Gilbert, *Auschwitz and the Allies*, стр. 127.

38 Цитируется в Gilbert, *Auschwitz and the Allies*, стр. 139.

39 Из интервью Би-Би-Си.

40 Из интервью Би-Би-Си.

41 *Auschwitz 1940–1945*, Vol. V, ст. 217.

42 См. показания Курта Бехера от 10 июля 1947, которые цитируются в допросах Эйхмана, TAE Vol. VIII, стр. 2895–2896.

Глава 6

Освобождение и возмездие

1 Из интервью Би-Би-Си.

2 Andrzej Strzelecki, «The Liquidation of the Camp», в кн.: *Auschwitz 1940–1945, Central Issues in the History of the Camp*, Vol. V (Auschwitz – Birkenau State Museum, 2000), стр. 45.

3 Цитируется в Robert Jan van Pelt, *The Case for Auschwitz* (Indiana University Press, 2000), стр. 159. См. также стр. 158–165 о трактовке в прессе Освенцима после его освобождения.

4 Van Pelt, *The Case for Auschwitz*, стр. 164.

5 *Encyclopedia of the Holocaust*, Vol. 1 (Macmillan, New York), стр. 350, а также Yehuda Bauer, «The Death

Marches, January – May 1945», в кн.: *Modern Judaism* (February 1983), стр. 1–21.

6 Из интервью Би-Би-Си.

7 Из интервью Би-Би-Си.

8 Из интервью Би-Би-Си.

9 Из интервью Би-Би-Си. (Программа «*Timewatch* »): Гитлер, Гиммлер и конец Рейха, эфир 19 января 2000 г.).

10 Цитируется в программе «*Timewatch*»: Гитлер, Гиммлер...

11 Из интервью Би-Би-Си. (Программа «*Timewatch*»): Гитлер, Гиммлер...

12 Из интервью Би-Би-Си. (Программа «*Timewatch*»): Гитлер, Гиммлер...

13 Из интервью Би-Би-Си.

14 Из интервью Би-Би-Си.

15 Из интервью Би-Би-Си.

16 Из интервью Би-Би-Си.

17 Gunnar S. Paulsson, *Secret Garden: the Hidden Jews of Warsaw* (Yale University Press, 2002). Около 28 тысяч польских евреев убежали из Варшавского гетто (или не попали туда). 11 тысяч из них пережили войну благодаря помощи польского населения.

18 Из интервью Би-Би-Си.

19 Из интервью Би-Би-Си.

20 Из интервью Би-Би-Си.

21 Из интервью Би-Би-Си.

22 Tom Segev, *The Seventh Million* (Hill and Wang, 1994), стр. 147–149.

23 Tom Segev, *The Seventh Million*, стр. 140–146.

24 Это пионерское исследование провел Дэвид Лист из отдела исторических исследований Би-Би-Си.

25 Rupert Butler, *Legions of Death* (Hamlyn paperback, 1983) и из письма капитана Кросса полковнику Феликсу Робсону, куратору Музея военной разведки; сейчас хранится в файлах Музея военной разведки, Чиксэндс.

26 Из интервью Би-Би-Си.

27 Rudolf Hoess, *Commandant of Auschwitz* (Phoenix Press, 2000), стр. 166.

28 Из интервью Би-Би-Си., а также Laurence Rees, *Horror in the East* (BBC Books, 2001), стр.119.

29 Lasik, «The Apprehension and Punishment of the Auschwitz Concentration Camp Staff» «*Auschwitz 1940–1945*», том V, стр. 99–119.

30 Lasik, «Apprehension and Punishment», стр. 116.

31 Эти цифры предоставлены профессором Пипером из Государственного музея Освенцим-Биркенау.

Благодарности

Эта книга возникла на основе телесериала, который я ставил и к которому писал сценарий, так что я хочу поблагодарить очень многих. Телесериал (а, следовательно, и эта книга) существует, прежде всего, благодаря энтузиазму и заинтересованности Марка Томсона, тогдашнего директора «Би-Би-Си Телевижн». Сколько времени уходит на то, чтобы профинансировать, запланировать и, наконец, создать подобный проект, вам станет понятно, если я скажу следующее: между моментом, когда Марк подписал разрешение на съемки, и тем временем, когда сериал, наконец, вышел на экраны, Марк успел уволиться из «Би-Би-Си», занять место руководителя «Ченнел-4», и снова вернуться на «Би-Би-Си», на этот раз – на должность генерального директора. Телесериал поддерживали и многие другие сотрудники «Би-Би-Си Телевижн»: тогдашний редактор «Би-Би-Си-2» Джейн Рут, выпускающий редактор Гленвин Бенсон, заведующая Отделом научно-популярных программ Эмма Суэйн и особенно моя непосредственная начальница Кейт Скоули, редактор Отдела научно-популярных программ, которая всегда относилась к моей работе с большим пониманием и была готова дать дельный совет.

Свой вклад в проект внесли и многие известные ученые. Ответственный консультант сериала по сценарию и историческим вопросам профессор сэра Ян Кершоу привнес в программу потрясающую способность проникать в самую суть проблематики. Не случайно этот исследователь удостоен многих почетных званий. Я перед ним в неоплатном долгу, как за огромную эрудицию, так и за дружбу. Профессор Дэвид Цезарани также оказал существенное влияние как на мои взгляды, так и на создание телесериала, как и профессор Кристофер Браунинг. Пожалуй, мало кто может сравниться с этими двумя великолепными специалистами в области «окончательного решения еврейского вопроса» нацистами. Профессор Роберт Ян ван Пельт оказал неоценимую помощь, позволив нам разобраться в архитектуре лагеря. Также нам очень помогли ученые и служащие Государственного музея Аушвиц-Биркенау в Польше. Среди сотрудников музея я хочу отдельно поблагодарить Игоря Бартосика, Эдиту Хованец, Адама Циру, Ядвигу Домбровску, Дороту Грелу, Ванду Хутны, Хелену Кубицу, Мирослава Обстарчика, Кристину Олексы, Юзефа Орлицкого, доктора Францишека Пипера, Войцеха Плосу, доктора Петра Сеткевича, Казимежа Смолена, доктора Анджея Стжелецкого, доктора Хенрика Свебоцкого, Ежи Врублевского, Романа Збжеского. В остальных случаях, затрагивающих польский период нашего исследования, большую помощь оказали Казимеж Альбин, Халина Эльчевска, Авраам и Эстер Фришер, доктор Юзеф Гереш, Бернадетта Гронек, Джон Хартман, Юзеф Кох, Эдвард Копувка, Алиция Костян, доктор Александер Ласик, Анна Махцевич, Мариуш Ежи Ольбромский, Люция Павлицка-Новак, Хуберт Рогозиньский, Роберт Рыдзень, Яцек Швиц, доктор Мариан Турский и Михалина Высоцка.

На Нормандских островах нам существенно помог Фредерик Коэн, поделившись с нами своими глубокими познаниями в истории, а во Франции нам активно помогали Серж Кларсфельд и Аделин Сьюар. Что касается израильского центра исследований «Яд Вашем», особо следует отметить помощь, оказанную нам доктором Гидеоном Грайфом. В Израиле созданию нашего фильма также очень способствовала работа Навы Мизрахи.

В Словакии нас поддерживали Ян Каменец и доктор Эдуард Низнанский, а в Германии – доктор Андрей Ангрик, Мартин Кюпперс, Вольф Гебхардт, Нильс Гучов, Петер Кляйн, Михаэла Лихтенштейн, доктор Богдан Музиаль, доктор Дитер Польш, доктор Фолькер Райсс, Роберт Зоммер, доктор Франк Штуке и Петер Витте. В России добрый другом проекта выступил доктор Сергей Случ. В Венгрии большую поддержку мы получили от доктора Кристины Феньо, а в Украине – от Тараса Шумейко. В Америке нам необычайно помог Адам Левай.

Разумеется, я в большом долгу перед производственным отделом телесериалов. В частности, хочу поблагодарить Детлефа Зиберта, который не только блестяще срежиссировал драматические сцены во всем сериале, но и высказывал острую критику и давал советы в отношении остальных сцен. У него просто исключительный ум. Первокласную работу выполнили также два режиссера-документалиста: Мартина Балазова и Доминик Сазерленд; они часто действовали вместе с нашими операторами: Мартином Пэтмором и Брайаном Биффином. Доминик – глыба интеллекта и здравого смысла, – во время послесъемочного периода создания сериала также руководили графическим содержанием, вместе с компанией *Moving Picture Company* и Джоном Кеннеди.

Алан Лиго, лучший полевой редактор на телевидении, внес значительный вклад в сериал при монтаже и редактировании. Превосходно выполнила свою работу Таня Бэчелор, помощник постановщика сериала, как и наш польский исследователь Анна Таборска. Деклан Смит подбирал для сериала архивные материалы, а Ребекка Мейденс и Кара Гулд были начальниками отдела производства: все они внесли очень важный вклад в общее дело. Идеально свои обязанности выполняла директор картины Эмили Браунридж, как и администраторы съемочной группы Анна Мишкон и Лора Дейви. Мои ассистенты – сначала Сара Холл, а со временем Мишель Гриббон – также всегда были готовы помочь.

Отдельно нужно упомянуть великолепное общее руководство, осуществленное нашими американскими сопродюсерами, КСЕТ – «Общественным образовательным телевидением». Карен Хант, Эл Джером, Мэри Мазур и, в особенности, Меган Коллэвей внесли значительный вклад в нашу работу, как и Коуби Этлас из «Пи-Би-эс» («Службы общественного вещания»). Салли Поттер и Мартин Редферн из издательства *BBC Books* проявили себя как идеальные издатели, оказывая нам всестороннюю поддержку. То же относится и к Питеру Осносу, Клайву Приддлу и Кейт Дарнтон из нью-йоркского издательства *Public Affairs*. Как всегда, Эндрю Нюрнберг давал весьма ценные советы.

Колоссальную помощь и поддержку оказали мне члены моей семьи: жена Хелена и наши дети – Бенедикт, Камилла и Оливер. Наверняка, не очень-то приятно жить рядом с человеком, у которого голова пухнет от информации об Освенциме и нацистах, а они вытерпели и это, и многое другое.

Однако самую глубокую благодарность я испытываю к приблизительно сотне непосредственных свидетелей, нашедших силы и возможность дать интервью для данного проекта. Их воспоминания бесценны. И я надеюсь, они простят меня за то, что свою благодарность я выражаю им всем вместе: их имена уже есть на страницах этой книги, как и их откровения.

Отзывы на книгу

«Важный вклад в наше понимание Второй мировой войны... страстное желание Риса понять склад ума эсэсовцев – начальства лагеря и его охранников – питает не только значительный интерес, но и интеллектуальная честность исследователя, которой так не хватает данному вопросу»

*Энтони Бивор, автор книг **Stalingrad u Berlin, the Downfall 1945***

«История Освенцима, одновременно доступная и авторитетная... Рис не чурается сложных вопросов о поведении человека в экстремальных ситуациях, а его ненавязчивые рассуждения о морали делают эту книгу не просто полезной, но и необходимой»

*Профессор Дэвид Сезарани, автор книги **Eichmann: His Life and Crimes***

«Лоуренс Рис по-новому освещает то, как создавался Освенцим и как он превратился в самое кошмарное место на земле, в устойчивый символ бесчеловечности нацистов. Эта поразительная книга заслуживает на самого широкого читателя»

*Профессор Ян Кершоу, автор книг **Hitler, 1889–1936: Hubris u Hitler, 1936–1945: Nemesis***

«Просто неотразимая книга. Это новаторское исследование раскрывает «деструктивный динамизм» самого известного лагеря смерти нацистов. Рис... предлагает нам все новые и новые откровения... Он очень живо описывает изнанку жизни лагеря»

*Журнал **Publishing Week***

«Скорее всего, добрая половина населения Великобритании в жизни не слышала об Освенциме. Какая-то часть тех, кто относится ко второй половине, считает, что об Освенциме уже все сказано. Но Лоуренс Рис... доказывает, что нам в этой области предстоит еще много открытий. Некоторым из них мы обязаны его замечательным розыскам свидетелей: как уцелевших узников, так и преступников из СС... Рис потратил долгие годы на то, чтобы уговорить этих людей приоткрыть завесу над произошедшим, ведь их жизни уже подходят к концу...»

Нил Ашерсон, газета Observer

«Эта книга – результат добросовестного и честного исследования, – не содержит никаких иллюзий... Рис, выдающийся журналист и историк канала «Би-Би-Си», выкладывает деталь за деталью с большим искусством, не претендуя при этом на сенсационность. ...Читать эту книгу – задание не из легких: не из-за ее недостатков, но из-за ее достоинств... Исследования Риса безупречны и отважны. Кроме того, Рис активно использует записи, ставшие доступными только после распада Советского Союза и его сателлитов... немногословное, душераздирающее произведение»

Дэвид фон Дреле, газета Washington Post

«...великолепная история Освенцима. Терпеливо собирая доказательства, Рис стремится опровергнуть циничное заявление Гитлера, что истребление евреев должно стать «еще не написанной страницей славы». Рис опровергает общепринятое мнение о том, что все без исключения работники Освенцима были обыкновенными садистами»

Ян Томсон, газета Guardian

«Книга Лоуренса Риса такая же притягательная и чрезвычайно трогательная, как и сериал «Би-Би-Си», во многом с ней перекликающийся... страстное, душераздирающее произведение»

Газета The Tribune

Иллюстрации

Генрих Гиммлер (слева) и Рудольф Хесс, комендант Освенцима, во время посещения лагеря руководителем СС в июле 1942 года.

Адольф Гитлер сыграл решающую роль в осуществлении нацистами «окончательного решения еврейского вопроса». Несмотря на то что он не участвовал в принятии каждодневных решений об убийствах евреев, именно его видение полного уничтожения еврейского народа стало руководством к действию для его подчиненных.

Рейнхард Гейдрих, заместитель Гимmlера: с одной стороны, он был человеком культурным и образованным, а с другой – патологическим убийцей.

Расстрел мирных жителей на Восточном фронте. Такое зрелище было повседневным во время нацистской оккупации СССР.

Ганс Фридрих из 1-й бригады СС. Он принимал участие в расстрелах евреев на Украине в 1941 году.

Люди на улицах гетто в польском городе Лодзь. Подавляющее большинство людей на этой фотографии к осени 1944 года погибнут от рук нацистов.

Мордехай Хаим Румковский (справа), еврейский «правитель» гетто в Лодзи – сомнительная, даже зловещая фигура тех времен.

Румковский, с седыми волосами, разговаривает с Гиммлером во время визита руководителя СС в гетто.

Еврейские мужчины и женщины плетут корзины на импровизированной фабрике под открытым небом в гетто города Лодзь.

В гетто работали даже дети – не иметь в гетто работу означало подвергнуться серьезному риску.

Жарким днем, летом 1942 года, Гиммлер изучает план строительства гигантского завода по производству синтетического каучука в Моновице. Это было самое крупное промышленное предприятие на территории Освенцима.

Гиммлер (второй слева) был очень доволен тем, что увидел в Освенциме. Он повысил Хесса, коменданта лагеря, в звании до подполковника СС.

Заклученные, занятые работой в одном из цехов особой зоны Освенцима.

Заклученные Освенцима копают дренажные канавы в Биркенау. Это была самая тяжелая работа в лагере.

«Канада», зона сбора вещей в Биркенау, где заключенные сортировали то, что отбирали у прибывших в лагерь людей.

Оскар Гренинг, прибывший в Освенцим осенью 1942 года.

Казимир Пиховский, польский политический заключенный, участвовавший в одном из самых смелых побегов из Освенцима.

Тереза Штайнер (третья слева), еврейская беженка из Австрии, которая впоследствии была депортирована из Гернси сначала во Францию, а затем в Освенцим.

Хелена Цитронова, словацкая еврейка, которая в первый день работы в «Канаде» подружилась с эсэсовским надзирателем Францем Вуншем.

Транспорт венгерских евреев прибывает в Освенцим весной / ранним летом 1944 года. Две трубы крематориев 2 и 3 можно видеть вдалеке слева и справа от поезда.

По прибытии венгерских евреев сначала разделяли на мужчин и женщин.

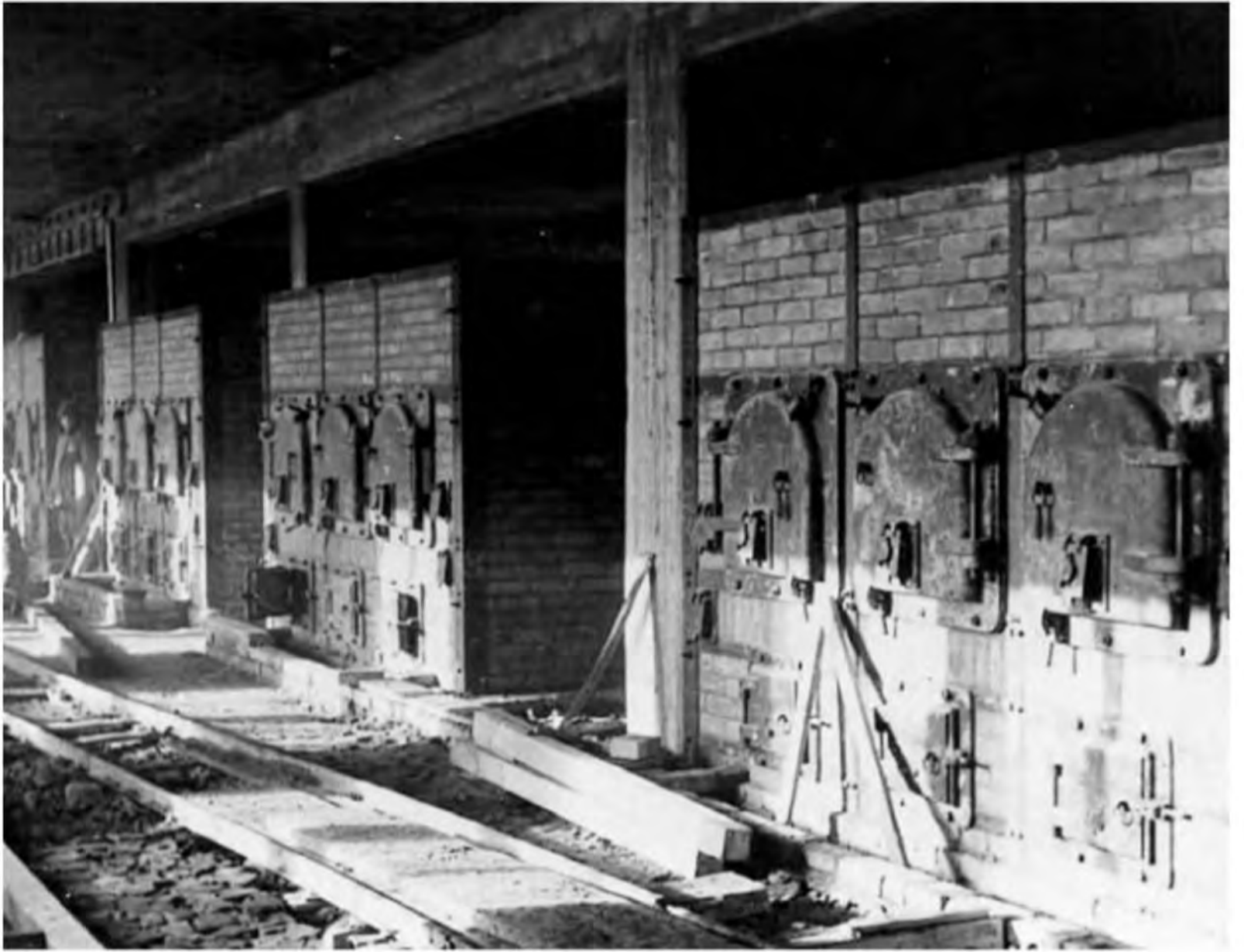
Разделение на мужчин и женщин закончено. Сейчас начнется печально известная селекция.

Этих мужчин осматривает нацистский доктор. За несколько минут он решит, кто из них останется жить, а кто умрет.

Семья венгерских евреев, не прошедших селекцию, ждет в роще у крематория 4 и 5.

Печи в крематориях Освенцима. Каждая могла сжигать несколько тел одновременно.

Крематорий 4. Газовые камеры находились на поверхности: газ «Диклон Б» попадал в газовые камеры через отверстия в стенах.

Крематорий 3 был расположен рядом с железнодорожной платформой, на которую прибывал транспорт с людьми. Здесь газовые камеры находились в подвале здания.

Рудольф Хесс в заключении. Ответственный за убийство более миллиона человек, до самого последнего момента он полагал, что уничтожение евреев было «правильным» решением.